

АНАИ ТА БЕНЕИ ДИ

Эммануэль Арсан



ЭММАНУЭЛЬ

ТЕРРА
АЗБУКА

Шумный скандал не только в литературных, но и в дипломатических кругах вызвало появление эротического романа «Эммануэль». А на его автора свалилась неожиданная слава.

Оказалось, что под псевдонимом Эммануэль Арсан скрывается жена сотрудника французского посольства в Таиланде Луи-Жака Ролле, который был тут же отозван из Бангкока и отстранен от дипломатической службы. Крах карьеры мужа-дипломата, однако, лишь упрочил литературный успех дотоле неизвестного автора, чья книга мгновенно стала бестселлером.

Любовные приключения молодой француженки в Бангкоке, составляющие сюжетную канву романа, пожалуй, превосходят по своей экзотичности все, что мы читали до сих пор...

Поставленный по книге одноименный фильм с кинозвездой Сильвией Кристель в главной роли сегодня, как и роман «Эммануэль», известен во всем мире.

- [Эммануэль Арсан](#)
 - [Седьмое небо](#)
 - [Зеленый рай](#)
 - [Цветы розы](#)
 - [Любовь Би](#)
 - [Закон](#)
 - [Полюби любовь](#)
 - [Приглашение](#)
 - [Битва Евы](#)
 - [Ночь Малигата](#)
 - [Гетерион](#)
 - [Счастье Арианы](#)
 - [Возраст мудрости](#)
 - [Вознаграждение за пустяк](#)
 - [Райские птицы](#)
 - [День радости](#)
-
-

Эммануэль Арсан

Эммануэль

Самолет, выполняющий рейс в Таиланд, вырулил на взлетную полосу лондонского аэропорта Хитроу. Эммануэль была впервые в британской столице. Запах новой кожи, плотно устоявшийся в автомобиле, освещение, так непохожее на парижское, – вот и все, что она могла узнать и почувствовать за несколько часов, проведенных в Лондоне. Она не понимала, что говорил ей улыбающийся человек, провожавший ее к самолету, но это ее ничуть не беспокоило. Сердце ее, правда, билось немножко сильнее, чем обычно, но не из страха – естественное волнение чужестранца в незнакомой стране. Постепенно это волнение переходит в какую-то эйфорию, ей начинает все нравиться: и голубая униформа персонала, и ритуал проверки перед турникетом. Так все и надо, чтобы ей было хорошо и покойно в том мире, который на двенадцать часов полета станет ее миром: миром с правилами, отличающимися от привычных, правилами более строгими, но, может быть, потому и более волнующими. А эта крылатая архитектура металла, отделившая ее от прозрачного полудня раннего английского лета!

Место Эммануэль оказывается сразу же за перегородкой: здесь взгляд пассажира упирается прямо в стенку. Экая важность! Эммануэль только бы отдаться покою этого глубокого кресла, погрузиться в него, ощутить затылком эластичность обивки и вытянуть поудобнее свои прекрасные длинные ноги – ноги сирены.

Она еще не успела устроиться, а около уже стоял стюард: показывает, как легким нажатием рычага кресло превращается в спальное ложе. А потом запорхали руки стюардессы, устраивающей на полках багаж пассажиров. Здесь же и легкая, из кожи молочного цвета сумка Эммануэль – все, что она взяла с собой в кабину: она не собиралась ни переодеваться во время полета, ни писать, даже читать ей не хотелось. Стюардесса лепечет по-французски, и последние небольшие затруднения Лондона теперь исчезают...

Девушка наклоняется к Эммануэль: соломенные локоны англичанки еще более подчеркивают смоль волос француженки. Обе они одеты почти одинаково: на каждой юбка-оттоманка и белая блузка. Однако угадываемый под блузкой англичанки лифчик лишил ее силуэт той легкомысленной свободы, по которой можно было легко понять, что Эммануэль обходится без этой принадлежности женского туалета. И если правила компании строго предписывали первой наглухо застегнутый воротник, то корсаж второй был достаточно широко распахнут, и внимательный наблюдатель, заглянув туда, мог получить полное представление о том, как выглядит грудь юной француженки.

Эммануэль понравилось, что стюардесса молода и что глаза ее, так же как и глаза Эммануэль, были окружены россыпью мелких, едва заметных солнечных веснушек.

– Салон, – услышала она пояснения, – последний в самолете, ближе всех к хвосту. Здесь немного больше трясет, но (в голосе стюардессы зазвучала гордость) в салонах «люкс» пассажирам «Ликорна» обеспечен полный комфорт – в туристском классе нет ни такого простора вокруг, ни таких мягких кресел, ни занавесок, обеспечивающих полную изолированность от соседей.

Стыдиться ли тех привилегий, которые предоставлены Эммануэль в числе других пассажиров салона «люкс»? Конечно же, нет, но от избытка внимания Эммануэль начала испытывать почти физическую тяжесть.

А стюардесса уже расхваливала прелести туалетных салонов:

– Как только закончится набор высоты, пассажиры могут пользоваться ими. Они многочисленны, расположены в разных отсеках корабля. Если вы ищете общения, к вашим услугам два бара, вы можете побродить по всем закоулкам самолета. Если же вы нелюдимы, то

можно и никого не видеть, кроме тех трех пассажиров, которые разделяют с вами вашу кабину. Может быть, вы хотите что-нибудь почитать?

– Благодарю, – отвечает Эммануэль. – Вы очень любезны, но мне что-то не хочется.

Она думала, о чем бы спросить, чтобы доставить удовольствие очаровательной хозяйке. Поинтересоваться самолетом? С какой скоростью он летит?

– Примерно тысяча километров в час. И может находиться в воздухе шесть часов без посадки.

Значит, с одной промежуточной посадкой полет Эммануэль займет менее полу суток. Но – разные часовые пояса – она прибудет в Бангкок только завтра утром, в девять утра по тамошнему времени. В общем, ей ничем другим не придется заниматься, как только пообедать, заснуть и проснуться.

Двое детей, мальчик и девочка, похожие друг на друга так, как могут быть похожи только близнецы, раздвинули занавеску. Типичные английские школьники, светло-рыжие, старающиеся держаться с достоинством, чуть-чуть высокомерно, но то и дело срывающиеся в каком-нибудь неловком жесте или возгласе. Их места были отделены от Эммануэль узким проходом. Эммануэль, стараясь, чтобы это было незаметно, принялась рассматривать своих попутчиков. Но вот вошел последний из пассажиров, и внимание молодой женщины сразу же переключилось на него.

Выше среднего роста, черноусый, с резко очерченным подбородком, он возвышался над Эммануэль, укладывая на багажную полку черную сумку, восхитительно пахнущую кожей. И костюм, и внешность незнакомца были отмечены Эммануэль. Хорош собой, элегантен, чего еще желать от соседа по креслу в самолете!

Сколько ему могло бы быть лет? Лет сорок, а может быть, и все пятьдесят вон какие усталые морщины вокруг глаз, морщины мудрости... С ним мне повезло больше, подумала Эммануэль, чем с английскими ребятами. Но тут же усмехнулась своей поспешной симпатии: какая разница – ведь это всего лишь одна ночь.

Блаженное безразличие, в которое она начинала погружаться, прервалось лишь на мгновенье, когда Эммануэль увидела, как, покидая их отсек, стюардесса задела колени невидимого пассажира, даже не задела – бедро, прикрытое голубой юбкой, прижалось к мужскому колену. Но Эммануэль тут же упрекнула себя за ревность и поспешила отвести взгляд. Строчка из чьих-то стихов проплыла в ее голове: «Средь одиночества и пустоты...» Эммануэль тряхнула головой, волосы упали на щеки, и вдруг занавеска снова раздвинулась. Юная англичанка вернулась: «Не хотите ли, чтобы я представила вам ваших спутников?» И, не дожидаясь ответа, произнесла какое-то имя. Эммануэль услышала что-то похожее на «Эйзенхауэр», и почему-то эта фамилия тоже понравилась Эммануэль. Она широко улыбнулась, и мужчина начал ей что-то говорить, но что? Стюардесса пришла на помощь Эммануэль: она быстро расспросила своих соотечественников и, повернувшись к пассажирке, рассмеялась, кончик языка промелькнул между крепкими ровными зубами: «Никто из ваших соседей не знает французского! Вот хорошая возможность попрактиковаться в английском!».

Прежде чем Эммануэль ответила, воздушная фея исчезла, проделав на прощанье изящный пируэт. Эммануэль предстояло снова погрузиться в одиночество.

Но мистер «что-то-вроде-Эйзенхауэр» все пытался говорить с нею, старательно, чуть ли не по слогам, выговаривая слова. Эммануэль сделала капризную гримаску и детским обиженным голосом протянула: «Je ne comprends rien». Англичанин покорно замолчал.

Но тут ожил запрятанный в складках обивки репродуктор: после того как голос, говорящий по-английски, смолк, Эммануэль, услышала знакомую интонацию прелестной стюардессы, произносящей по-французски (конечно же, специально для Эммануэль) все слова, которые

полагается произносить при начале полета. Она пожелала счастливого пути пассажирам корабля, сообщила время, перечислила членов экипажа, предупредила, что через несколько секунд самолет начнет выкруливаться на взлетную полосу, что должны быть пристегнуты ремни (тут же появился стюард и помог пристегнуться), что пассажиров просят не вставать с мест, пока не погаснут красные лампочки на табло.

Зашелестели голоса пассажиров. Эммануэль даже не заметила момента взлета и лишь минут через пять сообразила, что она уже в воздухе. О погасшем табло она догадалась лишь по тому, что сосед поднялся со своего кресла и жестом предложил ей избавиться от жакета, который она неизвестно зачем держала на коленях. Пожалуйста, она весьма, благодарна. С легким поклоном он повесил жакет на плечики под потолком салона, потом сел, раскрыл книжку и погрузился в чтение, ни разу более не посмотрев в сторону Эммануэль. Появился официант (все тот же стюард, но теперь в белой куртке), неся в руках поднос со множеством напитков. Эммануэль выбрала коктейль, показавшийся ей знакомым по цвету, но уже после первого глотка поняла, что обозналась: этот был гораздо крепче.

То, что по ту сторону жалюзи должно было называться послеполуденным временем, прошло для Эммануэль в таких важных занятиях: она грызла бисквиты, пила чай, листала, не читая, журнал, предложенный ей стюардессой; она отказалась от более серьезного чтения – так не хотелось рассеивать впечатление, получаемое ею от глагола «летать».

Позднее перед нею поставили маленький столик с уймой узнаваемых с трудом блюд. Но вот бутылочка шампанского, укрепленная в углублении стола, была вполне понятной, и Эммануэль не отказала себе в полном стакане этого напитка. Обед длился, как ей показалось, часы, но она не спешила его закончить, так ей пришлось по душе эта игра. Она забавлялась, пробуя то и это – всякие десерты, кофе в кукольных чашечках, ликер в высокой узкой рюмке. И когда пришли, чтобы унести столик, Эммануэль уже обрела полную уверенность в благополучии путешествия и в том, что жизнь прекрасна.

В слабом золотистом свете, струящемся из диффузора, ноги Эммануэль под невидимым нейлоном казались совершенно голыми. Пассажир оторвался от книги. Эммануэль понимала, что он любуется ее ногами, ну и пусть – смешно было бы натягивать на них юбку, да к тому же она была и не такая уж длинная. Да с чего бы вдруг ей стыдиться своих колен? Ей, которая так любит выставлять их из-под платья! Она знала, как волнующе выглядят ее коленки: загорелые, цвета подрумяненного хлеба, с ямочками. Она сама смотрела на них и чувствовала, что сейчас в этом рассеянном свете они кажутся более вызывающими, чем если бы она выходила в полночь из ванны под мощными лучами прожектора. Представив себе это, она почувствовала, как кровь все сильнее стучит в ее венах и как набухает кровью низ живота. И вот она смыкает веки и видит себя совершенно нагой. Эммануэль отдается соблазну этого нарцисстического любованья, перед которым, она уже знает, окажется беззащитна и на этот раз. Они приближаются, минуты наслаждения в одиночестве: расслабляющая истома охватывает все ее тело. Какие-то неясные желания пробуждаются в ней – это совсем не похоже на то, что она испытывает, вытянувшись на нагретом жарким солнцем пляже. Постепенно, по мере того, как ее губы становятся влажными, соски твердеют и ноги напрягаются, готовые вздрогнуть от легчайшего прикосновения, в ее мозгу возникают образы, бесформенные, неясные, но это именно они покрывают испариной ее кожу и выгибают ее поясницу. Незаметно, но уверенно подрагивания корпуса лайнера передаются всему телу Эммануэль, и она содрогается в этом же ритме. Какая-то теплая волна поднимается по ее ногам, раздвигает колени – именно там находится как бы центр всех этих непонятных пока содроганий, – неумолимо заставляя трепетать ее бедра и всю ее дрожать, как от озноба.

И вот смутные образы начинают приобретать очертания: губы прикасаются к ее коже,

какие-то неведомые отростки фаллической формы стремятся прижаться к ней, трутся об нее, стараются проложить себе путь от колен выше и выше, раздвинуть бедра, раскрыть расщелину раковины, проникнуть туда; с трудом, с усилием, но им удается это. И вот эти неудержимые фаллосы уже там, один за другим они движутся все дальше и глубже в Эммануэль, насыщая ее своей плотью и отдавая ей свои соки.

Стюардесса, решившая, что Эммануэль заснула, нажимает рычаг кресла, опрокидывая спинку. Она прикрывает легким кашемировым одеялом длинные ослабевшие ноги пассажирки, которые при движении кресла открылись еще больше. Сосед встает и проделывает ту же процедуру со своим креслом, Эммануэль снова оказывается с ним на одном уровне. Дети уже давно уснули. Стюардесса желает всем спокойной ночи и гасит плафоны. Теперь только два ночника мешают людям и предметам окончательно растаять во мраке.

Эммануэль вся погружена в свое сладкое забытие, она словно и не заметила всех этих маневров. Правая ее рука медленно ползет по животу, останавливается, добравшись до лобка, – это движение нельзя скрыть и в полумраке, но кто его может увидеть? Кончиками пальцев она берет за подол юбки, узкая юбка мешает широко раскинуть ноги. Но, наконец, пальцы нащупывают сквозь тонкую ткань то, что искали, и маленький бутон плоти напрягается под их нежным, но настойчивым прикосновением. Некоторое время Эммануэль позволяет своему телу быть в покое. Она пытается отдалить завершение. Но сил не хватает, и она с приглушенным стоном начинает двигать указательный палец, погружая его все глубже и глубже в себя. И почти тотчас же на ее руку ложится мужская рука.

Дыхание Эммануэль перехватывает, словно ее окатило потоком ледяной воды, она чувствует, как напряглись все ее мускулы и нервы. Фильм прервали на середине, у нее не остается ни чувств, ни мыслей. Она замирает. Но это не шок, не ожог стыда. И преступницей, застигнутой на месте преступления, она себя ничуть не чувствует. По правде говоря, она не может себе объяснить ни жеста мужчины, ни своего собственного поведения. Что-то произошло, и все тут, а что именно – она об этом не хочет и думать. Сознание снова в тумане, но только теперь она уже ждет осуществления своих смутных грез.

Рука мужчины неподвижна. Но сама ее тяжесть прижимает руку Эммануэль еще теснее к напряженному бутону плоти.

И так продолжается довольно долго.

Потом Эммануэль почувствовала, как другой рукой он решительно отбрасывает в сторону покрывало, рука тянется к коленям, внимательно ощупывая все выпуклости и углубления. Потом добирается, наконец, до кромки чулка.

От прикосновения к голой коже Эммануэль вздрогнула, словно пытаясь прогнать оцепенение, сбросить с себя эти чары. Но то ли не зная в точности, чего же ей хочется, то ли понимая, что ее слабых сил не хватит на то, чтобы вырваться из мужских рук, она лишь неловким движением приподняла грудь, прикрыла, как бы защищаясь свободной рукой свой живот и повернулась чуть набок. Проще всего – она понимала это – было бы крепко сжать ноги, но этот жест показался ей слишком смешным, он отдавал такой недостойной жеманностью, что она, конечно же, не решилась на него. Будь что будет! И она снова опрокинулась в ту сладкую неподвижность, в какой пребывала до этого.

А руки мужчины тут же оторвались от нее, словно желая наказать Эммануэль даже за слабую попытку сопротивления. Но не успела она объяснить себе это внезапное бегство, как они вернулись: быстро и уверенно эти руки расстегнули молнию юбки от бедра до колена. Затем поднялись выше. Одна скользнула под трусики Эммануэль, легкие, прозрачные, как все, что она носила. А носила она пояс для чулок, иногда нижнюю юбку, но никогда не пользовалась ни грацией, ни лифчиком. Однако в магазинах Сен-Оноре, где она выбирала для себя белье, она

любила примерять и то, и другое. Ей нравилось, когда продавщицы – почти невесомые блондинки, брюнетки, рыжие – склонялись к ее коленям, примеряя чулки, трусики, различные «каш-секс», когда их нежные пальцы, поднося ей лифчик, слегка касались ее груди. Эти прикосновения заставляли Эммануэль блаженно жмуриться от предвкушения чего-то таинственного и сладкого.

Тело Эммануэль было теперь в таком положении, что всякая попытка высвободиться оказалась бы невозможной. Мужчина гладил ее крепкий живот, как гладят по холке разгоряченную лошадь, и постепенно спускался все ниже и ниже. Пальцы пробежали по всему паху, потом ладонь принялась как бы разглаживать все складки, и вот пальцы уже на лобке, путаются в руне, покрывающем его, двигаются, словно измеряя площадь треугольника, очерчивают все его стороны. Нижний угол широко открыт (рисунок довольно редкий, однако увековеченный в иных античных изображениях).

Нагулявшись вволю по животу, рука пытается теперь раздвинуть бедра Эммануэль. Юбка мешает этому, но все же бедра раздвигаются, и вот уже под рукой горячая, вздрагивающая расщелина. Ладонь ласкает ее будто бы успокаивая, ласкает не торопясь, поглаживает лепестки губ, чуть-чуть раздвигает их и так же медленно приближается к бутону плоти. А он уже ждет, выпрямившись и напрягшись. Кусая губы, чтобы сдержать стоны, подступающие к горлу, Эммануэль выгибает спину. Она задыхается от ожидания спазм. Скорее, скорее! Но мужчина никак не хочет торопиться.

В игре участвует только его рука. Сам же он остается совершенно спокойным и безмолвным. А Эммануэль вертит головой во все стороны, стонет, с губ ее срываются чуть ли не слова мольбы. Сквозь выступившие на ресницах слезы она старается хотя бы разглядеть своего партнера.

Но вот рука, по-прежнему прижатая к тому месту, где она зажгла столь жаркое пламя, замерла. И снова движение: мужчина склоняется к Эммануэль, берет ее руку в свою и тянет ее к себе, к предусмотрительно расстегнутому клапану брюк и дальше, пока женская рука не наткнется на твердое древко копья и сейчас же обхватывает его цепкими пальцами. То убыстряя, то замедляя темп, мужчина начинает руководить движениями этой руки, пока не убеждается, что может вполне доверить своей подруге действовать по ее собственному усмотрению; теперь он видит, что детская уступчивость и покорность Эммануэль скрывали достаточный опыт и умение.

Эммануэль подалась вперед – так ее рукам удобнее справляться с порученной им работой, а сосед расположился так, чтобы как можно щедрее оросить тело партнерши тем, что вот-вот брызнет из него. Но пока он все еще сдерживался, и руки Эммануэль двигались вверх и вниз, все более смелея, и теперь уже переходили к более утонченным приемам: поглаживали взбугрившиеся вены, пощипывали наверхие копья, старались даже, несмотря на тесноту брюк, добраться и до тестикул. Сжимая кулачки, Эммануэль чувствовала кожей, как набухает эта твердая и нежная плоть, готовая вот-вот взорваться горячей струей.

И вот они потекли, эти длинные, белые, пряные струи на руки Эммануэль, на ее голый живот, на лицо, на волосы. Казалось, поток их никогда не иссякнет. Она чувствовала, как он течет в ее горло, и пила, чуть ли не захлебываясь. Дикий хмель, бесстыдство наслаждения овладели ею. Она опустила безвольные руки, но мужские пальцы вновь прижались к бутону ее плоти, и она застонала от счастья.

Заговорило радио. Приглушенным знакомым голосом оно объявило, что через полчаса самолет приземлится в Бахрейне. Местное время – полночь, ужин будет подан в аэропорту.

Свет делался постепенно ярче и ярче, словно кабину заливало сияние восходящего солнца. Эммануэль подняла упавшее на пол покрывало, ей хотелось вытереть то, чем она была так

обильно орошена. Она задрала юбку, обнажила ноги. Так и застала свою пассажирку вошедшая в кабину стюардесса: сидящей на спинке все еще горизонтально расположенного кресла, старающейся привести в порядок свой костюм.

– Вы хорошо спали? – спросила девушка игривым тоном. Эммануэль застегнула пряжку.

– Я совсем измяла блузку.

Она посмотрела на влажные пятна, проступившие вокруг воротника.

– Может быть, вы хотите переодеться? – спросила стюардесса.

– Нет, пожалуй, – Эммануэль сделала легкую гримаску, словно удерживаясь от смешка.

Глаза двух молодых женщин встретились и поняли друг друга: обе казались немного смущенными.

Мужчина внимательно смотрел на их. На его костюме не появилось ни малейшей складки, рубашка была столь же белоснежна, как и в минуту отлета, галстук был все так же аккуратно завязан.

– Пойдемте со мной, – предложила юная англичанка. Эммануэль обогнула кресло соседа...

Она оказалась в роскошной туалетной комнате, с зеркалами, мраморными умывальниками и креслами из белой кожи.

– Подождите меня!

Стюардесса исчезла и через несколько минут вернулась с небольшим чемоданчиком. Откинув крышку, она вынула маленький пуловер цвета опавших листьев, такой тонкий, что он вполне мог уместиться в горсти. Девушка встряхнула его, и он, как воздушный шарик, чуть было не взмыл к потолку. Восхищенная Эммануэль подхватила его.

– Вы хотите мне одолжить эту прелесть?

– Нет, это мой маленький подарок. Возьмите его, пожалуйста. Он вам должен подойти, это ваш стиль.

– Но...

Стюардесса приложила палец к губам и выпятила их, слегка округлив, как бы предупреждая всякое возражение. Эммануэль не могла наглядеться на сияющие глаза молодой англичанки. Она потянулась было к ней, хотела поцеловать в знак благодарности, но стюардесса уже протягивала ей еще что-то – маленький серебристый флакон:

– Попробуйте это средство, оно удивительно.

Пассажирка освежила лицо, руки, душистым тампоном протерла грудь и, спохватившись, быстро расстегнула пуговицы блузки. Закинув за голову руки, она сбросила блузку на белый ковер и, довольная, вздохнула полной грудью, внезапно оглушенная своей полунаготой. С пылающим лицом повернулась она к стюардессе. Та наклонилась к упавшей блузке, подняла и зарывшись в нее лицом, воскликнула с усмешкой:

– О, что за чудесный запах!

Эммануэль замерла. Как некстати сейчас напоминания о недавней невероятной сцене. Ей хотелось одного: сбросить к черту юбку, чулки и остаться совсем обнаженной перед этой восхитительной девицей. Ее пальцы боролись с застежкой пояса.

Стюардесса подошла ближе и провела щеткой по волосам Эммануэль:

– Какие у вас густые и черные волосы. Какие оттенки! Если б у меня были такие!

– А мне нравятся ваши! – воскликнула Эммануэль. О, если бы ее новая подруга тоже захотела бы раздеться! И следующую фразу Эммануэль произнесла внезапно охрипшим голосом:

– А можно принять душ здесь, в самолете?

– Конечно, но лучше немного потерпеть. В аэропорту роскошные ванны комнаты. Да, впрочем, вам не хватит времени. Через пять минут мы начнем заходить на посадку.

Как можно было примириться с этим! Губы Эммануэль задрожали, и она потянула застежку юбки.

– Надевайте поскорее, – возразила англичанка, протягивая Эммануэль свой подарок.

Она помогла просунуть голову в узкий ворот. Пуловер так плотно обтянул стан Эммануэль, что соски торчали под ним, словно он должен был не скрывать, а подчеркивать наготу. Стюардесса посмотрела на грудь Эммануэль, будто только сейчас ее увидела:

– Боже мой, до чего ж вы соблазнительны!

И кончиком указательного пальца она словно нажала кнопку звонка. Глаза Эммануэль вспыхнули радостью.

– А правда ли, что все стюардессы должны быть девственницами?

В ответ послышался звонкий смех, а затем девушка распахнула дверь туалета:

– Поторопимся, уже горит красная лампочка. Мы приземляемся.

Эммануэль нахмурилась: у нее не было ни малейшего желания снова очутиться рядом со своим соседом.

Аэропорт показался ей очень скучным. Да и что интересного может быть здесь, среди арабских пустынь! Все было никелировано, дистиллировано, стерильно, словно внутренность спутника, который как раз сейчас показывали сидящим перед телевизором пассажирам. Без всякого удовольствия стояла она под душем, а потом пила чай, жевала пирожное в обществе нескольких пассажиров, среди которых был и «ее пассажир».

Она смотрела на него с удивлением, пытаясь понять, что же было с нею за час до этого. Эпизод так плохо вязался со всей предыдущей жизнью Эммануэль. А вправду, может быть, все это ей почудилось? Ладно, что думать об этом! Она должна просто все забыть.

Самолет преобразился за время отсутствия пассажиров. Все было прибрано, новые покрывала лежали на спальнях местах, свежий воздух наполнял салоны и кабины. Вошел официант. Желают ли господа чего-нибудь выпить? Нет? Тогда спокойной ночи! Спокойной ночи пожелала всем и стюардесса. И весь этот церемониал снова восхитил Эммануэль, и она снова почувствовала себя счастливой – но уже по-спокойному, по-обычному, не так, как за несколько часов до этого, в начале полета.

Она откинулась на спину. Ей захотелось пошевелить ногами. Попеременно она подняла их вверх, сгибая и разгибая в коленях, играя мускулами икр, потирая лодыжки одна об одну. Она наслаждалась этой гимнастикой. Чтобы чувствовать свободней, подобрала юбку.

«Разве только мои колени, – рассуждала она, – стоят того, чтобы на них смотрели? Нет, все мои ноги – загляденье. Да разве только они одни? А как мне нравится моя кожа: она загорает легко, никогда не становится смуглой до черноты, а лишь слегка подрумянивается. А разве моя попа может не нравиться? А эти ягодки на кончиках моих груди? Мне и самой хотелось бы их попробовать».

Свет плафона начал ослабевать, и она со вздохом натянула на себя легкое тонкое покрывало, предоставленное авиакомпанией для удобства Эммануэль, чтобы ей легче мечталось и грезилось.

Теперь остался гореть только один ночник. Эммануэль повернулась на бок, решившись, наконец, взглянуть на своего соседа впервые после возвращения в самолет. И тут же встретилась с его пристальным взглядом, будто он только и ждал, когда же, наконец, повернется к нему. Несколько минут они лежали молча, глаза в глаза. В этом молчании, в этом взгляде было что-то такое, что привлекло Эммануэль и тогда, при первой встрече: что-то покровительственное и одновременно заинтересованное. И это опять понравилось ей. И потому она улыбнулась, прикрыв глаза. Она не могла понять, чего же ей хочется на этот раз. Но вот, как рефрен любимой песни, в ней опять зазвучало: «Ах, до чего же я хороша, до чего же соблазнительно».

выгляжу...» Когда мужчина, приподнявшись на локте, потянулся к ней, она открыла глаза и встретила его поцелуй спокойно, радостно. Губы его были свежи и солоноваты, как вкус моря.

Она подняла руки, готовясь стянуть с себя пуловер. Она предвкушала, как красиво возникнут в полумраке ее груди. И она совсем не помогала раздевать себя: разве можно было испортить ему удовольствие? Только чуть-чуть приподняла бедра, когда он стягивал с нее трусики.

И только теперь, раздев ее полностью, он привлек Эммануэль к себе, и начались ласки. Повсюду. От макушки до пяток. Ничего не пропуская. А ей так хотелось поскорее заняться любовью, что у нее даже закололо сердце, и комок, подкативший к горлу, начал душить ее. Она испугалась так, что чуть было не вскрикнула, не позвала на помощь, но мужчина снова прилип к ней, а рука его прошла по борозде, разделяющей ее ягодицы, и палец его, расширяя узкую, трепещущую расселину, вонзился вглубь. А губы его впились в ее губы и пили, пили из этого источника... Эммануэль постанывала, не, разбирая толком, откуда эта боль: палец ли, раздражающий ее, или рот, душащий каждое движение, каждый вздох, рот, буквально пожирающий ее. И неотступно было воспоминание о том длинном изогнутом орудии, которое она держала в руках, великолепном, могучем, раскаленном, пышущем нетерпением и еле сдерживаемой мощью. И она застонала так жалобно, что ее, наконец, пожалели: она почувствовала на своем животе то мощное и упругое прикосновение, которого она так иступленно ждала. Сильные руки подняли ее, и вот она лежит на правом боку, лицом к проходу. Меньше метра отделяет ее от близнецов англичан.

Она совсем забыла об их существовании. И вдруг осознала, что они не спят и смотрят на нее. Мальчишка был ближе, но девочка почти навалилась на него, чтобы лучше все увидеть. Затаив дыхание, они рассматривали Эммануэль, и глаза их блестели возбуждением и любопытством. Мысль, что весь этот пир сладострастия происходит на глазах у маленьких близнецов, чуть было не отправила Эммануэль в обморок, но тут же она успокоилась – ничего страшного, если они все и увидят.

Она лежала на правом боку, согнув ноги в коленях и чуть приподняв крестец. Ее соблазнитель вошел в нее сразу, одним ударом погрузившись во влажную глубину Эммануэль до самого дна.

Горячая, взмокшая, билась Эммануэль под напором фаллоса. И он, чтобы насытить ее, все увеличивал, казалось, и свой размер, и силу ударов. В тумане блаженства Эммануэль успела радостно удивиться, как удобно устроился внутри нее этот таран. Значит, подумала она, в ней ничего не атрофировалось за долгие месяцы бездействия, ведь почти полгода ни один мужчина не обжигал ее своим жалом.

Так думала пассажирка «Ликорна», а пассажир был еще очень далек от того, чтобы прекратить буравить тело Эммануэль. Ей, может быть, и интересно было знать, сколько же времени он уже соединен с нею, но никакого ориентира нельзя было отыскать: время остановилось.

Она сдерживала себя и отдаляла наступление оргазма. Это получалось у нее легко: почти с детства научилась она продлевать наслаждение ожидания, гораздо выше, чем сладкие судороги, ценила она нарастающее сладострастие, высшее напряжение бытия, которым умело управляли ее легкие пальцы, порхавшие с легкостью смычка по упругому, как струна, бугру у входа в трепещущую расщелину, отвечая отказом на безмолвные вопли плоти, пока, наконец, она не разрешала себе финал, чтобы биться в страшных, подобно конвульсиям смерти, конвульсиях страсти.

Но после такой смерти Эммануэль воскресла, готовая вновь и вновь испытывать ее.

Она взглянула на детей. Их лица утратили всю свою высокомерную напыщенность. Они

стали человеческими существами. Не ухмыляющимися, не возбужденными, а внимательными и даже почтительными. Мгновенно пронеслась в ее сознании мысль об этих детях: она попыталась вообразить, что происходит сейчас в их голове, пыталась представить себе их смятение при виде того, чему они стали свидетелями, но она была слишком поглощена, захвачена блаженством, чтобы связно думать о чем-либо.

Дыхание участилось, обнимавшие ее руки напряглись, по разбуханию и пульсации пронзавшего ее инструмента она поняла, что вулкан близок к извержению. И всякой ее сдержанности пришел конец. Струя ударила ее, словно хлыстом, и погнала пароксизмы наслаждения. Все время, пока он изливался, мужчина держался в самой глубине, чуть ли не у горлышка сосуда жизни, и даже среди самых сильных судорог у Эммануэль хватило воображения увидеть, как жадно, подобно раскрытому рту, впивает сейчас ее сосуд эти белые густые струи.

Но вот все кончилось, и Эммануэль застыла неподвижно, наслаждаясь теперь каждой подробностью бытия: мягкостью ложа и покрывала, уютом полумрака и тихой, крадущейся походкой наступающего сна.

Лайнер шел по ночи, как по мосту, не видя под собой ни пустынь Ирана, ни устьев рек, ни заливов, ни рисовых полей Индии. Когда Эммануэль открыла глаза, невидимый для нее рассвет поднимался над цепью Бирманских островов, но в кабине по-прежнему тускло светил ночник и нельзя было определить ни места действия, ни времени.

Белое покрывало сползло на пол, и Эммануэль лежала нагишом, свернувшись, как ребенок, калачиком. Ее победитель безмятежно спал рядом.

Пробуждение было медленным, сознание постепенно возвращалось к ней. Она повернулась на спину, рука опустилась на пол, нашаривая упавшее покрывало. И вдруг Эммануэль замерла: в проходе стоял мужчина и разглядывал ее. Снизу он казался гигантской статуей и – тут же отметила Эммануэль – очень красивой статуей. И красота эта помогла молодой женщине забыть о своей не совсем приличной наготе: разве можно стесняться античных изваяний? Такой шедевр не может быть живым существом. Ей вспомнились стихи (конечно, не греческие, но о Греции): «Божество разрушенного храма...» Она увидела вьявь примулы, желтую траву у ног бога, плющ, оплетающий постамент, ветер, перебирающий завитки овечьей шерсти на плечах бога. Взгляд Эммануэль отметил прямизну носа, остановился на резко очерченном рте, на мраморе подбородка. Продолжая исследование, она увидела белые фланелевые брюки и огромную выпуклость под ними как раз на уровне своего лица.

Призрак наклонился, поднял с пола юбку и пуловер. К ним в придачу чулки, пояс, туфли. Затем он выпрямился и сказал:

– Пошли.

Путешественница села на ложе, коснулась ступнями шерсти ковра и приняла протянутую ей руку. Одним резким движением поднятая с места, она двинулась вперед, нагая, словно высота и ночь переменили все обычаи мира.

Они вошли в ту самую туалетную комнату, где совсем недавно Эммануэль так волновали прелести стюардессы. Незнакомец, прислонившись спиной к обитой кожей стене, повернул Эммануэль к себе лицом. Она чуть не вскрикнула, увидев нечто вроде змеи Геркулеса, вставшую перед нею среди рыжелистной чащи на хвост. Эммануэль была ростом гораздо ниже мужчины, и трехглавое чудище уперлось ей прямо в грудь.

Мужчина легко поднял Эммануэль за талию, и она почти упала ему на грудь. Молодая женщина сцепила пальцы на его затылке и широко распахнула ноги – так легче было проникнуть в нее. Слезы полились по ее щекам – столь мощно раздирала ее лоно сказочная змея, несмотря на всю осторожность своего хозяина. Эммануэль корчилась, царапалась,

хрипела, бормотала что-то невнятное. И когда он, наконец, вышел из нее, она все еще не могла от него оторваться. Она не заметила, как ее бережно поставили на пол, и только тихий голос привел ее в чувство:

– Тебе было хорошо? – услышала она вопрос. Эммануэль припала щекой к своему божеству. Она ощущала, как внутри нее движется его семя.

– Я вас люблю, – пробормотала она. – Хотите меня еще раз?

– Непременно, – ответил он. – Я сейчас вернусь...

Он наклонился и запечатлел на ее лбу столь целомудренный поцелуй, что она не нашлась что ответить. И, прежде чем поняла, что он уходит, она осталась одна.

Размеренно, не спеша, словно совершая какой-то торжественный церемониал, она направляла на себя струю душа, намыливалась, смывала мыло, вытиралась ароматизированным полотенцем, опрыскивала из пульверизатора затылок, шею, подмышки, волосы лобка, расчесывала шевелюру. Ее образ троился в огромных зеркалах, украшавших комнату. Кажется, она никогда не была такой свежей и такой наполненной жизнью. Незнакомец должен вернуться. Ведь он обещал.

Она все еще ждала, когда радио объявило, что приближается Бангкок. Разочарованная, вернулась она к своему креслу, которому чья-то заботливая рука уже придала сидячее положение. Сняла с полки сумку, положила жакет на колени. Ее сосед, на которого она взглянула мимоходом, удивленно поднял брови: «But aren't you going on to Tokio?».

Такой английский Эммануэль поняла, она отрицательно мотнула головой. Разочарование выразилось на лице вопрошавшего, он спросил еще что-то. На этот раз Эммануэль не поняла вопроса, да и не хотела его понимать. Выпрямившись в кресле, она смотрела в пространство. Сосед вынул блокнот, протянул его Эммануэль. Конечно, он хочет получить ее адрес, он хочет еще раз встретиться с нею. Но она так же решительно качнула головой. Она спрашивала себя, увидит ли опять так стремительно исчезнувшего знакомого, этого бога, или же он летит дальше, в Японию. Неужели он не скажет ей даже «прощай»!

Она искала его среди пассажиров, спускавшихся по трапу, собиравшихся группами под крыльями самолета, в зале аэропорта. Но не было никого, кто мог сколько-нибудь походить на него ростом и ярко-рыжими волосами. Стюардесса прощально улыбнулась ей, она не ответила. Кто-то отодвинул барьер, показав пропуск, и позвал: «Эммануэль!..» Она шагнула вперед и с радостным криком упала в объятия своего мужа.

Зеленый рай

Бассейн, выложенный черной плиткой и наполненный розовой водой, в которой лениво полощутся ноги Эммануэль, – бассейн Бангкокского Королевского Клуба. Дамы и девицы, допущенные в этот изысканный мужской круг, демонстрируют здесь свои ноги и грудь: по субботам и воскресеньям сквозь легкую прозрачную ткань одежды на трибунах ипподрома и совершенно обнаженными в другие дни недели – у бассейна.

Совсем рядом с Эммануэль, так, что иногда она чувствует прикосновение коротко остриженных волос к своим бедрам, лежит, положив голову на скрещенные руки, молодая женщина. Ее тело мускулисто, как у юной кобылицы. Она говорит, хохочет, смех ее отражается от поверхности воды. У нее красивый голос, и красота его еще более подчеркивается смелостью ее выражений:

– Жильбер решил, что по правилам хорошего тона ему полагается выглядеть оскорбленным после отплытия «Флибустьера». Он дует за то, что я рванула от него на три дня, вернее, на три ночи. Какого черта я вернулась домой сразу же после «Флибустьера»!

Эммануэль знает уже, что эту женщину зовут Ариана, что она жена графа де Сайн, советника французского посольства, и что ей двадцать шесть лет.

Собеседница Арианы сидит в красном шезлонге, занятая расчесыванием болонки. Кличка у песика довольно редкая – О.

– Какая муха укусила твоего мужа? Он что, изменил своим принципам?

– Дело не в том, что я проспала три ночи с капитаном, ужасно то, что я не предупредила об этом Жильбера. Он считает, что был очень смешным, когда разыскивал меня повсюду, чуть было в полицию не обратился.

Женщины зажужжали. Поджариваясь под ярким солнцем, они образовали на выложенной плитками жаровне что-то вроде ожерелья из пылающих тел вокруг лежащей Арианы и сидящей рядом с ней Эммануэль. Та, правда, больше воспринимала их слухом, а не зрением: игра воды вокруг ее ног занимала ее больше, чем зрелище красивых обнаженных женских тел.

– А где он надеялся тебя увидеть? Хотя это нетрудно угадать...

– Единственный раз в этой стране представляется случай развлечься...

– Он сказал мне, что в последний раз видел меня на корме «Флибустьера» в конце праздника. Безоружной, беззащитной, между двумя разбойниками-матросами, которые будто бы собирались разделить между собой мои манатки.

– И как? У них это получилось?

– А я не помню, – рассмеялась Ариана.

Оторвав, наконец, взгляд от воды, Эммануэль не могла не восхититься, с какой продуманной непринужденностью распускают купальщицы тесемки бикини, будто бы для того, чтобы не оставлять белых пятен на загорелых телах, а на самом деле, чтобы проходящие мимо знакомые и друзья могли еще раз полюбоваться ими, получая в ответ на свои приветствия небрежные кивки.

Ариана приподнялась на локтях.

– Дорогая, – обратилась она к Эммануэль, – вы пропустили уникальный случай, визит века, ибо дважды в столетие такого в Сиаме не бывает. В прошлый уик-энд маленький военный корабль бросил якорь в устье нашей реки. Визит вежливости тайландскому флагу. О, если бы вы видели экипаж! А капитан был просто Дионис! Все три дня здесь только и было, что обеды, коктейли, танцы, ну и всякое другое...

Раскованность, нескромные усмешки молодых француженок, окружавших Эммануэль,

смущали ее. Ее удивляло, что ее опыт, опыт парижанки, совсем не помогает ощутить себя равной в этом странном обществе. Роскошь и беззаботная праздность этих временных изгнанниц казались ей чрезмерными даже в сравнении с самыми дорогими местами где-нибудь в Отейле или Пасси. И все, казалось, говорило, что у этих созданий нет другой мысли и других занятий, кроме как разыскивать существа их возраста, привычек, взглядов, чтобы соблазнить их или самим оказаться соблазненными.

Но вот одна из них, с дикой гривой волос, разбросанных по плечам и достигающих бедер, лениво поднимается, встает на краю бассейна, зевая и потягиваясь. Ноги ее широко расставлены, и сквозь тонкую ткань бикини открывается перед Эммануэль зрелище потаенных прелестей: выпуклый холмик и широкое бесстыдное отверстие, и это бесстыдство так контрастирует с невинным выражением лица обладательницы львиной гривы.

– А Жан не такой уж и дурень, – заметила она. – Он подождал отплытия «Флибустьера», а уж потом вызвал свою жену.

– И напрасно, – откликнулась Ариана тоном искреннего сожаления. – Она бы имела сумасшедший успех!

– А я не могу понять, как он мог думать, что в Париже Эммануэль в большей безопасности, – засмеялась одна из полуголых девиц. – Разве ею можно пренебречь?

Ариана со все растущим интересом рассматривала Эммануэль.

Кто-то за спиной Эммануэль флегматично прокомментировал:

– Да, видно, ее супруг совсем не ревнивец, раз он оставил ее одну на целый год.

– Не на год, всего на шесть месяцев, – вспыхнула Эммануэль.

Прозрачные бикини девицы с львиной гривой были так близко от нее, что она могла бы, чуть потянувшись, дотронуться до них губами.

– А я считаю, что он правильно сделал, что не привез вас с собой, сказала хозяйка О. – Он почти все время был на Севере, у него даже не было постоянного пристанища в Бангкоке, он останавливался в гостинице, когда приезжал сюда. Это – не жизнь для вас.

Она тут же поинтересовалась:

– Вам понравилась ваша вилла? Говорят, она изумительна!

– О, она еще не совсем закончена, пока что нет мебели. Что мне понравилось больше всего, так это сад. Там такие огромные деревья. Вы обязательно должны посмотреть на них, – проявила учтивость Эммануэль. Кто-то из свиты Арианы задал еще вопрос:

– Так вы собираетесь почти все время проводить в своем прекрасном саду?

– Да ведь теперь все инженеры уже приехали, и Жану не надо будет мотаться в Ярн-Хи. Он будет все время со мной.

– Ну, – сказала графиня, – в городе хватает места. И видя, что Эммануэль не поняла, Ариана пояснила:

– Работа будет отнимать у него лучшие часы. У вас останется и время, и место для встреч с поклонниками. Вот еще одна удача: достойные мужчины этой страны заняты работой меньше, чем наши супруги. Вы водите машину?

– Да, но я боюсь запутаться в этих улочках, это какой-то лабиринт. Жан, пока я не научусь ориентироваться, нанял мне шофера.

– Ну, этому вы быстро научитесь. Я вам помогу.

– Ариана научит! Она вас такому научит...

– Ерунда, – отпарировала Ариана удар невидимой собеседницы. – В этом Эммануэль учительницы не нужны. А вот я сгораю от нетерпения послушать ее рассказы о парижских забавах; Минут права – только в Париже можно распутничать как следует.

– Но мне не о чем рассказывать, – еле слышно проговорила Эммануэль и почему-то

почувствовала себя глубоко несчастной.

– Ну, не надо скромничать. Вы можете на нас вполне рассчитывать. Мы все немые, как могила.

– А что рассказывать? За все время, что я оставалась одна в Париже, – тон Эммануэль был очень серьезен, – я ни разу не изменила мужу.

Наступила тишина. Та искренность, с какой Эммануэль сделала свое признание, подействовала на женщин. Графиня взглянула на Эммануэль с подозрением: неужели эта малютка – ханжа? Однако, судя по ее костюму...

– А давно вы замужем? – продолжала она допрос.

– Уже год, – ответила Эммануэль и, желая вызвать у собеседниц зависть, добавила: – Вышла замуж, когда мне только исполнилось восемнадцать...

И поспешила закончить свое объяснение:

– Год замужем и половину этого срока в разлуке с мужем. Представляете, как я счастлива снова увидеть Жана.

И на ее глаза, к ее собственному удивлению, набежали слезинки.

Общество закивало головами сочувственно и понимающе. «Да, видно, это не нашего поля ягода», – подумали все.

– Не хотите ли пойти ко мне, попробовать мильк-шейк?

Эммануэль даже не заметила, кто оказался рядом с ней и задал этот вопрос. Но, взглянув на вопрошавшую, она улыбнулась: лицо ее выражало желание покровительствовать Эммануэль, быть ее руководительницей в новой жизни. И в то же время это было лицо совсем маленькой девочки.

«Ну, не такой уж маленькой, – тут же одернула себя Эммануэль, детство уже закончилось». Тринадцать лет, никак не меньше, но ростом уже почти с Эммануэль. Конечно, до зрелости еще далековато, может быть, это заметнее всего по коже, сохраняющей цвет детства: кожа еще не умеет загорать ровно, не покрывается той солнечной патиной, элегантной, цивилизованной, какой может похвалиться, к примеру, Ариана. Кожа даже кажется какой-то шершавой. Ну, как у цыпленка. Особенно на руках. На ногах она более отполировалась.

На ногах... На прелестных мальчишеских ногах. Да, ноги были именно мальчишескими: с резко очерченными лодыжками, крепкими икрами и узкими бедрами. Их пропорциональность и легкая сила были на вид приятнее вызывающих смутные ощущения ног женщины. Их легче можно было представить бегущими по песку пляжа, отталкивающимися от трамплина, чем покорно расслабляющимися навстречу нетерпеливому желанию. Таким же, был и живот: спортивный, мускулистый, с четко обозначенными мышцами, и даже маленький треугольный клочок ткани внизу – вроде того, каким пользуются обнаженные танцовщицы – не казался здесь непристойным.

Остроконечные груди были столь малы, что ленточке бикини и нечего было, собственно, скрывать. «Прекрасно, – подумала Эммануэль. – Но зачем она надевает что-то на грудь? С обнаженной грудью было бы куда лучше, и никому бы это не внушало нескромных мыслей». По правде говоря, она тут же усомнилась в правоте своего последнего суждения. Она спросила себя, что могут чувствовать эти маленькие груди, и ей вспомнилась она сама и та радость, которую она испытала, когда ее грудь только-только начала обозначаться. А ведь тогда ее груди были поменьше, чем эти.

Они – теперь она пригляделась повнимательнее – и не так уж не заслуживают внимания. Просто подействовал контраст с бюстом графини де Сайн.

А эти узкие бедра! А вся статья школьницы!

А длинные густые косы, прикрывающие эту розовую грудь! Косы просто ошеломили

Эммануэль. Она никогда не видела таких волос, таких светлых, таких воздушных – нельзя было понять, что это за цвет. Золото? Лен? Солома? Песок?

Или рассветное небо?

Или песцовая шкурка?

Тут Эммануэль встретила взгляд зеленых глаз и забыла обо всем остальном.

Все видела в этих глазах Эммануэль: и серьезность, и иронию, и ум. И даже какую-то властность, какой-то призыв... И тут же они становились тоскующими, задумчивыми, и опять – лукавство, фантазия, резвость светились в этих глазах.

– Меня зовут Мари-Анж.

Эммануэль молча любовалась ею, и девочка повторила приглашение:

– Вы не хотите проводить меня домой?

Теперь Эммануэль ответила улыбкой и поднялась с места. Ей пришлось объяснить, что сегодня это невозможно: Жан должен заехать за ней, предстоит несколько визитов и вернуться они слишком поздно.

Но она была бы просто счастлива, если бы Мари-Анж смогла навестить ее завтра. Она знает, где живет Эммануэль?

– Да, – бросила Мари-Анж. – Договорились. Завтра после обеда.

Мари-Анж привез в белой американской машине шофер-индеец в тюрбане, с густой черной бородой. Высадив свою пассажирку, он тут же умчался.

– Ты сможешь меня потом проводить, Эммануэль? – спросила Мари-Анж.

Эммануэль тут же отметила это «ты». И еще отметила, и более отчетливо, чем накануне, как гармонировал голос с волосами и кожей. Ей отчаянно захотелось расцеловать девочку в обе щеки, но что-то удержало ее. Может быть, эти трогательные грудки под голубой блузкой? Да нет, чушь...

Мари-Анж стояла совсем рядом:

– Ты не обращай внимания на то, что болтают эти идиотки, – сказала она. – Они хвастают. На самом деле они не стоят и десятой доли того, на что претендуют.

– Ну, конечно, – ответила Эммануэль после секундного замешательства так-то аттестует этот ребенок своих старших подруг по бассейну!

– Хотите пойти на террасу? – спросила Эммануэль и тут же пожалела об инстинктивно вырвавшемся «вы».

Мари-Анж приняла приглашение величавым кивком головы.

Проходя мимо своей комнаты, Эммануэль вспомнила о большой фотографии у изголовья постели. Она была изображена там абсолютно голой – вдруг гостя увидит этот портрет. Эммануэль ускорила шаги, но Мари-Анж остановилась перед бамбуковой занавеской, заменявшей дверь.

– Это твоя комната? – спросила она. – Можно посмотреть?

И, не дожидаясь ответа, откинула бамбук.

– Какая огромная кровать! – расхохоталась гостя. – Сколько же вас умещается на ней?

Эммануэль покраснела:

– Да здесь, собственно, две кровати. Они придвинуты одна к другой.

Мари-Анж увидела фотографию:

– Какая ты красивая! Кто тебя снимал?

Эммануэль хотела солгать, что это работа Жана, но сказала правду, ничего не приукрашивая:

– Один художник, приятель моего мужа.

– А у тебя есть другие портреты? Их надо тоже держать здесь. Ты ведь здесь занимаешься

любовью?

Эммануэль посмотрела на нее. Что же это за существо, которое, глядя таким незамутненным, чистым взглядом, с такой непринужденной улыбкой, по-дружески, без малейшего смущения задает подобные вопросы? И самое странное было то, что под этим взглядом Эммануэль чувствовала, что не может обманывать это существо, что попадает под его власть и готова рассказать самые интимные свои секреты. Словно защищаясь, она откинула занавеску:

– Так мы идем?

Мари-Анж слегка улыбнулась, и они прошли на террасу. Там, расположившись под навесом, защищавшим от палящего солнца, взглянув на реку, струящую свои воды совсем рядом, Мари-Анж всплеснула руками:

– Ну и повезло тебе! Во всем Бангкоке нет дома, так хорошо расположенного. Какой отсюда вид и как здесь чудесно!

Девочка замерла, любуясь расстилавшимся перед нею пейзажем. Затем, совершенно естественным жестом, она расстегнула высоко подвязанный пояс, стягивающий ее талию, и бросила его на красное плетеное кресло. Без промедления она сверкнула молнией пестрой юбки, и та упала к ее ногам. Переступив через юбку, бросилась в шезлонг и взяла один из журналов, лежавших на столике. На ней была только длинная блузка, доходившая до бедер, да узенькие, похожие на мужские, плавки-трусы.

– Ой, я так давно не видела французские журналы!

В шезлонге Мари-Анж устроилась быстро. Она вытянула благопристойно прижатые друг к другу ноги и развернула журнал. Эммануэль вздохнула, стараясь прогнать смущающие ее мысли, и расположилась напротив Мари-Анж.

– Что это за штука «Совиное масло»? Ничего, если я немного почитаю?

– Пожалуйста, Мари-Анж.

И та начала чтение, спрятав за журналом свое лицо. Но неподвижной она оставалась недолго. Вот ее тело начинает вздрагивать, словно начинает резвиться и взбрыкивать молодой жеребенок. Она подняла левую ногу и положила ее на подлокотник кресла. Эммануэль бросила взгляд на выглядывающие из-под блузки трусики. Рука Мари-Анж оторвалась от журнала, опустилась вниз, нашла под нейлоном трусиков какую-то точку и замерла там. Затем она снова задвигалась – трусов уже не было видно. Теперь средний палец был опущен, только он касался кожи, а другие пальцы образовали над ним как бы раскрытые надкрылья. Сердце Эммануэль забилось так сильно, что она испугалась, что этот стук услышат в доме. Она облизнула внезапно пересохшие губы.

Мари-Анж продолжала свои забавы. Теперь опустился вниз и большой палец, опустился и раздвинул нежную плоть. Остановился, словно задумался и, помедлив немного, стал описывать круги, дрожа еле уловимой дрожью. Невольный стон вырвался из губ Эммануэль. Мари-Анж опустила журнал и улыбнулась.

– А ты разве не ласкаешь себя? – Голова ее лежала на плече, в глазах светился огонек. – А я всегда это делаю, когда читаю.

Эммануэль только кивнула головой, слов у нее не было. Мари-Анж отложила журнал, положила руки на бедра и одним рывком сдернула с себя трусики. Она поболтала в воздухе ногами, чтобы окончательно освободиться от этой части туалета. Затем она расслабилась, закрыла глаза и двумя пальцами раздвинула розовое влажное отверстие.

– А-а, хорошо. Вот как раз в этом месте. Ты согласна со мной?

Эммануэль не могла отвечать, и Мари-Анж продолжала тоном непринужденной светской беседы:

– Я люблю это делать долго. Потому что я никогда не трогаю высоко. Самое лучшее – просто делать туда-сюда в дырочке.

И она продемонстрировала этот способ. Через несколько минут ее поясница выгнулась дугой, и Эммануэль услышала стон, похожий на жалобу:

– О, я не могу больше удержаться...

Палец трепетал, как стрекоза над цветком. Стон превратился в крик. Бедра раскрылись и снова сжались, не выпуская руку из своих тисков. Она кричала долго и громко и, наконец, затихла, еле переводя дыхание, открыла глаза:

– Это в самом деле очень хорошо, – прошептала она.

И снова, наклонив голову, она начала медленно, осторожно вводить внутрь себя средний палец. Эммануэль кусала губы. Когда палец скрылся в глубине, Мари-Анж снова раздала протяжный стон. И вот она уже другая – она просто лучится здоровьем, удовлетворенностью, сознанием выполненного долга. Поласкай и ты себя, – деловито предлагает она Эммануэль.

Эммануэль колеблется, но колеблется недолго. Она встает и расстегивает шорты. Они падают на пол, Эммануэль вытягивается в кресле, а Мари-Анж располагается рядом, на мягком плюшевом пуфе. Обе теперь одеты совершенно одинаково: прикрыт только бюст. Мари-Анж почти касается губами щели своей подруги:

– А как ты это делаешь?

– Как все, – отвечает Эммануэль, думая о легком дыхании девочки, коснувшемся ее бедер. Если бы она положила на бедра руку, это разрядило бы напряжение, и Эммануэль не так бы стеснялась, может быть. Но Мари-Анж не прикоснулась к ней. Она сказала только:

– Дай мне посмотреть.

Мастурбация была для Эммануэль всегдашней помощью и успокоением. Это был самый надежный способ отъединиться от мира, в эти минуты словно непроницаемый занавес опускался на нее, и по мере того, как ее пальцы делали свое дело, спокойствие нирваны воцарялось в ней. На этот раз она не собиралась оттягивать наслаждение. Ей хотелось поскорее найти знакомую страну и упасть на родную почву в сладком обмороке оргазма. Она очнулась и услышала новый вопрос Мари-Анж:

– А кто тебя научил этому?

– Я сама. Просто мои пальцы открыли, что они могут делать, – усмехнулась Эммануэль. Как всегда в такие минуты, настроение у нее было отличное.

– И ты умела это делать уже в тринадцать лет? – недоверчиво осведомилась Мари-Анж.

– О, гораздо раньше! А ты?

– А где тебе приятней всего ласкать? В каком месте?

– О, во многих! И везде, знаешь, ощущения разные: и вверху, и посередине, и совсем внизу.

А разве с тобой не то же самое происходит?

Опять Мари-Анж уклонилась от ответа. Она сказала:

– А играешь ты только с клитором?

– Нет, что ты! Ведь самая маленькая дырочка, уретра, тоже очень чувствительна. Я кончаю, как только прикоснусь к ней.

– А еще что ты делаешь?

– Ну, я люблю ласкать и губы и проникать за них туда, где самое мокрое место...

– Пальцами?

– Пальцами и еще бананами (в голосе Эммануэль послышалась даже гордость своей изобретательностью). Банан далеко может пробраться, до самого дна. Я их сначала очищаю. Только не нужно, чтобы они были созревшими. Лучше всего такие, какие продаются здесь на Плавучем рынке – длинные, зеленые...

Воспоминания об этом удовольствии подействовали на нее так, что она, совсем забыв о свидетельнице, положила пальцы на свое лоно и начала мять его. И все-таки ей хотелось, чтобы в нее проникло сейчас что-нибудь более реальное. Она повернулась лицом к Мари-Анж, закрыла глаза, широко раскинула ноги и после нескольких секунд ожидания начала пронзать себя двумя сложенными вместе пальцами. Быстро. Сильно. Через три минуты все было кончено.

– Видишь, я могу ласкать себя много раз подряд.

– Ты это делаешь часто?

– Да.

– Сколько раз в день?

– По-разному. Понимаешь ли, в Париже у меня было не так уже много свободного времени, надо было ходить на факультет, бегать по магазинам. Больше двух раз у меня не получалось: утром, под душем, ну и вечером, перед тем как заснуть, парочку раз. Ну и если ночью проснусь, тогда, конечно, тоже. А вот во время каникул я ничем другим не занималась, я могла радовать себя помногу. А сейчас у меня как раз каникулы!

Так они долго еще болтали, довольные рождавшейся между ними близостью. Эммануэль была счастлива, что она может говорить о таких вещах. И особенное удовольствие заключалось для нее в том (хотя она не могла бы в этом признаться), что она мастурбировала перед этой девочкой, что та любит на это смотреть и знает толк в наслаждении. Господи! До чего же она хороша! Эти прекрасные волосы и бедра, так невинно и бесстыдно обнаженные перед старшей подругой!

– Ты о чем задумалась, Мари-Анж? У тебя такой грустный вид...

Эммануэль погладила девочку по волосам.

– Я думаю о бананах, – вздохнула Мари-Анж. Она смешно наморщила нос, и обе они принялись хохотать, чуть не задохнувшись от смеха.

– О нет, этот способ не для девушек! Что угодно, но только не это.

– А как ты начала с мужчинами?

– Меня лишил невинности Жан.

– И у тебя никого не было до мужа! – воскликнула Мари-Анж с таким негодованием, что Эммануэль пришлось как бы просить у нее прощения.

– Нет, то есть почти нет. Разумеется, были мальчики, которые меня ласкали, но это все было не по-настоящему.

Эммануэль вздохнула и продолжала:

– Вот Жан, он занялся со мной любовью сразу же.

Потому что я его любила.

– Прямо так и сразу?

– На второй день нашего знакомства. Он пришел в гости к моим родителям, они у кого-то познакомились. Он сидел за столом и все время смотрел на меня, и видно было, что я ему очень понравилась. Потом, когда ему удалось остаться со мной вдвоем, он задал мне множество вопросов: сколько у меня поклонников, люблю ли я заниматься любовью. Я была ужасно смущена, но рассказала ему всю правду. И он тоже, как и ты, хотел знать все в точности и в подробностях. А на следующий день он пригласил меня покататься. Посадил меня рядом с собой и одной рукой вел машину, а другой обнимал меня и начал ласкать, сначала плечи, потом грудь. А когда мы остановились на лесной дороге в Фонтенбло, он первый раз поцеловал меня. И сказал мне таким, знаешь, строгим тоном: «Ты девушка, сейчас я сделаю из тебя женщину». И мы сидели в машине прижавшись друг к другу долго-долго. Сердце у меня билось сильно-сильно, а потом успокоилось. Я была счастлива. Все произошло именно так, как мне представлялось. Жан велел мне стянуть с себя штанишки, и я сразу же его послушалась – мне

хотелось помогать ему, не быть пассивной участницей своей собственной дефлорации. Он положил меня на сиденье, а сам встал в раскрытой дверце. И совсем не играл со мной, вошел сразу и так умело, что ничуть не было больно. Наоборот, почти тут же стало так приятно, что я отключилась. И пришла в себя полностью, когда мы уже сидели в лесном ресторане за столиком на двоих. Потом Жан спросил номер, и мы занимались любовью до самой полуночи. Я быстро всему научилась.

– А что сказали твои родители?

– Да ничего. Назавтра я всем растрезвонила, что я уже не девушка, что у меня есть любовник. И они нашли это совершенно нормальным.

– И Жан попросил твоей руки?

– Да вовсе нет! Мы и не помышляли о женитьбе. Мне было неполных семнадцать, я только что сдала свой «бак» и была страшно горда, что я любовница, метресса солидного взрослого мужчины.

– Так почему же ты оказалась замужем?

– В один прекрасный день Жан сказал таким обычным спокойным тоном, что фирма посылает его в Сиам. Я чуть не упала со стула от огорчения. Но он так же спокойно объявил:

«Я на тебе женюсь перед отъездом. А ты прилетишь ко мне попозже, когда я найду для нас дом».

– Ну и как ты на это?..

– Мне показалось это сказкой, слишком чудесной, чтобы осуществиться. Я радовалась и смеялась, как безумная. И через месяц мы поженились. И, представь себе, мои родители ничего не имели против того, что я была любовницей Жана, но просто встали на дыбы, узнав, что я буду его женой. Они говорили ему, что он слишком стар для меня, что я еще невинный ребенок.

Как тебе это нравится, а? Но он сумел их убедить. Мне бы очень хотелось знать, что он им сказал. У моего папы чуть не случился инфаркт: он никак не мог примириться с тем, что я должна бросить вышмат.

– Бросить что?

– Высшую математику. Я занималась ею на фэке.

Мари-Анж рассмеялась. Эммануэль продолжала:

– Это была папина идея – дочка будет крупным математиком... Ну ладно, Жан должен был улететь сразу же после свадьбы. Но вышло так, что, к счастью, его отъезд задержался на целых полгода. И потому я была законной супругой почти столько же времени, сколько была его любовницей. И знаешь, заниматься любовью законно не менее интересно, чем грешить. Хотя сначала мне было чудно, что мы занимаемся этим по ночам.

– Где ты жила, когда он уехал? У родителей?

– Да нет! В нашей квартире, в нашей собственной квартире на Рю Доттор Бланш.

– И он не побоялся оставить тебя одну?

– А чего тут бояться?

– Как чего? Что ты будешь ему изменять.

Эммануэль фыркнула:

– Н-ну, не думаю. Мы никогда не говорили об этом. Эта мысль никому из нас и в голову не приходила.

– Но потом ты все-таки изменяла ему?

– Зачем? Около меня крутилась уйма всяких мужчин, но мне они казались ужасно смешными.

– Значит, это правда, то, что ты говорила бабам...

– Бабам?

– Вчера, в бассейне. Ты разве забыла, что ты сказала, что никогда не спала ни с одним мужчиной, кроме своего мужа.

Эммануэль задумалась едва ли на долю секунды, но этого хватило, чтобы встревожить Мари-Анж. Она привстала на коленях и вперила в Эммануэль недоверчивый взгляд.

– Ни слова правды нет в том, что ты говоришь, – провозгласила она тоном обвинителя. – Стоит только посмотреть на твое лицо.

Эммануэль довольно неумело постаралась спрятать свое смущение.

– Начнем с того, что ничего такого я не говорила...

– Как! Разве ты не сказала Ариане, что ты никогда не обманывала мужа, не изменяла ему? Вот об этом я тебе и говорю. Потому что я тебе не поверила. К счастью!

Эммануэль ответила ей в тон, как адвокат отвечает заседающему на подзащитного прокурору:

– Нет, ты ошибаешься. И я повторю, что я говорила совсем не то, что тебе кажется. Я всего-навсего сказала, что я была верной Жану все время, пока была в Париже. Вот и все.

– Ну вот, а я что говорю!

Мари-Анж пытливо всматривалась в лицо Эммануэль, но та смотрела на нее так обескураживающе правдиво! Однако недоверие Мари-Анж не исчезло. Девочка переменила тактику. В ее голосе послышалось лукавство:

– Знаешь, я спрашиваю себя: почему же ты оставалась верной. И вот я поняла – это ты себя за что-то наказала.

– Ничего подобного! Просто мне никто не был нужен.

Мари-Анж немного помолчала.

– Значит, если бы тебе кто-нибудь понравился, ты бы отдалась ему?

– Ну, разумеется.

– А как это можно доказать? – теперь Мари-Анж говорила, как обиженный ребенок.

– А я так и поступила!

Мари-Анж как током ударило. Она подалась вперед:

– Вот видишь, – сказала она торжествуя. – А ты пыталась меня уверить, что не делала этого!

– Я не делала этого в Париже, – терпеливо объяснила Эммануэль. – Я сделала это в самолете. В самолете, которым летела сюда. Ты поняла наконец?

– А с кем? – оживилась Мари-Анж.

– С двумя мужчинами, которых я никогда не знала раньше. Я даже не знаю, как их зовут.

Если она думала удивить Мари-Анж, то ей пришлось разочароваться. Та продолжала деловито выяснять подробности:

– Они все получили от тебя?

– Да!

– А сначала они поиграли с тобой?

– Да!

– А они вошли в тебя глубоко?

– О да! Очень глубоко!

Эммануэль инстинктивно прижала ладонь к низу живота.

– Поласкай себя, пока будешь рассказывать, – распорядилась Мари-Анж.

Эммануэль отрицательно покачала головой. На лице ее появилось выражение какого-то безразличия, апатии. Мари-Анж всматривалась в нее настороженно.

И Эммануэль подчинилась. Она начала рассказывать, сначала через силу, скрепя сердце, но постепенно оживилась, вспоминая свое приключение, и старалась не пропустить ни одной

детали. Она остановилась, рассказав, как ее похитила греческая статуя. Мари-Анж слушала ее с видом внимательной ученицы, но все же время от времени как-то ерзала, словно стремясь найти место поудобнее.

– Ты рассказала об этом Жану? – спросила она.

– Нет.

– Ты видела потом этих мужчин?

– Нет.

На этом вопросы Мари-Анж как будто иссякли. Захотелось чаю. На зов Эммануэль явилась служанка – прямой стан, черные волосы с цветком в прическе, пестрый саронг – подлинная мечта Гогена. Обе собеседницы немного приоделись: Эммануэль влезла в свои шорты, Мари-Анж натянула трусики. Пестрая юбка по-прежнему лежала в кресле. Потом, вняв настойчивым просьбам Мари-Анж, Эммануэль принесла все свои голые фотографии. И тогда вопросы возобновились:

– Послушай, а ты мне ничего не говорила о том, что у тебя было с этим фотографом.

– А ничего, – призналась Эммануэль. – Он ко мне даже не прикоснулся, – добавила она с легкой досадой. – Впрочем, нечего было надеяться. Он – педик.

Мари-Анж сделала скептическую гримаску, потом принялась рассуждать:

– Я считаю, что художник, прежде чем писать портрет, должен полюбить свою модель или позаниматься с нею любовью. Что за бред позировать тому, кто не интересуется женщинами!

– Я тут ни при чем, – Эммануэль уже немного устала от расспросов. – Он сам предложил мне снять меня. Я тебе говорила, он был приятелем Жана.

Мари-Анж взмахом руки словно отогнала прошлое:

– Теперь надо постараться, чтобы тебя изобразил кто-нибудь настоящий. Не ждешь же, пока ты состаришься.

Образ этого «настоящего», о котором так серьезно говорила девочка, и неминуемая близость собственной старости рассмешили Эммануэль:

– Я не люблю позировать даже для фотографов, а ты думаешь о живописце!

– А с тех пор как ты здесь, у тебя ничего не было с мужчинами?

Эммануэль возмутилась:

– Ты с ума сошла!

Мари-Анж озабоченно нахмурилась:

– Надо, чтобы ты поскорее нашла любовника.

– Это так необходимо? – усмехнулась Эммануэль. Но девочка вовсе не собиралась шутить.

С серьезным видом она пожала плечами:

– Ты странная, Эммануэль.

Помолчала и снова спросила:

– Ты же не собираешься провести всю свою жизнь старой девой?

И повторила:

– Нет, ты очень странная.

– Но, – удивилась Эммануэль, – я же не старая дева. У меня есть муж.

На этот раз Мари-Анж ограничилась только холодным взглядом. Аргумент показался ей таким нелепым, что дискутировать дальше ей явно не хотелось. Наступило молчание. И Эммануэль пожалела о прежней атмосфере:

– А может, ты снова снимешь штанишки, Мари-Анж?

Девчонка встряхнула косами:

– Нет, мне пора.

Она встала.

– Ты проводишь меня?

– Ты так спешишь, – недовольно протянула Эммануэль, но ей было уже ясно, что своего решения Мари-Анж не переменит.

Машина с бородатым шофером уже ждала ее. Девочка еще раз посмотрела на Эммануэль внимательно и строго:

– Ты знаешь, я не хочу, чтобы ты погубила свою жизнь. Ты такая красивая. Это ужас, если ты останешься такой же недотрогой, как сейчас.

Эммануэль было расхохоталась, но Мари-Анж прервала этот смех:

– Это ведь и вправду ужасно, что у тебя в твоём возрасте ничего не было, кроме этих пустяков в ночном самолете. Ты в самом деле ведешь себя, как последняя кретинка.

Она с сожалением покачала головой:

– Я уверена, ты не совсем нормальная.

– Мари-Анж...

– Ладно, что говорить о том, что прошло...

Зеленые глаза впились в Эммануэль:

– Я уезжаю, но сделаешь ли ты то, о чем я тебя попрошу?

– Что именно?

– Все, что попрошу!

– Еще бы! – Эммануэль была зачарована этим взглядом.

– Поклянись!

– Клянусь, если тебе этого хочется.

Она хотела снова рассмеяться, но Мари-Анж не дала сбить себя с серьезного тона:

– Сегодня ровно в полночь ласкай себя. Я в это время буду делать то же самое.

Ресницы Эммануэль дрогнули. Она наклонилась и нежно поцеловала свою новую подругу. Машина тронулась, и Эммануэль услышала на прощанье: «Не забудь же! Ровно в полночь!».

Оставшись одна и вспоминая этот чудесный день, Эммануэль вдруг отметила, что она-то не задала девочке ни одного вопроса. Если прелестное светлокосое создание узнало до мельчайших подробностей интимную жизнь своей старшей подруги, то та не узнала ничего.

Она даже не спросила, девственница ли Мари-Анж.

Когда вечером свежий, только что из-под душа, Жан вошел в комнату жены, он увидел ее сидящей нагишом на кровати. Он подошел к ней, она обняла его за бедра и потянулась вперед, жадно раскрыв рот. Она припала к бедрам мужа, и в считанные секунды изящный жезл превратился в могучую палицу. Эммануэль втянула ее в себя, и она окончательно отвердела. Тогда Эммануэль принялась лизать эту дубинку по всей длине, проводя языком по голубым вздувшимся венам. Жан пошутил:

«Ты напоминаешь мне человека, жующего кукурузный початок». И тогда, чтобы сходство было полным, Эммануэль пустила в ход свои маленькие зубы. А чтобы загладить боль, она стала дуть на кожицу, поглаживать тестикулы, проводя по ним языком. Она заглатывала фаллос все больше и больше, не боясь задохнуться. Делала она все это расторопно, с наслаждением.

То, что чувствовали ее язык и губы, передавалось грудям и лону. Она постанывала, на мгновение выпускала фаллос изо рта, щекотала его языком и снова проглатывала трепещущую плоть.

Жан обеими руками сжимал голову жены. Но вовсе не для того, чтобы руководить ее движениями и регулировать их ритм. Он великолепно знал, что вполне может положиться на ее умение. Она научилась этому как-то сразу и исполняла это лучше других. В иные часы Эммануэль заставляла мужа просто изнемогать от наслаждения: она не останавливалась подолгу ни на одной определенной точке, собирала нектар с любого цветка, заставляя свою

жертву издавать отчаянные стоны, жалкие мольбы, заставляя извиваться, исступленно кричать, пока, наконец, она не завершала свой шедевр. Но сегодня ей хотелось дарить более безмятежные радости. Она только добавляла к губам и языку ритмические движения рукой, чтобы выжать из Жана все, до последней капельки. И когда поток хлынул, Эммануэль пила из него медленно, глубокими глотками, а последнюю, самую драгоценную каплю, она слизнула языком.

И она была так готова к оргазму, что пролилась, едва только Жан склонился к ее лону и коснулся губами маленького напряженного бутона плоти.

– Теперь я тебя возьму, – пробормотал Жан.

– Нет, нет! Я хочу пить тебя снова. Скажи, что ты дашь мне этот напиток. О, ты прольешься ко мне в рот опять, скажи, скажи мне это, я тебя прошу. Это так чудесно, я это так люблю!

– А твои подружки, когда меня здесь не было, ласкали тебя так же хорошо? – спросила она, когда оба они перевели дыхание.

– Что ты спрашиваешь! Еще не нашлось женщины, которая могла бы сравниться с тобой.

– Даже сиамки?

– Даже они.

– Ты же знаешь, это не комплимент. Если бы ты не была самой лучшей в мире любовницей, я бы тебе сказал об этом. Хотя бы для того, чтобы ты такой стала. Но, ей-богу, я не знаю, чему ты можешь научиться еще. Ведь должны же быть пределы в искусстве любить.

Эммануэль задумчиво протянула:

– Не знаю...

По ее сдвинутым бровям, по голосу было понятно, что сомнение ее совершенно искреннее.

– Во всяком случае мне до пределов еще далеко.

– Да кто тебе это сказал! – воскликнул Жан. Она не ответила, и он спросил:

– Ты что, не считаешь меня подходящим арбитром?

– О, что ты!

– Я, кажется, неплохой учитель. И вдруг ты оказываешься недовольной своим воспитанием.

Эммануэль поспешила его утешить:

– Милый! Никто на свете не мог бы обучить меня лучше, чем ты. Но... Как бы это объяснить... Я чувствую, что в любви должны быть еще более важные, более интеллектуальные вещи, чем умение любить.

– Ты имеешь в виду преданность, нежность, заботливость, понимание?

– Нет, нет. Я совершенно уверена, что эта важная вещь относится именно к физической любви. Но это совсем не добавочные знания, так сказать, не большая ловкость, не большая техника, не большой пыл; это скорее что-то разумное, какое-то состояние мозга...

Она тяжело вздохнула:

– Я даже не думаю, что это вопрос о границах, о пределах. Это, мне кажется, дело нового взгляда, нового угла зрения...

– Другой способ смотреть на любовь?

– Не только на любовь, на все!

– Может, ты все-таки объяснишь понятней?

Она накручивала на пальцы свои локоны, словно они должны были помочь найти слова:

– Нет, – решила она. – Мне и самой это непонятно. Но я должна сделать какой-то шаг вперед, найти что-то, что мешает мне стать истинной женщиной, твоей женщиной. А я не знаю что!

Она совсем приуныла:

– Я думала, что я знаю так много. Но есть еще что-то, чего я не знаю.

И она стала лихорадочно, возбужденно рассуждать:

– Сначала надо, чтобы я стала знающей. Ты же видишь: я ничего не знаю, я слишком невинна. Я слишком девственница. А это ведь страшно, если сегодня вечером я чувствую себя девственницей. Девственницей везде, я просто утыкана этой девственностью, как репьями. Мне стыдно!

– Ах ты, мой чистый ангел!..

– О нет, не чистый. Девственность – это не всегда чистота. Но это всегда глупость.

Восхищенный, он обнял ее, а она продолжала:

– Это море предрассудков.

– Как это прекрасно: слушать жалобы на девственность из тех самых уст, которые только что проделали со мной такую работу!

Она засмеялась, но не успокоилась:

– Ах, раз, действительно, разум, дух должны снизойти к женщине, я не пропустила бы ни одного мгновения, если бы они снизошли ко мне от тебя.

Все эти рассуждения произвели на Жана эффект, немедленно обнаруженный Эммануэль. Она уже привстала, чтобы привести в исполнение свои обещания, уже ее язык коснулся... Но Жан резко отстранил ее.

– Кто тебе сказал, что только через эти губы может снизойти дух? Вспомни дух дышит, где захочет!

Он рухнул на нее, и в ту же минуту ей так сильно захотелось быть взятой, как ему захотелось ее взять. Двумя пальцами левой руки она сама раздвинула свое лоно, а правая потянулась к древку, помогая ему погрузиться так же глубоко в другое отверстие, как только что оно погружалось в ее горло. Но ей хотелось чувствовать его и сейчас губами. Он целовал ее в рот, проводил по ее губам языком, но воображение помогало ей чувствовать на губах сладкую пряность семени, и то наслаждение, которое полнило ее внизу, бурлило и в ее горле. И она умоляла: «Еще! Еще! Пронзи меня! Сильней, крепче!»

Она чувствовала, как в ее глубинах фаллос припал к устам матки и спаялся с ними – так пчела приникает к цветку в поисках нектара. Ей так хотелось, чтобы Жан пролился, и она так старалась, чтобы и живот ее и зад убедили его не медлить: каждый мускул ее тела, тела гибкого, хищного зверя, старался помочь мужчине поскорее испытать последний трепет. Но Жан хотел быть победителем в этой борьбе, хотел, чтобы первой изнемогла она. И он наносил ей удары быстрые, могучие, стараясь, чтобы его кинжал прошел в ней как можно больший путь, погружая его в раскрытую рану по рукоять и почти весь вытаскивая потом наружу. Яростно, со стиснутыми зубами, трудился он над нею, жадно вслушиваясь в ее хриплые крики, впивая ее горячий запах. А она билась под ним, подскакивала словно под ударами хлыста, царапала спину и кричала, кричала, кричала...

И, наконец, и крик, и дыхание оборвались, и она вытянулась, успокоенная, едва ощущая свое тело, но в душе сожалея, что такое же возбуждение не овладело и ее рассудком, что ее мозг не смог так же трепетать и биться, как трепетала и билась только что ее влажная плоть.

Ей не хотелось, чтобы он двигался, и Жан, словно поняв это, застыл на ней неподвижно. Она прошептала:

– Я бы хотела заснуть вот так – с тобою во мне.

Он прижался щекой к ее щеке. Черные завитки щекотали ему губы. Он потерял счет времени – сколько же оставались они в таком положении? Потом он услышал шепот:

– Я умерла?

– Нет, ты живешь во мне, а я в тебе.

Он крепко сжал ее, и она задрожала.

– Любовь моя, мы и в самом деле одно существо. Я – только частица тебя.

Он с нежностью поцеловал ее, и это было толчком к пробуждению.

– Возьми меня опять! Еще глубже! Раскрой меня, разорви! Доберись до самого сердца!

Она просила и смеялась своим же просьбам:

– Лиши меня невинности! Я тебя люблю! Я готова! Я тебе отдамся! Сломай меня!

Он принял условия игры:

– Отодвинься чуть-чуть. Так, теперь опустишь немного. Не бойся, делай все, как я скажу.

– Да, – прошептала она, млея от предвкушения. – Да, – повторяла она. Делай все, что захочешь! Не спрашивай меня – делай!

Ей хотелось найти в себе способность погрузиться еще глубже в сознание того, что ее берут, совершенно отдаться на волю своего обладателя, быть его безвольной игрушкой, чтобы ее ни о чем не просили, а только приказывали быть слабой, покорной, послушно раскрывающейся навстречу любым желанием. Существует ли, спрашивала она себя, большее счастье, чем счастье уступчивости, подчинения? И одной этой мысли было достаточно, чтобы приступ оргазма потряс ее.

И потом, когда она была точно подстрелянный зверек, окровавленный трофей в охотничьей сумке, она спросила охотника:

– Ты думаешь, я именно та женщина, какую ты хочешь?

Вместо ответа он поцеловал ее.

– Но я хочу быть еще желанней!

– А ты с каждым днем становишься все желанней и желанней.

– Это правда?

Он так улыбнулся ей, что она поверила и успокоилась. Мелодичный ноктюрн плыл по ее жилам, смыкая ей глаза. Но она никак не могла победить те чувств, которые будоражили ее мозг.

– Это, наверное, Мари-Анж сбила меня с толку, – вдруг услышала она свой голос и удивилась: она уж никак не собиралась доверить это Жану.

Он встрепенулся:

– Мари-Анж? А она при чем тут?

– Она удивительно смела в обращении.

Больше Эммануэль ничего не хотелось говорить. Некое растение продолжало расти в ней, пускать корни, разбрасывать бесконечные ветви с силой более мощной, чем сила разума... Но муж захотел все же выяснить роль Мари-Анж.

– Ты думаешь, это она поможет тебе постичь тайны жизни?

– А почему бы и нет?

Жан усмехнулся, эта мысль его позабавила.

– А ты заметила у нее талант в этом смысле?

Эммануэль, немного поколебавшись, ответила:

– Нет. – Но улыбнулась тем видениям, которые до сих пор так и не покидали берегов, где бродили ее мечты:

– Но я очень надеюсь его обнаружить.

Жан был настроен снисходительно. Он начал укачивать, дурачась, Эммануэль и петь ей колыбельную:

Я вижу, что моя маленькая девочка.

Хочет заняться любовью с Мари-Анж. Не так ли?

И потому моя маленькая девочка Мучается и мучается... Не так ли?

Эммануэль качала головой в такт его словам, словно поддакивая.

– Не только это, но и это, – призналась она. Он тихо рассмеялся:

– С такой сопливой девчонкой?

Она сердито, как избалованный ребенок, надула губы, но голос звучал как бы издалека, устало и смутно:

– Я имею право этого хотеть! Разве нет?

И Жан снова излился в нее, радуясь тому, что он может столько дать ей, так глубоко проникнуть в нее, так полно на сладиться ею. Радуясь их общей неутомимости...

Они лежали, вытянувшись, прижавшись плечами и бедрами, и Эммануэль боялась пошевелиться, чтобы ни одна капля не вылилась из нее. – Спи, – прошептал Жан.

Из дальней комнаты доносился бой часов. Полночь. Рука Эммануэль тянется к низу живота, пальцы трогают бутон плоти, раздвигают лепестки, на которых еще не высохли следы Жана. Перед глазами Эммануэль выплывают из тьмы раздвинутые бедра Мари-Анж, и каждому жесту видения Эммануэль отвечает таким же. И она видит, что ее подруга близится к завершению, Эммануэль кричит, и крик ее более страстен, чем тот, что она издавала в объятиях мужа. А он, привстав на локтях, улыбается, глядя на нее, обнаженную, словно испускающую свет наслаждения, с рукой, прижатой к лону, с другой, ласкающей свою грудь. Долго еще дрожат ее ноги. Даже после того, как лоб разглаживается и на лице появляется выражение полного блаженства и покоя.

Цветы розы

Эммануэль отправилась в клуб спозаранку, ей хотелось плавать, а не слушать праздную болтовню. Не заботясь ни о времени, ни о взглядах редких в этот час посетителей, она, наверное, уже в десятый раз пересекала бассейн из конца в конец. Она плыла, высоко поднимая руки, ныряла, ложилась на спину, и кончики грудей, вырвавшиеся из купальника, розовели над поверхностью воды, как маленькие коралловые рифы. И снова – плыть, нырять, выныривать...

Когда, усталая от всех этих упражнений, тяжело дыша, она подплыла к хромированной лесенке, ведущей из бассейна, оказалось, что выход охраняется. Ариана де Сайн, наклонившись к воде, лучезарно улыбалась.

– Проход закрыт, – объявила она. – Нужен пропуск!

Эммануэль была не в восторге от того, что одна из «идиоток» обнаружила ее здесь, но постаралась ответить лучшей своей улыбкой.

– Так-так. Изображаем наяду, когда порядочные женщины еще спят. Что за прятки?

– Но вы-то тоже оказались здесь, – заметила Эммануэль, пытаясь подняться на лесенку. Ариана не спешила освободить путь.

– Я! Я – это совсем другое дело, – сказала она с таинственным видом, но Эммануэль не попыталась разгадать эту тайну и молчала под внимательным изучающим взглядом графини.

– Вы удивительно переменились, – в голосе графини слышалось искреннее восхищение.

И Эммануэль поверила ей. Право же, хотя Ариана была немного странной, но в ней было что-то бодрящее, укрепляющее – с ней можно быть поласковее, посвободнее, без всякой принужденности.

. Наконец, Ариана освободила дорогу, и русалка выбралась на берег. Степенно она убрала свою грудь в купальный костюм (хотя верхняя ее часть осталась открытой) Она присела рядом с Арианой, и к ним тут же подошли двое молодых людей – настоящие викинги с виду. Ариана весело болтала с ними по-английски, Эммануэль ничего не понимала из их разговора, но ей и не хотелось понимать. Ариана повернулась к ней:

– Хотите что-нибудь сказать этой паре?

Эммануэль поморщилась в ответ, и Ариане пришлось объявить претендентам о провале их кандидатур. Они добродушно рассмеялись, но уходить явно не спешили. Эммануэль они казались довольно простоватыми. К счастью, тут Ариана поднялась и взяла ее за руку:

– Они надоели мне. Пошли к вышке.

Хорошо было лежать, вытянувшись ничком на нитяном ковре восьмиметровой вышки! Ариана проворно сбросила все то небольшое, что было на ней.

– Вы можете не стесняться, – сообщила она. – Здесь нас никто не видит.

Но Эммануэль как-то не захотелось разоблачаться перед Арианой. Она пробормотала что-то о неудобстве своего костюма, который трудно стягивать и натягивать снова, да и солнце слишком уж жаркое.

– Вы правы, – легко согласилась Ариана. – Привыкать надо постепенно.

И они снова погрузились в полуметаргию. Эммануэль окончательно признала графиню подходящей собеседницей. Ей нравились люди, с которыми она могла обходиться без слов. И тем не менее она сама нарушила молчание.

– Чем же здесь все-таки заниматься, кроме бассейна, коктейлей и вечеров у Пьера или Поля? Так ведь в конце концов можно помереть от скуки.

Ариана присвиснула, словно услышала невероятную глупость:

– Э, да тут много есть всякой всячины! Я не говорю о кино, кабаре и прочей дребедени. Но

можно кататься верхом, играть в гольф, в теннис, в сквош, есть водные лыжи. А можно плавать по каналам, осматривать пагоды – их тут больше тысячи. Вот жаль, что море, настоящее море отсюда далековато: сто пятьдесят километров. Но оно стоит путешествия. Пляжи там просто великолепны – широкие, бесконечные, пустынные, с кокосовыми пальмами. Вода ночью фосфоресцирует от миллионов живых существ, глядящих на вас. Кораллы щекочут вам пятки, а акулы подплывают и берут пищу из ваших рук...

– Я хотела бы это увидеть... – прошептала Эммануэль.

– Там вам даже будут петь серенады, если вы станете заниматься любовью. Днем под солнцем, на мягком песке или в тени сахарных деревьев вы всегда сможете найти прелестного мальчика, готового вас развлечь и сделать счастливой всего за один тикаль. А ночью вы будете лежать на пляже, на границе воды и суши, и волны будут гладить ваши волосы и плечи, а глаза ваши будут устремлены к далеким звездам, и к вам будет склоняться прекрасное юное лицо... Ах, надо не упускать шанса быть женщиной!

– Если я правильно поняла, это здесь самый любимый вид спорта? – осведомилась Эммануэль безобидным тоном.

Ариана взглянула на нее, улыбаясь несколько загадочно, и ответила не сразу. Но это был не ответ, а вопрос:

– Скажите-ка мне, душенька...

Она запнулась, словно что-то прикидывая в уме. Эммануэль повернула к ней улыбающееся лицо.

– Так что же я должна вам сказать?

Ариана продолжала что-то обдумывать. Затем она, очевидно, решила, что новенькая заслуживает полного доверия. Ее голос не звучал теперь столь дурашливо и игриво, как обычно, в нем слышалась дружеская откровенность:

– Я убеждена, что вы женщина с темпераментом. Вы вовсе не такая мадемуазель Нитуш, какой хотите казаться. К счастью, конечно. И скажу вам откровенно, вы меня очень заинтересовали.

Эммануэль не знала, как отнестись к этой декларации, но на всякий случай насторожилась. Она была скорее рассержена, чем польщена: ей не нравилось, когда в ее искренности сомневаются. И с чего это все эти дамы держат ее за недотрогу? Сначала это смешило ее, а теперь начинает раздражать.

– Вам хочется понравиться здесь кому-нибудь? – тон Арианы говорил больше, чем ее слова.

– Да, – ответила Эммануэль, понимая, что ступает на опасную тропу, но еще более боясь показаться добродетельной. Радостная улыбка Арианы убедила ее лишь наполовину.

– Слушайте, лапочка, пойдете сегодня со мной на вечеринку. Скажите мужу, что это будет что-то вроде девичника. И вы увидите, что я вам приготовлю! Нигде нет таких галантных и пылких молодцов, как гости Арианы. Умные, молодые, хорошо вышколенные и ловкие. Вам нечего бояться. Договорились?

– Но, – засомневалась Эммануэль. – Вы меня совсем не знаете... Вы...

Ариана пожала плечами:

– Я вас хорошо знаю. Зачем долгие наблюдения, когда я и так вижу, что вы можете сводить с ума и мужчин и женщин своей красотой. А те, о которых я вам говорю, в красоте разбираются. Да мне и в голову не пришло бы вас приглашать, если бы я не была уверена в вас на все сто процентов. Вот так!

– А как же ваш муж? – искала Эммануэль повод для отказа. Ариана рассмеялась:

– Хорошему мужу нравится, если с женой все в порядке, – и она весело подмигнула.

– Я не уверена, покажется ли Жану нормальным...

– Ну что ж, тогда вы ничего ему не скажете, – заключила Ариана в видном полном простодушия.

И, придвинувшись к Эммануэль, крепко обняла ее за плечи.

– Вы хотите говорить мне правду?

Тяжелые горячие груди прижались к Эммануэль, у нее закружилась голова, а Ариана мокро дышала ей в ухо:

– Не пытайтесь меня уверить, что это прекрасное тело прижималось только к телу своего мужа. Верно? Ну, а разве вы всякий раз признавались ему?

«Вот она, начинается пытка новой исповедью», – терзалась Эммануэль. Но стоит ли от нее уклоняться? Должна ли она казаться более неопытной, чем оно есть на самом деле? Эммануэль встряхнула головой, но прежде чем она произнесла ответные слова, Ариана легко, почти незаметно поцеловала ее в губы.

– Ты увидишь, – торжествовала она, откровенно любуясь юной француженкой. – Я тебе клянусь, ты не пожалеешь, что приехала в Бангкок!

Она уже, казалось, была уверена в том, что соглашение достигнуто. Эммануэль попыталась рассеять это впечатление:

– Нет, нет, – быстро проговорила она. – Я этого не могу...

И, внезапно воодушевившись, продолжала более уверенно:

– И, ради Бога, не думайте, что это из ханжества или по соображениям высокой морали. Нет, нет... Ну... просто... Дайте мне время привыкнуть к этой мысли... Постепенно...

– Разумеется, – неожиданно уступила Ариана. – Не будем спешить. Это так же, как с загаром.

Она снова сложила свои губы в улыбку, на этот раз учтливую, спокойную, и вернулась в прежнее положение. Но не успокоилась, как выяснилось почти сразу же.

– Послушай, – тут же предложила она. – Сейчас мы пойдем делать массаж.

Встала, натянула на себя бикини и произнесла тоном, каким обращаются к обиженному ребенку:

– Не бойся, девочка, там никого нет, кроме женщин.

Эммануэль оставила свою машину на клубной стоянке, и они отправились в путь в открытом «пежо» Арианы. С полчаса кружили они по улицам среди моторикш, велосипедистов, которых было полно в китайском квартале. Наконец, они остановились перед длинным одноэтажным зданием. Рядом было бюро путешествий, с другой стороны – ресторан. Непонятные Эммануэль рисунки украшали дверь, в которую они позвонили. Зал был похож на любой купальный зал в Европе. Японка в расшитом крупными цветами кимоно встретила их, сгибаясь в поклонах, прижимая руки к груди. Она повела их по длинным коридорам, сквозь запах горячего пара и духов, потом остановилась перед какой-то дверью и снова чуть ли не перегнулась пополам. Все молча, и Эммануэль подумала, уж не немая ли она.

– Ты можешь войти сюда, – сказала Ариана. – Все массажистки одинаковы. Я буду в соседней кабине. Через час встретимся.

Эммануэль растерялась: она никак не ожидала, что Ариана оставит ее одну. Дверь, распахнутая перед нею японкой, вела в маленький банный зал, освещаемый низко подвешенными лампами. Возле массажного стола ее ждала совсем молоденькая азиатка. На ней был голубой халатик, а лицо выражало приветливость радушного хозяина, встречающего долгожданного гостя. Она тоже поклонилась, произнесла несколько слов, совершенно не заботясь, понимают ли ее, подошла к Эммануэль и легкими пальцами стала расстегивать ее одежду.

Когда Эммануэль оказалась раздетой, девушка показала ей рукой на бассейн, наполненный

голубой благоухающей водой. Она провела смоченной в воде рукой по лицу клиентки и приступила к процедуре: стала методично намазывать ее плечи, спину, живот. Эммануэль задрожала, когда покрытая горячей пеной губка заскользила по внутренней поверхности ее ног.

Омовение закончилось, тело Эммануэль было вытерто горячим полотенцем, и сиамка жестом пригласила Эммануэль вытянуться на обитом шерстью столе.

Сначала она поколачивала ее ребром ладони легкими умелыми ударами, пощипывала мускулы, нажимая на крестец и икры, потягивая фаланги пальцев, долго мяла затылок, похлопывала по голове. Эммануэль чувствовала себя превосходно в охватившей ее полудреме.

Затем массажистка вооружилась двумя аппаратами, каждый величиной со спичечный коробок. Укрепила их на тыльной стороне ладоней, и аппараты сразу же загудели, как запущенный детский волчок. Гудящие руки начали медленно двигаться по обнаженному телу, проникая во все выемки и впадины, скользя по ключицам, под мышками, между грудями, между ягодицами. Затем они перешли к внутренней поверхности бедер, выискивая там самые чувствительные точки. Эммануэль дрожала всем телом. Ее ноги раздвинулись, она грациозным движением приподняла нижнюю часть живота, и губы ее открылись, словно подставляя себя для поцелуя, но гудящие руки отодвинулись и поднялись к груди. Они двигались там взад и вперед, подобно утюгу, разглаживающему каждую складку ткани. Когда послышался еле уловимый стон Эммануэль, руки добрались до сосков и поползли по ним, то слегка касаясь их верхушек, то глубоко и сильно вдавливая их. Поясница Эммануэль начала двигаться, словно ее подбрасывали волны. Она выгнулась дугой, закричала. Но руки все продолжали свою упоительную работу, пробегая по груди, пока потрясающий оргазм не погрузил Эммануэль на время в безразличную вялость.

Массажистка немедленно возобновила свои заботы о плечах, руках, лодыжках клиентки. Эммануэль медленно приходила в себя. Она открыла глаза и улыбнулась слабой, извиняющейся улыбкой. Юная сиамка ответила ей понимающей гримаской и что-то произнесла вопросительным тоном. И тут же, протянув длинные тонкие пальцы к своему низу живота, приподняла брови, как бы спрашивая позволения. «Да», – кивнула Эммануэль. Руки, снабженные вибромассажером, тщательно трудились на поверхности и в каждой складке внутри, зная в совершенстве искусство извлекать максимум наслаждения. Без всякой предосторожности, не давая передышки, уверенная в результате сиамка-волшебница виртуозно дополняла электрическую мощь инструмента порханьем, легким царапаньем, растиранием.

Эммануэль сопротивлялась изо всех сил, но еехватило ненадолго. Она начала содрогаться столь сильно, что на лице массажистки отразился даже легкий испуг. И долго после того, как руки оставили ее, Эммануэль продолжала извиваться, судорожно вцепившись пальцами в край белого стола.

Когда они встретились у выхода, Ариана сказала:

– Жаль, что стены все-таки довольно плотные. Когда ты там была, тебя можно было заслушаться. Теперь можешь меня не уверять, что ты больше всего любила математику.

Мари-Анж уже четвертый день кряду приезжала к Эммануэль в послеобеденное время. И всякий раз подвергала хозяйку обстоятельному допросу, интересуясь – и удовлетворяя свой интерес – различными деталями: что проделывала ее подруга с мужем в реальной жизни, какие сцены проносились в ее воображении.

– Если бы ты в самом деле отдавалась тем мужчинам, которым ты отдаешься в своих фантазиях, – заметила она однажды, – ты стала бы настоящей женщиной, с тобой все было бы кончено.

– Ты хочешь сказать, что я бы умерла? – засмеялась Эммануэль.

– Почему же это?

– Ты что, считаешь, что заниматься любовью с мужчинами можно так же часто, как в одиночку?

– А почему нет?

– Милая моя, это же очень трудно – отдаваться мужчине.

– Но тебе же не трудно ласкать себя?

– Нет.

– Сколько раз в день ты этим занимаешься, когда у тебя каникулы? Теперь?

Эммануэль стыдливо улыбнулась:

– Ты знаешь, вчера я постаралась. Мне кажется, раз пятнадцать, не меньше.

– Есть женщины, которые столько же раз в день исполняют это с мужчинами.

Эммануэль покачала головой:

– Да, я знаю, но это меня не привлекает.

И постаралась объяснить:

– Поверь мне, мужчина не всегда так прекрасен, как тебе может показаться. Это тяжело, это долго, это даже больно иногда. И, конечно же, он совсем не знает способа, который больше всего приятен женщине.

Как ни странно, при всей свободе их отношений, в одном пункте Эммануэль не осмеливалась быть с Мари-Анж откровенной до конца. Иногда только неловко, с трудом позволяла она себе намеки, не уясняя, однако, поняла ее девочка или нет. Она сама не могла объяснить себе эту робость – ведь ничто в поведении ее подруги не заставляло Эммануэль быть застенчивой и скрытной: едва появившись, Мари-Анж сразу же раздевалась, ей ничего не стоило сбросить с себя все по первой же просьбе Эммануэль, и чаще всего подруги проводили время на затененной террасе совершенно нагими. И, несмотря на все это, возбуждение, овладевавшее Эммануэль, выражалось лишь в том, что она разнообразила практику на собственном теле, никогда не решалась ни притронуться к телу подруги, ни попросить, чтобы та прикоснулась к ней, хотя хотелось ей этого до смерти. Стыд и бесстыдство боролись в ее душе. Доходило до того, что она спрашивала себя не ища, впрочем, точного ответа, – не есть ли эта необычная скромность и сдержанность на самом деле лишь высшая утонченность, которой безотчетно требовала ее чувственность; не есть ли отказ от тела Мари-Анж, к которому она себя приговорила, более изощренное и изысканное наслаждение, чем простая физическая близость. В этой ситуации, стало быть, когда девочка располагала ею как угодно, ни в чем не уступая себя, для Эммануэль открылся не источник страдания, а необычное, тонкое наслаждение.

И точно такое же, неведомое прежде наслаждение заключалось для Эммануэль в тайне, которая окутывала сексуальную жизнь Мари-Анж. Эммануэль понимала, что согласившись не нарушать этой тайны, она испытывает больше радости и плотской, и духовной; ей было сладко ставить спектакли сладострастия, а самой не видеть сцен, поставленных по той пьесе другим режиссером. И если она каждый день с таким нетерпением ждала появления своей маленькой подруги, то главным образом не для того, чтобы видеть ее наготу и быть свидетельницей ее похотливых забав, а чтобы самой – что было, разумеется, более смелым и волнующим, – вытянувшись в шезлонге, ласкать себя под испытующим взглядом Мари-Анж. Очарование не исчезало и после ухода подруги: Эммануэль по-прежнему видела перед собой удивительные зеленые глаза и до самого вечера продолжала свои занятия любовью.

Мать Мари-Анж пригласила Эммануэль на очередную чашку чая по средам. В большом, хорошо обставленном салоне Эммануэль обнаружила дюжину дам, ничем на первый взгляд не отличимых друг от дружки. Она пожалела, что не может остаться наедине со своей наперсницей: та с видом благопристойной девочки сидела на ковре посередине комнаты. И тут Эммануэль увидела новую гостью, сразу же резко выделявшуюся на фоне всего общества.

Вновь прибывшая напомнила Эммануэль дорогих ее сердцу парижских манекенщиц. У нее была их стройная фигура, их выражение некоей усталости на лице, их умение держаться на расстоянии от других. Рот слегка приоткрыт «уста, как роза», черные брови над удлиненными глазами. Эммануэль подумала, что она единственная в этом обществе, которая может понимать, благодаря своему опыту, что может скрываться под этой подчеркнутой скромностью, что эта красота должна быть страстной и необузданной. Она помнила, как часто открывала под масками своих подружек, под «строгим образом всех гордых изваяний» бодлеровские «благовонья, чары, поцелуи». Мраморные статуи могли превратиться в плоть, но мужчина, веривший в рай недоступный и в богов безжизненных, по-прежнему тянул руки к статуе, и возлюбленная плоть пребывала камнем.

Эти воспоминания наполнились сейчас для Эммануэль двойственным ощущением, где было поровну и от привкуса ее школьных забав и от того, что она испытывала в примерочных парижских магазинов моды. Ей самой захотелось быть произведением искусства, прибывшим в Бангкок в виде бесформенной глины и только здесь обретающим форму. И хотя она не могла отчетливо представить себе, во что выльется эта форма, но ей подумалось, что было бы прекрасно, если бы однажды она стала таким же совершенным существом, как эта рыжеволосая красавица стала созданием блестящего мастера, гордящегося делом своих рук.

Прежде чем хозяйка дома смогла представить новую гостью, Мари-Анж вскочила с ковра и увлекла Эммануэль в угол, где их никто не мог услышать. Выглядела Мари-Анж как человек, выполнивший трудную и почетную миссию.

– Я нашла мужчину для тебя!

Эммануэль не удержалась от тяжелого вздоха:

– Вот это новость! И как ты торжественно ее объявляешь! Что ж это за «мужчина для меня»?

– Один итальянец, очень красивый человек. Я его давно знаю, но не была уверена, что это именно то, что тебе нужно. А сейчас мне стало ясно, что он именно тот. Ты должна как можно скорее познакомиться с ним.

Настойчивая поспешность была в стиле Мари-Анж, но все-таки позабавила Эммануэль. В этом «то, что нужно» она не была уверена, но огорчить свою опекуницу ей не хотелось. И с видом глубокой заинтересованности она спросила:

– А кто он, твой мужчина?

– Настоящий флорентийский маркиз. Я уверена ты никогда такого не встречала. Изящный, величественный, орлиный нос, глаза глубокие, черные, пронизывающие, лицо худое и смуглое.

– Да что ты говоришь!

– Не хочешь, можешь мне не верить. Но ты не будешь так улыбаться, когда его увидишь. Он тоже родился под знаком Льва.

– Тоже? А кто еще родился под этим знаком?

– Ариана и я...

– Ах, вот оно что!

– Но волосы у него черные, как у тебя. Черные с серебром!

– Седой! Так значит, он старик!

– Какой старик! У него самый подходящий для тебя возраст: он ровно вдвое старше тебя, ему тридцать восемь лет. Вот почему я говорю, что не надо откладывать дело, на будущий год ты уже будешь стара для него. Правда, в будущем году его уже здесь не будет...

– А что он делает в Бангкоке?

– Да ничего. Он – интеллектуал. Он знает все. Он объездил всю страну. Он осматривает развалины, изучает буддизм. Он находит в музеях вещи, о которых даже хранители не имеют

представления. Думаю, он собирается написать книгу. А так он ничем особенным не занимается.

Однако Эммануэль думала сейчас о другом.

– Скажи-ка мне, кто эта фантастическая дева?

– Фантастическая дева?

– Ну да, которая только что вошла...

– Куда вошла?

– Сюда, разумеется! Мари-Анж, ты что, обалдела немного? Посмотри прямо перед собой.

– Так ты, насколько я понимаю, говоришь о Би.

– Как ты сказала?

– Я сказала «Би». Это ты, наверное, обалдела, а не я!

– Ее зовут Би? Какое чудесное имя!

– Это не имя. По-английски это значит «пчела». «В» и два «е». Но я предпочитаю «В» и «I».

Так понятней. – Как это пишется?

– Так, как я произношу. Понимаешь, это не ее настоящее имя. Это я ее так зову. И теперь все стали ее так звать, а настоящее имя забыли.

– Но все-таки скажи мне ее настоящее имя!

– Да зачем? Ты все равно не сможешь его повторить. Эти английские имена они же непроизносимы!

– Но я же не могу называть ее «Би»?

– А тебе и не надо ее называть.

Эммануэль удивилась, но не стала требовать объяснений, она спросила о другом:

– Она англичанка?

– Нет американка. Но, скажу тебе, по-французски говорит не хуже нас с тобой. Без малейшего акцента.

– Чувствуется, что она тебе не очень-то нравится.

– Кто? Она – моя лучшая подруга!

– Ах, вот как! А почему ты мне ничего не говорила о ней?

– Я же не могу рассказывать тебе обо всех моих знакомых девицах.

– Но если она твоя любимая подруга, ты могла хотя бы раз упомянуть о ней.

– А кто тебе сказал «любимая»? Подруга – вот и все. Это совсем не значит «любимая».

– Мари-Анж! Я совсем не могу тебя понять. Ведь, в самом деле, ты ничего не хочешь мне про себя рассказать. И не хочешь, чтобы я познакомилась с твоими приятельницами. Это что, ревность? Ты боишься, что я их у тебя отберу?

– Я не понимаю, зачем тебе тратить время на банду девчонок...

– Не смейся, Мари-Анж. «Тратить время»! Можно подумать, что оно у меня на вес золота.

Послушать тебя, так у меня каждый день должен быть на счету.

Мари-Анж в ответ так тяжело вздохнула, что Эммануэль даже забеспокоилась:

– Я совсем не чувствую себя стареющей.

– Ох, ты знаешь, это происходит так быстро и незаметно.

– А эта Би? Она по твоим расчетам тоже одной ногой в могиле?

– Ей уже двадцать два года и восемь месяцев.

И еще одно хотела выяснить Эммануэль.

– Она замужем?

– Нет, что ты!

– Ну, тогда она еще более старая дева, чем я. Она-то должна это понимать.

Мари-Анж никак не прокомментировала это глубокое замечание, и Эммануэль

продолжила:

– Значит, ты не хочешь меня представить ей? Я правильно поняла?

– Ах, вот оно в чем дело! Теперь все ясно, а то ты болтала всякие глупости.

И Мари-Анж сделала знак Би. Та сразу подошла.

– Это Эммануэль, – произнесла Мари-Анж с видом человека, выдающего совершителя дурного поступка.

Серые глаза Би смотрели умно и понимающе. Ей, казалось, не было никакой нужды проявлять в чем-то свое превосходство перед окружающими. Эммануэль подумала, что у Мари-Анж хватает хлопот с Би, и почувствовала себя отомщенной.

Они обменялись самыми банальными фразами. Голос Би удивительно гармонировал с ее глазами. Каким-то свечением счастья веяло на Эммануэль от этой женщины. Как проводит она свое время? Чаще всего гуляет по городу. Она одна в Бангкоке? Нет, она приехала сюда год назад навестить брата, он морской атташе в посольстве Соединенных Штатов. Думала пробыть месяц, но прошел уже год, а у нее нет никакого желания уезжать отсюда.

– Когда я решу, что эти каникулы слишком затянулись, я выйду замуж и вернусь в Штаты. Мне не хочется работать. Я обожаю ничего не делать.

– У вас есть жених? – спросила Эммануэль. Этот вопрос заставил Би добродушно рассмеяться:

– Знаете, у нас помолвки происходят накануне свадьбы. Совсем накануне. Так что я думаю, что даже за неделю до моего исчезновения я не смогу вам точно назвать свой выбор.

– Исчезновения?.. Но выйти замуж не означает исчезнуть, – запротестовала Эммануэль. Би мягко улыбнулась и вздохнула. Потом сказала:

– Да это не так уж плохо: исчезнуть, спрятаться...

«От кого спрятаться?», – хотелось спросить Эммануэль, но она побоялась показаться слишком приставучей. Вопрос задала как раз Би:

– А вы довольны, что так рано вышли замуж?

– О да! – воскликнула Эммануэль чересчур, пожалуй, порывисто. – Это самое лучшее, что я сделала в жизни!

Би снова улыбнулась. Нет, в самом деле, от этого создания исходила почти физически ощутимая доброта!

Целый вечер они не отходили друг от друга. Ничего важного не было сказано между Би и Эммануэль, но обоим это общение было приятно. Эммануэль была даже рада, что Мари-Анж забыла о ней, и когда появился Жан, она пожалела, что приходится покидать это общество. Мари-Анж бросила ей на прощание не допускающим возражения тоном: «Жди моего звонка!»

И только в эту минуту Эммануэль спохватилась, что забыла спросить номер Би.

Как-то безотчетно Эммануэль боялась новых встреч с Арианой, и ее перестали видеть в Королевском клубе. Однажды она спросила мужа, что он думает о молодой графине де Сайн. Жан находил ее очень привлекательной бабенкой. Ему нравилась ее непосредственность, отсутствие всякого кривлянья. «У тебя с ней что-нибудь было?» – поинтересовалась Эммануэль. Нет, но если бы представился случай, Жан не отказался бы. Эммануэль, всегда гордившаяся успехами мужа у других женщин, на этот раз почувствовала, вопреки всякой логике, укол ревности. Конечно, она постаралась, чтобы Жан не заметил этого, но тем не менее утро было испорчено...

Как раз на следующий день после этого разговора ей позвонила Ариана. Ужасно противная вещь этот дождь, но у нас есть гениальная идея. Выяснилось, что ей охота поиграть в сквош и научить этой игре Эммануэль. Что это такое? О, это очень просто, это почти как теннис, но играть можно в любую погоду, потому что игра происходит под крышей. Ариана возьмет

ракетки и мячи, и все, что требуется от Эммануэль, так это облачиться в шорты, обуться в теннисные туфли и через полчаса оказаться у ворот Клуба.

Графиня повесила трубку прежде, чем Эммануэль успела произнести слова извинения и отказа. «Ну ладно, – сказала она себе, – В конце концов, эта игра, о которой я никогда не слышала раньше, может оказаться интересной». И она отправилась в Клуб.

Они встретились и рассмеялись: обе были одеты в совершенно одинаковые пуловеры из желтой хлопчатки и черные шорты.

– Вы носите лифчик? – поинтересовалась Ариана.

– Нет, у меня ни одного нет, – ответила Эммануэль.

– Bravo!

И Ариана, крепко обхватив Эммануэль, оторвала ее от земли легко, без заметных усилий. Кто бы мог подумать, что эта женщина обладает такой физической силой! А Ариана между тем объяснила:

– Не верьте всем этим глупостям, что теннис или верховая езда могут испортить грудь, если ее не упрятать в этот дурацкий мешок. Наоборот, чем больше занимаешься спортом, тем крепче она становится. Вот, посмотрите на мою и убедитесь.

Эммануэль и глазом не успела моргнуть, как графиня стянула через голову свой пуловер и бросила его на землю, дав возможность оценить ее потрясающий бюст не только Эммануэль, но и всем, кто оказался в этот момент поблизости.

Зал для сквоша не представлял собой ничего особенного: дощатый пол, четыре деревянных стенки и навес. Сама игра должна была происходить в галерее, в которую, как в яму, надо было спускаться по лестнице, утопленной в стене и освобождаемой нажатием кнопки. Хочешь выбраться обратно – потяни за шнур, и лестница снова появится из стены. Игра состояла в том, чтобы по очереди длинной узкой ракеткой бить каучуковым мячом о стенку. Маленький черный мячик так стремительно отлетал от стены после ударов Арианы, что Эммануэль металась, как сумасшедшая, стремясь отразить удар. Через полчаса ей начало все удаваться, Ариана дала сигнал к перерыву и потянула шнур, вызывая лестницу. Вытащила из спортивной сумки два полотенца, энергично вытерлась сама и подошла с полотенцем в руках к совершенно выбившейся из сил подруге. Та не могла даже сама стянуть с себя пуловер, он застрял у нее под мышками, и Ариане пришлось прийти на помощь. Эммануэль прислонилась к лестнице, бессильно раскинув руки, и напоминала собой какое-то странное распятие...

Ариана легкими движениями вытирала ее грудь и спину, но не прекратила это занятие и после того, как все было вытерто насухо. И к ощущению недостатка воздуха, усталости, жажды прибавилось новое, не лишенное приятности. Внезапно Ариана отшвырнула полотенце и, сомкнув руки на спине своей ученицы, прижалась к ней всем телом. Эммануэль почувствовала, как чужие груди ищут ее грудь, и как только они соприкоснулись, ей стало так хорошо, что сопротивляться этому натиску она не могла. Сквозь шорты она ощутила, как тугий холмик Арианы прижался к ней еще теснее и откинулась, а так как обе они были теперь одинакового роста, губы Арианы оказались на уровне губ Эммануэль. И Эммануэль получила первый настоящий поцелуй Арианы: глубокий, исследующий по очереди, ничего не миную, каждый миллиметр поверхности ее губ, ее языка, все вмятинки ее неба, ее зубы. Он был таким долгим, этот поцелуй, – минуты он длился или часы? Эммануэль забыла о своей усталости, о своей жажде. Она стала тихонько раскачиваться, чтобы лоно ее проснулось, бутон отвердел и нашел успокоение, прижавшись к плотному животу другой женщины. И когда это наступило и возбуждение достигло такой точки, что бутон ее плоти стал походить на маленькое, но крепкое навершие копья, Эммануэль исступленно сжала ногами бедро Арианы и стала тереться о него своим лоном. Ариана замерла, потом оторвала губы от губ Эммануэль, посмотрела на свою

добычу и засмеялась радостно, словно школьница, довольная удачной проделкой. Этот смех немного смутил Эммануэль и объяснил ей, что в этих сплетениях Ариана не искала никаких сентиментальных, нежных чувств. Это был смех плотоядный, жадный, но Эммануэль все равно хотелось, чтобы ее целовали еще, чтобы грудь Арианы не отрывалась от ее груди. Но та снова, как при их встрече, подхватила Эммануэль под мышки и подняла ее еще выше на несколько ступеней. Теперь Эммануэль стояла на лестнице. Она подумала, что Ариана хочет поцеловать ее в грудь, но руководительница игры держала голову на расстоянии и не отрывала смеющихся глаз от лица своей жертвы. И прежде чем Эммануэль сообразила, что же происходит, рука Арианы проникла под шорты и прижалась к влажной коже Эммануэль.

Пальцы Арианы были столь же умелы, как и ее губы. Они пощекотали восставшую плоть, а потом два сдвинутых пальца решительно углубились в тело Эммануэль, работая настойчиво и в то же время осторожно. И оргазм буквально смыл Эммануэль, затопил ее, стремившуюся раскрыться как можно шире навстречу столь умело берущей ее руке. Когда, наконец, почти потеряв сознание, она соскользнула с лестницы, графиня подхватила ее, прижала к себе, и если бы Эммануэль могла видеть в эти минуты глаза Арианы, она не заметила бы в них ни искорки насмешки.

Однако, когда Эммануэль окончательно пришла в себя, к Ариане вернулась ее прежняя насмешливость. Поддерживая Эммануэль за плечи, она спросила:

– Ты сможешь передвигать ноги по лестнице?

Смущение овладело Эммануэль, она опустила голову, как пристыженный ребенок. Ариана взяла ее за подбородок, посмотрела ей в глаза. Голос Арианы стал хриплым. Так она еще никогда не разговаривала с Эммануэль:

– Скажи мне, другие женщины уже делали это с тобой?

Эммануэль сделала вид, что не слышала вопроса, но Ариану было трудно провести. Она спросила еще раз:

– Отвечай же! Ты занималась любовью с женщинами?

Эммануэль упорно молчала. Ариана приблизила губы к ее губам и страстно поцеловала.

– Поедем ко мне, – выдохнула она. – Хорошо?

Но Эммануэль замотала головой.

Ариана все еще держала подругу за подбородок, но больше не произнесла ни слова. И когда она, наконец, отпустила Эммануэль, ничего в ней не показывало, что она огорчена отказом.

– Полезли наверх, – только и сказала она.

Уже наверху Эммануэль заметила, что забыла на площадке свой наряд. «О, и ты оставила свой пуловер! Дать тебе его?» – крикнула она и поняла, что в первый раз обратилась к Ариане на «ты».

Ариана сделала королевский жест.

– Оставь его там. Он ничего не стоит.

И она двинулась вперед, держа в одной руке ракетку и сумку, накинув на плечи полотенце, совсем не заботясь о том, что грудь ее обнажена. Другой рукой она обнимала Эммануэль. Они весело отвечали на приветствия встречных, и с каждым взмахом руки грудь Арианы обнажалась все более. Эммануэль испытывала стыд и тревогу. Она поспешила расстаться с Арианой, поклявшись про себя больше не видеться с нею. Ариана наклонилась и едва тронула губами щеку подруги.

– До скорого, мой цыпленочек, – проворковала она и прыгнула за руль своей машины.

И только когда она исчезла, Эммануэль пожалела, что не попыталась ее задержать. Ей хотелось еще раз увидеть эти груди. И, главное, ей хотелось осязать их, трогать, ощупывать. Ей хотелось быть совсем голой перед Арианой, и чтобы та была так же обнажена и лежала бы на

ней, вытянувшись во всю длину своего крепкого тела. Да, пусть они обе будут обнаженными, такими, какими они никогда не бывали, голее самых голых! Ей захотелось прижать грудь к другой груди и свою расщелину к другой расщелине. И она хотела, чтобы ее ласкали женские руки, женские губы, женские ноги. Если бы Ариана сейчас вернулась, с каким упоением отдалась бы ей Эммануэль!

Жан со своим давним, еще по совместной работе в Африке, другом Кристофером отправился в город. Эммануэль не хотелось просидеть одной целый день дома. Она села в машину и поехала. Целый час кружила она по городу, пока не попала в китайский квартал. И здесь возле какой-то лавчонки она увидела знакомый силуэт. Она закричала так, как кричат, призывая на помощь:

– Би!!!

Молодая женщина обернулась и радостно всплеснула руками.

– Я вас искала, – сказала Эммануэль и в ту же минуту поняла, что это правда.

– Да? Значит, вам повезло, если вы нашли меня здесь, – рассмеялась Би. – Я сюда очень редко хожу.

Эммануэль опечалилась на секунду: «Конечно, она мне не поверила». Но надо было не терять времени.

– Не хотите ли позавтракать вместе? – в ее голосе слышалась такая мольба, что Би в первую минуту растерялась, но Эммануэль не дала ей ответить.

– Я придумала! Поедем сейчас ко мне, у меня много всякой всячины приготовлено, и вы посмотрите, как я живу!

– А может быть, я покажу вам местные достопримечательности? – предложила Би. – Здесь совсем рядом есть маленький сиамский ресторанчик. Это что-то особенное, я вас туда приглашаю.

– Нет, нет, – Эммануэль энергично замотала головой. – В другой раз. А сейчас я вас нашла и утащу к себе.

– Ну, как вам будет угодно, – и, открыв дверцу, Би села в машину. Эммануэль была на седьмом небе. Она снова обрела себя. Она была уверена в своих желаниях и гордилась своей любовью, которой не надо прятаться и томиться ожиданием. Она чуть не кричала от радости, закладывая виражи на узких улочках. Она так и лучилась от счастья, и песня звучала в ее сердце.

«Земля, Земля! О, Земля моя, обетованный край! О, милая моя, прилетевшая на зов! О, Земля моя, прилетевшая на зов! О, милая моя, милая моя! Мой залив обетованный, который я нашла. О, мой залив, прилетевший на зов! О, моя земля, моя бухта, мои крылья!» И она вытягивала руки, словно счастливый пловец, добравшийся, наконец, до берега и целующий эту землю-спасительницу Наконец! Наконец! О, как сладостно целовать этот берег, и эти груди, и эти ноги. Все забыто, что было в том, другом мире, все беды, все тревоги, все горести! О, Земля моя! О, милая моя!

Би искоса поглядывала на нее с восхищением и недоумением.

Убранство комнат очаровало гостью. Она хвалила искусство, с которым Эммануэль, учившаяся икебанае, расставила повсюду цветы, ей нравилась мебель, разбросанные повсюду украшения из кораллов и морских ракушек.

Позавтракали они быстро и молча. Эммануэль просто-таки потеряла дар речи. Она молча, с нескрываемым восхищением любовалась Би.

Потом, несмотря на жаркое полуденное солнце, они вышли в сад. Эммануэль вела свою гостью под руку и слушала ее восторги теперь уже по поводу цветов и деревьев сада. Эммануэль сорвала розу и протянула ее Би. Та приложила ее к своей щеке. Эммануэль поцеловала розу.

Когда они вернулись в дом, пот покрывал их лица и шеи.

– Не принять ли нам душ? – спросила Эммануэль.

Би нашла эту мысль превосходной.

Как только они вошли в комнаты, Эммануэль так стремительно сбросила свои одежды, будто они вспыхнули на ней. Би стала раздеваться лишь тогда, когда Эммануэль кинула на пол последнюю деталь своего костюма. Но сначала она сказала:

– Какое у вас красивое тело!

Затем она медленно развязала ленточку воротника. Под блузкой у нее тоже не было лифчика. Эммануэль ахнула от изумления: у Би была совершенно мальчишеская грудь.

– Видите, какая я плоская, – сказала молодая американка.

Но смущенной она не казалась. Наоборот, она явно наслаждалась удивлением Эммануэль. А та не могла оторвать взгляда от розовых точек, таких маленьких, бледных, казавшихся совсем незрелыми. Би забеспокоилась:

– Вам это кажется уродливым?

– О нет, наоборот! Это прекрасно! – воскликнула Эммануэль с такой горячностью, что Би даже умилилась.

– Но у вас самой такая прелестная грудь, – заметила она. – Мы с вами удивительно контрастируем. Но Эммануэль нельзя было переубедить.

– Что хорошего иметь большие груди? Их можно сколько угодно видеть на журнальных обложках. А вы совсем не похожи на других женщин. Это-то и великолепно.

Голос ее стал немного глуше:

– Я никогда не видела ничего более волнующего. Честное слово, я не шучу.

– Знаете, признаюсь вам, – поведала Би, медленно снимая юбку, – мне это даже забавно. Мне, конечно, не хотелось бы, чтобы у меня были маленькие груди, но вообще не иметь груди – в этом есть даже что-то юмористическое, какой-то изыск. И я долгое время боялась – вдруг моя грудь начнет увеличиваться, и тогда я потеряю всю свою самобытность. И знаете, с какой молитвой обращалась я к Богу? «Боже Всемогущий, сделай так, чтобы у меня никогда не было настоящих груди!» И я, наверное, была пай-девочкой, потому что добрый Бог меня услышал.

– Какое счастье! – откликнулась Эммануэль. – Это было бы ужасно, если бы ваша грудь выросла. Я вас люблю именно такой!

Да и ноги Би были замечательны: длинные, с такой чистотой линий, словно их писал какой-то великий художник. Узкие бедра дополняли впечатление рафинированности и породы. Но окончательно поразило Эммануэль зрелище, открывшееся перед нею, когда Би сняла трусики. Лобок был начисто выбрит. Эммануэль никогда не видела, чтобы эта часть тела так отчетливо выделялась внизу живота и чтобы в ней было столько кричащей женственности; ничто на свете не могло быть более красивым и более зовущим к любви. Отсутствие волос лишало таинственности расселину, ведущую в глубины тела. Она была открыта взору и влекла погрузиться в темную влажную глубину. Контраст этой вызывающей женственности с бюстом Феба был потрясающ. Эммануэль не могла оторвать взгляда от наготы своей новой знакомой, и ей показалось, что кто-то трогает рукой и ее самое. «Надо, – сказала она себе, – чтобы Би сделала это сейчас же, чтобы она раскрыла створки чудесной раковины, эту расщелину, эту трещину. О, эта расщелина, посмотришь на нее – и дрожь охватывает тебя». Она уже приоткрыла губы, чтобы попросить Би о такой милости, но Би опередила ее. Повернувшись к двери спальни, она спросила: «Это душ?»

Эммануэль вздрогнула и, не в силах уже владеть собою, выдохнула:

– Пошли!

Гостья замерла перед распахнутой дверью и... рассмеялась:

– Но мне хотелось освежиться, а не выспаться, – сказала она.

Неужели она вправду решила, что ее пригласили вздремнуть часок, или она притворяется невинной, подумала Эммануэль. Она посмотрела прямо в глаза своей обнаженной подруги и – увы – не увидела в них никакого намека.

Она приблизилась к Би.

– Ладно, мы займемся любовью под душем, – сказала она твердо и решительно.

Разные души были в этой комнате, подлинном храме омовений. Один укреплен в потолке, другой – в стене, а третий, на конце длинной коленчатой трубки, можно было взять в руки и направлять куда захочешь. Стоя рядом под перекрестными струями всех трех душ, обе женщины повизгивали от удовольствия. Эммануэль, чтобы не намочить волосы, собрала их на голове в колоссальное сооружение и сравнялась ростом с Би.

Она сказала Би, что хочет ей показать, как можно использовать гибкий душевой шланг. Держа шланг в одной руке, другой она обняла подругу и попросила ее расставить ноги.

Би улыбнулась и послушно выполнила просьбу. Эммануэль направила сверху вниз, прямо на лоб американки струю теплой воды, потом приблизила ее и начала водить то спиральями, то вертикально, то по горизонтали. Видно было, что ей хорошо знакомы правила этой игры. Вода струилась по бедрам Би.

– Хорошо? – спрашивает Эммануэль.

Би молчит, только утвердительно кивает головой, но спустя минуту признается:

– О, очень хорошо.

Не переставая манипулировать душем, Эммануэль подается вперед и берет губами малюсенький сосок Би. Руки Би ложатся на затылок Эммануэль. Зачем? Чтоб оттолкнуть или прижать к себе покрепче? Эммануэль плотней смыкает губы вокруг этого кукольного соска, трогает его кончиком языка, посасывает. Он тотчас же вырастает под этой лаской, и Эммануэль выпрямляется, торжествуя.

– Вы видите.

И, пораженная, замолкает. Лицо Би утратило черты безмятежности и покоя: зрачки серых глаз расширены, губы полуоткрыты. Детское лицо исчезло, и Би, такая, какую еще ни разу не видела Эммануэль, искаженная силой наслаждения, наслаждается без крика, без дрожи, словно ей не хочется выдавать всю силу охватившего ее экстаза. Это длится так долго, что Эммануэль начинает думать, помнит ли подруга о ее присутствии. Но вот гримаса страсти постепенно исчезает с лица Би, и Эммануэль жалеет, что это не может длиться вечно. Она так поражена увиденным, что не может произнести ни слова. Би, также безмолвная, улыбается ей.

И теперь Эммануэль целует ее в губы. Она стонет от удовольствия, ощущая прикосновение кожи Би к своей. Какая это чудесная ласка сама по себе! А ведь ее можно и разнообразить. Эммануэль еще крепче прижимается к Би, начинает тереться своим пушистым холмиком о гладкий лобок Би. Та догадывается, чего ищет Эммануэль; она осторожно опускается, откидывается назад и принимает Эммануэль на свой живот. Станный вкус ощущает Би на своих губах, вкус ароматного и сладкого экзотического плода. Она чувствует, как судорога пробегает по прекрасному, припавшему к ней телу, и она помогает ему, как умеет. И она слышит слова, в которых звучит зов любви...

Эммануэль начинает намыливать тело своей подруги. Она принимается за дело, ее руки так ловко скользят между ногами Би, что та вынуждена защищаться:

– Нет, нет, не сразу же, Эммануэль. Я устала, дайте мне собраться с силами.

Эммануэль дает ей смыть с себя усталость, вытереться, а потом снова припадает к ней.

– Пошли в мою постель.

Би отвечает не сразу, но потом прижимается губами к векам вздрагивающей Эммануэль.

– Да, пошли в вашу комнату, – говорит она решительно.

Опрокинув Би на огромную кровать, Эммануэль вытягивается на ней и начинает целовать американку в лоб, щеки, покрывает поцелуями шею, покусывает мочки ушей, грудь. А потом

соскальзывает на ковер у подножья кровати, коленапреклоненная, прижимается лицом к обнаженному животу.

– О-о, – стонет она. – Как это сладко! И она щекой, носом, губами трется об эластичную выпуклость.

– Любимая! Любовь моя!

Би не произносит ни слова в ответ. Эммануэль встревожена:

– Вам хорошо вот так?

– Да...

– Значит, вы будете моей подружкой? Моей любовницей?

– Но, Эммануэль...

Би замолкает, пальцы перебирают черные волосы. Руки Эммануэль раздвигают длинные ноги Би, прикасаются к разделяющей их щелке, осторожно проникают туда. Би вздыхает, ее руки бессильно свешиваются вниз, глаза закрываются. Эммануэль приближает кончик языка к узкому и чистому, как у девочки, разрезу. Она смачивает краешки по всей их длине, облизывает стенки, находит бутон цветка, вдыхает его аромат, щекочет его языком, заставляя твердеть и подниматься и, наконец, всасывает в себя маленький фаллос. Она опускает палец одной руки в себя, а другой продолжает ласкать подругу. Пальцы Эммануэль увлажняются, и этими влажными пальцами она поглаживает ягодицы Би. Та приподнимается немного, как бы для того, чтобы помочь Эммануэль проникнуть и в самое тесное отверстие. Палец Эммануэль погружается туда чуть ли не на всю длину...

И тогда Би кричит. И она кричит все время, пока Эммануэль продолжает ее лизать, сосать и блуждать пальцами повсюду.

Первой, как ни странно, изнемогает Эммануэль. Она вытягивается снова на теле американки. Обе они долго лежат, обессиленные, не произнося ни слова.

Позднее, когда Би, несмотря на протесты Эммануэль, уже оделась, Эммануэль снова обнимает ее и усаживает на кровать.

– Я хочу, чтобы вы сказали мне одну вещь. Но только пообещайте говорить правду!

Би отвечает лишь утвердительной улыбкой. Эммануэль говорит:

– Я тебя люблю!

Би смотрит в ее глаза, пытаясь понять, какую же правду ждут от нее. Эммануэль, посерьезнев, почти патетически вопрошает, крепко сжав руки Би в своих руках:

– Ты уверена, что я тебе понравилась? Я хочу сказать... Нет, подожди, дослушай меня, я тебе нравлюсь так же или больше, чем какая-нибудь другая твоя подруга? Тебе было лучше со мной, чем с кем-то?

Искренний смех в ответ озадачил Эммануэль:

– Почему вы смеетесь надо мной?

– Послушайте, Эммануэль, миленькая, – шепчет Би, приблизив губы к губам слушательницы, – Я сейчас вам открою великий секрет. Со мной никогда не бывало того, что было сегодня.

– Вы хотите сказать, что душ, что...

– Ничего! Я никогда не занималась любовью, как вы это называете, с женщинами.

– О, – потирает лоб Эммануэль. – Я вам не верю.

– Придется поверить, потому что это чистая правда. И еще признаюсь вам в одной вещи. До сегодняшнего дня, до того, как я узнала вас, мне казалось это смешным.

– Но, – бормочет озадаченная Эммануэль, – вы хотите сказать, что вам не нравилось?

– Не то чтобы не нравилось, я просто этого раньше не делала.

– Но так же нельзя!

Негодование, послышавшееся в голосе Эммануэль, заставило Би снова рассмеяться.

– Почему? Я показалась тебе чересчур умелой? – спросила, понизив голос, Би.

И тон ее, тон сообщницы, появившийся у нее, и это, тоже первое, «ты», даже смутили Эммануэль.

– Вы... Ты не выглядела удивленной.

– А я была рада. Потому что это были вы.

Эммануэль задумалась на минуту. Потом, будто бы очнувшись, будто бы ничего не было сказано из того, что было сказано только что, она спросила еще раз:

– Так вы меня любите, Би?

Та смотрела на нее на этот раз без улыбки.

– Я вас очень люблю. Да, очень.

Но Эммануэль ожидала чего-то другого. И она задала еще один вопрос, скорее для того, чтобы прервать молчание:

– Но... Вам понравился первый опыт? Вы довольны?

Би словно внезапно решила на что-то:

– Так, а теперь, – сказала она, – я буду ласкать тебя.

Эммануэль не успела ответить, а Би уже крепко обняла ее и бросила на кровать. Она поцеловала ее так же нежно и в то же место, как целовали и ее. Она вытянула язык, чтоб он мог проникнуть как можно дальше. Эммануэль сразу же окатила волна нежности, и Би не смогла перейти к другим ласкам. Она отодвинулась было, пораженная этим внезапным оргазмом. Но, увидев, что судороги продолжаются, она снова приникла к своей возлюбленной и долго-долго не отрывалась от нее. Наконец, она выпрямилась и сказала, улыбаясь:

– Вот уж не думала никогда, что мне посчастливится пить из такого источника! Ну, теперь ты видишь, как я тебя люблю?

И тут раздался телефонный звонок. Как он обрадовал бы Эммануэль в другую минуту! Звонила Мари-Анж, она скоро приедет. На этот раз новость опечалила Эммануэль, и понадобилось все благодушие Би, чтобы ее успокоить. Они договорились увидеться завтра. Би приедет с утра. Ее привезет шофер.

Эммануэль в ожидании новой гостьи даже не потрудилась одеться. На этот раз, как ни удивительно, у нее не было ни малейшего желания соблазнить свою юную приятельницу. Проницательная Мари-Анж сразу же заметила, что с ее подругой творится что-то неладное.

– Что случилось? – спросила она. – У тебя вид девицы, только что получившей предложение.

Эммануэль попробовала было уклониться от ответа, но выдержки ее хватило ненадолго.

– Я сейчас сообщу тебе потрясающую новость, – наконец решила она. – Ты сейчас ахнешь.

– Ты забеременела?

– Ты с ума сошла. Попробуй угадать.

– Не буду я угадывать. Скажи сама, что ты мне еще приготовила.

– Ничего особенного. Я хочу тебе сообщить, что всего лишь занималась любовью с Би.

Эммануэль исторгла из себя признание, не представляя себе точно, какой эффект это вызовет. Но она никак не ожидала от Мари-Анж такой равнодушной реакции:

– И это все, что ты хотела мне сказать? – довольно спокойно проговорила Мари-Анж. – Зачем же такая преамбула? Что особенного случилось?

– Но все-таки, – пришла в замешательство Эммануэль. – Би просто чудо.

И ехидно добавила:

– Может быть, она не в твоём вкусе?

Мари-Анж пожалала плечами:

– Эммануэль, бедняжка, как ты можешь быть такой глупенькой? Я не вижу ничего потрясающего в том, что женщина спит с женщиной. А ты объявляешь об этом с видом триумфатора. Просто смешно!

Пренебрежение подруги задело Эммануэль. Она попробовала выразиться яснее, определеннее:

– Не понимаю, какая муха тебя укусила? Ты, кажется, что-то имеешь против того, что мы с Би трахнули друг друга.

Ответ Мари-Анж не допускал никаких возражений:

– Трахнуть может только мужчина.

И за этой сентенцией последовала еще одна:

– Нельзя терять время на болтовню! Я уже говорила, что знаю одного человека, который тебя научит тому, как это делается. И надо, чтобы я вручила тебя Марио, в его объятия как можно скорее.

Она наморщила лоб, как бы производя в уме некие расчеты.

– Сегодня у нас шестнадцатое. Ты приглашена на восемнадцатое в посольство? Да? В этот вечер я тебя и познакомлю с ним. И если вы не полюбите друг друга при первом знакомстве, значит, это произойдет на следующий день.

У нее не было сил ждать. Она вышла на балкон и, опершись о перила, всматривалась сквозь заросли сада в дальний конец улицы. Губы ее дрожали. Приедет ли? Почему так опаздывает? Может быть, нашлись причины, по которым ей нельзя вновь видеться с Эммануэль, и сейчас по телефону она скажет об этом?

Наконец, Эммануэль сама решилась позвонить. Ответил мужской голос. Наверное, слуга. И тут же Эммануэль поняла, что ничего не сможет сказать не только потому, что не знает английского, но ведь ей неизвестно и настоящее имя Би. Она не знает, кого попросить к телефону!

Она повесила трубку.

Но раз трубку взял кто-то другой, значит, Би нет дома, она сейчас в дороге. Она должна появиться с минуты на минуту. А вдруг с ней произошло несчастье? Да нет, наверное, Би забыла адрес и блуждает сейчас в запутанном лабиринте дипломатического квартала. Все улицы похожи, названия их нормальному человеку не выговорить – ничего удивительного, что Би заблудилась.

Но тотчас же в сознании Эммануэль прозвучал другой, более уверенный голос. Он напомнил ей, что Би провела в Бангкоке уже целый год и за это время можно вполне изучить город: сама Эммануэль свободно ориентировалась уже к концу второй недели. Нет, тут что-то другое.

Однако она опаздывает уже на два часа! Что могло помешать Би, если она забыла адрес, позвонить Эммануэль?

А может, самой отправиться на поиски Би? Но она не знает адреса. Подожди-ка, Мари-Анж говорила, что она сестра американского морского атташе! Что же, позвонить в посольство? Да, но кого попросить к телефону? Там ведь может оказаться несколько атташе. И на каком языке обратиться?

Бог ты мой, да просто позвонить Мари-Анж! Но тут же она представила, с каким сарказмом обрушится на нее это зеленоглазое чудовище. Нет, нельзя признаваться девчонке, что ты брошена...

А в том, что она брошена, Эммануэль теперь уже почти не сомневалась. Она не придет ни сегодня, ни завтра. Уступила вчера порыву, оказавшемуся сильнее ее, но сегодня, вдали от

соблазна, она пришла в себя; она не любит Эммануэль; она вообще не любит женщин, эта забава кажется ей скучной и бессмысленной, «смешной», говоря ее словами. Или она стыдится, что вчера дала себя увлечь запретными наслаждениями. Очевидно, говорила себе Эммануэль, у Би есть религиозные правила, моральные нормы, запрещающие ей повторить вчерашнее распутство. Ведь Эммануэль, по существу, ничего не знает о ней: она видит, что та живет, наверное, без любовника и... без любовницы. А вдруг это совсем не так на самом деле?

Вот оно что! У Би, вполне возможно, есть любовницы! Нет, этого не может быть. Ну, тогда – любовник! Ну да, она вернулась, покаялась ему, он закатил ей сцену, потребовал отказаться от встреч с Эммануэль. Да, это так, теперь Эммануэль убеждена в этом. Но она не позволит себе так легко уступить. Она будет драться за свою любовь всей силой своей любви...

Но через несколько минут только сладость страдания осталась в ее душе. Би никогда больше не вернется, и не все ли равно, по каким причинам – не вернется и все. Боже мой, неужели надо навсегда отказаться от этих рук, тела, от этих губ, совсем недавно произнесших: «Я тоже вас очень люблю...»

И впервые со времени раннего детства настоящие слезы полились из глаз Эммануэль.

Вечером Жан и Кристофер потащили ее в театр. Ей было безразлично происходящее на сцене, она сидела с мрачным лицом, и Жан не задавал ей никаких вопросов. Кристофер, не понимая, что происходит, тоже помрачнел, он выглядел даже более удрученным, чем Эммануэль. И лишь оказавшись ночью в объятиях мужа, Эммануэль горько разрыдалась и рассказала ему обо всем.

По мнению Жана, Эммануэль приняла это приключение слишком близко к сердцу. Весьма возможно, что какая-то серьезная причина помешала Би, завтра пропажа найдется, и все разъяснится. Но если даже Би и впрямь решила больше не видеться с Эммануэль – что из того! Во-первых, хорошо, что все это кончилось так быстро, иначе Эммануэль мучилась бы сильнее. Во-вторых, Эммануэль должна помнить, что она предназначена кружить головы другим и не позволять, чтобы другие могли вскружить ей голову. И если эта Би, которую Жан не видел и о которой ничего не слышал, и вправду так хороша, то все равно в ней нет и половины тех достоинств, какие есть у его милой девочки. И он не позволит, чтобы она печалилась. Единственное, чего заслуживает Би, – чтобы Эммануэль отомстила ей, и как можно скорее, в других объятиях. А разве их трудно найти? И она должна доказать это Би, и чем скорее, тем лучше.

Эммануэль внимательно слушала и постепенно успокаивалась. В самом деле, как не стыдно так убиваться. Конечно же, она найдет других, она еще не знает кого, но найдет обязательно!

Все парижские платья были решительно забракованы Жаном: они недостаточно открыты, в них нельзя идти на посольский прием!

– Но в Париже не было никого, кто бы мог показывать грудь так смело, как я, – не соглашалась Эммануэль.

– Дорогая моя, то, что в Париже называется показать грудь, в Бангкоке выглядит, как наглухо застегнутое платье, – убеждал Жан. – Надо, чтобы все увидели, что у тебя лучший бюст в мире. Надо ткнуть им в глаза твои груди.

И платье, которое они, наконец, выбрали, вполне годилось для этой цели. Широкий вырез едва доходил до сосков, но стоило наклониться и – оп-ля! – вся грудь, как на витрине. Под платье Эммануэль не надевала ничего, даже маленькие трусики. Еще в Париже, со времени своего замужества, она только так появлялась в свете: чувствовать себя обнаженной в многолюдстве было для нее одной из самых утонченных ласк. А во время танцев это ощущение делалось еще сильнее.

Платье обтягивало тело Эммануэль до бедер, как перчатка, а книзу расширилось. И сейчас, чтобы продемонстрировать возможности платья, Эммануэль упала в кресло. Зрелище было столь острым, что Жан сразу же ринулся вперед, ища застежку. Одной рукой он расстегивал платье, другая же старалась высвободить бюст Эммануэль.

Она взмолилась:

– Жан, что ты делаешь, ты с ума сошел! Мы и так опаздываем, нам надо немедленно выходить.

Он перестал ее раздевать, подхватил на руки и понес к обеденному столу посреди комнаты.

– Нет, нет! Платье изомнется... Ты мне делаешь больно! А если Кристофер спустится?... Слуги могут войти...

Но как только ее зад коснулся стола, она сама потянула платье кверху. Согнутые в коленях ноги взметнулись в воздух. Удар Жана был короток и могуч, и оба они рассмеялись этому экспромту. Теперешняя поспешность Жана была по-новому неожиданно приятна Эммануэль. Она сжала руками свои груди, словно пытаясь выжать из них нектар: собственная ласка способствовала ее неистовству не меньше, чем старания мужа. Она закричала, в дверях столовой возник слуга. Он застыл, сложив руки на груди, и молча наблюдал за играми своих хозяев. А крики Эммануэль разносились по всему дому.

Когда Жан закончил свое дело, он приказал слуге привести стол в порядок и позвать Эа, камеристку Эммануэль, чтобы та помогла своей госпоже восстановить туалет. Они приехали в посольство, опоздав совсем немного.

Общество, однако, было уже в сборе. Посол подошел к ним.

– Очаровательно, – произнес он, целуя руку Эммануэль. – Поздравляю вас, старина, – он повернулся к Жану, – Надеюсь, ваша работа оставляет вам время и для такой очаровательной супруги?

Седая дама остановилась рядом, с явным осуждением глядя на вырез платья Эммануэль. И тут же вынырнула откуда-то Ариана де Сайн; она оказалась как раз кстати, чтобы усугубить положение.

– Боже мой! – протянула она руки к Эммануэль. – Вот наш первый вызов ханжеству. О, надо постараться показать его всем нашим. – И она повернулась к элегантному мужчине, занятому беседой с епископом в лиловой сутане:

– Жильбер, взгляни-ка! Как ты это находишь?

И Эммануэль была вынуждена предстать пред очами советника и прелата. Первый, как ей показалось, оценил ее выше, чем второй. Мужа Арианы она представляла совсем не таким: вместо напыщенного великовозрастного ребенка с моноклем она увидела добродушного, ничуть не жеманного человека, и по первым же словам графа поняла, что он свой парень.

И вот уже она окружена солидными господами; слушает комплименты, ловит восхищенные взгляды. Но ее занимает другое: она осматривается, надеясь увидеть среди незнакомых лиц одно знакомое – лицо Би. Ведь сюда приглашен весь дипломатический корпус, а может ли брат прийти без сестры? Эммануэль не знает, как ей себя вести при встрече с юной американкой. И вдруг ей становится ясно, что она не хочет, боится этой встречи. Надо поскорее спрятаться под крылышко супруга. Но того, увы, уже поглотила толпа. Зато рядом вновь оказалась Ариана и потащила Эммануэль сквозь хор комплиментов, сквозь строй мужчин всех возрастов и фасонов. И это вернуло Эммануэль обычную уверенность. Лицо ее оставалось безучастным, но не меньше, чем коктейли, которыми потчевала ее на каждом шагу графиня, пьянили ее эти похвалы. А графиня смотрела на Эммануэль безотрывно, пользуясь любым случаем, чтобы прикоснуться к ее обнаженным плечам или украдкой задеть грудь. Внезапно Ариана резко притянула ее к себе.

– Ты великолепна, – прошептала она и осторожно ущипнула двумя пальцами сосок Эммануэль. – Пойдем со мной. Туда, где никого нет, я знаю одно местечко.

– Нет, нет, – замотала головой Эммануэль. И прежде чем Ариана смогла что-то сказать, она уже бежала от нее, скользя по залу, пробираясь между многочисленными гостями посла. Пожилой джентльмен остановил ее, предложив показать удивительные китайские фонари на террасе, но тут откуда-то возникла Мари-Анж.

– Прошу прощения, командор, – произнесла она со своим обычным апломбом. Мне надо поговорить с моей приятельницей, – И, подхватив Эммануэль под руку, потащила ее подальше от мимолетного собеседника.

– Что ты делаешь с этой развалюхой, – заторопилась Мари-Анж. – Я тебя везде ищу. Марио ждет тебя уже целых полчаса.

Эммануэль совсем забыла об этом свидании и, по правде говоря, не очень-то рвалась к нему. Она сделала слабую попытку сохранить свободу.

– Это так уж необходимо?

– Ох, послушай, Эммануэль, – досадливо поморщилась Мари-Анж. – Не ломайся, прошу тебя.

Эммануэль послушалась. И прежде чем она успела узнать хоть какие-то подробности о герое, он уже появился на сцене.

– Какая милая улыбка, – произнес он с поклоном. – Вот если бы художники моей родины писали такие улыбки! Вам не кажется, что эти флорентийские полунамеки, эти сдержанные усмешки в конце концов всего лишь гримасы неискренности? Это не искусство. Искусство, считаю я, – это изображать открытую, сияющую, побеждающую улыбку.

Такое вступление несколько удивило Эммануэль. Мари-Анж не представила собеседников, и Эммануэль спросила:

– Мари-Анж все хочет заставить меня быть моделью. Вы, верно, тот художник, которого она нашла для меня?

Марио улыбнулся, и улыбка его, надо отдать должное, была на редкость приятной.

– Ох, – вздохнул он. – Будь у меня хоть сотая доля таланта других, мадам, я бы рискнул пойти на это. Гений модели дополнил бы все остальное. К сожалению, я богат только чужим искусством.

Мари-Анж вмешалась в разговор:

– Марио – коллекционер, ты еще увидишь какой! У него есть вещи, которые он привез из Мексики, Африки, Турции. Скульптуры, картины...

– Которые могут быть только напоминанием об искусстве истинном. Истинное искусство своим движением и отвагой побеждает мертвые образы. Мари-Анж, миа кара, – добавил он по-итальянски, – не обольщайся кусками коры, опавшей с дерева жизни. Я храню их лишь как воспоминание, как сувениры от тех, кто страдал и погибал, оторванный от своего ствола, от своей листвы, кто был опустошен их дыханием, их разумом, их кровью. Иногда это художник, но чаще то, что он изображает. Так что шедевром надо считать не портрет, а возлюбленную портретиста.

– Но если она умерла. Умершую?

– Нет, когда она умирает, что-то умирает и в этом портрете.

– Но картина-то остается жить вечно?

– Глупости! Любопытный хлам, самое большее – игра ума или ловко сделанная машина. Искусство существует только в том, что уходит: в гибнущей женщине, к примеру. Живопись – это разрушение ее тела. Искусство не может быть прекрасным в том, что остановилось, в том, что сохраняет неподвижность. Искусство внезапно. Всякая задуманная вещь рождается мертвой.

– Меня учили другому, – сказала Эммануэль. – «Жизнь коротка, искусство вечно».

– Да кто же заботится о вечности, скажите, пожалуйста, – резко прервал ее Марио. – Вечность не артистична, она уродлива. Ее лицо – это лик мертвых памятников. – Он вытащил платок, провел им по лбу и продолжал, чуть понизив голос:

– Вы знаете возглас Гете: «Остановись мгновенье! Ты прекрасно!». Но как только мгновение остановится, оно перестанет быть прекрасным. Все, что стремится красоте увековечить, умерщвляет ее. Красота – не обнаженное тело, а обнажающееся. Не звук смеха, а губы, которые сменяются. Не следы карандаша на бумаге, а миг, когда сердце художника разрывается на куски.

– Но вы только что говорили, что художник – ничто в сравнении с моделью.

– Тот, кого я назвал художником, не обязательно, разумеется, скульптор или живописец. Конечно, и они могут быть художниками, если смогут овладеть сюжетом и разрушить его (он как-то выделил этот глагол «разрушить»). Но чаще всего модель сама выполняет эту миссию, художник только свидетельствует.

– Тогда что же такое совершенство? Где оно? – спросила Эммануэль с внезапной тревогой.

– Совершенство, шедевр – то, что происходит. Нет, я не правильно выразился. Шедевр – это то, что давно прошло.

Он взял руки Эммануэль в свои.

– Вы позволите мне на вашу цитату ответить другой. Она принадлежит Мигелю Унамуно: «Самое великое произведение искусства не стоит самой ничтожной человеческой жизни». Единственное искусство, которое заслуживает чего-то, это история нашей плоти.

– Вы хотите сказать, что самое важное – это способ, которым достигаешь чего-то? Что именно его надо понимать как шедевр, если хочешь не просто просуществовать свою жизнь?

– Ничего подобного я не думаю. Пытаться сотворить – себя или нечто другое – это все напрасный труд. Во всяком случае, если стремиться сотворить что-то прочное.

Он вдруг улыбнулся.

– Но то же самое происходит, по правде говоря, и с материалом более легким – из мечты, из грезы...

И тут же как бы опомнился:

– Если бы я имел хоть малейшее право давать вам советы, – поклон был необычайно изыскан, – я бы посоветовал вам жить так, как я вас попрошу.

На этом он отвел взгляд в сторону, как бы считая разговор оконченным. Эммануэль стало неприятно. С деланной улыбкой она обратилась к Мари-Анж:

– Ты случайно не видела Жана? Он с самого начала куда-то исчез.

Итальянца окружили другие женщины. Вот прекрасный случай удалиться, но Мари-Анж не отпустила подругу:

– Ты что, арестовала Би? Как ей не позвонишь, мне все время отвечают, что она у тебя. – Она хихикнула. – И так как я не хочу мешать вашим развлечениям...

У Эммануэль упало сердце – Мари-Анж смеется над нею! Да нет, вид у нее вполне серьезный, она говорит искренне. Вот ирония судьбы! Эммануэль приготовилась было пожаловаться вслух, но удержалась в последний момент. Как ей признаться Мари-Анж, что она сама не может найти свою любовницу-одновневку? Пусть уж останутся у этой малышки с косичками иллюзии о силе чар ее старшей подруги. Но вот беда – в таком случае Эммануэль не сможет ничего узнать у нее о Би. Ладно, она расспросит Ариану. Но нигде не видно короткой прически, нигде не слышно резкого смеха. Может быть, нашлась другая жертва, согласившаяся пойти «туда, где никого нет»?

А Мари-Анж снова заговорила о неуловимой американке:

– Я хотела бы хоть попрощаться с нею. Ну, тем хуже для нее. Ты передашь ей мое «прощай».

– Как, она уезжает?

– Нет, уезжаю я.

– Ты? Ты мне совсем ничего не говорила об этом. И куда же?

– О, успокойся, не так далеко. Я всего-навсего проведу месяц на море. Мама сняла бунгало в Паттайе. Приезжай нас проведать. Это всего сто пятьдесят километров. Ты должна увидеть тамошние пляжи – полный отпад!

– Я слышала. Благословенное место, где акулы берут корм из твоих рук. Я тебя больше не увижу...

– Что за ерунду ты городишь!

– Тебе будет скучно там одной...

Эммануэль расстроилась. Как бы порой ни была несносна Мари-Анж, ее будет очень не хватать. Но показывать печаль не хотелось, и Эммануэль заставила себя улыбнуться. А девочка отчеканила:

– Я никогда не буду скучать. Я буду принимать солнечные ванны, кататься на водных лыжах. Да к тому же я беру с собой целый чемодан книг: мне надо готовиться к учебному году.

– Ах, да, я совсем забыла, что мы еще ходим в школу, – поддразнила ее Эммануэль.

– Ну, не все же так образованны, как ты.

– Ты не берешь никаких подруг в Паттайю?

– Нет уж, благодарю, мне хочется пожить спокойно.

– Ты очень любезна. Надеюсь, твоя мамочка не будет спускать с тебя глаз и не даст путаться с маленькими рыбаками.

Зеленые глаза излучали таинственное сияние.

– А ты? Что ты будешь делать без меня? Впадешь в свое обычное идиотство?

– Ну, нет, – игриво откликнулась Эммануэль. – Ты же сама знаешь, что я собираюсь отдаться Марио.

Мгновенно Мари-Анж вернулась к серьезному тону:

– Да, тогда уж ты изменишься обязательно. Ты мне обещала, не забудь! Ты теперь связана словом.

– Вот тут ты ошибаешься. Я буду делать то, что захочу.

– Разумеется, делай, если ты захочешь Марио. Надеюсь, ты теперь не собираешься улизнуть от него?

Мари-Анж скорчила при этом такую презрительную гримасу, что Эммануэль даже немного устыдилась себя. Но так сразу ей все-таки не хотелось уступать:

– Он не так уж неотразим, как ты его рисовала. Он мне показался краснобаем: произносит фразы и слушает их сам, ему и слушатели-то не нужны!

– Ишь ты, какая привереда! Да ты должна гордиться, что тобой интересуется такой человек. Должна тебе сказать, что он-то и в самом деле очень привередлив.

– Ах, вот как! И его заинтересовала я. Значит, мне оказана большая честь.

– Ну, конечно. Я очень рада, что ты ему как будто понравилась. Могу тебе сказать, что я вовсе не была в этом сначала уверена.

– Еще раз спасибо. А почему ты думаешь, что я ему понравилась? Мне, по крайней мере, показалось, что он интересуется только самим собой.

– Но ты хотя бы согласна, что я его знаю немного лучше, чем ты?

– Ну, разумеется. Я допускаю даже, что ты оказываешь ему, и уже довольно долго, многие милости. Может быть, ты поделишься со мной своим опытом, чтобы я оказалась более

подготовленной в момент жертвоприношения.

– Ты сделаешь хорошо, если будешь говорить поменьше пошлостей. Он от них в ужас приходит.

И вдруг, перейдя на доверительный тон, Мари-Анж добавила:

– Но на самом-то деле я знаю, как ты отдашься ему. Иначе я бы вас и не знакомила.

И продолжала, все более воодушевляясь:

– Я уверена, вы очень хорошо поймете друг друга. Ты скоро станешь счастливей. И будешь еще красивей, когда я тебя увижу снова. Я хочу, чтобы ты становилась все красивее и красивее.

Эти слова и особенно выражение зеленых глаз растрогали Эммануэль.

– Мари-Анж, – прошептала она, – Как жалко, что ты уезжаешь.

– Мы скоро встретимся. Я тебя не смогу забыть, будь спокойна.

В их взглядах было столько нежности, что Мари-Анж поспешила вернуться на твердую почву:

– Ты обещаешь вести себя с Марио так, как я тебе говорила? Обещаешь?

– О, конечно. Если это тебе доставит удовольствие.

Впервые со времени их знакомства Мари-Анж потянулась к Эммануэль и ласково поцеловала ее в щеку. Эммануэль попыталась привлечь к себе светловолосую головку, но Мари-Анж отпрянула.

– Пока, кошка, которая ходит сама по себе! Я тебе позвоню завтра, перед отъездом. И ты обязательно приедешь на море!

– Да, – смиренно промолвила Эммануэль.

– А теперь поищем других.

И они снова оказались в толпе приглашенных. Эммануэль переходила от одной кучки болтающих к другой, но нигде не задерживалась. Она искала Ариану, но Ариана сама нашла ее.

– А вот и она, наша непорочная Виргиния, – послышался резкий голос. – Я думала, где же она занимается умерщвлением плоти, в каком монастыре?

Эммануэль тут же отметила, что на людях Ариана не переходит с ней на «ты».

– Совсем не то, – ответила она в тон графине. – Один из демонов был занят сравнением моего смеха с искусством стриптиза.

– Кто же этот ценитель?

– Он мне назвал только свое имя – Марио. Но вы должны знать его.

Ариана фыркнула:

– О, любезности этого знатока стоят немного. Ваша добродетель была бы в большей опасности, окажись вы прелестным мальчиком.

– Вы хотите сказать, что он...

– Я побоялась бы сплетничать, если бы он делал из этого тайну. Разве он вам еще не изложил свои любимые теории? Вижу, он вам еще не доверяет полностью – от меня у него нет секретов. Впрочем, он человек изысканный, и я его обожаю.

– Может быть, он скрыл от меня свои вкусы, потому что я заставила его засомневаться в них, – возразила раздосадованная Эммануэль.

Она рассердилась на Мари-Анж – та утаила от нее главную особенность своего героя. Могла ли она не знать, эта всезнающая девчонка.

– Оставь надежду, всяк сюда входящий, – продекламировала Ариана. – Наш эстет – человек принципов: он не изменяет своим добродетелям и ни за что не сворачивает с избранного пути.

– О, вы знаете, других мне удавалось исправить, – похвасталась Эммануэль.

– Но этот, я думаю, неисправим.

– Это мы еще посмотрим!

– Bravo! Та, что совратит Марио, заслуживает приза золотого Приапа.

Ариана понизила голос:

– Но я бы на твоём месте не стала тратить время на бесполезные усилия. Я уже тебе говорила, что знаю десятки мужчин, не менее соблазнительных, чем Марио, готовых послужить тебе в любую минуту. Давай, я тебя познакомлю с ними...

– Нет, – отрезала Эммануэль. – Я люблю трудные победы.

– Ну что ж, помогай тебе Бог, – усмехнулась Ариана. Взгляд, брошенный ею на Эммануэль, был точно таким же, как тогда в клубе.

– А в эти дни, – спросила она, – у тебя было что-нибудь?

– Да, – ответила Эммануэль.

Ариана внимательно разглядывала ее некоторое время молча.

– А с кем?

– Не скажу.

– Но ты в самом деле занималась с кем-то любовью?

– Да.

Ариана улыбнулась совершенно по-дружески.

– Я тебе кое-что приготовила на сегодняшний вечер, если захочешь.

Любопытство оказалось сильнее Эммануэль.

– Что же именно?

– Не скажу.

Эммануэль нахмурилась, и Ариана не выдержала:

– Два парижанина. Они здесь только на один день. Но я уступаю обоим тебе одной.

– А как же ты?

– А я возьму то, что от них останется!

Эммануэль прыснула, а Ариана придвинулась к ней поближе.

– Ты под платьем голая?

– Да.

– Покажи!

Эммануэль на этот раз не могла ответить отказом. Она приподняла край платья.

– Хорошо! – почти простонала Ариана, уставившись на смуглый живот, показавшийся из-под платья.

Эммануэль ощущала этот взгляд кожей так, будто к ней прикоснулись пальцы или язык. Она напряглась, как напрягалась всегда в таких случаях.

– Открой еще больше, – приказала Ариана. Эммануэль повиновалась, но узкое платье мешало выполнить это распоряжение.

– Сними его, – сказала Ариана.

Эммануэль кивнула головой. Ей и самой не терпелось оказаться обнаженной: соски ее отвердели, внизу живота стало горячо и мокро. Она сбросила бретельки с плеч, расстегнула под мышками застёжки.

– Ах, – воскликнула Ариана. – Кто-то идет!

И очарование кончилось. Эммануэль вернулась на землю. Она застегнула платье, встряхнула головой. Ариана подхватила ее под руку и повела за собой. Слуга прошел мимо них с подносом, уставленным бутылками. Они остановили его, попросили наполнить бокалы шампанским. Пили долго, молча, ничего не видя перед собой, совсем не замечая людей, кружившихся вокруг. Становилось жарко.

– Кажется, будет гроза.

– Конечно, такая жарища!

«Нет, это платье чересчур тяжелое», – подумала Эммануэль. Кто-то окликнул Ариану, но Эммануэль задержала ее:

– Послушай, не знаешь ли ты рыжую американку, темно-рыжую, почти медного цвета. Она сестра морского атташе, она...

– Би? – прервала ее Ариана.

Сердце Эммануэль упало. Она почему-то надеялась, что никто не знает здесь чужестранку и, хотя она искала ее все время, ей было как-то страшно найти ее.

– Да, – кивнула она. – Она здесь сегодня?

– Должна была быть, но я что-то ее не вижу.

– Почему же она не пришла, раз ее пригласили?

– Не знаю.

Ариане явно хотелось переменить тему, но Эммануэль не отставала:

– Как ты думаешь, что она за человек?

– А откуда ты ее узнала?

– Встретила на чае у Мари-Анж.

– Ах, вот как! Ну, конечно, она же одна из ее подруг.

– А чем же она занимается в Бангкоке?

– Тем же, чем и ты: она вызывает желания.

– А ты часто ее видишь?

– Довольно часто.

– Ее содержит брат?

– Не думаю. У нее много денег. Ей никто не нужен.

Как погребальный колокол, прозвучали эти слова. Никто не нужен? Да, конечно, это так и есть. НИКТО ЕЙ НЕ НУЖЕН.

Что же еще спросить? Адрес Би? Но тогда она себя выдаст. Нет, этот вопрос был решительно невозможен.

– Ну, так что же дальше? – спросила Ариана. Эммануэль притворилась непонимающей. Ариана не унималась:

– Так я тебя увижу сегодня вечером?

– Нет, это невозможно. Мой муж...

– Мне он тебя вполне доверит.

Однако что-то кончилось, очарование бесповоротно отлетело, и Ариана поняла это.

– Ладно, – буркнула она. – Я сама их использую сегодня вечером, – Но внешняя беззаботность все же не могла скрыть ее досады. Вдруг она объявила:

– Твой Марио! Я вижу, он кого-то ищет. Наверное, тебя. Не заставляй его долго томиться.

Она подтолкнула Эммануэль локтем. Итальянец уже приближался к ним. Ариана удалилась на поиски коктейля.

– Мари-Анж много говорила мне о вас, – начал разговор Марио.

– Что же она могла обо мне рассказать?

– Достаточно, чтобы мне захотелось узнать вас поближе. Не согласились бы вы поужинать у меня завтра вечером? Мы бы могли как следует поболтать без всяких помех. В этой толпе никакого интересного разговора не получается.

– Благодарю вас, – ответила Эммануэль. – Но у нас сейчас гостит друг дома, и мне будет трудно...

– Ну, что вы! Оставьте его на один вечер под присмотром вашего супруга. Вам разрешается выходить из дому одной?

– Ну, разумеется, – сказала Эммануэль, спросив себя, что же подумает об этом

приглашении Жан, и не удержалась от некоторого лукавства:

– Может быть, будет лучше, если я приду вместе с мужем?

– Нет, – без малейшего стеснения отрезал Марио. – Я приглашаю только вас.

Вот что значит быть откровенным! И все же Эммануэль была удивлена: это приглашение так плохо вязалось с теми сведениями о Марио, которые доставила ей Ариана. Ей захотелось прояснить дело:

– Может быть, не совсем прилично для замужней женщины, – начала она, стараясь, чтобы в ее словах была хотя бы тень шутки, – ужинать наедине с мужчиной. Как вы считаете?

– При-ли-чно? – Марио произнес это слово по слогам, словно впервые услышал его и не научился еще выговаривать. – Что значит прилично? Быть приличной это одно из правил вашего поведения?

– Нет, нет, – почти испуганно отозвалась Эммануэль, однако от своей попытки не отказалась:

– Но женщина должна быть предупреждена заранее о том риске, на который она может пойти.

– Все зависит от того, что вы считаете риском. Каково ваше представление об опасности?

Итак, Эммануэль сама оказалась в положении вопрошаемого. На все, что она скажет о священных узах брака, о светских правилах, о добрых нравах – ответы Марио можно было угадать. В то же время она не имела еще достаточной смелости (или привычки), чтобы ясно и коротко изложить то, что ее интересует. Она ограничилась коротким ответом:

– Я не из трусливых.

– Больше мне ничего и не надо, – услышала она. – Итак, вы будете у меня завтра вечером?

– Но я не знаю, где вы живете.

– Дайте мне ваш адрес, я пришлю за вами такси, – он очаровательно улыбнулся, – У меня нет машины.

– Я могу приехать на своей.

– Нет, вы заблудитесь. Такси будет у вас в восемь вечера. Договорились?

– Договорились, – и она записала в его блокнот свой адрес. Марио смотрел на нее испытующим взглядом.

– Вы удивительно красивы, – наконец сказал он очень просто и спокойно.

– Стоит ли об этом говорить, – вежливо ответила Эммануэль.

Марио усадил гостью на низкий, красной кожи диван, по бокам которого горели две японские лампы. Одетый лишь в одни короткие голубые шорты слуга принес поднос с напитками, опустился на колени, поставил перед Эммануэль длинный низкий столик.

Сложенный из толстых бревен дом Марио буквально висел над поблескивающей чернотой водой канала. Одноэтажный, очень скромный снаружи, он был уютен и даже пышен внутри. Тонкий вкус его обитателя ощущался и в мебели, и в драпировках. Широкое, во всю стену, окно выходило прямо на канал. Со своего места Эммануэль могла видеть барки, на которых шла оживленная торговля рыбой, кокосовыми орехами, бамбуковыми палочками. Освещенные бумажными фонарями барки медленно проплывали мимо, и сидящие в них люди иногда заглядывали в окно. Из соседнего монастыря донесся звук гонга – монахов звали ко сну или к вечерней молитве. Совсем рядом слышался женский голос, напевавший колыбельную.

– Должен прийти один мой хороший приятель, – сказал Марио.

Его голос так хорошо сочетался с фигурками Будды и другими изваяниями, мерцавшими в слабом свете светильников. То ли от этого голоса, то ли от коктейлей, предложенных молчаливым слугой, Эммануэль чувствовала легкую истому. И неясная тревога пробудилась в ней, тревога, которую, однако, она постеснялась бы высказать.

– Я его знаю? – спросила она.

И, едва произнеся эти слова, поняла ситуацию – Марио и не собирался оставаться в нею наедине! Он запретил ей взять с собой мужа, а сам позвал другого мужчину, дуэнью мужского пола.

– Нет, не знаете, – ответил Марио. – Я сам познакомился с ним только вчера в посольстве. Он англичанин. Очаровательное существо. И удивительная кожа! Только здешнее солнце может придавать коже такой цвет.

Цвет... как бы вам сказать... Он вам понравится!

Обида и ревность терзали Эммануэль. Марио говорил с ней об этом человеке, как говорят, склонившись над витриной, о каком-нибудь лакомстве, казалось, он вот-вот причмокнет губами. Как она могла усомниться в его вкусах! Ариана была права, он неисправим. Но в то же время что-то неуловимое подсказывало Эммануэль, что прелести ожидаемого гостя предназначаются не только для того, кто их описывает, но и для нее самой.

Она устроилась поудобнее на диване. Так. Если Марио хочет ее – она не будет возражать. Она ждет этого – для чего же она пришла сюда; она решилась на этот шаг не только ради Мари-Анж, но и ради себя.

Она предвкушала, как будет расстегнуто платье, как она покажет свои ноги, почувствует, как к ее груди прижмется дотоле незнакомая грудь, ощутит первые прикосновения. Она будет задыхаться под тяжестью упавшего на нее тела, ею овладеют грубо, как это делают насильники. А может быть, наоборот: ласково, медлительно, пядь за пядью погружаясь в нее и вдруг останавливаясь, даже отодвигаясь, оставляя ее в ожидании, раскрытой навстречу, покорной, просящей, растерянной – о, сладчайшая отрешенность! А потом он снова возвращается, могучий, жаркий, так невероятно ласкающий все складки ее лона, выпивающий ее до последней капли и оставляющий ее орошенной, засеянной, нашедшей себя...

Эммануэль кусает губы, она уже готова, пусть он начинает, ведь он должен любить это медленное овладение плотью, она жаждет его. Не надо слишком сложных игр, ей известны итальянские вкусы, и она им не очень-то доверяет.

Она уже приготовила в уме такое обращение к Марио: «Вы вправе воспользоваться

представившимся вам случаем, но удовлетворитесь мною такой, какая я есть. Займитесь со мною любовью, потом отвезите меня домой, в объятия мужа. А уж после этого забавляйтесь, сколько душе угодно со своим англичанином». Но тут же она очень ярко представила, как она будет смущена, когда Марио посмотрит на нее презрительным взглядом и, скрестив руки на груди, произнесет: «Дорогая моя, вы ошибаетесь. Вы мне очень нравитесь, очень. Однако...».

И, действительно, она услышала голос Марио. Он говорил:

– Я очень хочу, чтобы вы показали ваши ноги. Как можно больше, так высоко, насколько это возможно. Квентин сядет вот сюда, на этот пуф. Смогли бы вы расположиться так, чтобы ваши колени были развернуты к нему и он смог бы заглянуть вам под платье?

У Эммануэль помутилось в глазах, а Марио между тем положил руку на ее плечо, кончики его длинных пальцев коснулись начала ее груди. Одной рукой осторожно развернув Эммануэль, другой он взял за подол платья и поднял его наискось, обнажив левую ногу женщины до половины ляжки, а правую почти до конца.

– Нет, не надо их держать сомкнутыми. Прекрасно, вот так. И, ради Бога, не двигайтесь. А вот и он!

Руку Марио смыло с бедра Эммануэль стремительной волной. Он принимал нового гостя, бросая в то же время внимательные взгляды на Эммануэль и улыбаясь ей, как улыбается экзаменатор робеющему ученику. Но самым робким оказался англичанин. Он не взглянул на ноги Эммануэль, она отметила это и с досадой и с каким-то удовлетворением от того, что маневры Марио оказались безуспешными. Квентин предстал перед ней теперь скорее союзником, чем неприятелем. Ей захотелось быть с ним полубезней, показать ему, что он ей понравился. Он и в самом деле был, надо признаться, неплох. Если бы только не его извращенные вкусы!

Увы, новый гость не знал ни слова по-французски. «Такое у меня счастье, усмехнулась про себя Эммануэль. – Я просто обречена быть предназначенной лишь тем путешественникам, которые не знают языков». Двусмысленность положения, воспоминания о путешественниках вызвали в ней довольно вольные фантазии: она попыталась представить себе, как язык Квентина находит ее язык, потом спускается к животу... Она пустила его еще дальше, вот он входит в нее... Эммануэль попыталась произнести несколько английских фраз из тех слов, что она выучила за три недели в Бангкоке, и хотя далеко это беседу не продвинуло, англичанин был явно восхищен.

Роль переводчика, очевидно, не улыбалась Марио. Он занялся столом, давая приказание слуге на сиамском языке. Наконец, он опустился на ковер перед диваном Эммануэль. Повернувшись к ней вполоборота, он принялся оживленно беседовать по-английски со своим гостем. Время от времени красноречивый взгляд Квентина приглашал Эммануэль принять участие в разговоре. В конце концов она решила, что церемония слишком затягивается.

– Я ничего не понимаю, – попыталась она вернуть внимание к себе. Марио встал с ковра и улыбнулся:

– Ничего страшного.

И, прежде чем она смогла прореагировать на его жест, он оказался рядом с ней, обнял ее за талию, опрокинул назад и крикнул своему гостю с таким воодушевлением и энтузиазмом, что Эммануэль была поражена:

– Non e bella, caro?

Он не отпускал ее, и она, оставаясь в той же позе, должна была открыть взору молодого англичанина свои поднятые вверх ноги. Затем Марио, пощекотав пальцами ее шею, расстегнул платье. Показались голые плечи, грудь. Марио вытянул губы, наслаждаясь этим зрелищем.

– Она прекрасна, не правда ли? – на этот раз Эммануэль поняла, вопрос.

Англичанин кивнул. Марио обнажил грудь женщины еще больше.

– Нравятся тебе ее ноги? – спросил он. Вопрос снова был задан по-французски, и гость только кивнул в ответ. Марио продолжал:

– Они очень красивы. И, самое главное, от пальцев до бедер они созданы только для наслаждения.

Ладонью он провел по коленям Эммануэль.

– Это же ясно, что их главная функция вовсе не ходьба.

Он наклонился совсем близко к Эммануэль.

– Мне хотелось бы, чтобы вы подарили ваши ноги Квентину. Идет?

Не совсем понимая, чего он от нее хочет, она решила не отказывать ни в чем. Она оставалась глухой к манипуляциям Марио. Его рука снова подтянула край платья, на этот раз гораздо выше. Платье было узким, и Марио свободной рукой приподнял стан Эммануэль, чтобы обнаружились не только ноги, но и низ живота. В этот вечер, впервые за всю свою жизнь в Бангкоке, она, несмотря на жару, надела чулки. Взгляду открылся ромб, образованный поясом для чулок и прозрачными черными трусиками, под которыми благоразумно улеглись шелковистые кудряшки.

– Давай, – сказал Марио, – Иди сюда!

Она видела, как приблизился к ней англичанин. Потом ощутила мужскую руку на своих лодыжках, одну, потом другую. Затем снова одна. А вторая пошла выше, по икрам, задержалась на коленях, потом снова двинулась вверх и, как бы обрисовав контур бедер, замерла, не решаясь проникнуть в последнее убежище стыдливости, вход в которое открылся потрясенному взору.

Тогда другая рука пришла к ней на помощь, и вот они замыкают в кольцо бедра Эммануэль, глядят их с внешней стороны, потом с внутренней, касаются полушарий ягодиц. И, осмелев, становясь все настойчивее, раздвигают ноги Эммануэль, и она кусает губы, чтобы сдержать стон. Марио любит сцену, но Эммануэль не видит его, пока не открывает глаза. Встретившись со взглядом Марио, она старается прочесть в нем одобрение и указание. Но он улыбается загадочной улыбкой, значения которой ей не удастся распознать. И тогда, словно принимая вызов, она стягивает с себя эластичные трусики. Руки англичанина сразу же кидаются к ней на помощь, они протаскивают трусики по всей длине ее ног и бросают на пол.

И сейчас же слышится твердый и решительный голос Марио. Он говорит по-английски, а затем повторяет все для Эммануэль по-французски.

– Вы не должны отдавать все одному человеку. Квентин получил ваши ноги, на сегодня этого для него достаточно. Сохраните для других, для другого случая остальное ваше тело. Каждая часть вашего тела – для другого мужчины. Насладитесь сначала тем, что будете отдавать себя по частям.

Эммануэль готова крикнуть: «А вы? Какая моя часть предназначена вам? Что во мне соблазняет вас больше всего?».

«Неужели, – спрашивает она себя, – ему хватило тех жалких прикосновений к груди?». Какое-то мгновение она даже ненавидит его. Но вот он выпрямляется, веселый, оживленный, хлопает в ладоши и радостно кричит:

– Мы же собирались ужинать! Кара! Пошли! Я хочу, чтобы вы отведали кушаний, от которых можно сойти с ума!

Он подхватывает ее на руки, в свете бумажных ламп ее ноги кажутся еще более стройными и вызывающими. И когда он ставит ее на пол, юбка окончательно сваливается с нее. Нагнувшись, Эммануэль замечает на полу маленький лоскуток черной прозрачной материи, ее трусики, и в замешательстве останавливается. Марио подхватывает их необычайно элегантно движением и подносит к губам.

– Погибнуть для реальности ничто, – читает он нараспев. – Но стоит гибнуть для воспоминаний. И грезами в разлуке рвется сердце.

Затем он прячет сувенир под жилет и, галантно предложив Эммануэль руку, ведет ее к низкому столику, вокруг которого поставлены три стула с высокими спинками, что-то очень средневековое и очень изящное.

Эммануэль не решается взглянуть на Квентина. Но мало-помалу ее начинает забавлять необычайность эксперимента, и досада на Марио улетучивается. Он, наверное, был прав, помешав ей отдаться этому милому мальчику, который в сущности, ей безразличен. Неужели ей все равно с кем спать? Неужели она будет отдаваться каждому, кто положит руку на ее колени? Достаточно того, что она позволила себе в самолете, она вечно отказывавшая мальчуганам, которые предлагали ей не только руку...

Но с Марио, очевидно, все будет не так. Она уже убедила себя в том, что ничего особенного нет, если замужняя женщина делит себя между мужем и любовником. И теперь, когда Мари-Анж вбила ей в голову, ей хотелось бы завести любовника. Но одного! И пусть им будет Марио!

Однако ей не хочется, чтобы партия итальянца развивалась так благополучно. И для того, чтобы показать, что из нее нелегко сделать послушную последовательницу его философии, она сказала:

– Мне не совсем понятно, как ваша «любовь по частям» уживается с той эстетикой, какую вы вчера проповедовали? Если важно расточать себя, разрушать, не щадить, почему же сегодня вы призывали меня быть осторожной, отдавать себя по чайной ложечке?

– Ого! Вы решили начать действовать? И где же вы предполагаете окончить?

– Окончить?

– Мы говорили об овальном портрете. Когда женщина, позировавшая для него, отдала свою последнюю краску и испустила последнее дыхание, какое же искусство могло остаться еще? *Finita la commedia!* Когда последний крик наслаждения сорвется с ваших губ, произведение исчезнет. Исчезнет, как сон, и никогда не возродится. Самый важный долг в этом бренном мире, единственный долг заставить все длиться. Разрушаясь при этом? Пусть! Но никогда не оканчиваясь.

– Стало быть, вы предрекаете мне близкий конец? Но как вы не сговорились со своей ученицей! Мари-Анж призывает меня растрачиваться, вы – экономить себя. И все это во имя одного и того же – краткости жизни.

– Дорогая моя, я вижу, что вы поняли меня совершенно превратно. Это оттого, что я неясно излагаю мысли. Мари-Анж делает это гораздо лучше, она умеет сформулировать то, что мы оба думаем, – и я, и она. У молоденьких девушек есть дар объяснения. С годами он, видно, теряется.

– Но ваши уроки абсолютно противоречивы. Вот, к примеру, ваше учение о воздержанности...

– Да это самый нелепый упрек, какого я заслуживаю, – засмеялся Марио.

– Но вы, возмущаясь воздержанием, в то же время приговариваете нас к нему.

– Не понимаю... Вот этот пирог поможет вам понять, что от него, во всяком случае, воздерживаться не стоит.

Ну как тут было не рассмеяться! У Марио была очаровательная манера уходить от трудный вопросов.

Некоторое время они говорили только на гастрономические темы. Квентин принимал самое скромное участие в разговоре, хотя Марио, как вольтижер, перескакивал с одного языка на другой. Эммануэль пела совершенно искренние гимны столу и буфету. Она признавалась, что до сих пор не придавала серьезного значения этой стороне жизни, но сегодня познала еще одну радость земного существования.

– Если вы не считали гастрономию самой большой радостью жизни, то что же тогда занимало ее место? – осведомился Марио.

Эммануэль поняла, что беседа направляется к другим высотам. Она призадумалась. Как ей ответить, чтобы остаться в тоне этого дома и в то же время не кинуться слишком откровенно навстречу намерениям хозяина? «В конце концов, я пришла сюда распутничать, а не заниматься философией», – сказала она себе и произнесла вслух тоном как нельзя более естественным:

– Главное – много наслаждаться!

Марио высказал скорее не одобрение, а нетерпение.

– Конечно, конечно, – сказал он, – Но разве все равно, как наслаждаться?

Эммануэль не думала над смыслом ответа, ей просто хотелось спровоцировать Марио.

– Наслаждаться – и все тут!

– Бедный бог, – вздохнул Марио.

– Вы переходите к разговору о религии? – удивилась Эммануэль.

– Я взываю к богу эстетики, – отозвался Марио. – Вы должны лучше узнать законы этого бога. Я говорю об Эросе.

– Вы полагаете, я не умею ему служить? – парировала Эммануэль. – Это бог любви.

– Нет, это бог эротизма.

– Ах, вот вы о чем...

– А разве есть другой бог? Но вы, кажется, не очень-то о нем знаете.

– Ошибаетесь, очень хорошо знаю.

– Правда? И что же вы знаете об эротизме?

– Эротизм – это... Как бы точнее... Культ чувственных наслаждений, свободный от всякой морали.

– Ничего подобного, – Марио просто возликовал. – Все обстоит как раз наоборот.

– Ах, это культ невинности?

– Прежде всего не культ. Это торжество разума над мифами. Это не движения чувств, а упражнение ума. Не эксцессы наслаждения, а наслаждение эксцессами. Это не распущенность, а строгие правила. Это – мораль!

Эммануэль беззвучно зааплодировала:

– Bravo! Это очень мило.

– Я говорю серьезно, – остановил ее Марио. – Эротизм – не учебник развлечений для общества. Это – концепция человеческой судьбы, мера, канон, кодекс, церемониал, искусство, школа. Это еще и наука, вернее, плод последней из наук. Его законы основаны на разуме, а не на вере. На доверии, а не на страхе. И скорее на вкусе жизни, чем на мистике смерти.

Он снова остановил жестом готовящуюся что-то ответить ему Эммануэль.

– Эротизм – продукт не декаданса, а расцвета. Он – инструмент нравственности и социального оздоровления, потому что он снимает покровы с сексуальной жизни. Я готов утверждать, что он – неперемное условие нравственного развития, ибо помогает воспитанию характера, помогает освободиться из-под власти иллюзий и ведет к ясности и трезвости взглядов.

– Ну, это совсем чудно, – рассмеялась Эммануэль. – Вам кажется привлекательной эта картина? Куда приятней оставаться во власти иллюзий!

– Гнев, командующий тобою, стремление властвовать и подчиняться, сладострастие от того, что ты причиняешь муки или убиваешь, обольщение, желание, любовь к смерти или к страданию, стремление увековечить эти страсти вот что я называю иллюзиями. Вас они привлекают?

– Сказать по правде, нет, – согласилась Эммануэль. – Но что должно меня привлекать?

– Я бы очень хотел, чтобы высшей добродетелью была страсть к красоте. В этом и заключено все. Все, что красиво, то истинно; все, что красиво, то справедливо; все, что красиво, то преодолевает смерть. Любовь к красоте делает нас другими, отличает от животных. Наши первые страхи, мысль о том, что земные соки поднимаются по нашим жилам, заставляют нас прижиматься лицом к земле, ползать в этой темной пустыне, где мы разместили своих богов. Чудо же красоты пробуждает в нас бунтующее любопытство и зовет нас к полету. Красота – это крылья мира. Без нее мы не могли бы оторваться от земли.

Марио остановился, но выражение лица молчащей Эммануэль словно бы вдохновило его, и он продолжал:

– Какой человеческий гений, более бдительный, чем Божий ангел, осеняет нас своим крылом?! Красота науки хранит нас от ужасов магии, красота разума внушает нам отвращение к мифам. Мир движется и над неподвижностью смеется. И в постоянном движении человек находит средство от всех кошмаров и химер.

Марио повернулся к Квентину, как бы призывая его в свидетели и, сделав рукой широкий округлый жест, продолжил свою лекцию.

– ...Ибо наша жизнь удивительно проста: нет другого долга, чем быть разумным, нет другой судьбы, кроме любви, и нет другого знака добра, кроме красоты.

Его лицо снова было обращено к Эммануэль. Он предостерегающе поднял палец:

– Но помните: красота открывается для вас не в законченных вещах. Красота – не результат, не земля обетованная, не рай после страданий. Она богохульство в адрес молчащего Бога, вопрос, на который не отвечают, поход, который не кончается никогда. Она – вызов и усилие. Она – неотложность вызова и бесконечность усилий. Она равна героизму нашей судьбы.

Эммануэль улыбнулась ему сочувственно, и он, казалось, понял, что это ее трогает. Он взглянул на нее дружелюбно, но в то же время было видно, что он еще не вполне уверен, поняли ли его до конца.

– Красота не дарована человеку Богом, человек сам избрал ее, придумал, сотворил. Имя ее соблазнительно и поэтично. Она – надежда человечества, добродетель, рожденная людьми вопреки природе, рожденная среди отчаяния и одиночества, куда забросили людей ангелы и демоны. Она – вожденная победа над джунглями и ливнями. Она – свет воображаемой луны, песни невидимых над поверхностью моря сирен. Итак, утверждаю я, эротизм – это торжество выдумки над природой, – самая высокая поэзия, потому что для него нет невозможного. Это – всемогущий Человек.

– Эту мощь я не совсем представляю себе, – заметила Эммануэль.

– Плотская связь между женщинами кажется биологическим абсурдом, она невозможна – эротизм немедленно превращает эту мечту в реальность. Содомия вызов природе, эротист становится содомитом. Любовь впятером неестественна эротизм ее воображает, он приказывает, и она осуществляется. Чтобы расцвести, эротизм, разумеется, не нуждается в этих формулах исключения: он требует только молодости и свободомыслия, истинной любви, истинной чистоты, не знающей обычаев и условий. Эротизм – это страсть храбрости.

– Послушать вас, так эротизм – это сплошное извращение. Довольно трудно решиться на все это.

– Тысячу раз! Разве не наслаждение – пренебречь всеми нашими химерами? И сначала самыми страшными из них – глупостью и трусостью, любимыми гидрами мещанства. Люди не могут признаться себе, что крик Гоббса остается верным и спустя три столетия:

«Единственной сильной страстью в моей жизни был страх». Страх быть непохожим. Страх мысли. Страх стать счастливым. Все эти страхи несут в себе смерть поэзии и так высоко ценятся всеми: конформизм, почтение перед табу и всяческими запретами, ненависть к

воображению, отказ от новизны, мазохизм, недоброжелательство, зависть, скарденность, жестокость, лицемерие, ложь, бесчестность. Одним словом – зло. Истинный враг эротизма – озлобленный и испуганный ум.

– Вы великолепны, – воскликнула Эммануэль. – А я-то думала, что то, что одни называют эротизмом, другие просто зовут порочностью.

– Вы сказали «порочность»? А что вы подразумеваете под этим словом? Порок означает недостаток, изъян. Конечно, эротизм, как и все, что создано человеком, не свободен от недостатков, ошибок, падений. Если это так, то будем называть порок тенью, издержками эротизма. Но есть одна вещь, которая существовать не может. Это стыдливый эротизм. Качества, которых требует акт эротизма, – логика и твердость духа перед любым испытанием, воображение, юмор, дерзость. И, конечно, нечего и говорить о силе убежденности, таланте организатора, хорошем вкусе, эстетическом чутье, без которых все попытки будут безуспешными.

– Так вот почему вы считаете его моралью!

– Подождите, дело не в этом, надо идти дальше. Эротизм требует прежде всего системы. Его адептами могут быть только люди принципов, знатоки теории, а не те ночные гуляки, которые хвастают количеством вина и числом женщин.

– Выходит, что эротизм совершенно противоположен занятиям любовью?

– Ну нет, это вы заходите слишком далеко. Но заниматься любовью – еще не значит совершать акт эротизма. Нет эротизма там, где сексуальное удовольствие получают по привычке, по обязанности, там, где это животное удовлетворение биологической потребности, желание плотское, а не эстетическое, поиски не духовных, а чувственных наслаждений, любовь к себе или к другим, а не любовь к прекрасному. Иными словами: где есть природа, там эротизма нет. Эротизм, как и вообще всякая мораль, есть средство, придуманное человеком для борьбы с природой, средство победить, преодолеть ее... Вы хорошо знаете, что человек постольку человек, поскольку становится все менее естественным, менее диким; чем дальше он от природы, тем больше в нем человеческого. Эротизм – самый человеческий талант человека. Он не противостоит любви, он противостоит природе.

– Как и искусство?

– Bravo! Мораль и искусство – это одно. Поздравляю вас с вашим определением искусства как антиприроды. Не говорил ли я вам, что искусство раскрывает себя только в преодолении природы? Уж сколько лет любители наводить тень на ясный день стараются убедить людей – и чаще всего ударами сапога, что человечество спасется от муки машинобетонной цивилизации, только если провозгласит: «Назад, к природе!». Омерзительное запугивание, гнусное оболванивание! Вернуться к почве, к земляным червям должен тот, кто изобрел математику и придумал пачки балерин? Если это стремление поскорее со всем покончить, что ж, пусть земля снова наполнится питекантропами. «Назад, к природе!». Я ненавижу природу!

Пыл его даже вызвал улыбку у Эммануэль, но Марио продолжал оставаться серьезным.

– Но что я говорю вам о разрушении, когда разум зовет нас к созиданию! – И он сжал руку Эммануэль с такою силой, что она чуть не вскрикнула.

Тон его речи сменился. Вместо патетики в нем зазвучала убеждающая напевность.

– Я плыл по Коринфскому заливу. Справа от меня были покрытые снегом вершины Пелопоннеса, слева спускались к морю золотые пляжи Аттики. Газета, которую мне только что подали, отвлекла меня на минуту от этого зрелища, но не заставила меня забыть о нем. В этой газете крупными буквами была напечатана лучшая поэма, которую когда-либо писал человек, поэма, чьи корни уходили в ту же прекрасную землю, которая сейчас тянула ко мне свои губы, открытые морским ветрам и обожженные солнцем, обжигавшим плечи Одиссея. Вот эта поэма:

«3 ЯНВАРЯ, В 3.57 СПУТНИК В ВИДЕ МАЛЕНЬКОЙ БЕЛОЙ ЗВЕЗДЫ ПОЯВИТСЯ В ЦЕНТРЕ ТРЕУГОЛЬНИКА, ОБРАЗОВАННОГО АЛЬФОЙ ВОЛОПАСА, АЛЬФОЙ ВЕСОВ И АЛЬФОЙ ДЕВЫ».

И звезда появилась, маленькая щепотка металла, брошенная человеком в пучину мироздания. И новый век, начавшийся с этой минуты, – он наш. Отныне пусть погибнет наша Земля и человечество исчезнет – вечно будет кружить в глубинах космоса звезда, сделанная нашими руками, произносящая слова на нашем языке, переворачивающая, разрушающая своим «бип-бип» все холодное молчание Вселенной. О вы, звезды Альфа, отмечающие своими огнями нашу победу, это любовь вытягивает свои обнаженные ноги на ваших берегах!

Марио закрыл глаза. Пауза была долгой, а потом он снова заговорил, и снова изменился его голос.

– Вы сказали «искусство»? Самое артистичное произведение – это то, которое отстоит как можно дальше от образа Божия. Ах, все, что создал Бог, значит так мало в сравнении с человеческим творением! Как она стала прекрасна, наша планета, с тех пор, как мы наполнили ее пустоту, с тех пор, как мы взъерошили ее нашими стеклянными дворцами и заставили дрожать ее воздух от звука наших песен! Как прекрасна она, исторгнутая из Божьего мрака светочем Человека! Какой удивительной сделали ее вы – музыканты, скульпторы, живописцы, архитекторы – все, превратившие землю и небеса в Царство Человека, слишком прекрасное, чтобы считаться созданием Бога!

Марио смотрел на Эммануэль так, будто на ее лице он видел все красоты, которым только что пропел такой пламенный гимн. Он улыбнулся ей:

– Искусство! Разве не благодаря ему четверорукое существо выделилось из дикого мира и превратилось в человека? Единственного во Вселенной, единственного, кто оставит после себя больше, чем получил при рождении. Но теперь искусства красок, звуков и линий мало, чтобы утолить жажду человечества, страсть к созиданию. Теперь человек хочет творить из других материалов – из собственной плоти и собственной мысли, подобно тому, как когда-то он соткал из своих сновидений апсар и гурий. Нынешнее искусство не может быть искусством холодного камня, бронзы или холста. Оно может быть только искусством живого тела, искусством жить. Единственным искусством, которое будет мерой человека в космосе, которое уведет его к звездам и дальше, будет эротизм.

Выразительный голос Марио взбадривал Эммануэль, как удары хлыста.

– Есть ли, спрашиваю вас, искусство более острое, более яркое, чем то, которое берет человеческое тело и делает из этого произведения природы свой собственный шедевр? Легко созданное из мрамора или путаницы штрихов не может оспаривать авторство у Вселенной. Но человек! Взять в свои руки не как гончарную глину, не для того, чтобы почувствовать строение, ощупать контуры вещества, не для того, чтобы любить, но взять именно для того, чтобы похитить его, увести от этого дурацкого ощупывания скорлупы, в которую он заключен, вырвать из нее, отбросить привычную точку зрения, изменить, как у лабораторного животного, наследственность, пересоздать его! Сделать человека снова свободным, чтобы он познал новые, собственные законы, законы, которые управляют не молекулами и кометами, законы, освобождающие его от недостатка энергии и увядания плоти. Это даже не искусство – это сам Разум... Он быстро подошел к окну, выходящему на канал.

– Взгляните, – сказал он. – Пропасть не между живым и неодушевленным. Мир делится иначе: на знающих и на все остальное на свете. Этот полицейский и эта собака – они не отличаются от дерева и водорослей, которые точно такие же, как вода и камень. Но другие, посмотрите на них, украшенных своими лохмотьями, на тех, кто гребет в лодках или размышляет о чем-то, с их упрямством, с их короткими волосами, с их скрещенными

пальцами... Вот человек! Надо неистово любить человека, чтобы уметь ненавидеть природу!

И почти неслышно он прошептал: «Люди, люди мои, как я люблю вас, идущих в такие дали...»

Чуть ли не с испугом Эммануэль спросила:

– Значит, единственная для вас любовь – это любовь вопреки природе?

Она постаралась смягчить вопрос улыбкой, хотя и без этой предосторожности он не мог уколоть Марио, поток слов не остановился:

– Это прописная истина. И плеоназм. Любовь всегда – вопреки природе. Она антиприродна по сути. Это бунт против мирового порядка. Стать человеком – это значит с веселым смехом убежать из рая, натянуть нос Господу Богу.

– И вы называете все это моралью, – усмехнулась Эммануэль.

– Мораль – это то, что делает человека человеком, а не оставляет его связанным, пленным, рабом, евнухом или шутом. Ведь любовь изобретена не для унижения, не для закабаления, не для того, чтобы морщиться от отвращения. Это не кино для бедных, не транквилизатор для нервных, не развлечение, не игра, не наркотик, не погремушка для ребенка. Любовь, искусство плотской любви – единственная человеческая реальность, это подлинное пристанище, твердая земля, единственно истинная часть жизни. Вспомним слова Дон Жуана: «Все, что не любовь, находится для меня в другом мире, в мире призраков. Я становлюсь человеком только тогда, когда меня сжимают в объятиях». Этот его возглас услышан и понят многими. Вы, кажется, сказали «аскетизм»? Для некоторых индусских сект эротизм связан с аскетизмом, аскетизм для них обязателен.

– А я думаю о любви как о наслаждении. И никогда не устаю от занятий любовью.

Марио отвесил глубокий поклон.

– Я в этом не сомневался.

– Это аморально – получать в любви наслаждение? – поддразнила его Эммануэль.

– Я ничего подобного не говорил, – терпеливо стал разъяснять Марио. – Мораль эротизма – это наслаждение, становящееся моралью.

– Если наслаждение морально, оно теряет очень много во вкусе.

– Почему? – удивился Марио. – Я не понимаю вас. Для вас мораль – лишение, принуждение? Но если этот принцип лишает вас как раз лишней? Если он обязывает вас пользоваться жизнью? А идея морали, я вижу, отталкивает вас потому, что вам кажется, что она неминуемо связана с сексуальными ограничениями. Мораль ассоциируется у вас с такой, допустим, аксиомой:

«Плотские желания должны удовлетворяться только в законном браке», не так ли? Не верьте, прошу вас, этим утверждениям. Они только компрометируют в ваших глазах высокое значение морали.

– Послушайте, Марио, вы говорите все загадочней. Я не могу понять, куда вы клоните. Вы начали с эротизма, а кончаете, как проповедник плоти. Я ничего не понимаю. Что вы называете благом, а что злом?

– Будьте спокойны, вы это увидите. Но сначала попробуем установить, что подразумевают другие под добром и злом. И начнем с тех «добродетелей», которые для вас тесно связаны с понятием морали: скромность, чистота, целомудренность, супружеская верность...

– Почему только для меня? Разве не все называют это моралью?

– Я это знаю, и я над этим смеюсь. Потому что, только злоупотребляя доверием, сексуальные табу проникают в царство морали и устанавливают там свои не правые законы. Высший закон не на их стороне. Более того: по самой своей сути, по замыслу они аморальны, они рождены будничным, практичным расчетом: заботой уверить собственника земли в том,

что он хозяин и детей, и всяких внешних знаков богатства, – Марио взял с книжной полки тяжелый, с застежками из слоновой кости, том.

– Послушайте, я напомню вам заветы Моисея, – он раскрыл книгу. – Вот XX глава книги «Исход». Я читаю то, что было заповедано в скрижалях, выбитых на камне: «Не желай дома ближнего твоего; ни раба его; ни вола его; ни осла его; ничего, что у ближнего твоего». Вот как ясно сказано, без всяких экивоков. Женщина, знай свое место! Его определил сам Всевышний: между гумном и скотным двором, среди прочего имущества. И конечно же, не на первом месте. На первом месте – дом, строение. Жена, ты уступаешь первенство кирпичу и соломе. Раба, ты стоишь меньше слуги, чуть-чуть дороже, может быть, рогатого и вьючного скота.

Марио захлопнул Библию, но проповедь его не кончилась.

– Говорят, средние века изобрели любовь. Средние века скорее поселили в нас отвращение к ней. Да, сегодня любовь имеет шанс возродиться, потому что наше время – могила всяческих мифов. Даря нам свою «мораль», феодальный грамотей надеялся на века отбить у нас охоту к наслаждению, к игре. Посмотрите, что же осталось от его намерений, от его находок. Пояса целомудрия, которые сеньоры надевали на своих жен и своих ослиц, разбились вдребезги возле возведенных ими проржавевших бойниц и зубцов. Почтим их память, поместив их в музеи. Но сначала отметим, что их гибель в высшей степени моральна, а вот рождение было совсем напротив – аморальным.

Он иронически рассмеялся:

– Поучительно даже, что цена всей сексуальной морали выясняется в простом лингвистическом исследовании. Посмотрите, что произошло с латинским словом «пулла». От него произошли сразу и «плюсель» – девственница, и «пуль» – курица. Вы видите, как наудачу определяется выбор между добром и злом. Как легко может произойти противоположное: быть курицей – значит быть счастливой и в высшей степени добродетельной, а с другой стороны, – надо остерегаться девственности как преступления против Бога и Церкви.

Эммануэль все это время раздумывала. Она понимала нападки Марио на традиционную мораль, но зачем тратить время на возведение новой этики на развалинах старой? Не лучше ли заниматься любовью по своей воле, свободно, не ломая голову над созданием нового кодекса? Разве так уж обязательно провозглашать новые законы?

– Но на смену дурным законам не должно прийти беззаконие, – Марио словно подслушал мысли Эммануэль. – Мы не должны возвращаться в джунгли, мы должны признать, что нам известно могущество человека, что современное существо отрекается от атрофии и анархии и что новые законы дадут нам счастье. Новый закон, благой закон просто провозглашает, что заниматься любовью – добро и благо, что девственность не есть добродетель, что супружество не должно быть тюрьмой, «галерами счастья», что наслаждение важнее всего и что надо не только не отказывать, но наоборот, надо всегда предлагать себя, свое тело, отдаваться, соединять свое «я» со множеством других и понимать, что часы, проведенные без объятий, – потерянные для жизни часы.

И как бы внушая самое важное, он поднял указательный перст.

– Если к этому главному закону вы вдобавок узнаете и другие, помните, что они только разъясняют главный закон, помогая ему привести вашу душу и тело к полному единству и к полному счастью.

– Но, – сказала Эммануэль, – если сексуальное табу буржуазии чисто экономического происхождения, то выходит, что говоря об эротизме, вы предлагаете подлинную революцию? Это что-то вроде коммунизма?

– Ни в коем случае. Я предлагаю гораздо более важное и более радикальное. Это, скорее, что-то вроде мутации, в результате которой рыба, если ей надоест море, позовет однажды

Эммануэль к себе, чтобы она узнала новый вкус жизни.

– Выходит, – улыбнулась Эммануэль, – человек эротический станет животным?

– Он останется человеком, но будет больше, чем человек, продвинется дальше по эволюционной лестнице. Это – я постараюсь вам сейчас объяснить – выход искусства из глубины пещер. Мы как бы восстанавливаем минуту, когда первый человек отделился от последней обезьяны. И этот миг приближается: так же как искусство отличает человека от зверя, так и искусство эротизма отделит человека гордого и могучего от человека стыдящегося, который стыдится своей наготы и прячет под одеждой то, чем он должен гордиться.

– Но кто заставит поверить, что этот поток увлечет человека? Что ваша мораль победит прежнюю, за которой обычай и вера? Может быть, произойдет обратное?

– Нет, я не могу поверить, что человек, пройдя такую дорогу, вдруг остановится. Он пойдет дальше! Сначала ошупью, дрожа от страха, но не поворачивая обратно, все более отдаляясь от других тварей.

Голос Квентина заставил Эммануэль вздрогнуть. Она совсем забыла о третьем собеседнике.

Квентин принялся что-то с жаром рассказывать Марио. Тот слушал его внимательно, лишь изредка прерывая одобрительными возгласами. В конце концов он перевел для Эммануэль рассказ Квентина, и она поняла, что англичанин кое-что уловил из их дискуссии.

– То, что рассказал мне Квентин, еще более укрепляет меня в моих надеждах. Оказывается, мутирующая ветвь или, по крайней мере, мутирующая почка уже существует и, что самое главное, существует тысячелетия. Наш друг вместе с известным социологом Верьером Эльвином несколько месяцев был гостем одного племени в Индии. Так называемые «цивилизованные» индусы называют это племя первобытным, но на самом деле оно, по-моему, авангард человеческой расы. Эти люди называются мурья. Их общество построено на основах сексуальной морали, прямо противоположной нашей. Их мораль не запрещающая, а побудительная. Главное в их системе воспитания – общие спальни, в которых дети обоих полов с самого нежного возраста обучаются искусству любви. Этот институт называется...

– Готхул.

– Да, Готхул. Так вот, там задолго до полного созревания, девочки посвящаются во все таинства плотской любви старшими юношами, а маленьких мальчиков обучают этому девушки. И ничего грубого, животного. Практика любви в результате многовекового опыта доведена до высочайшего уровня изысканности. Так что эта стажировка, а она длится несколько лет, служит одновременно и для формирования артистического вкуса. В промежутках между объятиями пансионеры Готхула проводят свой досуг, украшая стены дортуаров. Их рисунки, картины, скульптуры полны самого разнообразного эротического вдохновения. Квентин рассказал мне, что они так преуспели в своем искусстве, что спокойно пройти по этой галерее невозможно. И видя, одиннадцатилетних девочек, имитирующих самые смелые изображения этого музея любви, показывающих без всякого стеснения, без стыда, при широко распахнутых дверях, под горделивыми взглядами своих родителей такие живые картины, какие в Европе можно видеть только в исправительных домах или на страницах особого рода книжек, понимаешь, что эти мурья не отстали от человечества на тысячу лет, но на многие века обогнали его.

Марио замолчал. Квентин возобновил свой рассказ.

– Самое замечательное, что эти «практические занятия», которыми занимаются все дети племени, имеют характер системы, строгих и хорошо разработанных правил. Это не распущенность нравов и не врожденное отсутствие морали. Это не разврат, но этика. Дисциплина в Готхуле довольно сурова, младшие глубоко почитают старших. Закон строго-настрого запрещает всякую прочную связь между юношей и девушкой. Никто не имеет права сказать, что та или иная девушка «его». Закон строго наказывает того, кто проведет с одной из

них более трех ночей кряду. Все для того, чтобы не возникло чувство собственности и не было ревности. «Все принадлежит всем». Если юноша проявит инстинкт собственности, заявит исключительные права на какую-нибудь девушку, если на лице его появится выражение огорчения, когда он увидит ее во время занятий с другим, он подвергается наказанию. Община помогает ему вернуться на правый путь. Он должен активно помогать другим юношам в овладении той, на кого он заявил было права. Ему придется не только собственноручно ввести член своего соперника-компаньона туда, куда следует, но еще и радоваться этой службе. Таким образом, самым тяжелым преступлением у мурья является не кража, не убийство (которого они, правда, не знают), а ревность. И благодаря этому, когда молодые люди вступают в брак, они не только обладают сексуальным опытом, причем уникальным опытом, но они совсем другие люди: все тени, все муки, все отчаянье нашей цивилизации им чужды. Они счастливы.

Этот рассказ, что и говорить, произвел на Эммануэль впечатление. Но сомнения все еще не покинули ее.

– Однако, Марио, такая мораль не может сразу овладеть обществом. У этих людей она существует веками. Это должно быть врожденным чувством. Напомню вам, вы только что уподобили дар эротизма дару поэзии. Но нельзя же стать поэтом, лишь захотев писать стихи. Таланту нельзя научиться, это дар, поэтом рождаются. И если ты бездарен, у тебя ничего не получится.

– Еще одна общая иллюзия! Надо ли вам повторять, что нет другой поэзии в природе, чем та, какую создал в ней человек. Нет другой гармонии, другой красоты. И человек постигает эту гармонию, обнаруживает свой гений, как правило, уже в зрелом возрасте. Пример мурья ясно показывает нам, что этого можно достичь совсем юным. Не родятся поэтом. Не родятся никем. Всем надо становиться. Мы можем стать людьми, превратиться в человека, явиться в мир в новом одеянии. Так является в мир после линьки рак-отшельник. И, как скорлупу, мы оставим за собой наши мифы, наше невежество. Только так можем мы родиться окончательно, двигаясь с каждым взрывом мутации все ближе к человеку. Учиться – значит учиться наслаждению. Овидий уже сказал это: «Знанию покорен Амур».

Эммануэль не читала Овидия, но кивнула головой – дальше, дальше!

– Нам ведь многому надо учиться: искусству, морали, науке, красоте, добру, истине. Время незнания кончается. К счастью, есть один прелестный ребенок – Эрос, облегчающий нам работу. Словом, достаточно размышлений, опыта и эротической пронизательности, чтобы постичь и поэзию, и мораль, и ясное мироощущение – хотя все это лишь части одного – урока человека, тогда как в старой школе мы проходим только уроки вещей.

– Ваши объяснения делаются все более абстрактными, а я простая женщина, мне нужны примеры того, что я должна совершать на деле.

– Что совершать? Воображать, видеть и, как бы точнее выразиться, провоцировать по возможности эти положения, эти встречи, эти неожиданные связи, без которых нет подлинной поэтичности. Вот вам пример одного из источников эротизма.

– Вы сказали «неожиданные». Значит, в том, что ждешь, к чему готовишься, не может быть наслаждения?

– Эротизм, милая моя, в том, что ломает привычку. Наслаждение теряет артистичность, если оно привычное наслаждение. Только небанальное имеет цену, только исключительное, необычное, что дважды никогда не увидишь.

– Но выходит, что когда эротическая любовь станет признанной, эротизм потеряет свою привлекательность? Может быть, для ваших мурья заниматься любовью так же скучно, как возиться на кухне.

– А я бы таких выводов из рассказа Квентина не делал. Мне кажется, что, наоборот, с малых

лет преуспевшие в науке любви, они всю жизнь ничего не ставят выше сексуальных игр. В Индии их и знают как ярых проповедников Ганеши, бога физической любви. Но я согласен с вами, что их опыт может оказаться непригодным для нас. Все-таки наш дух остается в рамках традиционного сексуального ханжества, а ханжество сильнее, чем доводы разума. Но не надо льстить себе, полагая, что мы способны предугадать, что произойдет с психологией наших потомков-мутантов. И давайте признаемся, что для таких узников, какими мы все же остаемся, чудесное освобождение эротических эмоций предстает чаще всего как изъясн в обычном. Это так – и к сожалению, и к радости. Сидящие в нас пережитки ложных моральных правил и дают нам наслаждение оттого, что мы эти правила рвем, что мы бываем шокированы или сами шокируем. Это – наш реванш. Для женщины нет ничего эротического в том, что ее супруг оплодотворяет ее в постели перед сном. Но если в полдник она позовет своего сына, чтобы он приготовил для сестрички маленькую тартинку спермы, это будет эротичным, потому что такое меню еще не вошло в употребление. Когда мещане привыкнут к этому, надо будет придумать что-то другое.

– Так я была права, когда говорила, что если эротизму нужно только экстраординарное, запретное, то само его развитие угрожает его существованию. В один прекрасный день он станет привычным! Он станет правильным, пресным.

– Согласитесь без всякого риска, дорогая, что уже с давних пор ничего нового придумать нельзя. И однако ваши страхи напрасны, потому что эротизм не наследство, не общее достояние, он – персональное приключение. Будьте спокойны – эротизм сохранит свою ценность даже среди освободившегося от сексуального табу человечества. Ведь от того, что известны законы стихосложения, поэтов не прибавляется?

Что могла возразить на это Эммануэль? Марио продолжал монолог:

– Артист творит заново не для истории, а для себя. В отличие от науки искусство не зависит от уже совершенного. Какая разница, что лошади и люди уже были изображены, – под моими пальцами они рождаются для меня впервые и так же впервые их увидит зритель. Но нужно, чтобы наше произведение увидели. Искусства нет там, где нет зрителя или слушателя.

Марио остановился, ожидая ответа Эммануэль. Но она молчала.

– Дети мурья, – двинулся дальше Марио, – занимаются любовью на виду у своих товарищей, на виду у случайных гостей. Оставшись вдвоем в стенах комнаты, они быстро соскучились бы. Вы боитесь, что привычка притупит наслаждение. Но взгляды других – может быть, они раскрывают для нас новые горизонты? Вот теперь вы узнаете второй закон эротизма – необходимость асимметрии.

– Что это значит? А впрочем, какой был первый закон?

– Первый – необычность. Но оба они, как я уже говорил, – «малые законы». Главнейший, необходимый и достаточный закон – верховная простота.

– Тот, что тут же переходит в другой – наслаждаться артистично, в постоянно обновляющихся объятиях – означает не растрчивать время попусту.

– Примерно так, хотя выражение «постоянно обновляющиеся» не кажется мне удачным. Из него можно сделать вывод, что вы должны бросать прежних партнеров, когда появляются новые. Это страшная ошибка! Увеличение их числа, а не преемственность – вот что повысит степень вашего счастья. От непостоянных сердец Эрос скрывает свои секреты. Зачем же отдавать себя, если вы тут же себя отбираете. Мир для вас окажется не очень обширным.

Теперь Эммануэль была само внимание, и Марио воодушевился еще больше.

– И, кроме того, поскольку я знаю, как вам дорога эта мысль, для вас я ставлю главный акцент не на наслаждении, а на искусстве. Вы мне это простите?

– Ладно, – бросила умиротворенная Эммануэль. – Будем говорить об искусстве наслаждаться вместо «наслаждаться с искусством». Подойдет ли вам, если я так сформулирую:

«Всякое время, проведенное не в объятиях все более многочисленных, есть потерянное время?»

– Очень хорошо, – одобрил Марио. – У вас определенный дар формулировок. Надо, чтобы вы поупражнялись в этом, и как-нибудь я закажу вам сборник афоризмов.

Марио говорил совершенно серьезно, но Эммануэль рассмеялась. Марио решил уточнить.

– Разумеется, не надо придавать буквальный смысл словам «в объятиях». Здесь, учтите это, мы имеем в виду не только руки ваши или руки другого, но и зрение его и слух, если он, скажем, находится за дверью или на другом конце телефонного провода; даже его образ в глубине вашей души. Но не будем дальше блуждать в терминологии...

– Одну минутку. Может быть, «искусство любить» будет более изящным, чем «искусство наслаждаться»?

– Более изящным, без сомнения, но менее точным. Хорошо, вы уговорили меня на «искусство», а я уступаю вам «наслаждение», и не будем больше возвращаться на эту тропу. Чтобы любить, надо быть, по крайней мере, вдвоем, а наслаждаться можно и в одиночестве.

– Еще бы, – откликнулась Эммануэль.

– И даже надо наслаждаться в одиночестве, – присовокупил Марио. – Царство эротизма закрыто для того, кто не знает, как наполнить свое одиночество. – И тут же спросил:

– Вы умеете заниматься любовью в одиночестве?

Она утвердительно кивнула головой. Марио не унимался:

– И вам это нравится?

– О да! Очень.

– И часто вы это делаете?

– Очень часто.

Ей было совсем не стыдно признаваться в этом. Напротив. Ее муж даже одобрял эти занятия. Он сказал ей как-то, что не надо прятаться от него, когда она забавляется под душем, и ей очень понравилось предаваться этому детскому пороку у него на глазах.

– Значит, вам легко понять закон асимметрии, – заключил Марио.

– Ой, правда, я совсем о нем забыла. Я, признаться, не совсем улавливаю... Необычность – понятно, но при чем тут асимметрия...

– Тогда я снова прибегну к научным положениям. Для того, чтобы родиться, эротизму нужны те же условия, какие требуются для появления всякой жизни. Вас, должно быть, учили, что в создании клетки участвуют большие молекулы протеина. Так вот, эти молекулы весьма асимметричны. Не бывает высокоорганизованной материи, не бывает жизни, не бывает никакого прогресса без известного неравенства вначале. Это условие всякой эволюции, и эротизм подчиняется тем же законам. Жизнь и, следовательно, эротизм не терпят равновесия.

Марио перевел дух.

– Если же мы снова взглянем на эротизм с точки зрения искусства, мы увидим, что искусство должно быть не только незамкнутым, публичным, но и асимметричным. Например, число тех, кто занимается любовью, должно быть нечетным.

– О-о, – протянула Эммануэль, скорее заинтересованная, чем шокированная.

– Совершенно точно. Например, один – нечетное число. Тот, кто онанирует, есть и актер, и зритель одновременно. Оттого мастурбация эротична в высшей степени, она – шедевр искусства. Эротичен также и адюльтер – треугольник разрушает банальность пары. В паре нет эротичности вне присутствия третьего. А если его нет в действительности, пусть он присутствует в сознании одного из партнеров. Разве никогда в чьих-нибудь объятиях вас не посещал образ другого человека, которому вы тоже расточали ласки? Насколько слаще кажется вам твердая плоть вашего супруга, если в тот же миг перед вашими закрытыми глазами проходит видение берущего вас друга дома или мужа вашей подруги, или киногероя, или

любовника времен вашей юности. Ответьте мне: нравится вам это? Бывает такое с вами?

Без секунды колебаний Эммануэль кивнула головой. Да, с ней такое бывало. Можно подумать, что Марио читает ее мысли, потому что в предшествующую ночь, когда она стонала и билась в объятиях Жана, в ее воображении ею овладевал Марио. И так же это было с Кристофером в день его приезда, с любовниками Арианы, которых она даже не знала, с братом Жана, когда она с ним познакомилась. А в последние недели ей виделись еще ее спутники по ночному полету, особенно греческая статуя. Все эти образы встали сейчас перед ее мысленным взором так отчетливо, что она боялась пошевелинуться, слушая слова Марио.

– Но надо вам заметить, что если оба партнера будут думать о третьем, нечетность исчезнет. Пусть думает о нем только один, а другой должен отдавать себя без остатка, со всем пылом, со всей своей мощью. Избегайте четности!

Марио сцепил руки, как бы изображая пару, и сразу же разомкнул их.

– Ну, разумеется, реальность всегда лучше воображения: наблюдатель во плоти всегда лучше воображаемого наблюдателя. Самое естественное положение для любовника – место посреди пары.

На этот раз Эммануэль решила, что максимы Марио чересчур смелы и не отдают хорошим вкусом. Молчание показалось ей самым элегантным способом дать ему это почувствовать. Но молчание не произвело никакого впечатления. Он продолжал и пошел еще дальше.

– Но истинный артист всегда стремится к тому, чтобы зрителей было как можно больше.

Эммануэль подумала, что дело начинает отдавать фарсом.

– Иначе говоря, – сухо заметила она, – нет эротизма без эксгибиционизма.

– Фу, – фыркнул Марио. – Я не совсем понимаю, что вы хотите сказать этим словом. Но я знаю, что, к примеру, заниматься любовью среди ночи, на улице, где можно встретить иногда прохожих – значит стимулировать дух.

– А почему же тогда не среди бела дня, на площади, полной народу?

Ирония лишь слегка прикрывала заинтересованность Эммануэль.

– Потому что эротизм – подлинный эротизм, эротизм высокой марки – как и всякое искусство, всегда элитарен и избегает толпы. Ему чужды давка, шум, ярмарочные фонари, любая вульгарность. Ему нужны малочисленность, беспечность, пышность, декор. У него есть условности, как в театре.

Эммануэль размышляет, ей уже не кажется это фарсом. И с воодушевлением, ей самой не совсем понятным, признается:

– Думаю, что я смогла бы это сделать.

– Заниматься любовью на улице перед несколькими внимательными наблюдателями?

– Да.

– Потому что вы вообще любите заниматься любовью или из удовольствия проделать это все публично?

– Думаю, что скорее по второй причине.

– А если вас попросят притвориться? Если мужчина, только чтобы шокировать публику, будет делать вид, что он вас берет, вы будете довольны?

– Нет, – отрезала Эммануэль. – Что же в этом хорошего?

Ей хотелось любви сейчас же. Ей хотелось, чтобы Марио взял ее немедленно или хотя бы пусть он смотрит, как она будет успокаивать себя сама. Она не знала точно, чего ей больше хочется...

И сказала, стараясь, чтобы было ясно, что она говорит и о настоящей минуте:

– Я ведь хочу и физического наслаждения.

– «Много наслаждаться», не так ли? Я понимаю...

– Конечно, почему бы и нет, – она начинала злиться, – Что тут плохого?

Едва уловимая усмешка, которую она отметила в последних фразах Марио, казалась ей невыносимой.

Он медленно покачал головой.

– Здесь есть плохое. – И, выждав немного, провозгласил: «Камень преткновения в постижении эротизма – чувственность».

– О, Марио, вы утомительны!

– И я вам надоел?

– Нет, но вы слишком любите парадоксы.

– Здесь нет парадокса. Вы, конечно, знаете, что такое энтропия?

– Угу, – пробормотала Эммануэль, тщетно пытаясь восстановить в памяти туманные формулировки.

– Ну вот, энтропия – это, говоря в общих чертах, истощение, падение энергии. Она грозит эротизму так же, как и всему в подлунном мире. Но у эротизма специфическая форма энтропии, она называется насыщением чувств. Утоленное сладострастие – мертвое сладострастие. Помните очень точные слова Дон Жуана:

«Все, что не приводит меня в восторг, убивает меня»? Это то, о чем я говорил, упоминая равновесие. В любую минуту каждому из нас грозит утоление желаний. Оно грозит выставленным напоказ счастьем, сытостью, от которой рукой подать до вечного сна. Счастливый брак, герои нежно целуются перед алтарем, и на экране появляется слово «КОНЕЦ». У хэппи-энда очень мрачные перспективы. И единственная защита против подобной энтропии в том, чтобы отказаться от соблазна утоления, никогда не принимать наслаждения, если нет уверенности, что будешь наслаждаться и дальше. Я скажу более определенно – надо быть уверенным, что после оргазма можешь снова прийти в возбуждение.

– Марио, – простонала Эммануэль. Он опять наставительно поднял палец.

– Эротизм – не эякуляция. Эротизм – эрекция!

Эммануэль не захотела остаться в долгу по части смелости.

– Эта ремарка, – заметила она, – по-моему, больше касается мужчин. Женщины в этом отношении имеют преимущество перед большинством своих партнеров.

Он удовлетворенно улыбнулся и процитировал:

«Психея всегда готова».

Но Эммануэль не торопилась безоговорочно согласиться с Марио. Она тоже умеет рассуждать!

– В конце концов получается, что под предлогом эротизма надо перестать заниматься любовью. Ведь занятие любовью – это наслаждение? Я вам предсказываю: ваши теории приведут к тому, что в каком-нибудь новом катехизисе будет сказано: «Культивируйте ваш дух и умертвите вашу чувственность». Нет уж, я буду придерживаться моей прежней точки зрения: мне плевать на мораль. И на эротизм, если в нем столько запретов! Я предпочитаю заниматься любовью столько, сколько захочется, дарить моему телу все радости, какие ему нужны. Мне не хочется «дозировать» себя, даже если мой дух от этого взлетит на невиданную высоту!

– Очень хорошо, превосходно! Если б вы знали, до какой степени я вас одобряю! Какое счастье найти женщину, готовую полностью посвятить себя сладострастию! Все, что я вам только что советовал, не имеет никакой другой цели, кроме помощи вам именно в таком подвиге. Я же не говорю вам, что вы должны ограничить свои радости. Я только спрашиваю: как вы полагаете, что надо делать, чтобы наслаждаться не только телом, но и душой? Я призывал ведь только к одному: к следованию элементарным законам – берегитесь одинокого существования, ведущего к вечному покою и сну, никогда не считайте себя удовлетворенной,

тотчас же ищите другое наслаждение; не успокаивайтесь на утолении, оно ведет к умиранию эротизма; не называйте блаженством грустное животное спаривание, не отождествляйте идею совокупления с понятием пары.

Он явно был доволен своей речью.

– И не упрекайте меня в том, что я хочу вас ограничить. Как раз я открываю перед вами двери безграничности! Знайте, что ваш кругозор будет необычайно узок, если вы будете желать любви только одного человека. Я не говорил о любви одного, не говорил о любви нескольких, я говорил о любви бесчисленных!

Эммануэль надула губы. На ее лице была мина сомнения, упрямства, отказа. И это почему-то привело Марио в умиление.

– Как вы красивы! – воскликнул он.

Ответа не последовало, он любовался ею в полном молчании, а потом прошептал стихи: «Если хочешь – полюбим друг друга. Пусть молчат наши губы под поцелуями...»

Словно сбрасывая наваждение, Эммануэль тряхнула головой и улыбнулась. Марио улыбнулся ей в ответ такой радостной, такой сияющей улыбкой, что она, смущенная, удивленная этой метаморфозой, решилась на прямой вопрос:

– Так что же делать?

И он ответил ей новой цитатой:

– «Оставайся лежать, мое тело, ибо твоя судьба... Наслаждайся насущным, нынешним наслаждением, не ожидай завтра... Завтра убьет нас...»

– Ну вот, – обрадовалась Эммануэль. – Это как раз то, о чем я говорила.

– Я тоже говорил это.

Она засмеялась: надо же, Марио всегда оказывается прав.

– Но я упоминал при этом много важных деталей, добавил он.

– Даже слишком много, – пожаловалась Эммануэль. – Все эти ваши законы! Я вспоминаю два первых...

– Я только что изложил вам третий – Закон Числа. Умножение – вот важнейшее правило эротизма. И наоборот: там, где ограничение – там эротизма нет. Например, ограничение парой. Я сейчас объясню вам, сколько зла таится в паре.

– Ладно, – уступила Эммануэль. – Пусть пара будет вне закона. Но к чему это приведет? Придется отказываться от любви с одним человеком? Предаваться ей только в трио, а то еще квинтетом, септетом.

– Если хочется, – согласился Марио. – Но не обязательно. Число существует не только во времени, но и в пространстве. И можно не только складывать и умножать, но можно вычитать и делить. В начале этого вечера, мой друг, я кажется рассердил вас, указав способ, которым можно себя делить?

Это напоминание вызвало на ее лице лукавую усмешку, она хотела что-то сказать Марио, но промолчала, и он продолжал:

– Что касается вычитания: наслаждайтесь иногда, споря с вашими чувствами. Заставляйте себя отступать перед ними, прежде чем уступить, прежде чем отдать им в конце дороги роскошный дворец. Пусть длится наслаждение, продлевайте желание. И пьянейте от ваших прелестей только сами.

Давайте полными пригоршнями одним то, в чем вы откажете другим, несмотря на все их заслуги. Тому, кто приготовился томиться по вас месяцами и бороться за вас, как рыцарь Святого Грааля, отдайтесь неожиданно, в первый же день. Тому же, с кем вы давно уже обменивались самыми интимными ласками, отказывайте в «последнем залоге любви». Незнакомец пусть берет вас без всякой предосторожности и подготовки, но другу, который с

детства воображает в мечтах, как он сладостно проникнет в вас, позвольте излиться только в чашу, сложенную из ваших ладоней.

– Вы ужасны! И вы думаете, что я буду заниматься всем этим свинством? Слава Богу, что вы говорите это в шутку, чтобы посмеяться.

– Да, да, такие слова и говорят для того, чтобы смеяться. Только стыдливость печальна. Но что ужасного в том, что я вам сказал? То, что и руки наши...

– Не говорите глупостей, совсем не это...

– О, тогда хвалю вас! А сколько женщин думает, что только их живот, грудь, губы пленяют и влекут. Но ведь именно руки делают нас человеком! Что, как не женские руки, превращают нас, мужчин, в человека? Мы можем распутничать с ланью или львицей, ласкать, дрожать под их языком. Но только женщина может заставить нас излиться в свои ладони. Именно по своей человечности этот способ должен быть предпочтен всем другим.

Эммануэль кивнула головой, показывая, что она согласна с тем, что все вкусы имеют право на существование. Зачем отнимать у Марио те радости, которые он испытывает, демонстрируя перед ней свой отказ от всего общепринятого? Так вечер станет еще занятней. Но в одном она не торопилась – ей не казалось, что этот закон более важен, чем остальные.

– Всей этой математической лекцией вы, я вижу, стремитесь мне внушить что я должна распутничать с уймой людей – с одним так, с другим этак. Вы не говорите, чтобы я стала покладистой бабенкой, но и не предлагаете мне вместо моего тела обзавестись какой-то бесконечной субстанцией. Вот почему я считаю вас легкомысленным соблазнителем.

– А почему бы вам не разделить между многими, между бесчисленными любовниками тело, которое могло бы насладиться всем? Что вам тут не нравится?

– О Марио! Вы же это хорошо знаете...

Она надеялась, что он правильно поймет это ее восклицание. Но он не захотел пойти ей навстречу, и Эммануэль пришлось повторить вопрос:

– По какой же причине я должна это делать?

– Я уже вам сказал: по причине эротизма. Потому что эротизм нуждается в количестве. Нет большего удовольствия для женщины, чем вести счет своим любовникам: ребенком – по пальцам, в колледже – в ритм занятий и лекций, в замужестве – в тайной записной книжке. И отмечать там особым знаком день, когда к списку прибавляется новое имя: «Смотри-ка, почти месяц после предыдущего». Или с притворными угрызениями совести: «Какой ужас – в одну неделю двое!». Или радостно, бесстыдно: «Ура! В эту неделю – ежедневно!». И, прижавшись к самой близкой подружке, прошептать ей на ухо: «У тебя дошло до сотни?» «Еще нет, а у тебя?» «Да гораздо больше!». О, радость! Эти сотни, тысячи тел, которые смогло вместить одно ваше тело! И вы сожалеете о тех, кого вам не пришлось узнать. Вспомните определение, которое я дал эротизму, наслаждение экстазом.

– Подождите, – остановил Марио приготовившуюся что-то возразить собеседницу. – Закон количества требует как необходимое следствие другого, против которого вы, я уверен, возражать не будете: надо остерегаться пресыщения. Ведь так легко понять, почему для наслаждения необходимо множество любовников или любовниц – из страха, чтобы ваши чувства не утомонились, никогда не отдавайтесь мужчине, не будучи уверены, что наготове уже находится другой.

– Но ведь это никогда не кончится, – взмолилась Эммануэль. – После одного – другой, потом еще один в резерве?

– А почему бы и нет? – ответил вопросом на вопрос Марио.

– Но ведь есть же предел человеческим силам, – от души рассмеялась Эммануэль.

– К несчастью, – помрачнел Марио. – Но дух может все преодолеть. Важно, что дух вечно

неудовлетворен, вечно ненасытен.

– Самое верное средство для поддержания духа, если я вас правильно поняла, это – заниматься любовью непрерывно?

– Конечно же, нет, – поморщился Марио. – Дело не в том, чтобы заниматься любовью, а в том, как ею заниматься. Сам по себе акт совокупления недостаточен для создания эротических ценностей, пусть он даже будет длиться бесконечно. Может быть, день, когда вы отдадитесь десяти, двадцати мужчинам кряду, станет для вас днем невыразимого блаженства, но он может также вызвать тоску и досаду. Все зависит от момента, от того, что этому предшествует и чего вы ждете потом. Это потому, что существуют законы, но нет правил: чтобы достичь пика эротической законченности, вы можете сегодня отдать свое тело этим двадцати одинаковым способом, не отличая особенно одного от другого, на завтра же вы будете совершенно разной с каждым из них.

– Тридцать две позы Венеры, – громко засмеялась Эммануэль.

– Абсурд! Эротизм не интересуется позами. Он рождает ситуации. Единственно важные позы – те, что проносятся в вашем мозгу. Пусть в любви участвует и голова! Наполните ее таким количеством органов, таким числом сладострастных переживаний, каких не наберется у всех мужчин мира. Пусть каждое ваше объятие включает в себя и предвещает другое. Пусть берущий вас мужчина будет и тот, кого вы сейчас держите за руку, и тот, с кем вы когда-то читали Гомера.

Несмотря на усмешку на губах, Эммануэль была взволнована более, чем ей хотелось показать.

– Значит ли это, что если мой муж захочет заняться со мной любовью, я должна буду ему сказать: «Невозможно, дорогой, ведь нас только двое»...

– И он будет доволен таким положением, – ответил Марио вполне серьезно. – Но, как я вам уже говорил, если третий не может быть воочию, то дело вашего мозга создать его.

Это понравилось Эммануэль. В самом деле, подумала она, до сих пор самым большим из известных ей наслаждений было воображаемое перенесение в объятия другого, выбранного ею по своему желанию в тот миг, когда Жан пронизывает ее. Вот первое эротическое открытие, которое она совершила сама, еще до знакомства с Марио, и которое с начала ее любви к Жану покорялось пять или шесть раз. Теперь, решила она, я буду испытывать это каждую ночь. Прекрасно! Отныне она будет стремиться в объятия мужа не только из любви к нему, не только ради плотского желания, но и для того, чтобы появился любой выбранный ею мужчина, и она без всякого стыда и стеснения будет испытывать его самые интимные ласки и так же нежно и бесстыдно ласкать его. Она поклялась себе, что каждый раз будет теперь вызывать «третьего», чтобы соблюдать закон асимметрии или «нечетности». Она была так взволнована, представив себе все это изысканное угощение, что ей захотелось немедленно оказаться в постели с Жаном, чтобы заняться любовью с «третьим». С кем же? – спросила она себя. Очевидно, не с Марио, это было бы смешно. Значит, с Квентином.

– Надо стараться, чтобы по ошибке я не вызвала в супружескую постель двух фантомов сразу, – ехидно произнесла она. – Тогда компания сделается четной, и – бац! – все рухнет.

Марио улыбнулся:

– Нет, так это все-таки будет асимметрично. Я никогда не буду учить вас любви вчетвером, если вы образуете две пары, в одной постели. Нет ничего более плоского, более кухонного. Но вы ошибаетесь, если решите, что число четыре находится под запретом. Оно открывает большие возможности для разбивки четырехугольника, например, на три и один. То же самое и с восьмеркой, только, разумеется, не с четырьмя парами. Шестеро мужчин и две женщины – комбинация наиболее элегантная, которая для начала доставляет каждой даме трех рыцарей, а

заканчивается сочленением обеих образовавшихся групп.

Эммануэль попробовала мысленно представить себе эту картину...

– Впрочем, я согласен, – сказал Марио, добродушно усмехаясь, – что в простоте тоже есть своя прелесть и что самой сладкой манерой любви для женщины всегда остается, как вы справедливо изволили только что заметить, – отдаваться одновременно двум мужчинам (Эммануэль нахмурила брови, пытаясь вспомнить, когда же она высказала такую мысль). Немного превосходит эту комбинацию законченностью и гармоничностью, и понятно, почему ее так любят все женщины с хорошим вкусом. Между любовью с одним мужчиной и любовью с двумя – такая же разница, как между рисовым самогоном и высокой маркой шампанского.

И он с поклоном подал Эммануэль бокал. Она сделала глубокий глоток. Марио внимательно наблюдал за нею.

– В объятиях только одного мужчины женщина выглядит как бы наполовину брошенной. И уж коль верно, что необходимый ответ на требования вашего разума есть кортеж любовников, проносящийся в вашем мозгу, надо, чтобы и тело оставалось в небрежении. И поскольку один мужчина не может быть для вас всем, обладать вами одновременно и там, и тут, – надо, чтобы к нему на помощь пришел второй. И лишь когда эти скрипки зазвучат в унисон, только тогда вы услышите подлинный гимн женщине и ее красоте.

И он необычайно вежливо осведомился:

– Вам нравится?

Эммануэль опустила глаза, закашлялась. Он продолжал без всякой жалости:

– Я имею в виду обладание двумя мужчинами одновременно. Не только в мечтах.

– Не знаю, – не нашла Эммануэль другого ответа.

– Как это так? – совершенно искренне удивился Марио.

– Я никогда этого не делала...

– Правда? А почему?

Она пожала плечами.

– Вы возражаете против такого способа? – тон его стал необычайно едким.

Эммануэль была в замешательстве: что ответить на это? Марио не приходил ей на помощь. Молчание становилось тягостным, когда вдруг последовал неожиданный вопрос:

– Зачем вы вышли замуж?

И снова она не знала, что ответить. Ей казалось, что ее схватили за плечи и закрутили вокруг себя, как при игре в жмурки. С завязанными глазами, с беспомощно растопыренными руками, она не может решиться на один-единственный шаг – таким враждебным кажется ей невидимое пространство. Ей не хотелось признаваться Марио, что замуж она вышла из-за любви к Жану или из любви заниматься с ним любовью. К счастью, ей в голову пришла мысль, которая должна была помочь ей остаться на высоте положения.

– Я лесбиянка, – выпалила она. Марио пристально посмотрел на нее.

– Очень хорошо, – одобрил он, но тут же с подозрением в голосе спросил:

– Вы постоянно были лесбиянкой или только занимались этим в детстве?

– Я лесбиянка всю жизнь, – ответила Эммануэль с вызовом.

И тут же волна тоски и тревоги окатила ее. Правда ли это? Разве когда-нибудь еще сможет она прижать к себе женское тело? Ведь Би потеряна навсегда, а с нею потеряно все...

– Вашему мужу известно о ваших вкусах?

– Естественно. Впрочем, их знают все, это не секрет. Я горжусь тем, что люблю молодых девушек, а они любят меня.

Она трубила сигнал вызова, не думая, повредит он ее репутации или нет.

Марио поднялся, зашагал по комнате. Казалось, он был в восторге. Потом он подошел к

дивану, очутился на коленях, обнял ноги Эммануэль.

– Женщины все прекрасны, – забормотал он, – Только женщины умеют любить. «Останься с нами, Билитис, останься. И если у тебя страстная душа, ты увидишь, как в зеркале, свою красоту в телах твоих подруг».

Эммануэль с меланхолической иронией подумала, что ей не повезло: было бы слишком, чтобы в нее влюбились сразу и женщина, которая не вполне лесбиянка, и мужчина, который гомосексуалист чересчур.

Марио, однако вернулся к своему обычному спокойствию, и допрос возобновился.

– У вас много любовниц?

– О да!

Она решила, что воспоминание о Би не должно стеснять ее в этот вечер, и поспешила добавить:

– Я люблю их часто менять.

– И вы всегда, когда захотите, находите новых?

– Это нетрудно. Стоит им только предложить.

– И не бывает никого, кто бы отказался?

– Конечно, есть девицы, которых не совратить. Но тем хуже для них!

– Абсолютно верно, – согласился Марио. – А вы? Вам нравится быть покоренной и совращенной?

– Да, я люблю быть пассивной.

И, улыбнувшись своему признанию, пояснила:

– Но при условии, что мои совратительницы красивы. Я боюсь всякой некрасивой женщины.

– Совершенно правильное мышление, – снова одобрительно произнес Марио. И вернулся к своей, судя по всему, излюбленной теме:

– Вы сказали, что ваш муж в курсе ваших приключений. Но он их одобряет?

– Он даже их поощряет. Никогда у меня не было столько связей, как с тех пор, как я вышла замуж.

– А он не боится, что ласки ваших подруг отвратят вас от него?

– Глупости! Любовь женщин совсем не то, что любовь мужчины. Одно другого не заменяет. Нужно, чтобы было и то, и это. Быть только лесбиянкой – значит слишком от многого отказаться.

Такая категоричность неожиданно насторожила Марио:

– Предполагаю, что ваш муж тоже пользуется прелестями ваших любовниц...

Эммануэль шаловливо улыбнулась...

– Особенно тех, которые мечтают об этом, – откликнулась она.

– А вы не ревнуете?

– Это было бы смешно.

– Вы правы, – сказал Марио. – Радость надо делить с близкими.

Он прикрыл веки, словно вызывая заманчивые образы. И Эммануэль тоже постаралась представить себе обнаженные тела своих подруг, такие голые, такие горячие наощупь, такие красивые! И новый вопрос Марио донесся до нее из прекрасного далека:

– А он?

– Он? – Эммануэль широко раскрыла глаза.

– Ну да, ваш муж. Он много мужчин для вас добывает?

– Что вы, – протянула удивленная до глубины души Эммануэль. – Конечно, нет!

– В таком случае, – холодно заключил Марио, – я не могу понять, в чем же для вас обоих

закключается преимущество супружеской жизни.

Он отхлебнул шампанского, смакуя его, и снова спросил, на этот раз насмешливым, пренебрежительным тоном:

– Вы что, запрещаете ему любить других?

Эммануэль поспешила ответить отрицательно. В глубине души она не была уверена, что этот ответ ее украшает.

– А вы говорили ему, что он может это делать?

– Не совсем так, конечно, – прерывающимся голосом выдавила из себя Эммануэль. – Но он никогда не спрашивал, делаю ли я это. Я совершенно свободна.

Марио с сожалением покачал головой.

– Вот за это вы должны его упрекнуть. Это не та свобода, которой требует эротизм.

Прежде чем Эммануэль смогла возразить, последовал новый вопрос.

– Когда вы написали мужу из Парижа, вы сообщали ему хронику своих побед?

Эммануэль была буквально сражена сознанием собственной банальности и попыталась все же избежать прямого ответа.

– Я говорила ему о своих возлюбленных.

Жест Марио означал: это все же лучше, чем ничего. Снова наступило молчание. Эммануэль взглянула на Квентина. Тот улыбался с замечательным постоянством. Она спрашивала себя, понимает ли он что-нибудь в этом разговоре или улыбка его – улыбка вежливости, желание показать, что ему не так уж смертельно скучно.

– Только, ради Бога, не примите Жана за ревнивца, – возбужденно заговорила Эммануэль, спеша рассеять дурное впечатление, какое, казалось, произвела на Марио ее уклончивость. – Он не более ревнив, чем я сама. Ведь это он научил меня показывать ноги. Он любит, когда я надеваю узкие платья, чтобы при выходе из машины юбка задиралась как можно выше. И вы можете мне поверить, что даже на самых чопорных приемах я веду себя совсем без стеснения.

Она нервно рассмеялась.

– Не правда ли, это хорошее доказательство, что мы с ним предрасположены к эротизму?

– Да.

– И потом, он распоряжается моим декольте. Много вы знаете мужей, которые так любят показывать всему свету грудь своей жены?

– А вы сами любите показывать свою грудь?

– Да, – сказала Эммануэль. – Но особенно с тех пор, как Жан стал мне приказывать это. До знакомства с ним мне нравилось, когда ко мне прикасались. То есть, я хотела сказать, – поправились она, – когда женщины ко мне прикасались, мне было все равно, видят мою грудь или нет. Я не испытывала никакого удовольствия от этого. А теперь мне это нравится.

И она отважно добавила:

– Я не родилась эксгибиционисткой. Я ею стала. И это он сделал меня такой.

И еще добавила:

– Вот видите!

– А вы не спрашивали себя, – поинтересовался Марио, – почему вашему мужу нравится выставлять вас напоказ, на публичный осмотр? Если только для того, чтобы вы эпатировали публику, это не очень похвально. А если попросту, чтобы похвастаться вашей красотой и подразнить ближнего, – это ничуть не лучше.

Эммануэль не могла допустить, чтобы ее мужа осуждали.

– О нет! Это совсем на него не похоже. Если мой муж показывает мое тело, это как раз для блага ближних...

– Тогда это как раз то, о чем я говорил, – обрадовался Марио и закончил чуть

насмешливым, не допускающим возражения тоном. – Если ваш муж делает это для того, чтобы вызвать у других эрекцию, значит, он хочет, чтобы они с вами занимались любовью.

Такое умозаключение никак не могло прийти в голову Эммануэль, но она не нашла ничего, что могло бы его опровергнуть.

– Но зачем же, – простодушно спросила она, – Жану хотеть, чтобы я ему изменяла? Что за радость для мужчины в том, что другие пользуются его женой?

– Смотрите-ка, моя милая, – строго сказал Марио, – куда вас занесло. Говорили мы, говорили, а вам все непонятно, что мужчина эволюционировавший может хотеть в силу своей утонченности, чтобы его жену соблазнил другой мужчина. Древний мудрец понимал больше вас, когда сказал: «Красота жены радует мужа». Будьте логичны: если муж ваш радуется вашим любовным связям с женщинами, почему он должен иначе относиться к мужчинам? Или действительно разница между гетеросексуальной и гомосексуальной любовью кажется вам такой уж огромной? Я-то абсолютно уверен, что есть только одна любовь и нет никакой разницы, с кем ты ею занимаешься, – с мужчиной ли, с женщиной, с мужем, любовником, братом, сестрой, ребенком...

– Но Жан всегда знал, что я люблю женщин, даже до того, как лишил меня невинности; я сказала ему об этом в первый день нашего знакомства.

И поспешно добавила:

– Ну, разумеется, если бы у меня был брат, я бы занималась с ним любовью, но я была одна у родителей.

– И тогда?..

– И тогда... Я хочу сказать, что, лаская женщину, я не изменяю мужу.

Марио позабавило это утверждение, и он быстро спросил:

– А ваш муж любит мужчин?

– Нет! – Эммануэль не могла даже на мгновение предположить, что ее Жан окажется гомиком. Марио, казалось, угадал ее чувства.

– Вы несправедливы, – сказал он кротко.

– Но это не одно и то же!

Марио улыбнулся так, что ее уверенность поколебалась тут же.

– Предпочли бы, чтобы он спал с женщинами?

– Я не знаю, – выдавила из себя Эммануэль прерывающимся голосом. – Подозреваю, что... да.

– Тогда, – торжествовал Марио, – почему не ждать от него такого же отношения к вашим связям с мужчинами?

«В самом деле», – подумала она.

– Другой пример, – продолжал Марио, не дожидаясь ответа. – Вы обнажаете вашу грудь и ноги просто по привычке к игре или это всерьез возбуждает вас?

– Конечно, это меня возбуждает...

– А ваше возбуждение усиливается, если рядом с вами муж?

Она задумалась.

– Думаю, что да.

– И вот, когда вы пристойно сидите рядом с мужем, а другой мужчина запускает в это время вам под юбку свой взгляд, не мечтаете ли вы, чтобы следом туда устремились и руки его, не говоря уже обо всем остальном?

– Конечно, – призналась Эммануэль с нервным смешком.

При этом она вовсе не была убеждена, что такая картина может понравиться Жану. Марио догадался об этом и вздохнул:

– Вам еще многому надо научиться. Всему тому, что отделяет элементарную сексуальность от искусства эротизма.

Разговор продолжался. Марио повторил слово, употребленное Эммануэль, с такой иронией, что ей впору было провалиться сквозь землю.

– Если ваш муж не хочет, чтобы вы ему «изменяли», то как же он позволил вам прийти сюда одной сегодня вечером? Вы хотите возразить?

– Нет. Но, может быть, он не считает, что пойти поужинать с мужчиной значит непременно отдаться ему.

Вот это был ответ! Эммануэль могла радоваться: Марио задумался. Но в тот момент, когда она решила, что беседа свернет на другие рельсы, он спросил:

– Вы готовы сегодня вечером отдаться, Эммануэль?

В первый раз он назвал ее по имени, она постаралась обуздать то чувство, которое пробудил в ней этот вопрос, заданный к тому же таким небрежным тоном. Она ответила так же небрежно:

– Да!

– Почему? – И все очки, набранные Эммануэль, оказались проигранными, прежнее смущение вернулось к ней. Марио поспешил задать следующий вопрос:

– Вы вообще легко уступаете мужчинам?

Она почувствовала себя посрамленной. Неужели все эти разглагольствования были лишь для того, чтобы унижить ее? Но она все-таки попыталась поднять свои акции, – Совсем наоборот, – отрезала она с необычной для нее горячностью, – Я вам говорила, что у меня много любовниц, но я не сказала, что много любовников. Чтобы совсем вас убедить (тут ее голос дрогнул – Эммануэль не любила лгать и не любила тех, кто вынуждал ее к этому), скажу, что у меня вообще не было ни одного любовника. Теперь вы понимаете, что мне нечего было рассказывать на этот счет мужу? По крайней мере до сегодняшнего ужина, – добавила она с нахальной улыбкой.

Похвалившись своей добродетелью, она подумала, что, собственно, и не лжет. В самом деле, можно ли называть любовниками тех, кто овладел ею по очереди в ночном самолете? Мари-Анж определенно сказала, что они не считаются. Да и сама она мало-помалу начала сомневаться в подлинности того, что произошло с нею в ночном пространстве между небом и землей; она была неверна там своему мужу не более, чем когда воображаемые любовники овладевали ею в момент слияния с Жаном.

И вдруг ярко блеснуло у не в сознании: а если бы она забеременела от одного из этих незнакомцев? Она была бы не прочь, но теперь это не имело уже никакого значения.

Интерес Марио между тем возрастал.

– Вы не смеетесь надо мной? Мне ведь показалось, возможно, я ослышался, что вы любите «также и мужчин»?

– Ну да. Я ведь замужем. И я вам только что сказала, что сегодня вечером я готова принадлежать другому мужчине.

– В первый раз, значит.

Кивком головы Эммануэль сполна подтвердила свою полуложь. И сразу же мысль о том, что Мари-Анж рассказала Марио, обожгла ее. Но, нет, судя по всему, Марио ничего не знает.

– Может быть, я могла бы сделать это и раньше, но тогда никто мне не предлагал.

Смысл этого «тогда» был понят. Марио взглянул на нее с улыбкой и тут же бросился в контратаку.

– А почему вы хотите изменить мужу? Он вас физически не удовлетворяет?

– О нет, – прервала вопросы Эммануэль, возмущенная таким предположением, – Жан –

отличный любовник. Наоборот...

– А, – сказал Марио. – Наоборот. Вот это интересно. Не могли бы вы объяснить это «наоборот»?

Она разозлилась. Он провел с ней великолепное собеседование, чтобы доказать ей, что Жан сам хочет, чтобы она завела любовника и, кажется, совсем позабыл об этом.

Но почему, спросила она себя, я так легко согласилась изменить Жану сегодня? Откуда впервые в жизни и так внезапно появилось столь жгучее желание стать неверной женой? Она хотела этого, не переставая в то же время страстно любить Жана. Наоборот... Что же произошло с нею? Прерывистым голосом она произнесла:

– Этого я не могу... Это оттого, что я счастлива... Это... это потому, что я люблю его!

Марио склонился над нею.

– Иными словами, вы хотите обмануть мужа не оттого, что он вам надоел, не по минутной слабости, не потому, что вы хотите ему отомстить, – наоборот, потому, что он сделал вас счастливой. И это происходит потому, что он научил вас любить красоту. Любить физическое наслаждение, когда плоть мужчины соединяется с вашей, проникает в вас. Он научил вас прекрасному обмороку любви, когда мужская нагота сокрушает вашу наготу. Благодаря ему вы поняли, что жизнь обновляется, когда вы поднимаете руки, чтобы сбросить блузку, или кладете их на бедра, чтобы расстегнуть юбку и предстать великолепной статуей перед обожающим взором. Он научил вас, что любовь умножает ваше тело, не оставляя его в одиночестве. Он научил вас понимать, что прекрасное не в том, чтобы ждать, пока вас разденут другие руки, а естественно и просто, с радостью и торжеством обнажиться самой и шагнуть навстречу предназначенному для вас телу. Что нет другого счастья и другой судьбы.

Завороженная Эммануэль слушала этот монолог, не зная, должна ли она немедленно поступить согласно изложенной только что программе. Она пристально посмотрела в глаза Марио, протянула ему бокал.

– Вот поэтому вы отдадитесь? – закончил Марио. Она утвердительно кивнула.

– И вы скажете своему учителю, что он может гордиться вами?

Она сразу же утратила ясность, в голосе послышалась тревога.

– О нет! – И после некоторого размышления: – Не сразу...

Марио снисходительно усмехнулся.

– Я вижу. Надо, чтобы вы научились...

– Господи! Чему же еще я должна научиться?

– Наслаждению рассказа, более тонкому, более рафинированному, чем наслаждение тайны.

Настанет день, когда вкус ваших походов станет еще слаще от того, что вы будете долго, с деталями более жгучими, чем самые горячие ласки, рассказывать внимательному слушателю и вновь переживать испытанную вами радость. Но не будем ничего торопить, и пока вы можете утаить от вашего мужа тот успех, какого добились его ученица. Впрочем, – улыбка его стала лукавой, стоит подождать, пока эти успехи станут настоящими: тем приятней будет для него сюрприз. Но надо, чтобы во время обучения не он, а другой был вашим наставником, вашим проводником, вашим гидом. Пути эротизма слишком круты, и предоставленная самой себе ученица рискует струсить или свернуть не на ту дорожку. Как вы считаете?

На этот явно риторический вопрос ответа не последовало, и Марио продолжал:

– Но знайте, что ученица должна быть безгранично настойчивой и упорной. Никакой проводник не может заменить вам вашу волю: он только укажет вам дорогу, а уж ваше дело – идти по ней твердым, уверенным шагом, ясно представляя себе, куда она ведет. Посвящение в искусство – это скорее труд, чем удовольствие. Когда-нибудь воспоминание об этих трудах будет вам радостно и приятно. Но сегодня вы должны свободно принять очень тяжелое решение.

Готовы ли вы испробовать все?

– Все? – осторожно переспросила Эммануэль. Ей припомнилось, что несколькими днями раньше Мари-Анж употребила в разговоре с ней почти такие же многозначачие слова.

– Все, – кратко ответил Марио.

Что могло значить это «все»? Очевидно, ей предстояло отдаться всем капризам Марио, покориться ему. Но если она готова стать его любовницей, не все ли равно, что он будет с ней проделывать? С некоторой долей иронии она подумала, что ее ментор несколько переоценивает достоинства своего метода, если надеется с помощью тех экспериментов, что он ей предложит, сразу же «переменить» Эммануэль. У нее, правда, почти не было практики с мужчинами, но она была уверена, что для того, чтобы «перемениться», «мутировать», женщине нужно что-то большее, чем причуды ее партнера. Ох, уж эта мужская самоуверенность!

Но почему же ей не хочется, чтобы о ее знакомстве с Марио узнал Жан? Марио, наверное, не ошибается в мотивах, побуждающих Жана именно так вести себя с женой, как он себя ведет. И вдруг ей пришла в голову мысль, еще не очень-то ясная, так, что-то забрезжило: «обманывать» любимого мужа было удовольствием особенным, каким-то нежным, тонким; раньше она об этом не помышляла, но тем более взволновало оно ее теперь. Вполне возможно сказала она себе, что в мире эротизма соучастие мужа в адюльтере есть самое высшее и самое утонченное распутство. Но ведь она еще не вступила в этот мир! И пока она еще не постигла те законы, о которых говорил Марио, ей хотелось чего-то более привычного и простого. Пристальный взгляд Марио смущал ее. Она переменила положение, показав ноги так, как она умела это делать. Марио говорил ей о любви с двумя мужчинами, наверное, он хочет предложить себя и Квентина. «Пусть, – подумала она, – я соглашусь!». Она предпочла бы иметь дело с Марио, а Квентин, раз уж от него нельзя отказаться, мог бы быть просто зрителем, ведь и этой роли Марио придавал большое значение. Во всяком случае, она не будет противиться замыслам хозяина дома. Где-то в подсознании она, может быть, хотела и Квентина. Ведь Марио так расхваливал любовь втроем...

– Но вы занимались, по крайней мере, любовью с несколькими женщинами? – услышала она вопрос своего героя и опять удивилась его способности читать ее мысли. Она молчала; Марио снова начал читать стихи, она плохо его слушала, но поняв, что он говорит о женских ногах, обрадовалась – ноги, значит, привлекли его внимание.

– С несколькими женщинами, – вернулся к прежнему сюжету Марио. – Я имею в виду одновременно.

– Да, – ответила Эммануэль.

– О, – воскликнул он. – Вы не столь уж невинны!

– А почему я должна быть невинной? Я никогда на эту роль не претендовала, – заявила Эммануэль с нервным смешком.

Самое худшее, если заподозрят в добродетели. Недостаточно показывать голые ноги, чтобы к ней относились с уважением, она сейчас вскочит на диван и окажется вся голая. Она еле подавила в себе это желание. Но если и подобная демонстрация не убедит ее хозяина, у нее в запасе есть еще что-то, чему она научилась под душем. Она вся полыхала, но итальянец оставался невозмутим. Он, кажется, предпочитает эротизм теоретический эротизму практическому... Но допрос еще не кончился.

– А как это происходило, когда вы были с двумя женщинами?

Нетерпение сжигало Эммануэль. Чтобы покончить с этим устным экзаменом, она принялась рисовать картины, где воображению было отведено куда больше места, чем реальности. Но Марио нельзя было удивить смелыми образами.

– Все это кажется мне детскими игрушками. Пора взрослеть, моя дорогая.

И тогда, желая отомстить ему, не понимая, чем она рискует, она выпалила:

– А вы? Вы сами-то лучше всего управляетесь с мальчишками?

Марио не проявил ни малейшего признака смущения. Голос его звучал негромко, но уверенно:

– Дорогая моя, мы вам скоро это покажем.

Он что-то сказал по-английски Квентину. Боже мой, перепугалась Эммануэль, неужели они прямо здесь начнут свой показ.

САМ-ЛО

Квартал, открывшийся перед глазами Эммануэль, совсем не был похож на застроенные громадными домами авеню. Не походил он и на улочки, в глубине которых прячутся за листвой уютные особняки и бунгало. Он не напоминал ничего из того, что встречалось Эммануэль в ее прогулках по Бангкоку. Уж не приснился ли ей этот квартал? Слишком нереальным казался пейзаж в лунном свете. Опасливо переступая туфлями-лодочками на высоких, каблуках, идет она вслед за Марио по узкой – не шире ступни – доске, переброшенной к причалу, Квентин движется сзади. Густая темная вода канала лижет причал. Доска пружинит под ногами, как трамплин: рано или поздно, думает Эммануэль, они свалятся в тину.

У причала путь не заканчивается. Надо идти еще дальше, по еще более трухлявой и неустойчивой доске. Так движется это трио, и ничто не предвещает скорого окончания дороги. Эммануэль кажется, что она давно покинула обитаемый мир. Даже воздух здесь пахнет совсем не так, как в оставленном за спиной другом мире. Тени резки, ночь так тиха, что трое путешественников не осмеливаются нарушить этот священный покой не только голосом, но и дыханием. Полчаса назад Марио прямо из окна подозвал лодочника, и они отплыли из бревенчатого дома, нависшего над каналом. Затем они высадились на каком-то причале, к которому надо было еще перебраться с лодки по узкой доске. Эммануэль так и не смогла понять, была ли это заранее намеченная остановка или же Марио принял решение внезапно. И вот теперь они идут вдоль узкого настолько узкого, что даже сиамские лодки не могут сюда проникнуть – канала, лежащего перпендикулярно большому, по которому они плыли.

Это скорее желоб, а не канал. По обеим его сторонам стоят приземистые лачуги из бамбука или толя, прикрытые пальмовыми ветвями. Окна и двери наглухо закрыты, как во время чумы. Как они там не задохнутся, удивляется Эммануэль. Она понимает жизнь тех, кто ютится в сампанах, спит под открытым небом, но что спрятано здесь, какие тайны скрывают эти люди за запретными дверями и закрытыми окнами?

С каждым шагом впечатление фантастичности усиливается. Почти невероятно, чтобы эта странная улица мертвой воды и мертвых деревьев, по которой идешь, как канатоходец, могла тянуться так долго и никуда не вести. А днем, когда туземцы выползают из своих логовищ, как они умудряются разойтись на этой единственной узкой тропе? Эммануэль с ужасом думает о тех акробатических движениях, которые им придется совершать, если кто-то повстречается на пути. Но вряд ли это произойдет сейчас: страна, куда привели ее спутники, похожа на лунный пейзаж, так что живые люди не могут попасться навстречу.

Однако тут же из одной лачуги выходит мужчина. Высокий, мускулистый торс. Темная тряпка, вероятно, красного цвета, покрывает чресла. Он задумчиво распускает ее, глядя на три приближающиеся фигуры. Теперь он голый. Он мочится в воду. Эммануэль никогда не видела, даже в воображении, такие мужские стати. Сейчас, в спокойном состоянии, мужчина вооружен гораздо лучше, чем Жан в минуту атаки. «Здорово», – произнесла она про себя. Мужчина и сам по себе был хорош. Не более метра разделяло их, когда она проходила мимо него, и он взглянул на нее. Она думала только об одном: что же будет, когда эта лошадка встанет на дыбы. Но мужчина смотрел на ее полуголые груди, и никакого волнения не чувствовалось в нем, ничто не

пошевелилось. Канатоходцы прошли мимо.

Перекресток.

Таинственный путь разветвляется. Марио размышляет. Переговорив с Квентином, он выбирает, наконец, одну из ветвей. Эммануэль не уверена в правильности выбора – уж слишком долго они путешествуют. Но она ничего не говорит.

Она вообще не произнесла ни слова с тех пор, как они выбрались из лодки и ступили на берег.

И вдруг она вскрикивает.

Деревянная дорога делает поворот и вливается в какое-то подобие двора. И то, что она издали приняла за дерево, оказывается огромной фигурой Чингиз-хана, с висячими усами, налитыми кровью глазищами, кинжалом на поясе, кинжалом в руке. Вот оно, начинается колдовство! Монголы, делая ужасающие гримасы, возникают перед ней. Сейчас... И Эммануэль заливается смехом. Чары рассеиваются.

– Ох, уж эта кинореклама. Как странно выглядит она в таком месте, – произносит Эммануэль первые за эту ночь слова. – Я хотела бы знать, как сюда доставляют эти декорации? Разве сюда можно пройти иначе, чем по этой узкой дощечке?

– Нет, – говорит Марио и ничем не дополняет свой ответ.

Они пересекают склад рекламных макетов, проходя между ног Великого Хана, входят в маленький дворик, видят пробивающуюся из-под дверей полосу желтого света. Марио стучит, зовет и, не дождавшись ответа, входит. Спутники следуют за ним. Эммануэль начинает беспокоиться все больше и больше. Очень уж неприятно смотрится это место. Трудно определить, чем здесь пахнет: какая-то смесь пудры, дыма, лакрицы и чая. В комнате, куда они вошли, единственная мебель – скамья, покрытая драной циновкой. Грязная, когда-то бывшая голубой занавеска закрывает глубину комнаты. Почти тотчас же она раздвигается, и входит женщина. Ее вид немного успокаивает Эммануэль. Это старая китаянка: ей не меньше ста лет, прикидывает Эммануэль. У старухи морщинистое, круглое, как блин, лицо. Кожа почти оранжевая, седые волосы уложены в шиньон. Глаза и губы едва угадываются в складках кожи. Когда старуха начинает говорить, во рту ее черным лаком поблескивают зубы. Руки спрятаны в рукава кофты из блестящего шелка.

Начинается долгий разговор между Марио и беспрестанно кланяющейся старухой. Она кланяется, чуть ли не переламываясь пополам. Наконец, она удаляется в глубь барака, и они следуют за ней, не говоря ни слова. Они идут по совершенно темному коридору, но Эммануэль кажется, что эта темнота движется. Ей страшно.

Они входят в очень маленькую комнату, – и новое потрясение для Эммануэль она видит двух очень старых и совсем голых мужчин, вытянувшихся на длинных деревянных нарах. Взгляд Эммануэль с омерзением скользит по их худым, с выступающими ребрами бокам и – о, ужас! – на секунду останавливается на сморщенных, высохших признаках их принадлежности к мужскому полу. Она, содрогнувшись, отворачивается – в следующей комнате, слава Богу, никого нет. Старуха останавливается – именно сюда она их и вела. Снова низкий поклон, и она исчезает.

– Что происходит? – встревоженно спрашивает Эммануэль. – О чем она с вами болтала? И что мы собираемся делать в этом притоне? Здесь так отвратительно.

Марио возражает.

– У вас предвзятые мысли, – говорит он. – Здесь все обветшало, я согласен, но здесь чисто.

Появляется другая женщина, гораздо моложе первой, но зато еще уродливей. Она вносит на круглом подносе лампу-спиртовку не выше стакана и толщиной в палец, малюсенькие оловянные ящички, длинные высушенные пальмовые листья и еще один предмет – длинную

полированную трубку из бамбука. Она напоминает флейту; кажется, что трубка запаяна с обеих сторон, но, приглядевшись, Эммануэль замечает, что на одном конце просверлена маленькая дырочка. Марио предупредил вопрос своей ученицы:

– Перед вами трубка для курения опиума, дорогая. Не правда ли, красивая вещь?

– Трубка? Но куда же кладется табак? Не в эту же маленькую дырочку?

– Туда кладут не табак, а шарик опиума. И надо сделать только одну затяжку. Затем снова заправить. Но лучше вы сами попробуйте это сделать.

– Неужели вы хотите, чтобы я курила опиум?

– А почему бы и нет? Я хочу, чтобы вы знали, в чем состоит эта игра или, вернее, искусство. Ничем нельзя пренебрегать.

– А... если мне понравится?

– Что же здесь плохого? – И Марио рассмеялся. – Успокойтесь, это не курение опиума. Это только прелюдия к нему.

– А что происходит потом?

– Узнаете со временем. Не будьте нетерпеливы. Церемония опиекурения требует полного душевного спокойствия, даже отрешенности.

Эммануэль резко повернулась:

– А если мне понравится, я могу вернуться сюда?

– Конечно, – сказал Марио.

Казалось, его забавляли вопросы Эммануэль. Он смотрел на нее чуть ли не с умилением. Она задала еще один вопрос:

– Я думала, что курение опиума запрещено.

– Конечно, так же как и внебрачные связи.

– А если сюда явится полиция, что нам делать?

– Мы отправимся в тюрьму.

Марио добавил с улыбкой:

– Но мы попытаемся сначала подкупить полицию вашими прелестями.

Эммануэль ответила тоже улыбкой, но улыбка эта была скорее скептической.

– Я замужем, значит, свою свободу мне придется купить ценой еще одного нарушения закона.

– Ну, это преступление представители закона с божьей помощью вам простят, тем более если они будут вашими соучастниками.

И, коснувшись рукою обнаженной груди Эммануэль, Марио спросил:

– Не так ли?

Наконец-то Марио прикоснулся к ней – на лице Эммануэль появилось томное, счастливое выражение, но тем не менее она покачала головой.

– Как, вы не согласитесь сослужить для нас троих эту службу?

Она поспешила его успокоить:

– Соглашусь. Раз вы этого хотите...

И, немного помолчав прибавила:

– А... сколько полицейских участвует обычно в таких облавах?

– О, не больше двух десятков.

Она рассмеялась.

Служанка между тем расположила посередине нар свой прибор. Марио, обняв Эммануэль за талию, подвел ее к нарам.

– Вы устройтесь здесь.

– Я? Но здесь не очень-то чисто и довольно жестко.

– Зачем заведению тратиться на матрасы, когда этот дым смягчает все углы и делает мягким самое жесткое ложе? И, кроме того, учтите, матрасы трудно стирать, а нары легко скоблить ножом. Пусть эти соображения успокоят вашу тревогу.

Эммануэль осторожно присела на краешек нар, а два ее компаньона удобно вытянулись по бокам. Вершиной этого треугольника была лампа. Эммануэль решила преодолеть свое отвращение и последовала примеру своих спутников: вытянулась, оперлась на локти и подперла голову обеими руками. Она не могла оторвать глаз от длинного пламени, прямой струей поднимающегося от лампы. Пламя словно гипнотизировало ее.

Китайка опустилась на колени возле их ложа и открыла один из ящичков. Что-то густое, непрозрачное, похожее на темный мед, наполняло его. Женщина подцепила на кончик длинной иглы частицу этой массы, подержала ее некоторое время над лампой, затем обернула кусочком волокнистого пальмового листа и снова поднесла к пламени. Темная капля потрескивала, набухала, приобретая удивительные оттенки, бросающие на все окружающее чарующие отблески; капля будто оживила все вокруг себя.

– Как прекрасно, – прошептала Эммануэль. Она подумала, что это зрелище столь привлекательно только для нее, пришедшей сюда в первый раз. «Это как драгоценный камень, что-то всегда говорящий тебе. Но камни не такие живые и красивые. Двадцать полицейских, – спохватилась она. – Это многовато...» Но чтобы спасти Марио от тюрьмы... она согласна.

Ей стало жалко, когда служительница культа, придав капле опиума форму поблескивающего цилиндра, отняла ее от огня и поднесла к отверстию трубки. И вот трубка подана Марио. Он прижал к ней губы, сделал глубокую затяжку.

– Теперь ваша очередь, – сказал он, – Не выпускайте дым через нос, не задыхайтесь, не кашляйте. Дышите медленно и глубоко.

– Я никогда этому не научусь.

– Это неважно. Мы ведь просто решили поразвлечь вас.

Служанка стала готовить вторую трубку. Снова коричневое солнце загорелось на конце волшебной палочки, набухающее, трепещущее, словно в чаянии грядущих наслаждений. «Наверное, вот так же набухает и трепещет там, во мне. – подумала Эммануэль. – Вот так же мое тело ждет удара, который вот-вот обожжет его. Как приятно чувствовать, как растет горячая влажность там внизу, по мере того как набухает и вырастает эта капля.» Обряд ей понравился: ей казалось, что ее медленно и торжественно готовят к публичному любовному действию. Она крепко сжала свою грудь, она была на вершине блаженства. Для полного счастья не хватало одного – присутствия рядом прекрасного существа, юного и послушного, с лицом самой невинности и радостно-бесстыдным, готовым на все телом. И она сама, и Марио, и Квентин медленно раздевались бы, забавлялись бы каждый с этим созданием по очереди или все вместе – как кому заблагорассудится, каждый по своему вкусу. Какая жалость, что ее ментор не предусмотрел этого! Она хотела упрекнуть его, но не решилась. И все-таки ей так хотелось прижать свои ноги к женским ногам, раздвинуть пальцами горячую влажную плоть, что даже китайка показалась ей в эту минуту почти красавицей.

Ей снова была предложена трубка. Огонек горел, но затяжки не получилось. Не было тяги, и китайка снова пронзила красноватую жемчужину стальной иглой. Со второй попытки дебитантке удалось сделать маленькую затяжку. Довольная, она рассмеялась.

– Мне нравится вкус, – объявила она. – А еще больше запах. Напоминает карамель, но только немного царапает горло.

– Надо запивать чаем.

Марио распорядился, служанка вышла и вскоре вернулась с тремя маленькими, расширяющимися кверху чашками без ручек и таким же маленьким кипящим самоваром.

Чайник-лилипут был доверху наполнен зеленым чаем. Осторожно она плеснула туда кипящую воду и разлила по чашкам: зелье приобрело медный цвет. Мощный аромат поднялся над чашками: пахло скорее жасмином, чем чаем. Эммануэль прихлебнула, обожглась и вскрикнула.

– Надо втягивать воздух губами одновременно с глотком, чтобы остудить чай, – наставительно сказал Марио. – Или, точнее, чтобы пить кипящий чай безболезненно. Вот так.

И, взяв чашку, он с шумом втянул в себя воздух.

– Но это же признак дурного тона, – возмутилась его сотрапезница.

– В Китае это считается вежливостью.

Возбужденная неведомым прежде опытом, Эммануэль хотела повторить его.

– Я уверена, что на этот раз увижу потрясающие видения! Что мне может пригрезиться?

– Ничего. С первого раза опиум не дает видений. Он только просветляет вас, избавляет от телесных недугов и психологической немоции. Во второй раз, чтобы был эффект, надо выкурить несколько трубок.

– Ну, так я их выкурю!

– Вы выкурите еще одну и все. Если сегодня вы пойдете дальше, то единственным удовольствием, которое вы получите, станет то, что я буду крепко обнимать вашу голову, пока вас будет выворачивать наизнанку.

Эммануэль не очень огорчил запрет – новая трубка стоила ей приступа кашля и понравилась гораздо меньше. А Марио и Квентин даже и не пытались повторить первый опыт.

– Вы так боитесь отравиться? – поддразнивала их Эммануэль.

– Дорогая моя, – степенно возразил Марио. – Сейчас вы узнаете великую тайну. Дело в том, что в больших дозах опиум лишает своих поклонников половины их мужских качеств. А мы, насколько вам известно, пришли сюда для радостей физических, а не духовных.

– Ах да, – Эммануэль стало неловко. Теперь, когда ее желание прошло, она подумала, что эта рамка плохо подходит для праздника любви. И еще она спрашивала себя, какая же роль ей уготована при этом.

– Вы не забыли? – заговорил Марио тихим, но внятным голосом, – Вы спрашивали нас, как мы устроиваемся с нашими мальчиками. Ну так вот, та персона, которая как вы могли убедиться, так великолепно царствует в этой тайной курильне, также растит здесь для мирного отдыха хорошо сложенных юнцов. Сейчас по нашей просьбе она и предоставит их нам в полном ассортименте.

Он сказал служанке несколько слов, и та улетучилась. Вскоре она вернулась с морщинистой китайкой, сразу же возобновившей свои поклоны. Марио произнес что-то, старуха снова поклонилась, затем издала какой-то тонкий визг. Подававшая трубки уродина засуетилась.

– Вдова говорит только по-китайски, – пояснил Марио. – Причем на таком диалекте, которого никто из нас не знает. Она позвала другую, чтобы переводить.

– А на каком же языке вы говорите с ними?

– На сиамском.

Он снова обратился к хозяйкам. Фразы облетали полный круг, за это время подвергаясь, очевидно, известным метаморфозам. После нескольких минут обмена мнениями Марио доложил:

– Она ответила на мою просьбу другим предложением: это в правилах здешнего общества...

– Что же она вам предложила?

– Разумеется, девиц. Я высказал ей нашу настоятельную потребность. Тогда она предложила посмотреть галантные фильмы.

– О, – сказала Эммануэль. – Не так уж и плохо.

– Мы пришли сюда не за такой безделицей. Еще она предлагает нам живой спектакль: две юные девушки будут нежно любить друг друга на наших глазах. Но в этом нет ничего интересного для вас, Эммануэль? А?

Она сделала гримаску, которую можно было понять как угодно.

Марио возобновил переговоры и снова дал о них отчет:

– Я сказал ей, что нам требуются мальчики от двенадцати до пятнадцати лет с тонкими умелыми языками, аттическими ягодицами, с живыми характерами и крепкими членами.

Инстинктивно Эммануэль полностью обнажила грудь. Старуха пристально посмотрела на нее и заговорила снова каким-то резким, ударившим молодую француженку тоном. Служанка перевела, и Марио ответил одним словом.

– Что она сказала? – поинтересовалась Эммануэль.

– Она хотела знать: эти мальчики нужны для меня или для вас.

– И... что же вы ответили?

– Для обоих.

Эммануэль показалось, что стены покачнулись. Может быть, это опиум? Да нет, не может быть, Марио ведь предупредил...

Старуха снова затянула свое. Она стонала, подобно пророку Иеремии, беспрестанно кланялась и закончила свои псалмы, воздев к небу руки.

– Чувствую, что мы не договоримся, – сказал Марио еще до того, как ему начали переводить.

– Так и есть, – вскоре подтвердил он. – Эта старая карга продолжает утверждать, что у нее на эту ночь не осталось никого из воспитанников. Достойные чужестранцы уже опустошили ее конюшню. Сдается мне, что она на самом деле попросту набивает цену.

Он снова пустился в дискуссию. Последовали новые жесты отчаяния. Марио долго не сдавался, но в конце концов объявил своим друзьям:

– Она ничего не хочет знать. Поищем счастья в другом месте.

Он о чем-то долго объяснялся с Квентином.

– Он настаивает на том, чтобы остаться тут, – сообщил Марио. – Он уверен, что в конце концов получит то, чего добивается. Я в этом сомневаюсь, но это его дело. Я предлагаю оставить его здесь, а мы с вами пустимся в новый путь. Как вы считаете?

Эммануэль ничего другого и не желала. Ее начала тяготить атмосфера этого барака. Но совершенно неожиданно она почувствовала разочарование, даже уколы совести при расставании с Квентином. «Нет, это уж слишком, – тут же упрекнула она себя. – Я приняла его как несносного самозванца, как докучливого визитера, меня злило его присутствие, за весь вечер мы не обменялись и десятком слов. И вот теперь я совсем слабею при расставании с ним! Это чересчур. Надо собраться...»

А Квентин и не подозревал о той буре, которую он вызвал в Эммануэль.

Они двинулись в обратный путь по закоулкам курильни. Проходя мимо двух скелетов в соседней комнатенке, Эммануэль ехидно предположила:

– А эти двое вас не соблазняют?

Она постепенно взвинчивала себя все сильнее, наполняясь злостью на Марио и его друга за неперемное желание добыть себе мужчин. Разве они не могли хотя бы на одну ночь удовлетвориться ею? Если они в самом деле совершенно не интересуются женщинами, что же они уделяли ей столько внимания, они оба? И как могла пренебречь здравым смыслом эта идиотка Мари-Анж, рекомендуя ее гомосексуалисту? Погоди же, я еще оттаскаю тебя за косы!

– И что находит Квентин привлекательного в мальчиках? – набросилась она на своего

спутника. – С его стороны не очень-то по-джентельменски бросать нас одних.

Она хотела добавить, что он не выглядел таким уж равнодушным к женщинам, когда ощупывал ее ноги, но Марио не дал ей закончить:

– Любовь мальчика имеет для человека со вкусом качество, которого почти не бывает у женской любви, – очень серьезно заговорил он. – Она противоестественна, она аморальна. Иначе говоря, она подходит под определение искусства. Это то, что я объяснял вам в начале нашего вечера. Любить мальчика – для меня эротично, ибо, как считают идиоты и мещане, такая любовь против природы.

– А вы уверены, что она против природы? Может быть, как раз она в вашей природе и для вас совершенно естественна?

– Я в этом не уверен, – сказал Марио. – Мне нравятся женщины. Лечь с женщиной долгое время казалось мне труднодостижимым, почти невозможным делом. Но я убедил себя. Впервые я испытал это в прошлом году. Нечего говорить, что я был собой доволен. Вы видите, что даже ко мне правильный взгляд на вещи пришел не сразу.

«Можно ли верить его утверждениям?» – спросила себя Эммануэль.

– А после первого опыта вы часто занимались этим... искусством?

– Я всегда стараюсь, чтобы вещи сохраняли свою исключительность, чтобы они были редкостными.

– Но, – настаивала Эммануэль, – за этот год вы любили женщин?

Марио рассмеялся:

– Что за вопрос! Разве я образец целомудрия?

– Многих?

– Ну, конечно, меньше, чем я имел бы любовников, если бы мне посчастливилось быть хорошенькой женщиной.

И добавил с почтительной улыбкой:

– Любовников и любовниц!

Но этого ответа было недостаточно для Эммануэль. Она начинала раздражаться.

– Так что же вам нравится больше? – спросила она почти гневно.

Марио остановился. Они достигли того места, где на поляне начинался деревянный настил. Марио взял Эммануэль за плечи и привлек ее к себе. Сейчас он меня поцелует, подумала Эммануэль.

– Я люблю то, что прекрасно, – произнес он громко. – А то, что прекрасно, никогда не бывает готовым и никогда не бывает легким. Это то, что создается, своим ли жестом или жестом другого, и уходит в бесконечность прежде, чем успевает умереть перед тобой.

– Я учу вас не вседозволенности, я обучаю отваге.

– Возьмите меня. Вы меня еще не знаете. Я буду для вас новым лакомством! – сказала Эммануэль. Марио молча покачал головой.

– Это было бы слишком легко. Прошу вас, позвольте мне другое, позвольте мне вести вас, управлять вами.

И он подтолкнул ее вперед.

– Ну-ка, превратитесь снова в канатоходку!

Она покорно пошла вперед. Когда они достигли перекрестка, Марио сказал, что они не пойдут по той тропе, которая привела их сюда.

– Я покажу вам кое-что необычное, – пообещал он. Вскоре они подошли к берегу широкого канала, клонга, как называют их в Бангкоке. А может быть, это была и река. Берега густо поросли деревьями.

– Мы еще в Бангкоке?

Почти в самом центре. Но сюда иностранцы обычно не заходят.

Теперь они шли по песку, каблук Эммануэль то и дело вязли, она решила разуться.

– Вы порвете чулки, – сказал Марио. – Может быть вы и их снимете?

Она была тронута такой заботливостью. Присев на пень, она подняла юбку. Ночной ветерок коснулся ее ляжек. Она вспомнила, что ее трусики покоятся в кармане Марио.

– Я не могу насытиться красотой ваших ног. И ваших бедер.

Она вся напряглась в надежде и ожидании.

– Почему бы вам не снять и юбку, – предложил он, – Вам будет легче идти, а мне приятней смотреть на вас.

Эммануэль поднялась без колебаний и развязала пояс.

– А что же мне с нею делать? – спросила она, держа юбку в руках.

– Повесьте ее на дерево. Мы все равно будем возвращаться этим путем и заберем ее.

– А ее не украдут?

– Какая важность! Надеюсь, вы сможете вернуться домой и в таком виде.

Эммануэль не стала спорить. Поход возобновился. Под черной длинной шелковой блузкой ее бедра и ноги еще ослепительней сияли в ночи. Марио шел рядом. Вот он взял ее под руку.

– Мы пришли, – сказал он спустя минуту. Перед ними была невысокая полуразрушенная кирпичная стена. Марио помог своей спутнице перелезть через нее и перепрыгнул следом. Эммануэль огляделась и вздрогнула: человеческое существо сидело на корточках почти рядом с ними. Она вцепилась в Марио.

– Не пугайтесь. Это мирные люди.

Она хотела сказать: «Но мой костюм». И снова опасение сарказмов Марио остановило ее. Но все-таки ей казалось невозможным сделать хоть один шаг вперед. Ей было бы спокойней, окажись она совсем голой. Марио неумолимо взял ее за руку, повел ее. Они прошли мимо человека на корточках, глядевшего на них во все глаза. Эммануэль не могла сдержать нервную дрожь.

– Посмотрите – сказал Марио, протянув вперед руку. – Видели вы когда-нибудь такое?

Она посмотрела туда, куда он указывал. Огромное раскидистое дерево было увешано странными плодами. Присмотревшись, она поняла, что на ветвях висят многочисленные фаллосы. Она вскрикнула, но в голосе ее звучало скорее восхищение, чем испуг. Марио объяснил:

– Одни из них висят здесь по обету, другие – как искупительные жертвы тех, кто хочет получить сексуальную силу и плодовитость. Их величина зависит или от богатства жертвователя, или от неотложности просьбы. Мы пришли, должен вам сообщить, в храм.

При слове «храм» Эммануэль сразу же вспомнила о приличиях.

– Но если священник храма увидит меня в таком одеянии...

– Вы одеты как раз для храма, посвященного Приапу, – улыбнулся Марио. – Здесь это вполне дозволено.

– Эти штуки называются «лингам»? – Эммануэль была все же скорее заинтересована, чем смущена.

– Не совсем так. Лингам – это у индусов, и его очертания слишком стилизованы, чаще всего это просто вертикально поставленный столб; нужно очень сильное воображение, чтобы увидеть в нем то, что он символизирует. А здесь, как вы сможете убедиться, фактура вещи не оставляет места воображению. Это осколки природы, а не произведение искусства.

Плоды странного дерева были величиной то с банан, то с базуку, но точность деталей они сохраняли независимо от размеров. Все они были сделаны из дерева и раскрашены. Маленькое красное пятно обозначало отверстие канала, глубокие складки шли от крайней плоти.

Напряженный изгиб был воспроизведен с потрясающей жизненностью. И они висели не только на одном дереве – на десятках, если не на сотнях деревьев. И рядом с ними горели в подсвечниках свечи.

Эммануэль с тревогой заметила, что некоторые огоньки движутся. Ночь посветлела, и не стоило большого труда разглядеть, что эти огоньки – свечи в руках людей. Их было пять, шесть, больше десятка. Как и первый, кого встретила здесь Эммануэль, они сидели на корточках в молчании. И вдруг один из них встал. Начал приближаться. Пройдя несколько шагов, он снова присел, взгляд его был спокоен. Но тотчас же возле него оказалось двое, потом четверо людей со свечами. Один из вновь появившихся был совсем юным, двое других постарше, четвертый почти старик. Никто не произнес ни слова, и все они по-прежнему держали в своих руках горящие свечи.

– Вот отличные зрители, – обрадовался Марио. – Что мы сыграем для партера?

Он потянулся и сорвал с ветки один из фаллосов сравнительно скромных размеров.

– Не знаю, совершаю ли я кощунство, – сказал он с довольным видом, – Но я его совершаю смело. Во всяком случае, они не выглядят оскорбленными.

Он протянул Эммануэль кусок раскрашенного дерева.

– Не правда ли, он приятен на ощупь?

Она прикоснулась к дереву кончиком пальца.

– Покажите-ка им на этом макете, как ваши руки воздают честь подлиннику.

Эммануэль облегченно вздохнула – сначала она подумала, что Марио прикажет ей использовать этот странный предмет, как пользуются вибраторами одинокие женщины, и мысль о его шероховатости и нестерильности смутила ее.

Ее пальцы стали нежно гладить предмет поклонения, словно и вправду могли заставить его проснуться. Наконец, она приняла эту пародию всерьез и даже пожалела, что нельзя пустить в ход губы – слишком уж запылен, неопрятен был этот инструмент.

Взгляды мужчин заметно оживились, это она смогла заметить. Лица напряглись. Тут Марио сделал какое-то движение, и она впервые увидела, что представляет Марио как мужчина. Это было гораздо ярче и толще деревянного подобия.

– Теперь реальность должна заменить иллюзию, – сказал Марио. – Пусть ваши руки окажутся столь нежными с живым организмом, как и с неодушевленным материалом.

Эммануэль, не решаясь бросить священный предмет на землю, осторожно уложила его на сук ближайшего дерева и приблизилась к Марио. Он повернулся лицом к сидящим на корточках мужчинам, чтобы они могли лучше все разглядеть.

Время остановилось. Не слышалось ни звука. Эммануэль вспомнила о гуманности принципов, которые разъяснял ей Марио в этот вечер, и голова ее закружилась. Она не могла различить, бьется ли это ее собственное сердце или это пульсирует горячая кровь Марио. Она повторила про себя завет «Не торопитесь с окончанием» и делала все, чтобы «наслаждение длилось».

Наконец, он прошептал: «Пора!»

И, сказав это, повернулся к дереву, увешанному приапическими плодами. Длинная густая струя оросила листву священного дерева и покачивающиеся на его ветвях жертвы верующих.

– Теперь надо что-то сделать и для наших зрителей, – сейчас же объявил Марио. – Кто из них вам больше по вкусу?

«Боже мой», – простонала Эммануэль сквозь прижатые к лицу руки. Нет, нет, она не может прикоснуться к этим людям, она не может представить себе, что они прикоснутся к ней! Марио отвел ее руки, заглянул в ее умоляющие глаза.

– Мальчик прелестен, по-моему, – изысканно вежливым тоном произнес он, – Я и сам

испытываю к нему слабость. Но этой ночью я его уступаю вам.

И, не вдаваясь в дальнейшие объяснения, он сделал знак юноше и сказал ему несколько слов. Тот встал, медленно и с достоинством приблизился к ним. В нем не чувствовалось никакой робости, скорее некая горделивость.

Марио сказал еще что-то, и мальчик снял с себя шорты. Нагим он был еще красивей: Эммануэль должна была признать это, несмотря на все свое смущение. Она немного утешилась. Мальчик выглядел совершенным мужчиной.

– Утолите жажду из этого источника, – распорядился Марио самым обыденным тоном.

Эммануэль и не помышляла о непослушании. Она только смутно пожалела, что перед ней не тот могучий мужчина, которого она видела совсем недавно на берегу канала.

Она опустила колени на мягкую влажную траву, приняла дар в руки. Пальцы ее немного оттянули кожицу, и она сразу же почувствовала, как увеличивается вес и объем – зверь начал расти. Эммануэль прикоснулась к нему губами, словно желая попробовать на вкус.

На некоторое время она замерла в таком положении. Затем она решилась, сделала судорожное глотательное движение, подалась вперед так, что губы коснулись голого живота, а нос уперся в него. И вот добросовестно, не пытаясь ни обманывать, ни сократить работу, она начала свои упражнения.

И все-таки это было мучительно, в первые минуты она боялась, что не справится с подступающей к горлу тошнотой. И это было вовсе не потому, что ей казалось унижительным заниматься любовью с незнакомым юнцом. Та же игра, если бы Марио толкнул ее в объятия кокетливого, благоухающего одеколоном блондинчика, та же игра, происходящая где-нибудь в светском салоне ее парижской подруги, понравилась бы ей чрезвычайно. Да ведь она однажды чуть было не изменила («изменила», может быть, сильно сказано, дело было с ребенком, это совсем смешно), чуть было не изменила своему мужу перед отлетом из Парижа, уступив ухаживаниям совершенно ошалевшего младшего брата своей любовницы.

Но этот не возбуждал ее ничуть, скорее он внушал страх. Сначала она еще подумывала было, что он и не отмыт как следует, но тут же вспомнила о частых омовениях у сиамцев. И все-таки удовольствия она пока не получала. Она делала это из любезности к Марио.

«Тем не менее, – сказала она себе чуть ли не с яростью, – я хорошо сделала работу.» Почти профессиональная гордость побуждала ее так обойтись с мальчиком, чтобы он не мог забыть об этой ночи. Зря, что ли, ее муж считает, что ни одна женщина в мире не может сравниться с нею в умении работать губами и языком!

Мало-помалу она стала заводиться сама. Она уже не помнила, кому принадлежит этот плод. Она начала пожирать его с такой силой и жаром, что он почти разрывал ей горло. Она чувствовала, как растет напряжение внизу живота, как там набухает и твердеют все части ее гениталий. Наконец, она закрыла глаза и позволила своим ощущениям безраздельно овладеть ею. В момент, когда ее ласки достигли цели, горячая струя доставила ей наслаждение не меньше, чем это бывало с Жаном. Вкус был другой, но он ей понравился. Плевать, что на нее смотрят несколько пар глаз, – она доставляет радость прежде всего себе! Еще до того, как опустошенный сосуд покинул ее рот, она коснулась кончиком пальца своего венчика между ног и, обессиленная оргазмом, почти упала в объятия Марио. Он в первый раз наградил ее поцелуем в губы.

– Разве я не обещал вам, что вы будете отдавать себя по частям, – спросил он, когда, освободившись, они присели возле кирпичной стены, – Вы довольны?

Она была довольна. Но смущение все же не покинуло ее до конца, и потому она промолчала. Он мечтательно произнес:

– Это очень важно для женщины – пить как можно больше этот напиток и из разных

источников.

Страсть послышалась в его голосе:

– Вы должны это делать, потому что вы очень красивы.

– А нельзя быть красивой, оставаясь порядочной женщиной? – вздохнула она.

– Можно, конечно, но себе в ущерб. Разве простительно не использовать всю силу своей красоты, чтобы получить то, что многие женщины напрасно стремятся получить всю свою жизнь?

– Вы считаете, все женщины на свете помешаны на сластолюбии?

– А что есть на свете прекраснее этого? Есть ли на свете более высокое благо?

Юбку никто не похитил. Надев ее, Эммануэль пожалела даже о своем недавнем комфорте. Они возвращались по незнакомой дороге. Эммануэль спрашивала себя, сколько же еще плестись обратно. Но только она собралась пожаловаться на усталость, как, пройдя сквозь кустарник, они оказались на вполне городской, настоящей улице.

– Сейчас мы возьмем сам-ло, если найдем хоть одного, – сказал Марио. Этим довольно редким видом транспорта Эммануэль еще ни разу не пользовалась; хорошо, что ей предстоит узнать еще что-то новое. Наверное, приятно катиться в экипаже велорикши, не рискуя сломать себе шею в бешено мчащемся такси. Через несколько десятков шагов они увидели свободную повозку. Ее хозяин («Они называют себя сам-ло, что значит три улицы», – пояснил Марио) сидел рядом, погруженный в размышления. Завидев их, он сделал приглашающий жест, похлопав рукой по узкой, покрытой красным молескином скамейке.

Марио поговорил немного с рикшей, очевидно, договариваясь о цене, затем дал знак Эммануэль садиться и сам сел рядом. Хотя оба пассажира были стройны, им пришлось тесно прижаться друг к другу на узкой скамейке. Марио обхватил рукой талию своей спутницы, и та, счастливая приникла к нему. И, раз это ему нравится, она постаралась повыше задрать юбку, чтобы Марио мог вволю любоваться ее ногами. Повозка двинулась. Внезапно в голове Эммануэль родилась идея, показавшаяся ей безумной, фантастической, очаровательной. Никогда еще не делала она этого, да еще посреди улицы. Но она сделает это! Она собрала всю свою смелость.

И вот она поворачивается к Марио и твердой уверенной рукой расстегивает пуговицу на его брюках, потом, осмелев, она нащупывает пальцами усталое дремлющее тело и глубоко вздыхает.

– Молодец, молодец, – слышит она голос Марио. – Я горжусь вами.

– В самом деле?

– Да, ваш поступок дает право гражданства в королевстве эротизма. Ведь обычай требует, чтобы инициатива была у мужчины, а женщина лишь уступала бы ему. Если женщина выступает тогда, когда мужчина меньше всего ждет этого, она совершает в высшей степени эротический поступок. Bravo!

Рука Эммануэль тотчас же ощутила, что одобрение Марио не только морального порядка.

– Вспоминайте эту формулу и в других обстоятельствах, и тогда вы далеко пойдете.

– Как это? – машинально спросила Эммануэль, занятая нежными ласками, впервые испытываемыми ею на своем патроне. А Марио умудрился между тем прочитать ей целую лекцию.

– Представьте себе, что вы любовница какого-то человека и смело сбрасываете перед ним свои одежды.

Что в этом неожиданного? И что в этом эротического? Но вот ваш посол просит вас сопровождать приезжего дипломата в прогулке по городу, показать ему Храм Спящего Будды и так далее. И вы, чтобы восстановить силы после утомительного обхода

достопримечательностей, приглашаете этого дипломата на чашку чая. И там, у себя, в вашем маленьком салоне, сидя на великолепной софе, вы, тряхнув своей очаровательной головкой, спокойно расстегиваете корсаж. Будьте уверены, что ваш поступок произведет на гостя неизгладимое впечатление. На своем смертном одре он будет призывать ваш образ. После такого дебюта перед вами естественно и непринужденно откроется масса возможностей.

– Продолжайте, продолжайте, пожалуйста, – прервал Марио плавное течение своего доклада, так как заинтересованная Эммануэль приостановила на какое-то время свое в высшей степени эротическое действие.

– Временами вы можете ограничиваться лишь тем, что стоя перед ним с голой грудью и наливая ему весьма церемонно чай, поинтересуетесь, сколько кусков сахара он предпочитает класть в чашку, два или три. Много шансов за то, что он не сможет даже понять, о чем идет речь. Или же, совершенно обезумев, попросит восемь или пятнадцать кусков. Не показывайте удивления, остановитесь на двух кусочках сахара и двигайтесь дальше. Попробуйте действовать с ним так, как вы сейчас действуете со мной, и спросите, что ему больше нравится: развлечься ли до чая или после и каким образом. Спросите, что он предпочитает: воспользоваться ли вашими руками, или ртом, или естественным отверстием внизу. И – климат создан. Шедевр, как вы любите говорить, уже рождается. Вероятнее всего, гость кинется на вас, как фавн на лесную нимфу. В другой раз для разнообразия вы появитесь совершенно нагишом, не переставая ни на минуту оставаться вполне светской дамой. Когда, вытянув свои прелестные ноги, вы непринужденно опуститесь на подушки и будете любезно улыбаться вашему гостю, расскажите ему вдобавок, как вас вчера изнасиловали два великана-негра и какое удовольствие вы получили при этом. Опишите ему подробно мужские стати ваших злодеев и все, что они про дельвали с вашим телом. Если же он останется хладнокровным и не шевельнется – покажите ему, как вы умеете развлекать себя в одиночку. А то есть еще один вариант – вы можете спросить его с вежливой улыбкой:

«После чая мы, может быть, позанимаемся любовью? Мой муж придет не раньше, чем через два часа...»

Эммануэль была так довольна и лекцией Марио, и теми размерами, которые она ощущала в своей ладони! Она сказала, придав своему голосу как можно больше строгости:

– Господин профессор, слова, которые вы рекомендуете мне произносить, я уже произносила, обращая их к вам. Поскольку вы мною гнусно пренебрегли, я сейчас сдам вас первому встречному жандарму.

Марио добродушно улыбнулся.

– Обожаю вашу руку. Но, моя дорогая, не старайтесь показаться глупее, чем вы есть на самом деле. Вы хорошо знаете, что нет ничего общего между только что описанными ситуациями и нашими отношениями. Единственная разница, по мнению Эммануэль, заключалась в отсутствии чая, а ласки, которые она расточала, привели в возбуждение и ее самое. Да еще эти ритмические покачивания экипажа.

– Сам-ло и не подозревает, какого спектакля он лишен, – заметил Марио.

Он свистнул, рикша повернул голову, его глаза быстро пробежали по обоим пассажирам, и он широко улыбнулся.

– Мы ему понравились, – констатировала Эммануэль.

– Да, мы нашли товарища, – ответил Марио. – Ничего удивительного, ведь он красив. Существует Международное Сообщество Красоты. Некоторые вещи позволены только красивым. Монтерлан в письме к Блассеру очень верно заметил: «Быть блудником не вульгарно. Вульгарно быть ханжой».

– А Куртелен говорил еще раньше, – похвасталась эрудицией Эммануэль:

– «Стыдятся всего, что некрасиво».

– Значит, вы не стыдитесь своей груди?

Вместо ответа она свободной рукой стянула через голову блузку и бросила ее прочь. Марио помог ей. На минутку ей пришлось оставить его без попечения, но это была лишь краткая интерлюдия.

– Теперь хорошо бы кого-нибудь встретить, – сказал Марио.

– А сам-ло разве не годится в свидетели?

– Он не свидетель, он соучастник.

Марио опять свистнул, сиамец снова повернулся к ним. Трицикл сделал крутой вираж, и все трое радостно рассмеялись.

– Что вы предпочитаете? – спросила Эммануэль, вспомнив недавнюю лекцию. – Мои руки, мои губы или...

Марио не ответил. И тогда она наклонилась к нему, приоткрыв рот, и припала к торчавшей ветви этого стройного растения. И тут она услышала голос Марио, читающего стихи:

До той поры, пока не крикну я:

«Нет больше сил, помедли, жизнь моя.

О подожди, нет больше сил моих

Пить жизнь и смерть из алых губ твоих!»

Любопытство заставило ее прервать свое занятие; она, глядя снизу вверх на Марио, спросила:

– Это ваши стихи?

– Что вы! Это отрывок из поэмы вашего соотечественника XVI века Реми Белло.

– Вот оно что, – разочарованно протянула Эммануэль.

Прежде чем она приготовилась возобновить свои сладкий труд, они остановились перед решеткой дома Марио.

Марио прыгнул с повозки, поднял Эммануэль на руки и понес ее в глубину сада к дому. Сам-ло молча двинулся за ними. Они остановились перед дверями. Марио заговорил с ним; это была долгая беседа с разнообразными интонациями, повышаниями и понижениями тона. Эммануэль напрасно силилась понять, что же они обсуждают, – лицо сиамца было непроницаемо. Иногда, отвечая, он посматривал на Эммануэль. Наконец, он утвердительно кивнул головой.

– Ну вот, все сделано, и мой герой нашелся, – объявил Марио. – Зачем было так далеко искать, когда он оказался перед порогом моего дома.

– Как! Вы хотите сказать...

– Ну да! Разве он не достоин моего внимания?

Эммануэль готова была разрыдаться. Она-то надеялась что в домашних стенах учитель, наконец, заключит ее в свои объятия. Она была готова остаться здесь надолго, на остаток ночи и весь день, она не помышляла о возвращении домой. Он мог делать с ней все, что захочет. Но он ничего не хотел. Единственное, о чем он думал, – заполнить в постель мальчишку.

Слезы застилали глаза Эммануэль, и она даже не могла рассмотреть как следует своего соперника. Так ли он красив на самом деле?

– Кара, не торопитесь огорчаться преждевременно, – весело проговорил Марио. – Вы сейчас увидите: у меня родилась блестящая идея. Вы будете мне благодарны. Входите же, прошу вас.

Он распахнул дверь и привлек к себе Эммануэль. Она не шевельнулась: знает она его идеи! Но все-таки, как хорошо было в его доме. И этот запах, и полумрак. Что за ночь!

Марио принес три бокала, наполнил их.

– Ментоловая настойка – вот что поможет сердцу моей возлюбленной.

Его возлюбленной? Эммануэль горько усмехнулась. Сам-ло неподвижно застыл посреди комнаты. Марио протянул ему бокал. Все трое выпили в полном молчании. Марио был прав: она сразу почувствовала себя лучше. Он обнял ее, прижался губами к ее голой груди.

– Я сейчас возьму вас, – сказал он. Немного подождал, чтобы увидеть эффект своих слов. Эммануэль вздохнула, и Марио начал пояснение.

– Но я буду брать вас через этого славного малого. Через – в буквальном смысле слова. Я пройду через него, чтобы достигнуть вас. Я буду обладать вами так, как вам никогда не приходилась и как я не обладал еще ни одной женщиной. Вы будете принадлежать мне больше, чем кто-либо на этом свете. Вы согласны?

Эммануэль не понимала, отказывалась понимать, что он ей предлагает.

– Делайте все, что хотите, – только и могла она сказать, и Марио снова поцеловал ее. И теперь она была счастлива и готова ко всему.

– Ваш самый первый в жизни любовник, – торжественно провозгласил Марио. – Он ваш сегодняшней ночью.

Ей стало немного стыдно, что она обманула Марио, утаив от него приключения в самолете. Но в конце концов разве это важно? Ведь сегодня она отдается в полном сознании совершаемого адюльтера, и этот сиамец будет действительно ее первым любовником.

– Первый перед многими другими? – спросил Марио, как бы желая убедиться, что его уроки усвоены.

– Да, – проронила Эммануэль.

Как великолепно отдаться вот так, полностью! Никакая женщина не будет более неверна супругу, чем она этой ночью.

– Вы не передумаете? – не успокаивался Марио.

Она отрицательно мотнула головой: Господи, если бы он приказал ей отдаться сейчас десяти мужчинам, она не стала бы ему перечить.

Но он просил ее отдаться только одному. Она скинула с себя юбку и вытянулась на диване, прижавшись спиной к ласкающей мягкости подушек. Широко раздвинув ноги, она обняла бедра человека, осторожно погружавшегося в нее. Когда проникновение стало полным, Марио, до того державший голову Эммануэль, осыпая ее поцелуями, встал и занял позицию позади молодого человека. Он тоже обнял его за бедра, и руки Марио соединились с руками Эммануэль на поясице сам-ло.

Она слышала, как он застонал от наслаждения. Потом стоны превратились чуть ли не в крики, и сквозь них она услышала голос Марио:

– Теперь я вошел в вас. Я пронзаю вас копьем в два раза более острым, чем у обычного мужчины. Вы чувствуете это?

– Да, это чудесно, – простонала Эммануэль. Могучий поршень сам-ло на три четверти вышел из Эммануэль, потом снова вернулся и начал, все увеличивая темп, свое движение. Она не знала, доставляет ему Марио радость или боль, ей было не до этого; она рычала, извиваясь на подушках. Двое мужчин соединили с ее криками свои. Эти крики разорвали предутреннее молчание, и собаки в окрестных домах начали отчаянный концерт. Но эти трое ничего не слышали – они были в другом мире. Великая гармония царила в этом трио, как в хорошо отлаженном механизме. Никогда ни одна пара не способна достичь такой гармонии! Руки сиамца сжимали грудь Эммануэль, и она посылала свое тело ему навстречу, помогая ему как

можно дальше проникнуть в нее, желая, чтобы он разорвал, разодрал ее.

Марио чувствовал, что силы сам-ло неисчерпаемы, но сам он уже почти опустошил себя. Он вонзил свои ногти в спину юноши, как бы давая ему сигнал. Извержение двух вулканов шло одновременно, гам-ло изливался в лоно Эммануэль, получая с другой стороны такие же дары. Эммануэль же кричала так, как ей никогда не приходилось кричать раньше. Горький, пряный вкус она ощущала чуть ли не в горле. Ее голос отражался от черной воды канала, и нельзя было понять, к кому обращены ее слова:

– Я люблю тебя! Я люблю тебя! Я люблю...

Полюби любовь

«Анна-Мария Серджини»... В звуке «и» этого женского имени, когда его произнес Марио, было что-то нежное, волнующее, – даже в том, как внезапно этот звук оборвался.

Девушка продолжала сидеть за рулем своего автомобиля, когда Марио взял ее руку с длинными, не украшенными кольцами пальцами, и поднял вверх как бы вручая Эммануэль.

«Анна-Мария» – звучало эхом в Эммануэль; она словно пыталась задержать в сознании эту ласковую дрожь раскатистого флорентийского «р». «Анна-Мария» вслед за словами поплыли отрывки церковных песнопений и запах ладана, и запах тающего воска. PANIS ANGELICUS.

Девичьи колени, благопристойно прикрытые юбкой. Восхитительные видения! О RES MIRABILIS! Гортань, в которой рождается это «и», язык, касающийся увлажненных губ, полураскрытых губ, за которыми мерцают ровные белые зубы... О SALUTARIS HOSTIA... И сияние, струящееся сквозь цветные витражи, сияние иного света, для которого нельзя найти слов в бедном школьном словарице.

– Она великолепа, – прошептала Эммануэль. – И какая ликующая, уверенная, счастливая собой чистота! – Сердце Эммануэль дрогнуло. – О таком совершенстве можно только мечтать.

– От вас зависит сделать эту мечту осуществимой, – произнес Марио, и Эммануэль встрепенулась – неужели он и в самом деле может подслушивать ее мысли? Анна-Мария улыбалась так доброжелательно и непринужденно, что Эммануэль сразу же почувствовала себя абсолютно естественно и сжала руку своей новой знакомой.

– Но не сейчас, – сказала Анна-Мария с той же прелестной улыбкой. – Я не могу опоздать на дамский чай, я обещала.

Машина ее была очень низкой, и она смотрела на Марио, задрав голову, словно он вырос еще на несколько футов.

– Ты найдешь кого-нибудь, кто тебя подбросит.

– Но...

– Поезжай, сага, поезжай!

Колеса взвизгнули на гравии. Опечаленная Эммануэль смотрела вслед уносящейся прочь мечте.

– Я думаю, что узнала сегодня самое прелестное существо во Вселенной, повернулась она к Марио. – Где вы разыскали этого ангела?

– Она моя родственница, – ответил Марио. – Иногда становится моим шофером.

И тут же любопытствовал:

– Она показалась вам настолько интересной?

Эммануэль словно не расслышала вопроса.

– Она завтра вернется, – сказал Марио и после небольшой паузы продолжал:

– Я хочу вам сказать вот что: вы можете не только заинтересовать ее, но, я уверен, и заставить прислушаться к самым серьезным предложениям.

– Я? Что вы! – запротестовала Эммануэль. – Как это у меня получится? Я ведь совсем еще новичок.

Она даже разозлилась – неужели ее учитель считает свое дело законченным после одного-единственного урока?

Теперь они, пройдя по саду, поднялись на террасу и снова сидели в гостиной.

– Я уверена, что вы достаточно занимались ее воспитанием, разве я могу что-нибудь добавить к этому? – сказала Эммануэль.

– Речь идет не о ее воспитании, а о вашем.

Он остановился, дожидаясь ее ответа, но Эммануэль молчала, и выражение ее лица оставалось скептическим. И он начал свое объяснение.

– Видите ли, тот процесс, который начался в вас, должен быть вами же и завершен. Нет пока таких форм, которые были бы вашими в степени, достаточной, чтобы дать вам как бы другое существование. Но, может быть, вы и сейчас уже довольны собою?

Эммануэль решительно тряхнула копной волос.

– О нет! Совсем нет!

– Ну, так шагните дальше, – голос Марио звучал почти устало. Однако он продолжал:

– Как женщина вы вполне можете быть удовлетворены своей любовью: она в известной степени – достаточное условие существования. Но вы – богиня, и поэтому благоденствие других имеет к вам самое прямое отношение.

Она улыбнулась, вспомнив помост, храм, ночь. Он внимательно смотрел ей в лицо.

– А вы начали заниматься просвещением вашего супруга?

Эммануэль покачала головой. Выражение ее лица было и дерзким, и смущенным.

– Он разве не удивился вашему долгому отсутствию?

– Удивился.

– И что же вы ему сказали?

– Я сказала, что вы водили меня в опиекурильню.

– И он отчитал вас?

– Он потащил меня в постель.

В глазах своего исповедника Эммануэль прочитала немой вопрос.

– Да, – решительно ответила она. – Я думала об этом все время, пока мы занимались любовью.

– И вам это понравилось?

На лице Эммануэль можно было прочесть ясный ответ. Она снова переживала в памяти то новое, что испытала, когда в глубинах ее тела семя Жана смешивалось с тем, чем засеял ее недра сам-ло – И вам хочется испытать это снова, спокойно констатировал Марио.

– Но я ведь сказала уже, что подчинилась вашему Закону.

И это было правдой. Ей трудно было поверить в то, что в ее мыслях могли возникнуть какие-то сомнения. И чтобы убедить Марио, она торжественно повторила то, что он сформулировал накануне: **ВСЯКОЕ ВРЕМЯ, ПРОВЕДЕННОЕ НЕ ЗА ЗАНЯТИЯМИ ЛЮБОВЬЮ, – ПОТЕРЯННОЕ ВРЕМЯ!**

И тут же спросила:

– А что же делать Анне-Марии, чтобы не терять времени?

– Готовиться к перерождению. Бежать из мира, где занимаются самобичеванием, в мир, где наслаждаются счастьем.

Эммануэль продолжала спрашивать, она рассуждала:

– Но, значит, в ее жизни есть-таки другие ценности, кроме эротизма? У нее есть свои идолы и свои законы.

Марио усмехнулся.

– Что я хочу увидеть, – произнес он, – так это то, как мечта о возвышенном приведет Дочь Человеческую к вечным мукам, а любовь к реальному поможет Духу одержать победу здесь, на Земле.

Эммануэль всплеснула руками:

– Ну что я за хозяйка! Может быть, вы хотите что-нибудь выпить? Или сигарету?

Она сделала было шаг к бару, но Марио остановил ее:

– Я надеюсь, по крайней мере, – произнес он с плутовским видом, – под этими шортами у

вас ничего не надето?

– Что за вопрос? – откликнулась Эммануэль. Шорты были так коротки, что едва виднелись из-под пуловера. Внимательный наблюдатель мог бы увидеть и выбивавшуюся из-под них темную поросль сада Венеры. Однако Марио остался не очень доволен увиденным.

– Не люблю эту одежду. Юбку можно приподнять – это калитка, раскрывающаяся для входа. А шорты – стена, которую надо пробивать. Когда вы всовываете свои ноги в такой футляр, они сразу же теряют для меня интерес.

Эммануэль окончательно развеселилась.

– Да я их вовсе сейчас сброшу. Но вы так и не сказали, что вам налить?

У него, однако, были другие намерения.

– Почему мы сидим здесь? Я люблю деревья в вашем саду.

– Но ведь собирается дождь!

– Но он еще не начался.

И он повел Эммануэль к месту, которое уже успел полюбить: к широкому гранитному парапету, окаймлявшему террасу. В парке было тихо. Замершие неподвижные купы темных деревьев изредка озарялись посверкивавшими молниями.

– О, Марио! Вы только посмотрите, какой прелестный мальчуган прогуливается по улице!

– Да, ничего не скажешь, хорош...

– Почему бы вам не позвать его сюда?

– «Всему свое время под небесами», – говорил Соломон. – Время бегать за мальчиками и время позволять им убежать от нас.

– Я совершенно уверена, что как раз последнего, Марио, он и не говорил. Но мне хотелось бы...

Он скрестил руки на груди с видом терпеливого ожидания. Она понимала, чего он ждет, пожалала плечами, опустила взгляд на свои обнаженные ноги. Шорты оставили на них розовую каемку. Выставить напоказ то, что было выше этой линии?..

– Ну, что же?

– О, Марио, пожалуйста, только не здесь. Нас же могут увидеть соседи.

Она кивнула на занавешенные окна, за которыми, ей показалось, мелькнули какие-то тени.

– Вы же знаете этих сиамцев. Они всегда любят подсматривать.

– Ну и прекрасно, – весело воскликнул Марио. – Разве вы не говорили мне, что любите людей, восхищающихся вашим телом?

Смущение Эммануэль словно бы вдохновляло Марио. Он продолжал:

– Еще раз напоминаю вам: эротика не может быть скромной. Эротическая героиня подобна избраннице богов – она вызывает гнев, раздражение, скандал. Шедевр всегда возмущает на первых порах. Разве нагота, решившись быть наготой, должна прятаться? Самый дерзкий ваш разврат произведет самое ничтожное впечатление, если вы опустите занавеси вашего алькова. Он не сможет освободить вашего соседа от невежества, стыда, страха. Значение имеет не то, что вы обнажены, а то, что вас видят обнаженной; не то, что вы кричите от наслаждения, а то, что ваши крики услышаны; не то, что вы десятками считаете своих любовников, а то, что ваш ближний может их сосчитать; не то, что ваши глаза открыли истину любви к любви, а то, что вы помогаете кому-то – кто рыщет среди своих химер, в своем мраке, – открыть, глядя на вас, что нет другого света и другой красоты, чем ваш свет и ваша красота.

Голос его звучал с необычной убежденностью:

– Всякий возврат к ложному стыду деморализует толпу. Каждый раз, когда вы начинаете беспокоиться о возможном скандале, подумайте о том, кто ждет от вас указания правильного пути. Не обманите его, не лишайте его этой надежды: неважно, подозревает он о ней или нет.

Если робость или сомнение удержит вас когда-нибудь или сейчас, да, именно сейчас, от эротического поступка, подумайте, какое предательство вы совершаете!

Он остановился, чтобы перевести дыхание, а потом в его голосе послышались осуждающие нотки:

– Какие правила мешают вам совершить поступок? Хотите ли вы, чтобы только вы могли поступать так смело? Или вы желаете этой смелости и другим? Хотите ли вы остаться только Эммануэль или стать одной из тысяч?..

– Конечно, я могу уважать взгляды моих соседей, – защищалась Эммануэль. – Но это же не означает, что я должна разделить их. Если им не по вкусу мои способы наслаждения, почему я должна радоваться, что шокирую их или вызываю скандал?

– Если кто-то ведет себя подобно «людям с другой стороны улицы», он оказывается сам «человеком с другой стороны улицы». Вместо того чтобы изменить мир, он размышляет о тех, кто это делает.

Эммануэль поразило это высказывание, и Марио успокоил ее:

– Это не мое. Это сказал Жан Жене.

И продолжал несколько спокойней:

– Как говорит другой писатель, в деле любви даже слишком много оказывается недостаточным. Если вы сделали уже что-то хорошо, необходимо сделать еще лучше. Вы должны постоянно превосходить себя и превосходить других. Недостаточно быть образцом, вы должны стать примером для образца, самым первым примером, раньше всех.

Эммануэль смотрела в пространство. Она не произнесла ни слова. Сидя на низком парапете, она обхватила руками свои ноги и уткнулась подбородком в поднятые колени. Потом, словно очнувшись, спросила жалобным голосом:

– А почему все это должна делать именно я?

– Почему именно вы? Потому что вы призваны к этому. Другие способны решать уравнения, писать музыку; ваш гений – в физической любви и красоте. Разве вам не хочется оставить свой след в жизни?

– Но мне ведь только девятнадцать лет. Мне еще так далеко до конца жизни!

– А разве надо ждать так долго начала действия? Разве вы еще ребенок? Послушайте, я зову вас стать героиней. Не только я зову. Весь мир нуждается в этом. Ваш род, ваш биологический вид требует от вас этого.

– Мой биологический вид?

– Ну, конечно! Эта доисторическая аминокислота, доисторическая амeba, доисторическое четвероногое, все непостижимое хочет стать постижимым, добиться чего-то, превратиться во что-то! Животное? Позвоночное? Млекопитающее? Приматы? Человекообразное? Человек? Гомо сапиенс? Все это устаревшие ярлыки. Идет предвестник Нового: человек Времени и Пространства, человек беспредельного свободомыслия, человек со множеством тел и единым разумом, человек, создающий и преобразующий людей, которому постоянно угрожают его же собственные создания, который отмечен стигмами своих ошибок и своих тайн. Хотите вы помочь ему?

– Значит, если я сниму свои шорты, я ему помогу?

– ...Вместо этого увековечить иллюзии, обманы, фобии? Увековечить благопристойность?

– Вы в самом деле считаете, что для прошлого человечества и для его будущего имеет значение, открыт мой холм Венеры или прикрыт?

– Будущее зависит от силы вашего воображения, от вашей дерзости, а не от вашей верности старым обычаям! То, что было мудрым для пещерных людей, превратилось для нас в идиотизм чистой воды. Возьмем скромность, так называемое «приличие»: врожденная ли это

добродетель, ценная для всех времен? По сути дела, конечно же, нет. Первоначально – глубокая мысль, крепкая, нужная людям, истинное понятие. Сегодня – пустая претензия, бессмысленный софизм, фальшивая драгоценность, прибежище лжецов, сосуд извращенности...

– Вы хорошо знаете, что я не ханжа. И я в восторге от вашей проповеди. Но неужели все это надо принимать настолько серьезно?

– Человек, впервые спустившись на землю, все еще не мог выпустить из рук свисающие ветки, он боялся когтей и зубов соперников, он прыгал, лазал, скакал по земле среди зарослей и камней. На это у него уходило куда больше времени, чем на ласки своих подруг во влажной темноте пещер. И тот, кто первым подумал о том, что надо предохранить орган, от которого зависит появление и численность потомства, воистину оказал огромную услугу своему виду. Если бы он не возвел эту элементарную предосторожность в этический закон, в ритуал, не придал бы ей налет элегантности, если хотите, некий шарм – кто знает, смог бы он добиться господства над остальными тварями? То, что превратилось в ханжество, было сначала биологическим ясновидением: это шаг в направлении эволюции, хорошая вещь в самом прямом смысле.

Марио опустил в кресло подле Эммануэль.

– А позднее одежда спасла род человеческий от гибели в ледниковый период.

Он с раздражением рванул ворот мокрой от пота сорочки.

– А теперь взгляните! Северные олени ушли на север, великие ледники растаяли под солнцем. И тем не менее мы задрапированы в одежде, ибо неприлично ходить голыми!

Драматический жест – и продолжение:

– Мы сидим на бархате и ходим по подстриженной травке. У наших прирученных животных нет ни панцырей, ни острых клыков. А мы все еще боимся, что кто-то может повредить наши гениталии. Пара штанин все еще священна для нас, хотя их роль давно отыграна, их прямое назначение забыто! И вы еще спрашиваете меня, почему надо освободиться от этой туники Деяниры? Глупо держаться за миф, утративший всякий смысл, – глупо для всего рода людского. Энергия, растроченная на службе чистейшему предрассудку, лишает нас созидательной мощи.

Тема явно воодушевила Марио, он продолжал:

– В самом деле, задача древних греков, считавших ее самой необходимой, была – сбросить одежды. Вначале, когда они еще пребывали в каменном веке, они укрывали свои фаллосы, но едва наступили времена более высокой культуры, у них появились обнаженные статуи. И если бы народ великих воинов, поэтов и философов не осознал, как смешны эти «священные покровы», мы бы и по сей день оставались варварами.

Озорной блеск блеснул в глазах Марио:

– Неужели вы думаете, что дорические эфебы предпочитали состязаться в своем пятиборье без всякой одежды только для того, чтобы не стеснять движений? Нет, в первую очередь они старались показать красоту своих тел поклонникам, которые потом обессмертили их. В гимназиумах рядом со статуей Афины Паллады стояла статуя Эроса, и первый урок мудрости мужчина получал у ног бога Любви.

На мгновение Марио словно погрузился в грезы об эпохе, в которой Эммануэль это знала точно – он предпочел бы жить. Но, пересилив себя, вернулся к современности:

– То, что я вам только что сказал об истории благопристойности, относится также и к другим сексуальным табу. Попробуйте открыто и честно признаться своим знакомым, что вы любите познавать мужчину губами, языком, чувствовать его глубоко в своей глотке. Что каждый день вы доставляете себе радость при помощи собственных пальцев. Или что вы любите делить супружескую постель еще с кем-нибудь третьим! О, какой позор обрушится на вашу бедную

голову!

Когда-то все эти табу имели смысл. Когда задачей человека было заселение огромной планеты, нельзя было бесцельно расточать сперму, и мысль объявить мастурбацию смертным грехом была просто необходима. Теперь же Земле угрожает перенаселение, и я вообще запретил бы мужчинам извергать семя в женское влагалище; это можно считать допустимым, только если нет риска оплодотворения. Мы так и не избавились от архаичного страха, что жена может принести чужого ребенка – и это при том, что мы теперь можем вполне положиться на противозачаточные средства, а вдобавок к этому – на наши губы, языки, пальцы. Это же просто нелепо и оскорбительно для разума – смотреть в этом столетии на поиски чувственных наслаждений, не ставящих себе целью воспроизведение потомства, как на нечто заслуживающее порицания. И настало время для нас мужчин, признать стремление наших жен к новым и новым встречам и неоскорбительным, и вполне законным.

Казалось, Марио ждет реплики Эммануэль, но она не разжимала губ, и он продолжал:

– Если мы хотим, чтобы наши дети были умнее, талантливее нас, мы должны оставить им Землю, освобожденную нашей дерзостью от абсурдных запретов и нелепых страхов. Стыдливость, школьное благонравие, то, что французы называют «прюдери», – это оковы. Что могли бы открыть Паскаль или Пастер, если бы они не вырвались из этих капканов? И что бы вы сказали о художнике в шортах и на привязи? Я не рассматриваю эротизм как самоцель. Но я знаю, что он своим желанием быть свободным бросает вызов лицемерию и боязни. Если человечество заблудилось в лабиринте, то эротика – нить Ариадны, которая выведет узника на свободу.

Марио вытянулся на полу у ног Эммануэль, положил голову на ее колени.

– Может быть, явление вашей вызывающей наготы на этих камнях вернет истомленному, усталому от цивилизации человечеству отвагу и любовь к опасности.

Он поднялся, теперь, он возвышался над Эммануэль.

– Если роль интеллекта заключается в том, чтобы открыть истину, он должен признавать для решения задачи только один метод – не закрывать глаза; только одно правило – никогда не лгать. Чего же проще – скажете вы. Как бы не так!

Он пожал плечами:

– Только терпение! Вы же знаете, что сказал один из ваших коллег-математиков: «Истина никогда не торжествует, но ее враги однажды умирают».

Внезапная мысль, казалось, развеселила Марио.

– Кто знает, может быть, осталось совсем недолго до этого времени, – он улыбнулся своему видению, – В эпоху, которая роботов предпочитает человеческим существам, мы должны поспешить испытать свое тело, прославить его возможности и мощь, если мы хотим остаться во главе мира. Мы уже знаем, что наше самое яркое отличие от другой фауны связано с нашей способностью пить, даже не испытывая жажды заниматься любовью независимо от сезона, в любое время года. И я не удивлюсь, если – и не в таком уж далеком времени – единственная возможность отличить человеческое существо от машины будет основываться на давнем стремлении нарушить упорядоченную сексуальную жизнь безумством эротики. Не сомневаюсь: заисторические андройды, которые когда-нибудь поведут космические корабли к далеким Вселенным, приобретут в один прекрасный день возможность воспроизведения неполовым путем. Но до тех пор, пока натуральному пути они не начнут предпочитать мастурбацию, пока их женские особи не почувствуют вкус любовного сока их партнеров на своих губах, – мы будем оставаться победителями в игре!

Эммануэль выглядела восхищенной этой неожиданной глубокой мыслью.

Марио остановился, но не надолго. Тема не отпускала его.

– Человеку нужны не только бесконечный ряд чисел и синхротроны, стероиды и пересадки сердца. Наверняка это хорошо, если он улучшает обмен веществ в своем организме и подчиняет себе мезоны и молекулы. Но в этом мире, где тебе известно все: и каков у тебя резус-фактор, и какова длина волны твоих желаний и чувств, – больше, чем когда-либо на нас лежит долг сохранить ценности жизни.

Он продолжал со все возрастающей страстностью:

– Во всех изменениях, которые могут происходить, – в изменениях формы, в заменах хромосом, в изменениях структур атомов, – мы ни в коем случае не должны потерять ту драгоценную нить Ариадны, которая спасет нас от смертельных ударов о стены наших темниц. Эта нить – любовь к красоте, любовь к любви – не наша врожденная способность, не талант, данный, нам априори. Это самое прекрасное из всех произведений искусства – искусство, творимое людьми, творящее людей; искусство, создающее человека искусства! Искусство любить наше тело – подлинного властителя вечности, победителя вечности! Только произведение искусства может победить смерть. Смерть страшна, когда после себя вы оставите только то, что вы есть. Но как высоко вознесетесь вы над земным прахом, если это тело, которому судили лишь покаянные одежды да саван, ваши поступки превратят в нечто другое: когда под резцом скульптора, а скульптор это вы, ваша жизнь, – ваша любовь превратится в изваянную из бессмертного мрамора Красоту.

Марио развел руки, обратил свой взгляд к небу и шепотом, словно голос отказался ему повиноваться, прочел:

«До того, как погаснет солнце. И померкнут луны и звезды...»

Эммануэль, слушавшая его все это время, обхватив колени руками и опустив голову, взглянула на Марио. Она вспомнила берег клонга и его тогдашние речи. А он продолжал:

– Всему приходит свой срок в определенный момент. Даже христианству. Когда-то к смертным, отягощенным страхами, подозрительностью, суевериями, недоверчивостью, явился человек и сказал: «Любите друг друга! Вы единственный род, созданный для братства: нет избранных, нет рабов, нет проклятых. Я освобождаю вас от ваших призраков, избавляю от ваших идолов и мнимой тяжести ваших долгов. Вы больше не найдете никаких ответов у ваших жрецов с их храмами и священными книгами; теперь вы должны сами спрашивать себя, даже понимая, что, может быть, и не найдете единственного ответа. Но вопрошайте все время, лишь в беспрестанных поисках заключается ваше бытие и ваше освобождение». В те дни мир шагнул вперед. Но затем Евангелие стало постепенно утрачивать свою силу и свой смысл, яркое, свежее вероучение превратилось в свод принудительных правил, где всякая радость жизни объявлялась грехом. Мессия служил эволюции, его Церковь мешала ей. И сегодня вам предстоит нести благую весть. Весть Любви. Любви, свободной от всякого стыда, любви, чей лик не смогут исказить никакие фарисеи. Любви, избавляющей от страха и тайны, от слабости. Любви ради Жизни. «Наслаждайся жизнью со своей женой, которую ты любишь», – говорил Соломон. Да, не бесплотное стремление к небу, а любовь к жизни, к живому – вот что важно: «...Ибо живой пес лучше мертвого льва». Итак, тело, плоть наша бrenна лишь потому, что мы презираем его, его требования мы считаем ничтожными, и они действительно становятся ничтожными. Но как только его Закон мы положим в основу мира, мы сможем сказать: «Я слышу голос своего тела, повинуюсь ему, и поэтому моя жизнь не будет прожита зря!». И я говорю вам, Эммануэль, – мне нечего стыдиться, если в основу будущего я ставлю ваше прекрасное тело.

Чувствовалось, что Марио устал. Он заговорил теперь гораздо спокойнее:

– Проповедник вряд ли мог продвинуться дальше, к эросфере, которая, по сути, есть один из этапов ноосферы. Эротизм, который мы вполне можем называть эволюцией, есть ведь не что иное, как одухотворение косной материи. Но наш мозг, наш разум недостаточен, чтобы сделать

нас всеильными, нужен фитиль, бикфордов шнур. Этот фитиль – пол. Он поможет нам раздвинуть границы природы. Без него человек не полон. Человек превосходит ангела, превосходит кибернетическую машину только тогда, когда он сплетается в объятиях. Фаллос вот наш шанс. Без него мы были бы всего лишь машинами с ледяными чреслами.

На мгновение Марио снова превратился в наставника:

– Говоря вам о поле и разуме, об интеллекте и либидо, я, конечно, надеюсь, что в размышлении о двух этих, так сказать, субстанциях вы ни в коем случае не спутаете эротизм как искусство со стремлением к удовольствию. Большинство людей попросту проматывают свою чувствительность: они относятся к ней в лучшем случае как смысленные обезьяны. Эротизм – это ведь прежде всего образ мыслей, достойный человека. Запомните одно: истинный облик эротизма – не чувственность, а любовь.

В голосе Марио вдруг зазвучала обида:

– Разве я казался вам бессердечным фанатиком? Я, желающий лишь избавить людей от страданий. Я верю в то, что они имеют право на счастье; и верю, что это счастье возможно. Что вы, Эммануэль, сможете стать счастливой, если только вас не оставят смелость и любопытство. Им надо только освободиться от прошлого, приспособить навстречу новому свои законы, свое мировоззрение и мироощущение. Им надо отказаться – вам как математику будет понятно мое сравнение, – усмехнулся Марио, – от четырех правил арифметики и постичь высшую математику чувства и разума. Конечно, надо быть героем, чтобы отказаться от привычного, от повседневного, от затверженного. Но ведь все это приводило лишь к страданиям, а человек обязан быть счастливым. И любовь, которой я обучаю вас, дает счастье еще один шанс осуществиться!

Эммануэль залюбовалась Марио, и снова, как при их первой встрече в доме маркиза, его убежденность, его пыл заворожили ее, она даже не вспомнила, что нечто подобное он уже говорил.

– Эта любовь – не признак бездушия или декаданса, но символ здоровья всех тех, кто смотрит в будущее. Не может одиночество быть призванием, уделом человека; оно – только необходимая первая ступень к познанию, детская болезнь, душа взрослеет и вылечивается от нее. Я уверен, что будущее рода лежит в соединении, а не в изолированности, сначала в соединении двоих, троих, четверых, потом целых групп; превращении в единый организм различных частиц; соединении разных сознаний в единый дух. Добродетель эротизма именно в том и состоит, что он взрывает стены одиночества. В том, что он помогает человеку приохотиться к другому, узнать вкус истинно человеческого. И я уверен, что в этом смысле эротизм окажется удачливее всех других учений, и не сравнится с ним никакая аскеза, никакие религиозные таинства, никакие наркотики. Теперь вы понимаете, почему для меня обособленность и ревность кажутся преступлением, посягательством на эволюцию человеческого рода. Они рождены скрытым лицемерием изуверских сект, фарисеев, святош и прочих чудовищ. И если вы впускаете в свою любовь кого-то, кроме вас двоих, это ничуть не вредит любви, ни в коем случае не означает ее крушения, это не измена любви – наоборот, вы открываете двери в изумительную жизнь, где укрепляется любовь любящего и не унижен любимый. Эта любовь, к которой мы когда-нибудь окажемся способны, означает конец тупоумия и невежества, приход времени, когда человек становится достойным своего звания. Сияющий хоровод наших золотистых грудей, танцующих рук, наших расправленных крыльев, скольжение и прыжки наших обнаженных ног придут на смену мрачным шествиям прошлого. Юность среди гробниц! Да, меня не надо убеждать, я верю в то, что это время наступит, и это единственное, во что я верю!

Взгляд Марио прямо-таки обжигал Эммануэль. И он сказал еще:

– Мир будет тем, во что превратят его изобретательность и безрассудство вашего тела. Но те, кто придет после нас, должны быть настороже. Когда наступит господство эротизма и он сам превратится в религию со своим культом, своими церквями, епископами и ересями, своими алтарями, своей латынью, изгнанием бесов и папской курией, и мир снова станет погружаться во мрак, делаться тоскливым и упорядоченным, новые люди должны быть уже научены мудрости, чтобы оказаться способными к новому бунту. Но сейчас все это лежит в нас: фальшивые божества с их безотрадными храмами, с их ритуалами, в которые никто не верит. Эммануэль, освободите нас от этого ига!

Она смотрела на него, словно ожидая чего-то. Ее веки дрогнули раз, другой. Потом она плотно сомкнула их и замерла, вся вытянувшись, насторожившись. Прошло несколько бесконечных минут, пока Эммануэль медленно подняла блузку, расстегнула шорты, спустила их до колен, потом до лодыжек. Затем резким движением ноги отбросила их еще дальше, в траву, подступавшую к террасе. И мягкая теплота камня коснулась ее обнаженной кожи.

Она послушно повиновалась Марио, когда он попросил ее лечь навзничь, выставив напоказ все, что можно. Она сделала даже больше: словно полностью предлагая себя, широко раздвинула бедра, ее ноги свесились по обе стороны парапета, низ живота подался вперед, завораживающе вздрагивая мускулами под безупречной кожей.

Приглашение

Ее не могли увидеть с улицы – слишком густы были деревья. Но она не сомневалась, что соседи ее замерли сейчас у занавешенных окон, выходящих в сад, и любуются зрелищем. Кто они? Она не имела понятия об этом. Она никогда не видела их. Может быть, они возмущены? А может быть, мастурбируют, глядя на ее наготу. Она представила себе движения их рук – и возбуждение стало расти в ней, посылая властные импульсы во все уголки вздрагивающего тела.

Голос Марио заставил ее очнуться:

– Вы когда-нибудь ласкаете себя при ваших слугах?

– О, конечно.

На самом деле в те утренние часы, когда Эммануэль забавлялась сама с собой в постели или под душем, а после ленча в шезлонге, читая или слушая радио, только Эа, ее камеристка, бывала свидетельницей игр своей хозяйки. Остальные слуги – по крайней мере, так думала Эммануэль, – были лишены этого зрелища.

– В таком случае, – продолжил гость, – будьте великодушны, не отказывайте в моей просьбе. Позовите вашего боя. Да, прямо сейчас. Он такой славный!

Эммануэль решила, что она ослышалась. Нет, это уж чересчур! Марио должен же понимать... И как строго он смотрит на нее. Он что, хочет наверстать упущенное? И вдруг ей показалось, что она слышит позывные судьбы – «бип-бип, бип-бип». Словно напоминание о ее долге. Одна, еще одна – сколько минут отпустила ей вечность? Она знает, что рано или поздно она станет тем, что предсказывал ей он (Марио не приказывал, он как-то вложил в нее это понимание), и стоит ли сопротивляться этому. И она произнесла имя боя сначала тихим голосом, чуть слышно, а потом почти выкрикнула его.

И как только он явился, глазами и поступью напоминая сиамскую кошку, Марио подозвал его и поставил на колени прямо перед Эммануэль.

– Вам не хочется, чтобы он довел вас до экстаза? – вкрадчиво спросил Марио.

Она кусает губы, ей надо предупредить Марио, что мальчишка понимает французский. Но Марио уже начинает говорить с ним на языке, который она никогда до сих пор не слышала. Бой отвечает почти шепотом, глаза его потуплены, он смущен не меньше Эммануэль. Голос Марио звучит, как голос доброго, терпеливого наставника. «Как прекрасно это выглядит, – усмехнулась про себя Эммануэль. – Урок эротологии на тайском просторечии». Несмотря на всю щекотливость положения, она нашла это весьма забавным. Все же она испуганно вздрогнула, когда без всякого предупреждения Марио положил руку боя на ее бедра. Он показал мальчику, что тот должен делать, предостерег его раздеваться не надо! – поправил его первоначально неловкие движения. Но уже через минуту мальчишка показал, насколько он понятлив, и Марио допустил его пальцы до самостоятельной работы.

– Он признался мне, что без ума от вас, – сказал Марио. – Разве не жестоко было заставлять его мучиться?

Эммануэль ничего не ответила, и он добавил:

– Или это слишком унижительно для вас?

– Ну что вы! Разумеется, нет, – возмутилась Эммануэль и неожиданно произнесла следующую сентенцию:

«Мужчина есть мужчина!».

– Конечно. Это один из тех голодных и жаждущих вашего тела, вашей груди, живота, губ, лона. Он так стремится дотронуться до вашего тела и погрузиться в него. С того самого дня, когда вы приехали, ему снились сны, как он соблазняет вас. Но ведь подумайте, и в этом случае

и во всех других: разве здесь не ваша собственная инициатива, ваша отвага и дерзость?

И вдруг тоном приказа добавил:

– Думайте об Анне-Марии!

Она попыталась выполнить этот приказ, но перед ее закрытыми глазами неожиданно возникла Би. Может быть, ей напомнил Би дурманящий запах роз из сада?

И она стала повторять про себя строки письма, написанного ею накануне своему потерянному другу. Крики и жалобы, совершенно бесполезные, потому что Би никогда не прочтет их: «Я лишь хотела тебе сказать, что наступает еще один сиамский день для нас с тобой, и солнце, чьи первые лучи озаряют тебя, возвещает мне и мое пробуждение. Оно, это солнце, как звонарь, поднимающийся в урочный час к своим колоколам, находящийся в своей пунктуальности радость. Это наше солнце и наш призыв. Мы неразрывны, и только небо может разлучить нас.

Я тянусь к тебе, а ты для меня за многими стенами, которые все говорят о твоём отсутствии. Но в мечтах я прижимаю тебя, еще не очнувшуюся ото сна, к своей груди, и мое дыхание увлажняет твои губы.

Я леплю тебя. Мои пальцы открывают тебе глаза, укладывают твои волосы, дарят твоим ногам шелковистую кожу и покрывают твоё лицо нежным румянцем. Я воссоздаю тебя, моя прекрасная сестра, такой, какая ты есть.

Как на экране, показывает мне память твою поступь, и я подчиняю свою жизнь тебе: соразмеряю ее с ритмом твоих шагов, и эти часы точнее всех других. Я окутываю тебя светом утренней зари, поднимающейся из глубин пространства. Но я все еще планета без солнца.

Я ищу тебя среди деревьев, мой лесной родничок, у которого я смогу узнать покой, я знаю это. Припасть к тебе, вытянуться возле тебя и увидеть отражение своего лица в прозрачной воде. После долгих странствий и поисков я хочу возродиться твоей живительной влагой, мой родничок. Я хочу, чтобы ты освежила меня и чтобы ничто не могло оторвать меня от твоих губ. По утрам ты будешь смывать с моей души ночные видения, а вечером помогать забыть тяготы дня...»

Волны желания, нежности, самозабвения окатывали ее душу. И она совсем не помнила, чья рука ласкает ее сейчас, чьи глаза всматриваются в нее, перед кем лежит она, бесстыдно раскинувшись на гранитном парапете.

И вот Марио и Эммануэль снова в гостинной.

– Как вы любите пить чай? – осведомляется она. – Положить вам восемь кусков сахара или четырнадцать? А может быть, вам хочется целый килограмм?

– Если вы не возражаете, – ответил он, – я бы предпочел одно дивное блюдо.

И, посмотрев на нее внимательно, тихо произнес:

– Подойдите ко мне и сядьте рядом.

Она садится рядом, готовая приласкать его. Он отстраняется от ее руки, но она остается на месте, счастливая тем, что смотрит на него, готовая учиться дальше. Кто лучше него знает, что нужно делать, чтобы привести себя в иступление? Чем отличается это несказанное наслаждение собственным телом, которое она ощущает сейчас, от того, что испытывают мужчины, спрашивает она себя? Чем? И почему? Она представляет себе, как в глубине ее тела растет и пульсирует чужая плоть, как она расцветает в ее пальцах. И она не может понять, что происходит с ними обоими, она не может понять, его или себя любит она в эту минуту. Минуту высочайшего наслаждения.

Их губы полуоткрыты. Кто удовлетворен сильнее, он или она?

– Теперь будьте женщиной, – говорит он. Она не согласна; ей хочется быть для него мужчиной, так же, как она была женщиной для других женщин. Она объясняет ему это,

спрашивает, почему бы ему не полюбить ее как мальчика.

– Не надо предлагать мне то, что я могу получить у других, – холодно возражает Марио.

И Эммануэль уступает, блузка снова снята, и Эммануэль улыбается своей сияющей наготой. Ее руки привычно скользят по своему телу, находят грудь, поднимают ее, потом пощипывают соски, и те тотчас же выставляют свои рожки, но руки неожиданно отпускают их, пробегают вдоль всего тела, опускаются к бедрам, медленно поглаживают их, словно успокаивая, и снова бегут вверх к подмышкам, на обратном пути оттуда снова встречают грудь и вознаграждают ее за долгое ожидание, как бы говоря: «Спасибо, что ты так терпеливо дожидалась нашего возвращения».

Ее губы трепещут в поисках других губ, грудь поднимается навстречу другой груди, тело стремится прижаться к другому телу. Но нет здесь другого тела, кроме ее собственного. И вот руки Эммануэль спускаются ниже, и как бы случайно пальцы ее находят крохотную точку, узкую щель в нежной розовой плоти, раздвигают ее, и начинается пошлепывание, подергивание, почти незаметное царапанье ногтями. Глаза ее закрыты, ягодицы напряжены, ноги раскинуты, и в сумерках она выглядит причудливым живым распятием.

Она ошеломлена собственными ласками, слезы появляются на ее ресницах, с губ срываются стоны; она плачет от собственной радости, не стесняется своих слез и в этом сладостном унижении черпает новые силы. Напрасно она старается продлить это дивное время ожидания, помиловать себя, не дать себе погрузиться без остатка, потерять то, что она сейчас испытывает. Нет, она не может, она не останавливается, она продолжает двигаться к тому рубежу, который – она знает последний, который она никогда не сможет перейти, никогда...

Кисти ее рук выгибаются наподобие раковины моллюска, словно прикрывая от нескромного взгляда тайные прелести и в то же время сдерживая рвущуюся оттуда ярость; будто потоки наслаждения хлещут через Эммануэль, словно распались земля и небо, и она сама брошена на грудь наблюдающего за ней создания, как огромная белая птица.

Пальцы Марио сплелись с руками Эммануэль, и она не может понять, кто дарит ей эти восторги, – он или она сама.

Но вот он осторожно высвободился и положил женщину на шелковую обивку кресла. Она уткнулась лицом в шелк, черная грива разметалась по обнаженным плечам, спина все еще конвульсивно вздрагивает.

– Сегодня, – сказал Марио, – я пришел как королевский посланец. Теперь самое время выполнить мою миссию.

Голос его зазвучал торжественно:

– Его Королевское Высочество принц Рме Сена Ормеасена будет счастлив видеть вас на приеме, который он дает послезавтра в своем дворце Малигат. Мне доставит большое удовольствие сопровождать вас туда.

– А я знаю этого принца? – вяло поинтересовалась Эммануэль, все еще не справившаяся с дрожью.

– Он не был еще представлен вам и потому не мог взять на себя смелость передать вам приглашение лично. Во всяком случае, я ответил ему, что постараюсь убедить вас принять приглашение.

– А Жан...

– Ваш супруг? О нем ничего не сказано, мне кажется, его не ждут...

– Но тогда...

Однако Марио не дал ей закончить:

– Дорогая, я должен объяснить вам, какой случай представляется в связи с этим приглашением. Там будет изысканная кухня, великолепный погреб, музыка и танцы. Но самое

главное – там вам предоставится возможность осчастливить своим телом любого из присутствующих, разумеется любого из тех, кого вы найдете достойным этой чести. И ваши достоинства помогут вам в приобретении дальнейших знаний, в совершенствовании ваших способностей. Я не сомневаюсь, что тамошние гости смогут дать вырасти вашему прирожденному дару.

– Понимаю, вы хотите повести меня на оргию.

– Фу, милая, что за слово – «оргия»! Я бы назвал это праздником плоти. К тому же вы увидите, что если вам не захочется испытывать все это, никто силой не вовлечет вас ни во что. Чтобы не оскорбить чьих-нибудь взглядов, наш хозяин предоставил право выбора только гостьям, а не гостям.

Эммануэль размышляла совсем недолго:

– И после такой ночи я, вероятно, стану гораздо ближе к вашему идеалу?

И прежде чем Марио успел ответить, она закончила:

– Ладно, я готова попробовать.

Но какое-то беспокойство все-таки не покидало ее:

– А что же я должна сказать Жану?

– Мне кажется, вы не спрашивали его разрешения до этого.

– Но он не позволит мне сбежать на всю ночь, даже не поинтересовавшись, куда я пошла и чем буду заниматься...

– Ну, так рано или поздно он это узнает.

– И что тогда?

– Тогда вы сможете узнать, обманывались вы или нет...

– Обманывалась в чем?

– В его любви к вам.

– Но я никогда не сомневалась в этом.

– Любовь, как мне уже приходилось объяснять вам...

Эммануэль вспоминает те положения, которые развивал перед ней Марио в своем нависшем над черной водой доме. Но она все еще не знает, должна ли она верить в их полную истинность.

– Испытайте себя! – предлагает Марио. – Сделайте опыт.

– И если я увижу, что Жан любит меня не так, как вы думаете?

– Тогда у вас все потеряно, возможности духа и любви.

– Я люблю Жана, – размышляет она вслух. – И не хочу ни терять его, ни быть потерянной.

– Так вам кажется спокойней уклониться от решения?

– Но я не хочу только Жана и себя, – призналась она. – Мне хочется чего-то большего.

– Теперь вы никогда больше не будете владением, собственностью, частным участком. Вы можете выбрать другой путь – стать для вашего мужа личностью.

– А кем буду я для тех мужчин, которым буду принадлежать?

– Сначала решите, что они для вас, – и тогда узнаете ответ. Вы полагаете, что они отличаются от вас?

– Я это люблю так, что мне хотелось бы поделиться этим счастьем и с другими.

– Не хотелось бы так думать. Скажите, дорогая, а когда вы отдаетесь, вы думаете только о своем удовольствии? Стесняет ли вашу свободу мужское стремление обладать вами? Это их желание не оскорбляет ваши чувства?

– Да я просто в восторге от этого!

– Увеличивается ли ваш восторг, когда они просят вас утолить их жажду?

– Вы знаете мой ответ.

– Я-то знаю, но знают ли они? Мужчины никогда не бывают уверены в себе. Вы должны ответить им. Только тогда вы узнаете, кто они для вас, что они собой представляют, когда они перестают вас бояться. И только тогда, когда их желания исполнены, вы перестаете отличаться друг от друга. Бессознательно они стремятся к этому – слиться с вами – уже с незапамятных времен.

– И, стало быть, мне нельзя никого разочаровывать?

– Никого. Мужчина только тогда мужчина, когда он связан с вами, когда он находится в вас.

Она рассмеялась. Он добавил:

– Да и ваша собственная сущность, смысл вашего существования зависит от других.

На мгновение Эммануэль, подобно улитке, спряталась в свою раковину. Но напоследок вытянула оттуда свои рожки:

– А если... если я забеременею? Я даже не буду знать, от кого у меня ребенок!

– Конечно, – согласился Марио. – Вы должны совершенно точно это себе уяснить.

Эммануэль не призналась, что это не было для нее такой уж большой проблемой. Когда-то, еще в Париже, они с Жаном договорились пока не обзаводиться потомством. Но со времени ее приезда в Бангкок она отбросила всякие предосторожности. Она не думала об этом ни в самолете, ни в приключении с сам-ло Тем более, что однажды Жан сказал ей, что если она подарит ему ребенка, для него не имеет значения, будет это его ребенок или нет...

* * *

– Ну, как вы проводите здесь время? – в тот же вечер спросила Эммануэль Кристофера. – Жан, что же ты не познакомил нашего друга с какой-нибудь прелестной сиамочкой? Не показал ему местные увеселения?

– Это идея, – отозвался Жан. – Например, китайский стриптиз.

– Ужас! – воскликнул Кристофер. Его гримаса восхитила Эммануэль.

– Боже мой, – всплеснула она руками. – И как это ему удастся быть таким добродетельным?

– Он прикидывается.

Молодой англичанин что-то пробурчал под нос, а Жан добавил для ясности:

– Виле. То как он заглядывается на маленьких девочек!

– На девочек? – в голосе Эммануэль послышалась легкая хрипотца.

– Да, вот на таких девочек, – и Жан показал рукой едва ли не метр от пола. Жена его сморщила нос.

– Такие маленькие! Фу! – произнесла она. Кристофер, решив, что нельзя быть таким некомпанейским, принужденно рассмеялся.

Однако после ужина они выбрались из дома и погрузились в лабиринты китайского квартала. Целью их путешествия был театрик, выглядевший, как небольшой крытый рынок. Сотни полторы зрителей с лоснящимися от волнения лицами, стоя перед сценой, любовались вереницей обнаженных девиц. По правде говоря, девицы не были совершенно голыми – вновь прибывшие сразу же увидели это, едва их усадили на скамью, стоявшую прямо перед сценой, свободную. Так как места на ней стоили немало. На тоненькой ленточке, опоясывающей каждую из артисток, болтался небольшой четырехугольный кусочек клеенки величиной с игральную карту. Ритмическими движениями приподнимали они этот пустячок, обнажая на мгновение черный треугольник Венеры, и зрители восторженным ревом откликались на каждый такой жест. У трех европейцев хватило терпения на полчаса, и все это время ничего не менялось

в мизансценах. Однако это не мешало им обсуждать чары отдельных исполнительниц. Эммануэль объявила, что ей нравится «вон та большая без груди», но никто не разделил ее мнения. Затем она и Жан принялись дотошно объяснять друг другу, как им нравятся сочные губы, окаймляющие расщелину одной из девиц.

– Никогда в жизни не встречал семейную пару, рассуждающую о подобных вещах, – сказал Кристофер, скорее удивленный, чем возмущенный.

Эммануэль не удержалась и добавила:

– Мне так хочется переспать с нею.

«Да она меня просто дразнит, испытывает, – догадался Кристофер. – Ну, это мы еще посмотрим!». Но обнаженные ноги Эммануэль, касавшиеся его ног, волновали его куда больше, чем китайки на сцене.

– Что касается меня, – выдавил он наконец, – я бы куда охотней отправился в постель с вами.

Сказал – и тут же испугался: «Она решит, что я блефую. Но, надеюсь, мне не придется идти дальше».

– Кристофер постепенно умнеет, – усмехнулся Жан. Англичанин не знал, что ответить. Может быть, его друг не расслышал последней фразы из-за шума в зале? Вряд ли...

Но Эммануэль-то явно слышала реплику Кристофера. Сколько воодушевления было в ее голосе, когда она произнесла: «Я сделаю это сегодняшней ночью!». И, повернувшись к мужу, добавила: «Ты позволишь мне отдаться Кристоферу, дорогой?».

– Да, – ответил Жан, и она поцеловала его с необычайной нежностью.

Битва Евы

На следующее утро раздался звонок Арианы. Не навестит ли Эммануэль ее сегодня днем? Цель приглашения отгадать было нетрудно. Эммануэль отказалась у нее много неотложных дел, она должна помочь Жану. И только положив трубку, она спросила себя – почему она увильнула? Разве Ариана не привлекает ее больше? Да при одной лишь мысли о той власти, которую имела над нею молодая графиня, тело Эммануэль обмякло в истоме. Конечно же, ей нравились ласки Арианы. Так почему же? Может быть, она хочет остаться верной Би? Да, далеко ей еще до полного выздоровления... Печаль ее стала как-то воздушной, теперь мучилась скорее гордость, а не сердце. И Эммануэль поспешила с выводом, что ее равнодушие к Ариане объясняется привлекательностью той юной особы, с которой она познакомилась вчера у садовых ворот и чью тайну еще не объяснил ей Марио.

«Анна-Мария Серджини», – сказал он. Ну, а что дальше? Кто она? Она какая-то другая... И Марио спрашивал, может ли она навестить Эммануэль сегодня после обеда. И в самом деле, около трех часов она появилась у ворот Эммануэль в своем миниатюрном автомобильчике.

Эммануэль досадливо наморщила лоб: просто невозможно видеть ножки этого ангела упрятанными в брюки. И нельзя увидеть ее грудь – гостья была одета в плотно завязанную у ворота блузку. И все же, глядя на Анну-Марию, она вынуждена была признать, что вполне одетый человек может быть не менее соблазнителен, чем совершенно голый.

Так она стояла, глядя на свою гостью и не пытаясь даже скрыть свой интерес к ней. Анна-Мария не могла удержаться и рассмеялась. Эммануэль сконфузилась:

– Я неприлично веду себя?

– О нет, вы ведете себя как надо.

Что знает о ней Анна-Мария? Эммануэль насторожилась:

– Почему вы так сказали? Марио рассказал вам, что мне нравятся девушки?

На самом деле в эту минуту она не испытывала ничего подобного. При встрече с красавицами она бывала обычно непринужденной и предприимчивой, но здесь что-то мешало ей, что-то отпугивало. К счастью, юная гостья отвечала с таким полным отсутствием смущения, что Эммануэль перестала ощущать неловкость:

– Ну, конечно же! И еще более того. Он говорит, что вы просто ненасытны.

– О, неужели Марио говорил с вами о таких вещах!

– Может быть, это сплетня, а? Куча эскапад в туземных кварталах, приступы эксгибиционизма, забавы втроем. Бог знает что еще! Я уже позабыла половину всего, что слышала.

Нескромность Марио не очень-то рассердила Эммануэль. Она ведь сама хотела такой рекламы.

– И что же вы думаете обо всем этом? – спросила она почти деловым тоном.

– О, я слышу подобные вещи от моего прелестного кузена так давно, что уже перестала обращать на них внимание.

Эммануэль отметила, как тактично ее собеседница обходит возможность дать прямую оценку ее поведения и нравов. Но в силу какого-то мазохистского комплекса ей самой не хотелось быть настолько деликатной.

– Ну, а как насчет меня? Считаете ли вы, что мне можно... например, наставлять рога мужу?

– Так же, как и всем.

Спокойный тон и улыбка Анны-Марии непонятны Эммануэль. Так осуждает она ее или

нет?

– Надеюсь, вы пристыдили Марио за такие вещи?

– Ничего подобного. На него бессмысленно сердиться.

– На него? А на кого же я должна сердиться?

– Ну, разумеется, на самое себя. Ведь вам это доставляет удовольствие.

Эммануэль отметила это как точное попадание в цель. Но ей хотелось решить принципиальный вопрос.

– Но если бы не Марио с его теориями, я, может быть, и не была бы такой.

В чистом, как звон колокольчика, смехе Анны-Марии не было ничего обидного. Она сидела на маленькой деревянной скамеечке под раскидистым тамариндом, защищавшим их от палящего солнца таиландского августа. Они сидели лицом к лицу, подавшись навстречу друг другу. Анна-Мария была вся в голубом, на Эммануэль были крошечные трусики, едва видневшиеся из-под лимонно-желтого пуловера, выгодно подчеркивавшего ее бюст. Густые черные волосы падали ей на лоб и щеки, она отбрасывала их, вскидывая голову, как молодая кобылка, или ловила их зубами и вновь отпускала слегка повлажневшими. Снова быстро и внимательно она оглядела Анну-Марию, чувствуя, как в ней просыпается вождение. Она находила Анну-Марию прелестной; более желанной, чем Ариана с ее полуголым антуражем, восхитительней Мари-Анж с ее кошачьими повадками и лукавыми глазенками. Более притягательной, чем даже Би... Эммануэль почувствовала легкий укол совести. Но осудить себя не смогла: все, даже Би, были какими-то земными, здешними, а Анна-Мария была оттуда. Тайный посланец другой планеты.

На мгновение Эммануэль увидела эти далекие галактики, черное небо, свет звезд и дальний путь, дальний путь... Голос Анны-Марии вернул ее на землю.

– О, теории Марио, – сказала девушка. – Я их знаю. Более того, я полностью с ними согласна.

Она заметила удивление Эммануэль и продолжала с чувством.

– Ну, в Высшей школе искусств много дворянских отпрысков расставались со своими предрассудками.

– О, вы были в Риме?

– Нет, в Париже.

– А Марио хотел меня убедить, что вы чопорны и строги.

– Эти качества в парижских ателье быстро выветриваются.

– Я даже подозревала за вами и другие ужасы: целомудренность, стыдливость, мораль, религия.

Анне-Марии пришлось улыбнуться:

– Дело обстоит не так уж плохо. Я в самом деле еще девушка, живу воздержанно и мыслю свое существование как существование дочери Бога и Церкви.

Она явно обрадовалась, увидя на лице Эммануэль гримасу отвращения.

– Хотя я вам сказала, что меня совершенно не смущают ваши похождения, начала она объяснять. – Я никогда не скажу, что стала бы поступать так же. Более того, мне кажется, что это очень печальная жизнь. К ней у меня такое же отношение, как к природе: меня это не шокирует, не возмущает, но я – против этого.

– Но как же можно быть такой глупой! – выпалила Эммануэль. – Вы ведь очень красивы.

Анна-Мария ответила любезной улыбкой.

– Спасибо, – сказала она, – Вы тоже выглядите совсем неплохо.

Эммануэль вздохнула. Ситуация была непривычной. Обычно подобный обмен комплиментами совершенно логично приводил к обмену прикосновениями: в дело вступали

грудь, губы, ноги. Анна-Мария смотрела на нее с сочувствием.

– Вы считаете, что красивой женщине не подобает верить в Бога?

– Да, я считаю это почти непристойным. Это противоестественно.

– Ну, и я говорю то же, – легко согласилась Анна-Мария. – Совершенно неестественно, это против собственной природы. Это-то меня иногда и злит. Мне иногда нужна и маленькая помощь природы. Я не рождена для абсолютной чистоты.

– Вы хотите сказать, что и в вас иногда просыпается чувственность?

– А я вам кажусь фригидной?

– Не знаю, – Эммануэль помедлила и наконец решилась:

– И как вы в таком случае поступаете?

– Я сдерживаю себя.

Эммануэль скривила рот.

– И вы еще ни разу не позволили себе самой?..

Этот вопрос как будто ничуть не смутил Анну-Марию:

– Это бывало. Но потом я очень мучаюсь.

– Почему? – возмутилась Эммануэль.

– Потому что всякий раз, когда я поддаюсь искушению, я раскаиваюсь. Удовольствие, которое я испытываю, не может перевесить угрызений совести, приходящих следом. Оно не стоит того, чтобы ради него жертвовать всем другим.

– А что это – «все другое»?

– Все, что отличает человека от животного. Назовите это как угодно: дух, душа, надежда, наконец.

– Но это же совсем не так, – запротестовала Эммануэль. – Я вовсе не собираюсь жертвовать своим духом. Или душой. Что же касается надежды, то у меня ее более чем достаточно.

– Смотря что называть этим именем. Если вы не верите в жизнь вечную, о какой надежде можно говорить!

– Я верю просто в жизнь. Этого довольно. И у меня есть надежда. Я даже счастлива. И ни один мой день не испорчен угрызениями совести. И моя любовь к наслаждению вовсе не означает, что я забываю о душе. Я наслаждаюсь жизнью, потому что в этом все, что я есть.

– Почему вам надо постоянно смешивать жизнь с физическими удовольствиями? Я не меньше вас ценю счастьем красоту, но истинное благо – это вовсе не телесная радость. Она заставляет биться сердца и животных. А наша жизнь бесконечно прекрасней жизни зверей и растений. Она ушла от природы, освободилась от нее, оторвалась далеко от земли. Наша жизнь – это то, что поднимает нас выше мира сего. Человеческая эволюция ведет нас от торжества плоти к торжеству души.

– Пожалуй, – отвечала Эммануэль, – то, о чем вы говорите, можно принять, если под этим подразумевать сознание, разум, поэзию, наконец, но это же нисколько не противоречит телу. Когда я наслаждаюсь, то ведь это мой разум, мой мозг, мой дух заставляют наслаждаться мое тело, и я ни на йоту не приближаюсь к животному. Жизнь прекрасна вся, целиком, потому что не отличить радостей духа от радостей плоти. Зачем же нужно так отделять одно от другого? Вы хотите, чтобы дух, разум получали радость только в себе – почему? И если вы не хотите наслаждаться в этом мире, то где же? Разве где-то есть лучше?

– Вечная жизнь, – торжественно произнесла Анна-Мария. – Разве это ничего не значит для вас?

– Нет, как же! Мне тоже хочется, чтобы жизнь длилась вечно. Но не так, как вы это себе представляете. Не в вашем раю. Мне не хотелось бы прожить жизнь ирреальную, презревшую все земное. По мне, бессмертие состоит в том, чтобы всегда жить такой, какая я

теперь. Не стареть, не делаться безобразной. Жить так прекрасно! Это неповторимое чудо! И как было бы ужасно покидать эту Землю, которая даровала нам жизнь, не позволила остаться холодными и бесчувственными камнями.

– Я не вижу, чтобы Земля была такой, какой она видится вам. На этой Земле есть обманутые, убитые, голодные и холодные, есть мучающиеся от неизлечимых болезней... На Земле больше страдания и ненависти, чем красоты и радости.

– О, я не так слепа, я это тоже вижу. Но именно поэтому я хочу, чтобы все силы людей, все их знания, все их воображение были брошены на помощь Земле, вместо того, чтобы примириться со своим несчастьем и искать утешения где-либо в другом месте. И я уверена, что если они соберут свое мужество, упорство и будут неотвратимо идти по этому пути, Земля и жизнь на ней станут прекрасными для всех.

Пожалуй, никогда еще Эммануэль не приходилось произносить столь длинных монологов, и это произвело впечатление на Анну-Марию. Она смотрела на собеседницу внимательно и как-то присмирив, но вдруг глаза ее блеснули.

– Эммануэль, – сказала девушка. – Вы хорошо знаете, что делать с вашей жизнью, но что сделаете вы со своей смертью?

Эммануэль молчала недолго и взорвалась:

– Ничего! Почему вы спрашиваете об этом? Это ваши христиане только и думают о смерти!

– Вовсе нет! Мы только хотим найти в ней смысл.

Эммануэль пожала плечами. Смерть была для нее в высшей степени очевидным абсурдом, непонятной несправедливостью, болезнью, от которой не найдено лекарства. В смерти не могло быть никакого смысла. Ей был неприятен интерес Анны-Марии к тому, что однажды Эммануэль погаснет, превратится в не-Эммануэль, еще хуже, в анти-Эммануэль, в противоположность всему тому, чем она была. Она почувствовала, как что-то сдавило ей горло, как выступили на ее глазах слезы, и голос, который произносил слова ответа, был почти не ее голос.

– Думайте лучше о моей жизни. Когда случится нечто, после чего не останется ничего; когда я буду больше не в состоянии видеть этот полный цветов и звезд мир; когда я больше не смогу узнать, что делают на этой Земле люди, жившие рядом со мной; когда все, что было для меня прекрасным, перестанет радовать меня, тогда вы не сможете больше расспрашивать меня, не сможете больше любить меня, узнавать обо мне все больше и больше. И я перестану жить, перестану что-то знать, ничего больше не увижу, ничего не услышу, ни к чему не прикоснусь. Умоляю вас, не ждите так долго, до тех пор, пока я не умру! Я не хотела бы слишком поздно открыть, что я родилась на этот свет, чтобы прожить жизнь, чтобы жить вовсю, не хотела бы, чтобы из меня сделали легенду, миф! Мне невероятно тяжело представить себе, сколько дней, чудесных дней, гораздо лучших, чем нынешний, наступит потом, после меня, как поплывут столетья за столетьями, и люди так же будут просыпаться навстречу солнцу, как мы просыпаемся сейчас, а я умру. Умру, прежде чем состарюсь. Вот почему я плачу сейчас. Ведь та жизнь, на которую я надеюсь, настоящая жизнь, может прийти после того, как уйду я... А я чувствую себя так уверенно. Я так хочу разделить со всеми все чудеса этого мира! Но решено: я умру. Все останется существовать без меня. И меня ничто не утешит: даже если некий Бог предложит мне другой мир, я откажусь от него. Я не хочу ни на что менять мою Землю и мою жизнь. Я потеряю все – это мне известно. Но я никак не уступлю, ни за что! Я не спрячусь от этой жизни ни в какое, самое уютное, убежище, ни в какой рай. Не надо мне безопасного, надежного приюта. И когда у меня похитят мою жизнь, я буду плакать, я завую от тоски на весь белый свет. Не от тоски, что нет больше жизни. Не от раскаяния за прожитое, не из угрызений совести, а только от любви к моей Земле, с которой пришла пора расставаться... Моя Земля, к

которой я хотела бы вечно прикасаться. На которой я хотела бы остаться вечно. Только здесь. С людьми, а не с Богом!

Эммануэль смотрела мимо Анны-Марии, словно она видела какую-то точку среди листвы деревьев, в далекой дали. Внезапно она вновь повернулась к своей гостье, взгляделась в нее и произнесла с неожиданной для себя горечью:

– Смерть? Ваш Бог ничего не знает о ней, он-то ведь не умирает! Только мы, живущие, можем знать, что такое смерть.

* * *

– Изрядную скуку навела на меня ваша кузина, – с этой жалобы начала Эммануэль вечерний разговор с Марио по телефону. – Хорошее дело она мне предложила: тратить время в теологических спорах.

– На самом деле она может заняться и чем-нибудь поинтереснее.

– Да ее интересует только потустороннее.

– Вы что же, забыли, что ваше дело спасти Анну-Марию?

– Я даже не знаю, с чего мне начать. Мне еще не приходилось соблазнять монахинь.

– Тем большую награду получит ваша душа, – утешил ее Марио.

– ...Ее имя... – Эммануэль словно продолжила вслух свои потаенные размышления.

– Разве я не назвал его?

– Как же, назвали. Но мне интересно... Оно звучит как славянская форма вашего имени.

Она не итальянка?

– Итальянка, но мои предки наслаждались жизнью, не признавая никаких границ. И этот цветок расцвел на тосканской ветке с великорусским привоем, взятым из александровских кустарников. А их корни вообще уходят в почву Византии.

– Ага. Я это учту.

– Занесите в историю еще и садовницу.

– Мне что-то неохота снова влюбляться.

– Тогда развлекайтесь сами. Сходите куда-нибудь.

– Да я вчера вечером попробовала это.

– Так расскажите же.

Эммануэль описала танец с игральными картами в китайском театрике.

– ...Потом был исполнен довольно безобразный образец гимнастического искусства. Она всунула крутое яйцо во влагалище, а потом вытащила его оттуда разрезанным на ломтики. То же самое она проделала с бананом. Затем укрепила между ног зажженную сигарету и стала пускать дым кольцами. Напоследок в дело пошла китайская кисточка для туши, и она написала ею на полотнище шелка целое стихотворение очень красивыми безупречными иероглифами.

– Банально, – сказал Марио. – Это мне приходилось видеть в Риме.

– Потом появился индус в тюрбане. Он выволок из своего дхоти колоссальный пенис и стал на нем развешивать всякие тяжелые предметы, причем копьё ни капельки не гнулось.

– Это может любой крепкий мужчина. И как же был вознагражден этот несгибаемый воин?

– Не знаю. Но ушел он в таком состоянии, в каком вышел на сцену.

– Странно. Наверное, это протез. Ну, а дальше?

– Дальше была совершенно прелестная девица под прозрачным покрывалом. Она вытащила из корзины бело-голубую змею метра в два длиной и такую же красивую, как она сама. Наверняка такие экземпляры попадают в Индии раз в сто лет. Она начала танцевать со змеей,

обвивая ее вокруг шеи, рук, талии. Потом она сбросила покрывало: мы увидели, что змея плотно обхватила кольцом ее грудь и как будто покусывает соски. Потом принялась лизать ее рот и глаза. Девушка была так захвачена этим, так, казалось, влюблена в змею, что я чуть ли не заревновала. А потом она начала медленно втягивать змеиную головку себе в рот, и все время, пока она там была, как бы посасывала ее. Глаза закрылись, и мне почудилось, что она словно выпивает змею. И вот сброшен широкий золотой пояс, и она предстала перед нами совершенно обнаженной. И питон тотчас же скользнул по ее животу вниз, стал извиваться между ногами, потом пополз по ягодицам вверх, добрался до талии, обвил ее и вдруг ринулся снова вниз, прямо к жемчужно-розовой раковине Венеры. Своим раздвоенным языком он так проворно стал лизать жемчужину сверху полураскрытых створок раковины, словно заводил пропеллер, ей-богу. Девушка стонала от наслаждения. На сцену принесли подушки, и она легла на спину, раскинула ноги прямо перед нами. И вся она раскрылась передо мной, как большая розовая раковина.

– А что же питон?

– А он был в ней. Девица использовала его голову как фаллос, пока она совсем не исчезла внутри. Я даже удивилась – там же можно задохнуться.

– Она ввела в себя только голову?

– Нет, и часть туловища тоже. Видно было, как вздрагивает чешуя, просто ходила волнами. Наверное, тварь еще и лизала ее там.

– А какой толщины была змея?

– Потолще, чем фаллос. С мой локоть. А вот голова была заостренной и легко проникала.

– А что же делала девушка?

– Она вытаскивала белого питона, а потом снова пускала его в себя. И так много раз, я сбилась со счета. И она сама извивалась на подушках, как змея, стонала и вскрикивала.

– А вы-то получили удовольствие?

– Еще бы! Если бы у меня была такая змея!

– Я подарю вам такую.

– А когда все кончилось, Жан рассказал мне, что у этой девицы каждый вечер множество мужчин.

– Вы тоже могли бы попытать у нее счастья.

– С удовольствием. Но как только подумаю о толпе мужчин у ее дверей, меня тошнит.

– Но какой важный опыт вы бы приобрели!

– Что делать, вместо реальности я предалась воображению.

– Что же вы воображали?

– Обычное: будто я ее люблю, а она меня. Но у меня были только мои пальцы и никакой змеи.

– И сейчас вам ее больше не хочется?

– Что вы! Еще больше!

– Из-за ее чешуйчатого друга?

– Нет, суть совсем в другом. Мне хочется хотя бы раз переспать с женщиной, которую я куплю.

– А к кому вас больше тянет: к Анне-Марии или к девушке с питоном?

– К девушке с питоном. – Она подумала немного и добавила:

– Я даже не могу себе представить Анну-Марию со змеей.

На том конце провода наступило молчание. Марио задумался. Эммануэль напомнила ему:

– Вы в самом деле подарите мне змею?

– Я же обещал.

– Таковую, которая бы умела любить?

– Я сам займусь ее просвещением.

Эммануэль весело засмеялась. Но допрос не окончился.

– Что же было дальше?

– Снова появились танцовщицы. Мы ушли.

– Вам хватило впечатлений?

– А там больше нечего было смотреть, – вздохнула Эммануэль.

– А вы сами разве не могли что-нибудь показать?

– Могла, да не получилось.

– Ну-ка, расскажите!

И Эммануэль доложила, как внезапно ее потянуло к Кристоферу и как ее супруг великодушно откликнулся на ее просьбу разрешить ей переспать с гостем.

– Надеюсь, вы мной довольны?

Марио был доволен и сказал ей об этом. Этот шаг, заметил он, имел бы для духовного развития Эммануэль такое же значение, как первый шаг в вертикальном положении для гуманоида на пути превращения его в человека. И он поинтересовался, как же прошла любовная ночь с гостем.

– Да не было никакой любовной ночи, – призналась Эммануэль, и в ее голосе слышалось неподдельное сожаление.

– Как так?

– Когда мы пришли домой, у меня все кончилось. Я очень устала. И только чмокнула Кристофера у дверей его комнаты в щеку и в лоб, да слегка прикоснулась к губам. И пошла. Он был в полном недоумении.

– She peccato! Какая жалость! – от волнения Марио перешел на родной язык.

– Подождите, к счастью, на этом все не закончилось. В постели всю мою усталость как рукой сняло. И мы с Жаном позабавились вовсю. Было мне гораздо лучше, чем обычно. И каждый раз, когда я кричала, я вспоминала о Кристофере. А он был совсем рядом, за тонкой деревянной стенкой, и наши голоса, конечно, не давали ему спать. Ну, мы говорили, разумеется, не о нем. Мы говорили только о том, что мы проделывали. Вы знаете, я до этого никогда не слышала от Жана тех слов, какие услышала в этот раз. Он все называл своими именами, подробно-подробно объяснял разные способы. И когда он, наконец, уснул, я еще долго не могла уснуть. Меня вдруг снова потянуло к Кристоферу: вот так прямо пойти и, еще не остыв от Жана, отдаться Кристоферу. И все же я не осмелилась. Меня напугало – вдруг он будет шокирован этим! И так я долго мучилась сомнениями, пока, вконец измучившись, не уснула. И сегодня утром, чтобы отомстить Кристоферу, я сидела с ними обоими за завтраком абсолютно нагишом.

– О-о, – похвалил Марио. – Сегодня же вечером, еще до прихода Кристофера, заберитесь к нему в постель.

– Невозможно. Его нет.

– Нет?

– Да, но, правда, всего на пару дней. Жан получил срочное предписание вылететь на плотину, и Кристофер, разумеется, не мог отпустить друга одного.

– Жаль. А скажите, смогли вы поговорить с мужем о приглашении принца Ормеасены?

– Нет.

– Не хватило храбрости?

– Не в этом дело. После вчерашней ночи я не боюсь его ни о чем спрашивать. Но... я не знаю... как мне сказать...

– А если бы он не позволил вам чересчур развлекаться с другими мужчинами?

– Я стала бы его обманывать долго-долго. Но если бы он позже разрешил мне, то я,

наверное, не воспользовалась бы этой возможностью.

– Вам предстоит нечто лучшее... Подготовились ли вы как следует к великому моменту?

– К какому великому моменту?

– К ночи в Малигате.

– Нет, но я, кажется, уже и так многое испытала. Что мне еще предстоит открыть?

– Радость количества, радость числа. Многие надеются обратить на себя ваше внимание. О том, что вы будете участвовать в празднике, толкуют повсюду. Мужчины просто с ума посходили при мысли, что та, которую считали недоступной, может оказаться доступной любому.

– Как, вы обо всем рассказали?

– Зачем же лишать тех, кого вы очаровали, радости ожидания, надежд на исполнение желаний? Разве предвкушение встречи с вами менее волнующе, чем сама встреча? Да и вы сами, наверное, уже дрожите от ожидания?

– После того, что вы мне сказали, я дрожу от страха. Не вижу ничего привлекательного в том, чтобы на меня накинута свора распаленных мужиков. И как подумаю о том, что все эти люди склоняют мое имя... что они сообщают друг другу...

Марио рассмеялся в ответ, и из глаз Эммануэль чуть не брызнули слезы.

– Вам весело, что вы можете с вашими друзьями потешаться надо мной. Воображаю, как вы эдак небрежно тянете: «Как, вы еще не познакомились с этой малюткой? Она только что прибыла из Франции. Я тут между делом кое-чему обучил ее: оказалась недурной ученицей. Но что-то она мне разонравилась, вы можете ею заняться, если хотите...»

– Вы в самом деле считаете, что вы мне разонравились? – спросил Марио на удивление кротко. Не дождавшись ответа, он продолжал:

– Вы ошибаетесь только в этом, да еще насчет тона моих разговоров. Я действительно расписывал всем вашу молодость и свежесть, отсутствие большого опыта с мужчинами. Когда-нибудь вы станете желанной, потому что за вами будет тянуться хвост из сотен любовников, но сейчас привлекательна именно ваша невинность.

Тон Марио внезапно изменился, он заговорил четко и громко:

– Вы еще девственница, Эммануэль. Благодаря мне завтра вы перестанете быть ею. Вы еще не знаете своего могущества. То, с чем вы познакомитесь завтра, важнее для вас, чем чаша Грааля для средневековых рыцарей. И вы хотите, чтобы я об этом молчал? Чтобы посвященные вам не готовились к этому торжеству? Как вы могли думать, что мы смеялись над вами или грязно болтали о вашем теле? Мало есть на свете столь же драгоценного, что можно было бы предложить мужчинам, – положитесь на них, они сумеют оценить дары. Я приглашаю вас на коронавание со всеми почестями, со всеми церемониями, со всеми возлияниями. Неужели вам это не ясно? Неужели все мои уроки пропали даром?

И Эммануэль пристыжена, к ней приходит раскаяние. Марио может быть совершенно спокоен: с сомнениями покончено. Она не побежит от опасности навстречу былому незнанию. Завтра ночью в Малигате она ему это докажет. А до этого пусть он говорит, что хочет, своим знакомым. Пусть! Она согласна. Ее тело ждет встречи с другими. Ждет. Страждет. Вождедеет.

После длинного телефонного разговора Эммануэль вытягивается на большой и кажущейся очень пустой кровати. Картины, вызванные речами Марио, пробегают перед ее глазами. Вопреки всему, что она себе наговорила, тревога не покидает ее. Нервы все не могут успокоиться. Надо, надо уснуть: завтра она еще успеет поразмыслить о предстоящем испытании. А сейчас она хочет только покоя и забвения. Тщетно – ее страх бодрствует вместе с нею. Ладно, у нее есть проверенный рецепт успокоения. Она прибегает к нему, но, к ее удивлению, результат заставляет себя ждать. Такого с ней еще не бывало. Нетерпеливые руки

делают свое дело, но мысли ее где-то далеко: новое, незнакомое искушение накатывается на нее, затопляет горькой и в то же время сладкой волной. Она сопротивляется. Она отбивается, не хочет уступить. Наконец, силы оставляют ее. Победенная, она гасит свет, скатывается к краю кровати, нога свешивается вниз. Она вся – как распахнутые ворота. Рука тянется к кнопке звонка в изголовье кровати, пальцы нажимают кнопку. Рука снова падает вниз, по телу пробегает судорога, грудь напрягается: она слышит, как бой открывает дверь, откидывает противомоскитную сетку и входит в спальню.

Ночь Малигата

Длинная ионийская туника, которую надела Эммануэль, была светло-зеленого цвета, такого светлого, что казалась почти белой. Одно плечо было обнажено, на другом одежда держалась застежкой в виде маленькой совы из чистого золота. Пояс – цепь с крупными плоскими звеньями – был повязан высоко, выше талии. Никакого шитья, никакого убранства, кроме ткани в крупных складках, украшенной висящим между грудей кулоном из тусклого золота с отверстием посередине и орнаментом по краям. Вероятно, он был монетой в каком-нибудь давно рассыпавшемся в прах королевстве. Да еще на правом запястье был смарагдовый обруч, похожий на невольничье кольцо.

– Ну, я определенно готова к жертвоприношению, раз решилась на одеяние Ифигении...

– Вы прекрасны, – заметил Марио – Но многовато строгости.

Не отвечая, она подошла к столу, на котором стояла лампа: свет был слабый, но его хватило, чтобы ноги Эммануэль просвечивали сквозь платье, словно оно было из стекла. Но Марио все еще казался: недовольным. Эммануэль засмеялась и выставила вперед левую ногу: платье тотчас же само распахнулось от пояса до конца. Во время танца ноги Эммануэль будут обнажаться при каждом шаге. Их можно будет легко коснуться. Легко доступными оказывались и низ живота, да еще и другое...

– Посмотрите!

Черный треугольник ее волос был унизан блестящими бусинками. Четыре часа понадобилось терпеливой Эа, чтобы укоротить эти упрямые завитки и украсить их подобным образом.

– Никогда еще не видел таких украшений, – проговорил Марио.

– А обратите внимание на это декольте!

От левого плеча до бедра платье было разрезано так, что, взглянув на Эммануэль, когда она поднимала руку, каждый мог увидеть ее обнаженную грудь в профиль. Пораженный Марио захотел осмотреть весь гардероб Эммануэль: неужели это платье было приготовлено за два последних дня! Портниха, в таком случае, потрудились на славу. «Удивительно!» – восклицал он на каждом шагу при осмотре этой выставки.

– Как-нибудь вы снова проинспектируете мои туалеты. Все, что вам не понравится, можете сжечь.

– Я так и сделаю, – серьезно ответил Марио.

Малигат – это множество самых разнообразных строений из мрамора, соединенных садами с фонтанами или сводчатыми галереями, где смешанный с лунным сиянием свет бумажных фонарей создавал волшебный, неповторимый эффект. С террас можно спуститься в аллеи, окаймленные белыми колоннами и живой оградой из ибикуса. Там и сям разбросаны увитые вьющимися растениями беседки, широкие ровные поляны среди высоких деревьев, заглушающих городской шум. Журчанье фонтанов, звуки далекого медленного танца да неразличимое жужжание человеческих голосов – вот все, что можно здесь услышать.

Только дурманящий запах каких-то кустарников с мясистыми цветами и великанов-гардений в китайских вазах сопровождает идущих по длинному коридору среди пурпурно-красных светильников. Коридор приводит в зал, но там никого нет.

Где же хозяин, пригласивший их сюда? Может быть, он встречает гостей в другом месте? Или Марио и Эммануэль заблудились в этом лабиринте журчащих струй и скользящих теней? Или они прибыли слишком рано?

– Кто же приглашен еще? – еле слышно осведомляется Эммануэль.

– Все, кто осчастливил Бангкок своим умом или красотой, – отвечает Марио. – Чтобы быть приглашенным сюда, надо быть или очень умным, или очень красивым.

– И вы уверены, что мы к ним относимся?

Марио смеется.

Каким же должен быть владелец этих мест, спрашивает себя Эммануэль. Несомненно, очень богатым. Конечно же, изысканным. Может быть, экстравагантным и даже извращенным. Все может быть в этом непонятном королевстве. Разве она знает, что ее ждет? Захотят ли принц и его друзья отпустить ее назад, к Жану?

Еще можно уйти. Никто ее не видел. Огромный парк пуст, никаких следов охраны. Но Марио... Что он об этом подумает? Какой упрек бросит ей? По меньшей мере, в малодушии...

Она пошла за ним, как в кошмарном сне. Нет, не правда: она все знала, и надо набраться мужества и бежать, бежать...

Однако они двигались дальше. Перед ними лежала пустынная широкая терраса. Как словно было бы расположиться здесь – ночь только начиналась! «Марио», выдохнула она так тихо, что он не услышал. Он смотрел на окна, озаренные изнутри красноватыми отблесками огня. То ли смех, то ли крики слышались оттуда. Еще несколько шагов, и они оказались в небольшой комнате. Трое мужчин и женщина – рядом на софе. Эммануэль облегченно вздохнула: слава Богу, а то она боялась наткнуться здесь на какую-нибудь группу вроде эротического Лаокоона. Женщина была очень молода, почти девочка. В ее одежде не было ничего вызывающего, и Эммануэль вдруг с горечью осознала, как, наверное, нелепо выглядит она со своими разрезами. Может, Марио снова сыграл с ней шутку? Он что-то сказал по-сиамски. Девушка отвечала ему очень серьезным тоном; очевидно, он получил все нужные разъяснения и повел Эммануэль к выходу из комнаты.

– Куда мы идем? – захныкала Эммануэль. – И кто это был? Не кажется ли вам, что девица немного молода, чтобы присутствовать здесь?

– Праздник устроен в ее честь. Она единственная дочь принца. Сегодня ей исполняется пятнадцать лет.

Пока она постигала значение этого сюрприза, они вошли в просторный, но слабо освещенный салон. Здесь было много танцующих, но никто не обратил внимания на вошедшую пару. Правда, к ним тут же подошла служанка и предложила очень сладкий и очень крепкий фруктовый коктейль.

– Я принимаю это как любовный напиток, – пошутила Эммануэль, поднося бокал к губам.

(Сиамочка была прелестна: крохотный лубяной передник оставлял открытыми живот с очаровательным углублением в центре и бедра. Эммануэль смогла оценить стройные ноги и наливные яблоки груди).

– Разумеется, – ответил Марио. – Все, что едят и пьют в Азии, вызывает любовные желания. Стало совсем темно. Как бы он не оставил меня здесь, подумала Эммануэль.

В ту же минуту, словно подслушав ее, к ним подошел один из гостей. Марио представил его Эммануэль, но она тотчас же забыла его имя. Учтивый, исполненный достоинства поклон сопроводил приглашение к танцу. Не очень охотно Эммануэль последовала за ним, придерживая на бедре свое распахивающееся платье.

Он был высокого роста и, наклоняясь к Эммануэль, почти касался щекой ее лица. Он спросил, сколько ей лет, где прошло ее детство, каковы ее любимые занятия. Вопросы, вопросы, вопросы. Любит ли она читать? Часто ли бывает в театре? Кого из писателей предпочитает? Ей не очень-то понравилась эта настойчивость, она отвечала односложно, сухо. Но потом забыла обо всем, волны ритма унесли ее. И вдруг она как бы со стороны совершенно отчетливо увидела, что прижимается к партнеру всем своим телом и почувствовала, что это возбуждает его. Вот так

всегда – танцы, эрекция и даже оргазм были для нее рефлекторны, связаны в неразрывный феномен. Парижские флирты (в которых ее поклонники, несмотря на все удобства, связанные с положением «соломенной вдовы», не осмеливались попросту потащить ее в постель) достаточно показали ей, сколько удовольствия можно извлечь из этого. И она послушно предавалась ему. Ее тело, видимо, действовало автоматически, когда наступала желанная ситуация: оно не хотело зависеть от желаний партнера, от воли Эммануэль – оно само знало, что ему делать, чтобы танец дал танцующей паре всю возможную радость. До сих пор это простодушное распутство всегда успокаивающе действовало на Эммануэль: она наслаждалась, сохраняя при этом супружескую верность, ухитрялась, по пословице, и невинность соблудности, и капитал приобрести. Вот и сегодня она так тесно прижалась к гостю Малигата, что почувствовала упругое прикосновение к своему животу. Но эти прикосновения и объятия случайного спутника показались ей убежищем и защитой от того, чего она и хотела, и боялась – от неведомых причуд восточного вельможи. И она прильнула к партнеру.

А он как будто был радостно удивлен способностями своей партнерши, но, оказавшись уже почти на самой щэани, умело старался не дать ей успешно завершить свой труд. Эммануэль была раздосадована. Ей было непонятно, как может нормальный мужчина пренебречь возможностью достичь апогея радости, словно он твердо уверен, что дождется более благоприятной минуты. Но жить-то ведь надо сейчас!

Он явно догадывался о причине ее неудовольствия и, взяв ее за палец, украшенный кольцом с диамантом, спросил, замужем ли она.

– Еще бы, – буркнула Эммануэль с таким видом, будто ей нанесли личное оскорбление. О, так это прекрасно! А есть ли у нее любовник?

– Да я уже год как замужем!

А в самом деле, спросила она себя, есть ли у меня любовник? Есть! Один-то уж точно – Марио. Но тут же спохватилась – чушь! Хорош любовник, с которым никогда ничего не было. Но если считать только тех, с которыми было, тогда это два незнакомца в самолете, сам-ло... Можно ли прибавить к ним еще и того юношу из храма? А почему тогда и не тех молодых людей, что терлись об нее во время танцев? Если эякуляция – основание для зачисления в ее любовники, тогда все мужчины, обладавшие ею в своем воображении, имеют на это право!

Такое умозаключение заставило ее громко рассмеяться, и она забыла о своих огорчениях.

– А что значит любовник, сударь?

Он вежливо улыбнулся, встретив этот вопрос как кокетливое дамское остроумие. Но Эммануэль разъяснила ему проблему точнейшим образом, не упуская интимных деталей, поражаясь своей полной открытостью перед этим чужим, хотя и слившимся с ней в танце человеком. Она без всякого стеснения выкладывала ему все свои тайны, которые не были открыты не только Жану или Мари-Анж, но даже что было особенно удивительно – и Марио.

Теперь ее кавалер заинтересовался по-настоящему. Он стал вытягивать из Эммануэль самые дотошные подробности, и она продолжала свой невероятно откровенный рассказ. И это обязывало его с той же откровенностью отвечать на ее самые трудные вопросы.

– Я вижу, вы придаете большое значение терминологии, – сказал он в конце концов. Они продолжали кружиться, тесно прижавшись друг к другу. – Итак, вы не можете определить, кто из ваших мужчин мог бы считаться вашим любовником. Думаю, что тот сиамский парнишка вполне был им, ну и пассажиры в самолете, и рикша. А вы как считаете?

– Я думаю, вы правы, – задумчиво проговорила Эммануэль. – А мои партнеры по танцам в Париже?

Она заметила, что он, по забывчивости или из деликатности, пропустил Марио.

– Вот здесь есть небольшая разница. Наслаждение, которое вы им дарили, было в известной

степени формой отказа. Может быть, здесь и есть точка различия. Вы ведь не шли им навстречу, чтобы остаться верной своему мужу. И это, я думаю, отличается от того случая, когда вы ласкали молодого сиамца?

– Но я чувствовала себя верной мужу и тогда, когда занималась любовью с какой-нибудь девушкой. Как вы объясните мне это?

Но он не стал ничего больше объяснять. По нему было видно, что ему пора от теоретических выкладок переходить к практическим занятиям. Он так крепко прижал Эммануэль к себе, что она тоже забыла о теории. Их губы встретились, и она думала теперь только о наслаждении. Она выставила ногу, и та сразу же оказалась сжатой его ногами. Вот так, шаг в шаг, прижатые друг к другу могущественной силой, они продолжали двигаться по кругу, но их движения уже мало напоминали танец.

Изредка они сталкивались с танцующими парами. Занимались ли и те подобными ласками?

И вдруг глаза Эммануэль словно раскрылись, способность воспринимать окружающий мир вернулась к ней. Но странная вещь: как похожи на нее другие танцующие женщины (их было пять или шесть), словно она отражалась в огромном многостворчатом зеркале. И в каждой створке были такие же красивые, в такой же прозрачной одежде, с такими же распущенными по обнаженным плечам черными волосами, создания. И каждая неотступно следила за нею.

Интересно, подумала Эммануэль, а как они выглядят, когда занимаются любовью. Как хотелось бы насладиться этим упоительным зрелищем! Однако ее партнер, очевидно, решил, что такой спектакль должна дать именно она. Не выпуская ее из своих объятий, он выплыл с нею на примыкавшую к залу просторную террасу. Общество гостей там было гораздо многочисленней. Выпустив ее из объятий, он опустил на крытый зеленым шелком стул и привлек Эммануэль к себе так, что она прижалась ногами к его коленям. Он раскинул полы греческого одеяния, показали стройные ноги; еще одно движение – и Эммануэль уже всего лишь всадница, оседлавшая своего незнакомца. И в ту же минуту, когда низ ее живота обожгло прикосновение горячего крепкого тела, она услышала приказ:

– А теперь попросите, чтоб я взял вас!

– Да, – простонала Эммануэль. – Возьми меня!

– Громче! Так, чтобы все могли слышать!

Она откинула назад голову и выкрикнула:

– Возьми меня!

Он не отставал:

– Еще! Повтори! Громче!

Она подчинилась, и привлеченные этим криком зрители стали наблюдать, как она раскачивалась, подпрыгивала и опускалась. А потом они слышали ее хриплый от возбуждения голос: «О-о-о, все, я готова... Ах, как это прекрасно...»

Обессилевшую и послушную, он все еще держал ее в своих крепких руках, пока чувства снова не вернулись к ней. Он не торопился, однако, покинуть ее, опять заставил ее извиваться, подпрыгивать, пронзая ее два, три, десять, двадцать раз. Стоны вырывались из гортани Эммануэль; впившись зубами в ее плечо, мужчина изливался в нее, и она, подстегиваемая обжигающими ударами, взмывала ввысь, словно молодая орлица.

Кто-то из зрителей попросил внезапно любовника Эммануэль отпустить ее с ним. Она привстала навстречу. Она даже не успела подумать о том, кому она так много рассказала о себе, как уже видела себя как бы со стороны подающей руку новому пришельцу, идущей вслед за ним в услужливо распахнутые перед ними двери. Появился слуга с подносом:

– Вуаля, – сказала она себе, надкусывая пирожное. – Вот я и совершила это с совершенно посторонним человеком. А теперь собираюсь повторить еще с одним. Не знаю, можно ли

двигаться вперед более решительно.

Ее новый обладатель стоял перед ней, и при свете стоящей на столике лампы с довольным видом рассматривал свою добычу.

– Я искал вас целый час, – вздохнул он.

– Меня, вы сказали? Именно меня? – удивилась Эммануэль. – Я думаю, здесь хватает и других одаренных в этом смысле особ.

– Возможно. Но я пришел сюда только ради вас.

– О, понимаю. Марио раструбил повсюду...

– Вы совсем не похожи на других женщин.

– Чем же я отличаюсь от них?

Он снова вздохнул:

– Я все еще не могу поверить, что вы здесь. Что я могу видеть вас под вашим платьем совершенно обнаженной...

Внезапно Эммануэль надоел этот унылый певец.

– Вы можете видеть меня еще более обнаженной. Каждое утро. На пляже.

Ее глаза уже бегают кругом, стараясь отыскать кого-нибудь, кто мог бы ее избавить от докучливого собеседника. Куда запропастился Марио? Как гнусно с его стороны бросить ее здесь на милость всяких кретинов!

Она убегает. Она идет прямо вперед. Она проходит мимо людей, у которых как будто нет другого дела, чем слоняться по дворцу, не обращая на нее никакого внимания. Словно здесь собрались два братства, каждое из которых ведет жизнь по своим правилам, совершенно не соприкасаясь с другим. Это ощущение вызвало в памяти Эммануэль старый замок на Луаре. Вместе с туристами шла она вслед за гидом, не слушая ни его объяснений, ни оживленных перешептываний ее товарищей по поездке. И вдруг на лужайке возле замка она увидела владельца. Он сидел за маленьким столиком, попивая чай, поглаживая собаку и не обращая никакого внимания на проходившие мимо толпы туристов...

Двое мужчин в смокингах и молодая женщина в вечернем платье остановили ее, пытаются что-то объяснить на нескольких языках. Наконец один из них, перейдя на вполне приличный французский, поведал ей, что они ищут подходящую девушку, чтобы вне дворца, на какой-нибудь лужайке, составить «четверку». Предложение выглядело соблазнительным, но именно сейчас, когда случай сам подвернулся, она заколебалась: может быть, не надо так легко откликаться на приглашения.

Пока она размышляла, появилось другое трио и, не говоря ни слова, потащило ее через анфиладу комнат. Эммануэль не успела опомниться, как оказалась перед полуоткрытой дверью, из-за которой доносились взрывы смеха и музыка. Они вошли, и картина, развернувшаяся перед Эммануэль, заставила ее вскрикнуть от изумления.

На широком, покрытом мехом диване развалилась со своей всегдашней полуулыбкой Ариана де Сайн. Рядом с ней – двое мужчин, так же, как и она, совершенно голые.

Услышав вскрик Эммануэль, Ариана приподнялась на локте и, ничуть не удивившись, радостно закричала:

– О, наша непорочная дева! Присоединяйся-ка к нам! Боже мой, какой наряд! Снимай его поскорее.

В правой руке Ариана с элегантною непринужденностью держала напряженный символ мужской мощи одного из своих соседей по дивану, на левой груди покоилась та же деталь другого. Все трое радостно улыбались Эммануэль.

– Попробуй-ка мангового пирожного, – продолжала Ариана. – Ты, верно, умираешь с голоду. И глотни шампанского. Это папский сорт.

Глазам Эммануэль было больно от внезапного света: с самого прихода в Малигат она видела только тусклое освещение залов и переходов. В ее представлении Малигат был как бы царством тени и сумрака. Но теперь вокруг нее было столь ярко освещенное пространство, что в первую минуту ей подумалось, что ее привели на сцену или кино съемочную площадку. Свет был так ярок, что Эммануэль даже не могла понять, как высок потолок этого зала; его пространство было причудливо декорировано. Такое может только присниться – картина Клее на дверях буддийского храма. Одна стена была безупречно белая, гладко оштукатурена; в середине другой этрусский рельеф изображал обнаженных танцовщиков; третья сверху донизу была завешана богато расшитыми коврами, под которыми трудно было угадать двери. Связка позолоченных или эмалированных шестов, которые Эммануэль приняла сначала за алебарды, в действительности оказались галерными веслами. Они, словно дамоклов меч, нависли над монументальным ложем Арианы и ее обожателей. Кроме этого ложа в комнате не было никакой мебели – лишь множество широких ларей или сундуков из черного дерева, кожи, бронзы. За ними, как за столами, располагались гости, пришедшие раньше Эммануэль. Они пили, весело беседовали и поглядывали на Эммануэль любопытствующими глазами.

– Приветствую вас под моим кровом, – раздался за ее спиной незнакомый голос.

Эммануэль помертвела: да это, должно быть, сам принц! Она не решилась повернуться к нему, и тогда он сам обошел ее и, остановившись перед нею, внимательно осмотрел все: лицо, грудь, живот, ноги – всю, от макушки до ступней. И она снова почувствовала себя участницей некоего конкурса. И хотя она тут же утешилась мыслью, что в этом конкурсе ее ждет победа, голос ее прозвучал как-то жалобно:

– Я пришла сюда с маркизом Серджини. Он говорил мне...

– Я знаю, – прервал ее принц. – Благодарю вас, что вы приняли мое предложение. Надеюсь, все, что здесь происходит, вам нравится?

Она улыбнулась, прежде чем ответить. Принц продолжал сверлить ее внимательным взглядом. Она подыскивала ответ понеопределенней, но тут хозяин дома показывает ей жестом в направлении большого дивана, и она, все еще молча, смотрит туда.

Первый мужчина уже соединился с Арианой, в то время как второй устроился между ее грудей. Молодая графиня извивается, корчится, выгибается дугой, ни один ее мускул не остается без работы.

– А вам не хотелось бы присоединиться к ним? – спрашивает принц.

«Ни в коем случае» – думает Эммануэль, но вслух отказываться не решается.

– Вам будет гораздо удобнее, если вы снимете одежду, – следует новое предложение. Не заставляя себя просить дважды, Эммануэль расстегивает пояс, ищет взглядом место, куда бы можно его положить. Принц протягивает руку. Туда же следует и брошь, скреплявшая платье у плеча. Длинной волной туника скатывается к ее лодыжкам и ложится у ног нежно-зеленой пеной. Эммануэль застывает, вытянувшись в напряженном ожидании.

Принц восхищен и не скрывает этого. «Что же дальше?» – спрашивает она себя.

Занимавшийся бюстом Арианы встает, подходит к ней, берет за руку. Она послушно следует за ним. Он укладывает Эммануэль на диван, раскидывает ее ноги так, что вся ее выставка жемчужин мерцает перед ним на фоне черного руна. Мужчина опускается на колени, она чувствует прикосновение его языка. Она закрывает глаза, отдаваясь этой ласке, сосредоточившись только на ней. Она досталась умелому мастеру: вскоре она уже была лишь наслаждающимся телом, забывшим все свои недавние страхи и тревоги, сотрясающимся от криков:

«О, как хорошо! Я уже... уже...»

Он оставляет ее лишь после того, как силы почти покидают ее. И все-таки, ощутив

прикосновение его дровка к своим бедрам, она протягивает руку, и ее цепкие пальцы ведут его к только что подготовленному полю битвы. Он согласен и принимается за нее осторожно, медленно, сдерживая себя, пока громким стоном удовлетворенного сладострастия она не дает ему сигнал, и тогда шлюзы открываются, и пранный поток, который она так любит чувствовать ртом, хлещет в тайные закоулки ее тела.

Между тем возле нее уже другие, они стаскивают ее партнера, хватают ее за ягодицы, играют грудью, опрокидывают на подушки. Она слышит чей-то короткий приказ, произнесенный на непонятном языке. Ей переводят: поднять ноги так, чтобы колени упирались в грудь. Она подчиняется, и тут же острая боль пронизывает ее анус. Она кричит, вертит головой, зовет на помощь. Над ней склоняется лицо Арианы, Эммануэль хватается за руку:

– Нет, нет! Я не хочу туда... Прогони их...

В ту же минуту штурмующих как волной смывает с тела Эммануэль. Она опускает ноги и благодарно обнимает подругу. Ариана шепчет ей на ухо:

– Вот тот джентльмен (и она указывает на того, кого Эммануэль только что видела яростно накачивающим Ариану) совсем без ума от твоего рта. Но он стесняется просить тебя позволить ему... Что ты скажешь, миленькая?

Эммануэль утвердительно качает головой. Ариана исчезает, и на ее месте оказывается мужское тело. Мужчина ложится на нее во всю длину, наваливается всем своим весом. Губы ищут и находят ее губы, язык проникает внутрь, лижет ее зубы, все уголки ее гортани, встречается с ее языком, борется с ним, жаркий, влажный, вызывающий слезы предвкушения на ресницах Эммануэль. Она в таком восторге, что, кажется, вот-вот – и снова настанет самая сладкая минута, просто так, от одних поцелуев. Но она сдерживает себя, нельзя поддаваться слабости. Нет, она сдастся потом, насладившись всю игру, будет пассивной, недвижимой, а потом ошеломит и его, и себя бурным экстазом.

Вцепившись в ее плечо пальцами, крепкими, как когти, мужчина любовался ею.

– Чувствуешь, – прошептал он, – мой живот на твоем животе. Я поднимаюсь еще выше. Я дойду до твоей груди, а потом и до лица. А своей шпагой я просверлю твою грудь. Я буду брать тебя не между грудями, понимаешь, а именно в грудь, сначала в одну грудь, потом в другую, прямо в каждый сосок. Я выпью твое молоко. Ты позволишь?

Что могла она ответить? И он продолжал:

– А когда я справлюсь с твоей грудью, я войду к тебе в горло, вонжу свою шпагу в твой рот и буду двигать ее туда-сюда всей силой своих мускулов, и тебе не помогут ни сомкнутые зубы, ни закрытые губы. Я возьму тебя, и твои слезы, слезы боли и наслаждения, будут литься на мой живот. Давай, пора!

Широко, до боли в скулах, приходится открывать рот, чтобы приготовиться принять столь исполинскую порцию. Но мужчина не успел привести в исполнение свои зловещие угрозы: он уже извергается обильным, густейшим, неиссякаемым потоком, неистовствуя от счастья.

– Выпей все до последней капли, – лихорадочно бормочет он, – И не двигайся: я еще долго останусь в тебе, меня намного хватит.

Лицо Эммануэль почти расплющено тяжелым животом, и вдруг она чувствует, как кто-то раздвигает ее ноги. Тщетно она пытается сопротивляться: невидимка буквально распарывает ее, овладевая ею без лишних нежностей. Тогда, отдавшая врагу и уста, и лоно, она приходит в панический ужас: погибла, ничто ее не спасет, она умрет сейчас, задохнется! Но тут же и ругает себя за этот девический испуг, и, если бы она могла кричать, ее крик был бы криком триумфатора!

«Ну вот, видишь, – поздравила она себя. – Меня берут сразу двое мужчин. Вот это опыт! Это как вторая дефлорация. Обряд посвящения, о котором говорил Марио». Она избавилась от

последних остатков невинности. И в самый разгар страсти она не могла сдержать довольного смешка. Она воспевала свою истинную славу: «Все сделано, все кончено! Я больше не девственница».

Ей даже захотелось обнять тех, кто помог ей расстаться с тяжким грузом и поцеловать их по-дружески в обе щеки. В своем энтузиазме она совсем забыла, что рот ее по-прежнему занят. Но ей и в самом деле стало тяжело: она стала задыхаться, и мужчина сжалился над нею. Но не успела она как следует перевести дыхание, как его место оказалось занятым другим. И снова она, покорная, почти бездыханная, оказалась в объятиях двух любовников.

Немного времени спустя, когда чьи-то руки подняли ее и понесли, стараясь по дороге изучить ее анатомию, она смогла разглядеть одного из тех, кто только что отметил ее своим раскаленным тавром.

Она никогда прежде не встречала таких волосатых мужчин. Он был весь в шерсти: шерсть покрывала ноги, живот, грудь, плечи. И он был мускулист, как призер-борец или боксер. И у него были черные густые брови, сходящиеся над переносицей.

«В нем что-то есть», – подумала Эммануэль и спросила:

– Вы откуда?

– Из Грузии. Я возьму тебя туда.

Он выглядел лет на сорок, ошибиться можно было на год-два, но когда Эммануэль сказала ему об этом, он широко улыбнулся:

– Нет, не угадали, милочка. Мне шестьдесят четыре.

Эммануэль остолбенела. Какой ужас! Нет, это невозможно... Он не должен быть таким старым! Не могла же она лежать вот сейчас рядом с обнаженным телом человека, который старше ее бабушки! Ее бабушки, командора Почетного легиона, седого, величественного и... старого! Даже в самых смелых своих снах она не могла себе представить, что в один прекрасный день станет заниматься с ним любовью. И вот это произошло!

Этот мужчина, которого она явно выделила бы среди всех, он, который так хорошо умеет любить, вдруг оказывается старше бабушки... Ну и что, сказала она себе, мне было хорошо с ним. Она подумала, как бы она выглядела в объятиях командора, целующая его белые – нет, черные! – волосы. От этих грез ее отвлек голос ее нынешнего сподвижника:

– Дай мне твою грудь.

Она привстает на коленях, опирается на локти так, что ее левая грудь нависает над усами грузина, потом наклоняется еще ниже, приближая маленький, полный горячей крови кружочек к губам, которые так радовали ее поцелуями.

Под правой рукой Эммануэль появляется лицо Арианы. Она спрашивает волосатого мужчину:

– Ты ничего не имеешь против, если я к тебе присоединюсь?

– Конечно, нет.

– Впрочем, – добавила Ариана доверительным тоном, – она любит, когда ее делят на части. Это правда, признается себе Эммануэль, это сущая правда!

Вот так, отданная двум страстным ртам, Эммануэль отпускает себя на волю, на волю собственного тела. Она плывет в волнах легкого ветра: тысячи пенных шапок, тысячи языков водорослей, тысячи мягких коралловых щупальцев ласкают ее корпус, нагруженный до краев драгоценным грузом изумрудов и пряностей, добытых для нее золотокожими людьми с неизвестных островов...

...Появились новые гости, – и Эммануэль, прекратившая к этому времени свои забавы с Арианой и ее сотоварищем, решила немного передохнуть от любовных игр за болтовней. Постепенно к ней вернулась обычная ее смелость, и она не могла даже вспомнить то ужасное состояние, которое испытала за какой-нибудь час до этого. Ей казалось совершенно естественным, что она в чем мать родила находится посреди салона, заполненного, несомненно, элитой местного общества: большинство так и оставалось в вечерних туалетах, застегнутых на все пуговицы, – далекие, казалось, от любых непристойных посягательств. Ну что ж, пусть все идет своим путем, философски успокоила себя Эммануэль. Кто хочет быть одетым, пусть будет. Кто хочет быть голым, пусть остается нагишом.

Но в этом дворце в ней постепенно росло чувство некоего смещения, изменения не только места, но и времени. Мистерии, в которые ее посвящали, пришли, наверное, из орфической или дионисийской древности, но они были одновременно как будто и гостями из будущего. И ей все чудились инопланетные города и нагие женщины, прогуливающиеся среди металлических строений в обществе жабоподобных обитателей Галактик и джентльменов в черных фраках.

И именно двое таких джентльменов вежливо, вполголоса попросили ее лечь на спину, а Ариану так же степенно и предупредительно поставили на четвереньки так, что ее холм Венеры оказался лишь в нескольких сантиметрах от губ Эммануэль. Так, подумала она, классическое расположение лесбиянок! (Она освоила эту позицию за несколько последних свиданий с Арианой и уже, по правде говоря, пресытилась ею). Сейчас они попросят нас... Но она ошиблась: один джентльмен расстегнул свои безупречно элегантные брюки и принялся наносить Ариане энергичные удары прямо перед глазами – нет, буквально на глазах! Эммануэль, так что она не могла упустить ни малейшей детали этого спектакля.

Долго, бесконечно долго лежала Эммануэль, наблюдая, как медленно, с основательностью работает поршень: погрузился, вышел, снова погрузился. Никогда в жизни не приходилось ей видеть столь возбуждающего зрелища: сцена разыгрывалась так близко от ее губ и снималась столь крупным планом. Туда-сюда, туда-сюда, и эти беспрестанные хлюпающие звуки. Но она не могла оставаться до бесконечности лишь зрителем, безучастным свидетелем; она стала кричать, биться в судорогах, но никто не прикасался к ней, и все-таки она первой из троих достигла апогея упоения, не прибегнув даже к помощи своих пальцев.

Однако после первых же спазм второй джентльмен, тот, который до сих пор не вступал в действие, крепко схватил ее правую руку, положил точно на ее напряженный бутон плоти, и ей пришлось вернуться к испытанному методу. Потом он вытащил маленький фотоаппарат и сфотографировал всю эту сцену. Но Эммануэль не обратила на это ни малейшего внимания, ее глаза неотрывно следили за всеми перипетиями любовного действия.

И вот наступает решающий момент: копьё показывается наружу и тут же погружается в жадно открытый рот Эммануэль, донося до ее обоняния запах незнакомого мужчины и хорошо знакомый аромат Арианы.

* * *

Она все еще была поглощена питьем волшебного коктейля, как вдруг ее руку отбросили, словно кто-то намеревался сам занять это место. Ариана? Но нет, слишком крепко, по-мужски действовала рука. Значит, это второй фрак. Она подняла глаза – это был совсем другой человек. Впрочем, она его знала. Совсем недавно они свели знакомство на приеме в посольстве. Тогда на нем была форма морского офицера. Сейчас он был почти голый.

– Моряки никогда, кажется, не загорают, – подумала она вслух, – Чего ради так

обнажаться?

– Видя вас, я должен был бы стесняться своей наготы, – он усмехнулся. – Но мужчины несут в мир не красоту...

– А что же?

– Власть.

Ни капли не оставалось в нем робости и почтительности, отмеченных ею четырьмя днями раньше. Это была лучащаяся уверенной улыбкой сила, привычная к тому, что ей принадлежит все.

– А в чем же тогда моя роль? – спросила Эммануэль. – Что я должна делать?

– Ничего особенного, подчиняться, только и всего.

Само собой разумеется. Именно так и надо отвечать. И хотя Эммануэль сказала: «Больше мне ничего и не нужно», ей вдруг захотелось большего. Ее стопроцентная покорность была такой потому, что была публичной, демонстрировалась в открытую. Так, чтобы распространиться повсеместно. Ибо этого хотела не только ее плоть, но и ее репутация. Капитуляция ее не должна остаться альковной тайной, должна прославить ее победителей. Она спросила:

– Вы расскажете о том, что вы меня покорили?

– Что вы! Конечно, нет! – возмутился полуголый офицер.

– Почему же? Разве не удовольствие похвастать победой над женщиной?

– Но не над такой женщиной, как вы.

– Нечем хвастать, хотите сказать?

Он ограничился в ответ усмешкой; он ясно понимал, куда она клонит, испытывая его таким странным, хотя и не слишком элегантным и современным способом.

Они устроились на широком диване на известном расстоянии друг от друга, он – напряженно вытянувшись, она – свернувшись, подобрал под себя ноги.

– Так как же, – настаивала Эммануэль. – Если вы меня не стыдитесь, вы можете спокойно все рассказать. Мне даже польстит, если ваши друзья узнают, что я была вашей.

– Вы говорите всерьез? – Он всматривался в Эммануэль, пытаясь разгадать, не шутит ли она. Видно было, что он в замешательстве.

– Вы... да нет, это удивительно, – пробормотал он. – Я ожидал прямо противоположного... Может быть, это эксгибиционизм?..

Непонятно, что хотела выразить Эммануэль звуком, вырвавшимся из ее горла. При желании его можно было принять за знак согласия, но ей было безразлично, как переведет его ее собеседник; она сама не могла ответить на этот вопрос. Да и не хотела: для тонкого анализа здесь было неподходящее место.

– Ладно, – сдался моряк. – Раз вы хотите, я буду рассказывать.

Между тем он так сильно желал ее, что был близок к тому, чтобы наброситься на нее тут же, но сдержался. Нет, он должен сначала уяснить себе все до конца.

– И вам будет все равно, если я назову ваше имя?

– Да я прошу вас об этом!

Так и есть: сознание, что ее новые распутства станут предметом пересудов, только возбуждало эту женщину – какая-то сверхрафинированная перверсия.

– Вы оригинальное создание, – проговорил он почти грубо. – За все время, что вы в Бангкоке, вы ни разу не изменили мужу, были ему верной, даже чересчур верной, как считают многие. И вдруг сегодняшним вечером вы перещеголяли всех других. Что с вами случилось?

– Вы ошибаетесь, – невозмутимо ответила Эммануэль. – Я всегда так жила.

В самом деле, разве она изменилась именно этой ночью? Конечно, Марио подтолкнул ее,

но он повел ее по старому, а не по новому для нее пути. Она сама чувствовала, что любить любовь ей повелевает долг, и учитель только изложил это ясным и очевидным образом.

Моряк замолчал и молча любовался ею. Потом он резко вскочил и подхватил ее под руку: «Мы только понапрасну потеряем время, если будем продолжать нашу дискуссию. Пошли».

– Куда вы ее тащите? – взмолилась очнувшаяся Ариана. – Она не может уйти с вами. Она принадлежит нам!

– С этой минуты она принадлежит мне, – ответил моряк.

– Но ты, по крайней мере, вернешься? – прокричала вслед Ариана. Эммануэль ответила утвердительным кивком.

В час ночи к столу в Малигате были поданы такие блюда: бульон из красного и зеленого перца, приправленный лимоном, базиликой и мятой; густая похлебка из кальмаров с сердцевинной лотоса; акульки плавники в крабовом соусе; морской еж, нарезанный так искусно, что его довольно непристойной формы ломти выглядели, как живые; клешни омара, фаршированные семенами кардамона; мясо барракуды, смягченное кокосовым молоком, сваренное в смеси из 27 видов пряностей, контрабандно привезенных из Китая, Индонезии и Вьетнама; маленькие жареные птички, которых поедают целиком, вместе с длинным тонким клювом, хрустящими лапками и мягким жирным мозгом; гребешки гвинейских петухов, приправленные обжигającym небо шалфейным араком, и, наконец, какие-то прозрачные, переливающиеся, студенистые волокна, которые можно было принять за вермишель, но которые на самом деле были щупальцами так называемой развивающейся медузы, мужской особи в раннем возрасте, обоеполой – в среднем и женской – в старости, поедаемой сырой из-за высокого содержания протеина и фосфора, несмотря на не очень аппетитный вид и вкус.

Сверкающие голыми ягодицами юноши, чья одежда состояла только из низко повязанных пояса и небольшого фартука спереди; молоденькие, с едва распустившимися грудями девушки, украшенные внизу живота белыми и алыми цветами жасмина, с шеями, окаймленными шелковыми лентами, на которых висели амулеты из слоновой кости, сделанные в виде маленьких фаллосов, чей размер позволил, кстати, некоторым гостям лишиться невинности их владелиц (девственниц, специально отобранных для того, чтобы донести свою девственность лишь до конца праздника), сновали по всем залам и террасам, предлагая эти деликатесы, а также много других блюд – от соловьиных яиц до молодых ростков бамбука.

Эммануэль попробовала по кусочку всего: на десерт она отведала засахаренную гигантскую бабочку, корень мандрагоры, выпила несколько глотков знаменитого ликера Каунг-Тонг, рисового пива из Кората и даже решила на стаканчик «Солнечной воды» из южных провинций, крепкой, как удар бича для мулов. После дегустации этих напитков она с трудом могла бы объяснить, откуда она, какой сегодня день, час, век.

Еще менее она могла бы сообразить, в какой же части дворца находится сейчас. Она сидела среди незнакомых людей, смеющихся, болтающих, вполне довольных жизнью. Огромный смуглокожий детина, вытянувшись на голубом толстом ковре, положил голову на ее колени, в то время как другой гладил ее ноги. Сердце Эммануэль пело хвалебную баркаролу: «О, чудная ночь! Удивительная ночь!».

Появляется принц, извлекает ее оттуда, ведет к своему столу в другую комнату. Представляет ее гостям. Те окружают ее, женщины и мужчины любят ее, прикасаются к ней, целуют, обнимают ее. Ей трудно различить чье-нибудь лицо, ей душно, она умоляюще взглядывает на хозяина праздника, и тот, поняв ее, предлагает ей руку и выводит из круга веселящихся во внутренний дворик-сад.

Свежий воздух отрезвляет ее. Не могла бы она получить обратно свое платье? Конечно, говорит принц, подзывает слугу, отдает распоряжение. Они ждут, Эммануэль надеется, что молодой человек отыщет ее прелестную светло-зеленую тунику, жаль было бы потерять ее. Слуга, однако, уже несет желанное одеяние и к тому же пояс и золотую брошь – он ничего не забыл. Жестом он указывает ей, где можно найти зеркало, одеться, причесаться, снова привести себя в порядок. Она благодарит его. Он кланяется, сложив ладони перед собой.

И вот они снова с принцем вдвоем.

– Пойдемте со мной, – говорит принц, – Вы еще не видели моих садов. Нам будет полезна

небольшая прогулка.

«Неужели он тоже примется за меня?» – спрашивает себя Эммануэль. Все-таки после всего, что проделывали с нею, она еще не совсем пришла в нормальное состояние.

Она следует за властелином мимо фонтанов, бассейнов, клумб, гадая, овладеет ли он ею здесь, на влажной от водяной пыли каменной скамье, или там, на траве, в тени огромного баньяна. Интересно, снимет ли он при этом свой сказочный наряд? Тогда он много потеряет в своем величии. А может быть, и нет...

Две молоденькие девушки выскочили при их появлении из беседки и в два прыжка – только вздулись вслед за ними их саронги – исчезли из поля зрения.

– Я знаю, вы любите и девушек. Хотите развлечься с какой-нибудь этой ночью?

Она запротестовала:

– Господи! Кажется, все знают обо мне все! А я в Бангкоке всего три недели. Есть ли здесь хоть один, кому обо мне не рассказали...

– Во всем городе, наверное, есть... Но в этом дворце такого не найти. И все так долго ждали вашего появления, и все восхищены вами.

– Почему? Мне кажется, здесь такое множество женщин...

– Можно любить только сестер-близнецов, или настоящих, или сиамских, сказал когда-то один знатный человек. Так что совершенно естественно, что мы вас любим.

– А что Анна-Мария Серджини, она не из ваших сестер? – спросила все еще не усмиренная Эммануэль. Но принца нелегко было вывести из равновесия.

– Кто может это сказать? – ответил он мягко. – Иногда надо прожить всю жизнь, чтобы встретить брата. Или даже несколько жизней.

– Вы верите в переселение душ?

– Я ничего не знаю об этом. Я даже не знаю, смертны ли мы.

– Да, я знаю только, что я не хочу умирать.

– Значит, вы и не умрете.

Он посадил ее на ступеньку мраморной лестницы, спускавшейся к небольшому бассейну.

– Послушайте-ка стихи. Их написал молодой китаец, инженер, наш современник:

Гора – моя подушка,
Небо – моя крыша,
Завтра я взорву гору,
Но небо никогда не упадет.

Эммануэль проглотила комок, застрявший у нее в горле.

– Я знаю, что делать с моей жизнью, – сказала она. – Но что мне делать с моей смертью?

Принц посмотрел на нее с симпатией:

– Конфуций сказал: «Мы не знаем жизнь. Как можем мы знать смерть?». Зачем мучить себя?

– Я никогда не думала об этом, но потом появилась Анна-Мария, спросила меня о смысле жизни, и теперь это не выходит у меня из головы.

– Вы вольны размышлять обо всем, о чем захотите, – проговорил медленно принц. – «Но вы не должны закрывать глаза руками, потому что жизнь и конец ее непроницаемо таинственны, и только Бог появляется в конце. После этого вы начнете жить в постоянной боязни Бога. Велико ли усовершенствование?».

Эммануэль хотела бы усмехнуться, но ей было грустно. Принц как будто хотел ее утешить:

– Ваш соотечественник Батай сказал очень мудро:

«Не хочу показаться хвастливым, но по мне смерть – самая смешная штука в мире».

– Мне так не кажется, – сказала Эммануэль.

Принц улыбнулся. Она вздохнула.

Какой-то мужчина подошел к ним, присел рядом. Он был блондин, что называется, тицианова цвета, короткая прическа делала его очень моложавым. Эммануэль он заинтересовал.

– Майкл, – сказал принц, – я думаю, ваша компания интереснее для молодой леди, чем моя. Пожалуйста, развлеките нашу гостью...

Эммануэль громко запротестовала: она вполне довольна обществом принца, и ее совсем не надо «развлекать». Но хозяин праздника твердо взял ее за руку и вложил ее ладонь в ладонь молодого человека.

– Давайте, – сказал он, – поплавайте с моими лебедями.

Вода в бассейне соблазняла светом белых лотосов и отраженным лунным сиянием. Эммануэль попробовала ее ногой – совсем теплая. Она повернулась к новому пришельцу, как бы спрашивая его согласия. Ответом была одобряющая улыбка. Она высвободила руку, сделала несколько шагов и потянулась у плечу отстегнуть золотую сову.

Несмотря на то, что большую часть вечера она провела совершенно обнаженной, ей казалось, что раздеваться сейчас здесь, в парке, в мерцающем мраке – действие более смелое, более возбуждающее, чем сама нагота. Архаический стыд замедлил движения ее пальцев. Потом она увидела, что мужчины ждут; ждут, чтобы она подарила им зрелище этого магического преобразования что за могучий стимул! И это сделало раздевание полным смысла, превратило его в эротический акт со своими правилами протокола, со своими торжественными прелюдиями. Она могла создать рождающуюся красоту, красоту в становлении, более совершенную, чем красота явленная, неподвижная, завершенная.

Эммануэль распустила пояс, и легкий ветерок поднял ее тунику прежде, чем она соскользнула с талии. На мгновение материя обвила бедра, образовав складки, подобные тем, какие создают скульпторы, когда хотят окутать бедра своих Венер. Она выглядела сейчас, как мечта, принесшаяся в наши дни из далеких времен античности.

Два свидетеля безмолвно смотрели, как видение входит в воду. Вода бассейна колебалась, дробя, рассеивая этот образ. Только черное облако волос оставалось на поверхности, как черное пятно от погружающейся в пучину древней триремы с амфорами, украшенными изображениями юных дев и их священными танцами и мечтами о дальних островах...

Майкл сбросил одежду и присоединился к Эммануэль среди белых цветов лотоса и упавших в воду лепестков жасмина, все еще наполнявших воздух своим ароматом. Они отделились воде, иногда хватаясь руками за свисающие ветви каких-то растений, или, играя, подныривали под огромные листья водяных лилий, способных, казалось бы, выдержать вес взрослого человека. Принц ушел. Тела купающихся приблизились друг к другу. Эммануэль осмелела и прикоснулась к длинной и крепкой флейте, на которой мужчины играют песнь любви. Он неуклюже попытался овладеть ею в воде, но тела их скользили, а он был слишком нетерпелив и напорист. Все-таки ему удалось проникнуть в нее и вырвать крик наслаждения и одновременно боли. Она взмолилась о пощаде, и он вынес ее на парапет. И лишь там она начала свои ласки и языком, и пальцами, и бедрами, и животом, а потом сжала руками свои груди, и он вошел в эту узкую лощину. Она сдавила его там изо всех сил и была вознаграждена за это длинной пряной струей, ударившей в ее сложенные в виде чаши ладони. Она поднесла их к губам, потом предложила возлюбленному:

– Хочешь капельку?

Улыбаясь, он покачал головой и, прижавшись щекой к ее щеке, наблюдал, как пьет

Эммануэль этот напиток. Ее влажные локоны покрыли его, так что они представляли собой странную фигуру с двумя туловищами и одной головой.

Она вздрогнула, почувствовала озноб, и тогда он лег на нее, согревая своим телом, вытянулся на ней, и они лежали так, лаская друг друга. Орион стоял над ними со своим туманным мечом и сапфирами вокруг пояса, и Эммануэль повторяла как заклинания их таинственные, подобные каббалистическим формулам имена: Анилам, Алнитак, Минтака...

И разум ее погрузился в забвение...

* * *

Она очнулась в ужасе, не понимая, что она делает здесь, в этом парке, придавленная к земле телом никогда не виденного ею прежде мужчины, который, может быть, мертв... Потом память вернулась к ней, тревога рассеялась, но оставаться здесь ей больше не хотелось. И она попросила своего спутника отпустить ее восвояси. Она устала. Ей хочется спать, спать в своей постели, спать долго-долго, как сурок в норе.

Он стал отговаривать: еще рано, лучше дождаться начала дня. Эммануэль была раздражена и раздосадована. Она лучше попытается разыскать Марио. Она оделась, и прикосновение материи к коже несколько успокоило ее. Возвращаясь во дворец, она вспоминала о ваннах комнатах с их золотом и серебром, где прислуживали юноши и девушки с округленными от восторга и желания глазами. Она заглядывала в комнаты, наконец, нашла то, что искала, и оставила свой эскорт у двери, попросив не дожидаться ее.

Наполнила ванну почти кипятком и потом долго занималась своим туалетом: высушилась, напудрилась, надушилась, сделала себе массаж, с нежностью лаская свое тело. Она уже приготовилась провести здесь остаток ночи, но вдруг в дверях возник принц, несомненно, предупрежденный Майклом.

– Там столько жалоб на то, что вас монополизировал кто-то. Вы не хотели бы вернуться и прекратить эти жалобы?

– Я только что проходила по дому, и мне не встретился ни один мужчина. Я решила, что все они отправились спать.

– Я собрал в удобном месте нечто вроде гетериона. Его участники относятся к играм прошедшего вечера как к прелюдии основного. Я думаю, нет ничего лучше, чем присоединиться к ним.

– Только скажите мне, кто был тот прелестный мальчик, которого вы представили мне в парке?

– Майкл? Я думал, вы знакомы. Он морской атташе Соединенных Штатов.

Эммануэль вздрогнула. Брат Би! И она любила его, ничего не подозревая! Как могла она быть столь слепой? Те же глаза, та же улыбка, те же губы, эти короткие волосы... Та же манера разговаривать. Это был не брат, это был двойник Би! И она не сумела его узнать!

Удрученная, не замечая ничего вокруг, шла она следом за принцем, пока они не остановились перед массивной, из мореного дуба, дверью. Дверь была украшена столь причудливыми узорами, что будь Эммануэль в другом настроении, она долго изучала бы их таинственные письмена.

Принц толкнул дверь, пропуская гостью вперед. Она вздрогнула: кондиционеры делали здесь воздух прохладным, но тяжелый острый запах, запах Китая, какая-то смесь имбиря и шалфея, запах трав, а не цветов, окутал ее и, казалось, пропитывал ее кожу. Все было подернуто красноватой туманной дымкой.

Несмотря на то, что глаза быстро приспособились к этому странному, волнующему полусвету-полумраку, Эммануэль все-таки не могла разглядеть что-нибудь дальше трех-четырёх шагов. То, что она различила ясно, были три женские фигуры, полулежащие на широких пестрых подушках. Все три женщины выглядели еще моложе Эммануэль. Они лежали, не касаясь одна другой, широко раскинув ноги. Одна из женщин была дочерью принца. Несколько мужчин, встав вокруг, наблюдали за ними.

Эммануэль обернулась к своему хозяину. Ей захотелось услышать его голос, и она спросила первое, что пришло ей в голову:

– Ариана... Она здесь?

– Вы хотите ее видеть? – отозвался принц. – Я могу послать за ней.

– Нет, нет, – поспешно сказала Эммануэль, словно исправила грубую ошибку. Потом как можно небрежнее добавила:

– Она хорошо провела время?

Она заметила, что употребила прошедшее время, как будто праздник уже закончился.

– Если хотите знать мое мнение, – улыбнулся хозяин Малигата, – у нее был самый большой успех сегодня.

«Почему?» – спросила Эммануэль самое себя: она не любила допускать чье-либо превосходство.

– Даже больше, чем у меня? – с удивлением услышала она свой вопрос.

Какие-то нотки не понравившегося ей самой высокомерия прозвучали в голосе, и она поспешила смягчить вопрос:

– Это потому, что она красивее меня?

– Нет, – ответил Ормеасена.

– Тогда почему же? Если я красивее, я имею право иметь больше любовников, чем кто-то другой.

Ее голос звучал вызывающе громко, на всю красную комнату. Какой-то человек выплыл из сумрака, схватил ее за запястье.

– Это нам решать, – сказал он. Она с ужасом узнала его. Это был тот самый моряк. Он потащил ее в красноватую мглу, расступавшуюся перед ними и открывавшую все новых и новых людей, главным образом мужчин. Тут были и совсем мальчики – белолицые, с короткой стрижкой пилоты с американских бомбардировщиков, и другие – более матерые, с продубленными, сибирскими чертами лица, с резкими ироническими морщинами у глаз. Тут были всякие...

Руки надавливают ей на плечи, и вот она сидит на чем-то холодном и скользком. Ее трогают, раздвигают ноги и сразу же начинают ощупывать, не дав даже времени раздеться, без поцелуев, без какого-нибудь нежного слова. Она не осмеливается сама опрокинуться навзничь, понимая, что многие и сразу же возьмут ее всеми возможными способами. Ей больно от ползающих между ее ногами чужих жадных рук, но она не жалуется даже тогда, когда они грубо стараются раскрыть ее совсем и проникнуть внутрь. Она приняла решение покориться и убеждается, что это ей по нраву и по силам. Внезапная вспышка гордости обжигает ее – она понимает, что ей ничего не страшно: тело ее не боится, разум ничуть не смущен.

Звучит приказ моряка, и все руки внезапно оставляют ее. Она свободна, она одинока: тем, кто только что жадно накидывался на нее, достаточно сделать шаг назад, и они потеряются для нее в игре света и тени, растворятся совсем...

– Пошлите за Арианой, – раздаётся приказ невидимого корифея хора, и она слышит, как кто-то выходит из комнаты. Дверь открыта, и Эммануэль понимает, что есть еще возможность убежать отсюда, что это, может быть, ее последний шанс. Она знает, что никто не двинется,

чтобы задержать ее. Открытая дверь означает выбор.

Она остается.

Не из апатии или из фаталистического безразличия. Ей хочется остаться. Она чувствует это желание в глубине глотки, в гортани, словно сжавшейся в кулак. Ее язык оттаял, пульс бьется живее, она чувствует, как розовеет, накаляясь, вход в ее глубины. Такого желания она не испытывала прежде. Почему они не спешат, вздыхает она про себя. Они же видят, что я готова на все. Пусть пользуются моим телом, как им заблагорассудится.

– Что позволите вам предложить? – спрашивает распорядитель игр, и Эммануэль чувствует в этом голосе неприкрытую иронию.

Она не понимает, то ли моряк не правильно оценил ее улыбку, то ли это входит в правила дальнейшей церемонии, но он продолжает допрос:

– Кого вы предпочитаете, мужчину или женщину?

И тут же отвечает вместо нее:

– Впрочем, это не имеет значения. На известной ступени эротизма различие между полами исчезает.

И тоном приказа он заканчивает:

– Покажите-ка себя!

Опираясь на левый локоть, Эммануэль откинулась назад. Приподняв подол туники, развела по сторонам ноги: среди черных завитков блеснули жемчужины. Медленно, двумя пальцами раскрыла себя.

– Вперед! – командует офицер, адресуясь, несомненно, к тем мужчинам, которые ее окружают.

Сколько их, много или мало? Может быть, их тысячи? Пусть! На что она надеялась, так это на то, что среди них найдется несколько достаточно крепких молодцов, которые не дадут этой чудесной ночи превратиться в детскую забаву. Она успокоилась, когда здоровенный малый, толстогубый, с вьющейся шевелюрой, приблизился к ней и опустился перед ней на колени. Он отбросил ее ладонь, которой она прикрывалась, как фиговым листком, и, опираясь на одну руку, взял в другую свое оружие, и Эммануэль почувствовала такую крепкую и горячую мощь, что о лучшем она и мечтать не могла. Более того, для первого приступа она удовлетворилась бы и чем-нибудь не таким впечатляющим.

Делом чести было подавить жалобный крик, но все же слезы показались на ресницах Эммануэль, словно она все еще оставалась девственницей. А мужчина врубался в нее все глубже и глубже: Эммануэль даже и не предполагала, что в нее можно так далеко проникнуть. Наконец, он, кажется, достиг крайней точки, не уступив ни сантиметра пространства своей партнерше. И тогда он приостановил свое движение, замер на миг, потом возобновил его, но это не было движение поршня туда-обратно: он ворочался, как могучий зверь, ищущий, как бы поудобнее улечься в логове. Он словно расширял внутренности своей подруги, пока она не стала сама влажным разгоряченным зверем, издававшим хриплые крики наслаждения.

И тут он снова изменил характер движения: он вышел и снова погрузился, вышел и снова... Темп все более убыстрялся, заставляя Эммануэль выть от наслаждения при каждом ударе. И он сопровождал ее густым тяжелым звериным рыком, пока тяжелый поток не ударил в нее и не проник так глубоко, что Эммануэль, казалось, ощутила пряный вкус на своих губах и языке. Но и после бурного извержения, погрузившись лицом в ее волосы, он не отступил от своей жертвы; он подбрасывал и опускал свой крестец, словно каждая спазма порождала следующую, и это дало Эммануэль новое острое и невероятно сладкое ощущение. Она прижалась к его шероховатой щеке, покусывала, целовала ее, плакала от радости.

А мужчина все продолжал действовать в ней, поддерживая все тот же ритм, все ту же меру

погружения. Она никогда не предполагала, что найдется способный на такие долгие усилия человек, и она изливалась чаще и сильнее, чем когда-нибудь прежде. Она подумала, сколько еще неизведанного для нее в стране любви! Не встретить она этого иностранца, она так бы и прожила свою жизнь, не зная ничего о подобном наслаждении.

«Я должна превзойти самое себя, – подумала она, – И сегодня ночью я сделаю это».

Но после последнего, самого разрушительного оргазма, ударившего в нее, как слепящая молния, она почувствовала, что ей довольно. Бушевавшая в ней огненная буря сменилась величественным покоем, ясностью, безмятежностью. Если то, что она испытывала перед этим, было наслаждением, то теперь ну ступило полное счастье, нирвана.

С протяжным громким стоном мужчина извергся во второй раз и застыл на ней, словно пораженный в спину ревнивым кинжалом. Другие оттащили его и заняли его место. А она и не замечала, кто его сменил и сколько их было.

Когда ощущения вернулись к ней, она спросила себя, сколько же этих незамеченных ею любовников прошло через нее.

«Надо было считать, – упрекнула она себя, – иначе это не имеет никакого смысла».

Но так как они продолжали прибывать, она открыла новую форму удовлетворения: не чувственный пароксизм на этот раз, а некий рассудочный вид наслаждения, даже более восхитительный. И она поздравила себя, что поднялась от оргазма тела к более высшему оргазму – оргазму духа.

Что значит отдаться по зову бездумной страсти – истинный эротизм в том, чтобы отдаваться сознательно, обдуманно. Эротизм начинается там, где кончается похоть: нельзя распознать его могущественное значение, пока главенствует удовольствие.

Ее стало беспокоить, однако, что не всем здесь удастся провести с ней время должным образом, а ей хотелось бы раздать им всем по кусочку своего тела. Так было бы печально, если кому-нибудь надоест ждать и, устав от нетерпения, он отправится искать что-то другое. Беспокойство оставляло ее тогда, когда она чувствовала, что кто-то новый приближается к ней, чтобы сменить предшественника. И совсем приятно было ей видеть, как партнер выходит из нее, сползает к ее ногам и исчезает в мерцающем полумраке, даже не поднявшись на ноги; все в этой комнате происходило в горизонтальной плоскости, вертикали избегались.

Одни приклеивались к ней губами и качались в упоительном ритме, другие возвышались над нею, опираясь на руки, чтобы видеть выражение ее лица во время действия. Для всех них она использовала всю свою ловкость и умение, приобретенные под наставничеством Жана. Всякий раз, когда ее партнер кричал от наслаждения, она мысленно посылала слова признательности своему супругу, благодаря его за то, что он сделал ее столь умелой любовницей – разве она была такой, когда принесла ему в дар свою лесбийскую девственность?

То ли по молчаливому уговору, то ли по распоряжению моряка-церемониймейстера, никто из мужчин не ласкал ее. Такой деловой подход, каким бы обидным ни показался он ей в других, более банальных случаях, точно соответствовал ее нынешнему настрою мыслей. Она смотрела на себя как на инструмент для наслаждения многих мужчин – и только. Ей хотелось, чтобы им пришлось по вкусу все, что они узнавали в ней, чтобы они наслаждались игрой ее мускулов, чтобы они удовлетворяли свою эгоистическую похоть, а о ней совсем не думали. Это было самоотречение художника. Весь свой любовный талант, всю свою изобретательность она пустила в ход, только бы насытить их, только бы понравиться им, чтобы они могли рассказать всему городу, что в деле любви она превосходит самую дорогую и изысканную проститутку и полна разнообразных сюрпризов.

И вот наступил момент, когда ей стало плохо. Она уже не могла ни чувствовать, ни думать. И наконец – полная остановка. Никто больше не занимался ею.

Много позже она пришла в себя, разбуженная чьим-то голосом. В комнате сделалось как-то прохладнее, дышать стало легче. Эммануэль подняла глаза, чтобы разглядеть, кто же обращается к ней, благо в комнате стало намного светлее, чем раньше. И ее все еще затуманенные сном глаза увидели, что кто-то стоит над нею, расставив ноги. И какие ноги. Боже правый! А там, выше, где они соединялись, какая поросль: юная, свежая, сладострастная, зовущая. И какой огненный цвет! Поросль покрывала холм таких размеров и так выдававшийся вперед, что он казался почти ненормальным. Эммануэль вспомнила, что однажды она уже любовалась этим бутонем: в то время он был небрежно прикрыт – именно прикрыт, а не спрятан окончательно – малюсеньким бикини. И тогда ее страстно потянуло к этой девушке именно из-за маленького кусочка белой ткани: он подчеркивал не только заросли холма Венеры, но и само ущелье – скрытые там выступы и жемчужины так выпирали из-под белой ткани, что привлекли бы, наверное, больше восхищенных взоров, чем если бы все это было обнажено полностью. И сейчас Эммануэль почти с сожалением вспомнила о том развратном бикини. Но все же как было прекрасно видеть этот нахальный холмик, ждать, пока парящие вверх соски опустятся к ее губам. О нет! Гораздо лучше, если не грудь, а то, что ниже, опустится к ее рту, заполняя его, как некий пряный плод, своим освежающим соком.

– Я вас знаю, – сказала Эммануэль, убедившись, что все это ей не снится. – Я видела вас в бассейне. Но я не помню, как вас зовут. – И вдруг добавила: – Львенок, вот вы кто!

– Меня зовут Мерви, – ответила девушка, – Римляне называют меня Фьямма, потому что я зажигаю их, или Рената, потому что я возрождаю их из пепла. Мой любовник зовет меня Мара, как индийского демона. Но я – Майя. И Лилит.

– Как прекрасно носить столько имен, – прошептала Эммануэль, хотя эта маленькая речь позабавила ее.

– У меня есть и другие имена, только я не могу их сейчас вспомнить. Те, что я назвала сейчас, я ношу только обнаженной.

И, чуть прищурясь, без тени улыбки она добавила:

– И, конечно, у меня совсем другие имена, когда я бываю мальчиком.

Эммануэль подняла брови. Она решила использовать ситуацию максимально. В самом деле, после всего, что было, почему бы и не это странное существо. Только одна небольшая формальность:

– Но когда вы бываете мальчиком, у вас остаются волосы?

Как было бы досадно потерять эти невероятные заросли, густые, длинные и такого цвета. Красные, как китайское золото! «Мальчик или девочка, сказала она себе, какая разница! Я хочу это существо!» Ее взор снова пробежал по пылающим джунглям.

Создание тоже смотрело на нее. Потом Эммануэль услышала:

– Как жаль, что вы не приехали в Сиам раньше. Я бы могла вас дорого продать.

И, сморщив губы, существо продолжало совершенно серьезным тоном:

– Ну ладно, дело не в этом. У нас еще будет время.

– Вы торгуете женщинами? – поинтересовалась Эммануэль.

«Львенок, – думала в это время, не дожидаясь ответа, – принадлежит, очевидно, к тем, кто не различает добро и зло, порок и добродетель. И у нее нет возраста: глядя на ее лицо, ей можно дать лет десять, но грудь у нее, как у двадцатилетней, а вот ее холм Венеры делает ее бессмертной. Как ангела. Или как дьявола».

– А где же Ариана? – спросила Эммануэль. Мерви пристально посмотрела на ее губы.

– Пойдемте со мной в ванную, – сказала она спокойно, словно вопрос Эммануэль не заслуживал никакого ответа.

Зачем? Эммануэль была удивлена. Она понимала, что это не приглашение к любви, во всяком случае, к любви в обычном смысле этого слова. Неясно, смутно она представляла, что можно ожидать чего-то такого от женщины-львенка. Ей хотелось бы согласиться, но надо было для этого вставать, идти...

Прежде чем Эммануэль успела понять, в чем дело, послышались приближающиеся шаги, и Мерви исчезла. Здесь, в Малигате, казалось, поддерживался определенный, с правильными интервалами ритм чередования приемов пищи и приступов любви. Шаги на этот раз означали приближение блюд с яствами и напитками. И действительно, тут же Эммануэль почувствовала, что голодна.

Эммануэль не могла припомнить, видела ли она раньше кого-нибудь из своих соседей по столу (или, точнее, по пестрым подушкам). Были ли среди них те, которые так хорошо провели с ней время совсем недавно? Но, может быть, оставаться в таком неведении было гораздо пикантней?..

Пошли по кругу трубки, наполненные опиумом. Полумрак приобрел теперь голубой цвет и терпкий запах. Опиум не соблазнил Эммануэль. Она уже знала его вкус. Она услышала, как кто-то читает стихи: «Воздух так сладок, он не даст умереть». Где она слышала это? Она не могла вспомнить, ей было лень вспоминать... Но как только она задремала, ее разбудили.

– Так что вы собираетесь делать с вашим супругом? – спросил ее какой-то молодой человек. Она ограничилась беглой улыбкой: это был сложный вопрос. «Здесь Ариана», – объявил чей-то голос. Но дверь не открывалась, и не было никакого движения в комнате. Ей хотелось пить.

– Вот, – сказал тот же молодой человек, поднося к ее губам стакан. Потом вздохнул:

– Я бы хотел снова любить вас, но, сказать по правде, у меня уже нет сил.

У меня тоже, подумала Эммануэль. Так-то вот. Нельзя все время заниматься одним и тем же. Она оглядела себя. Фантастика: она была совсем голой! Значит, после всего они стащили с нее одежду, а она даже не заметила. Ноги ее были раскинуты, она сомкнула их. Грот, подумала она, в который никто не стремится смешная вещь. А ей и не хотелось, чтобы туда кто-нибудь сейчас стремился. Который час? И где моя милая туника? Теперь-то она, кажется, потеряна наверняка. Как же добраться до дому?

– Так что я должна сказать Жану?

Собеседник покачал головой, с симпатией глядя на Эммануэль. Потом осчастливил ее идеей:

– А почему бы вам не предложить ему Мару? «Так вот он, ее любовник», отметила Эммануэль.

– Вы бы жили втроем, – продолжал он, все более воспламеняясь. – Вы бы очень продвинулись вперед. Не сомневайтесь, вам именно так и надо поступить.

Почему Мара – или Рената, или Фьямма, как ее там на самом деле зовут, подумала Эммануэль. Почему она, почему не Ариана или, еще лучше, Мари-Анж? Или какая-нибудь другая женщина? Анна-Мария, например, совсем была бы неплоха. Но можно понять и этого молодого человека: для него-то нет в мире женщины лучше, чем его любовница.

– О, да, – сказала она, – это было бы прекрасно.

Он воодушевился:

– Тогда не надо терять времени. Просто смешно, если вы с Жаном не воспользуетесь такой возможностью.

«Какой?» – спросила себя Эммануэль, но как-то вяло, без истинного любопытства. И какая

комбинация лучше: две женщины и один мужчина или одна женщина и двое мужчин? Последнее сочетание показалось ей более соблазнительным. Вторым мужчиной мог бы быть Кристофер. Или Марио. Нет, не Марио. И Кристофер – тоже нет.

– А что вы думаете об этом? – спросила она молодого человека.

– Две женщины кажутся мне более логичным вариантом, особенно если они к тому же лесбиянки. Но, во всяком случае, главное – это начать. Тем путем или этим – разница небольшая. Я пришлю вам свою книгу...

– Что-нибудь о браке втроем?

– И еще о многом другом.

– Хорошо, я должна ее прочесть, потому что я ведь толком не знаю, как это делается. Наверное, это напоминает танец втроем?

– Совершенно верно.

Эммануэль постаралась показать свое удивление по поводу такого простого решения вопроса. Но собеседник продолжал:

– Правда, это немного покрепче, слава Богу! Если бы это напоминало детские игры, то что же здесь хорошего, правда? Не было бы ничего возбуждающего!

Мы здесь не для того, чтобы забавляться, подумала Эммануэль. Мы пришли в этот мир, чтобы дать завтрашним существам их шанс, не бросить вызов морали, не переступить ее, а создать новую. В эпоху звездолетов смешными кажутся мученья сэра Галахада. Пить яблочный сидр добрых старых дней, старой доброй морали можно было в старые добрые времена. Но мы должны найти нечто лучшее, если мы намерены лететь к Бетельгейзе.

«Однако, – подумала она, – я играю роль Марио».

– Я не думаю, что мы сможем в самом деле все это изменить, – продолжала она свои размышления вслух, – но если мы хотим, чтобы наши дети были смелее нас, мы должны идти этим путем.

Собеседник кивнул с самым серьезным видом.

– Вы сентиментальны.

– Я? – возмутилась Эммануэль.

– Для нас, для нас. Мы проникательны и умны, но наши чувства выше вашего понимания. Мы рассуждаем подобно Эйнштейну, а любим в стиле Поля и Виргинии.

Она пожала плечами:

– Законы Эйнштейна не имеют и никогда не будут иметь отношения к человеческой любви. Любовь – не предмет физики.

– Совершенно верно, совершенно верно, – согласился молодой человек. – Здесь и начинаются трудности. Человечество знает только теперешнюю жалкую ступень любви. В этом трагедия рода. Мы должны сосредоточиться на том, чтобы сейчас уже превзойти наши возможности, но пока мы можем только конструировать нашу любовь для нас самих. Неудивительно, что конструкция так неудачна.

– Мир, – сказала Эммануэль, – холодный, гладкий кусок перкала, но мы должны сделать его более выразительным, собрать в складки, поставить на нем свое личное клеймо.

– Время – великий уют, оно позаботится об этом. Вернитесь через пару тысячелетий назад и посмотрите, останутся ли ваши следы от вашего портновского искусства.

– Может быть, любви больше и не будет, но следы ее останутся.

Молодой человек прихлебнул из большой бокала и решил переменить тему:

– Провести афинскую ночь с целым стадом мужчин – это дело не метафизики, это дело фантазии. Вы здесь прекрасно проводите каникулы. Но это же исключение из правил вашей обычной жизни: вы уклонились от морали, но не создали никакой новой, своей.

– Вы ошибаетесь, я пришла сюда и делала всю ночь то, что я делала, потому что считаю это правильным!

– «В чистоте все чисто, и нет ничего нечистого самого по себе», – говорит святой Павел, но добавляет: «Все позволено, но не все из этого обязательно». Если вы хотите изменить мир, то не думаете же вы, что его можно изменить только на таких веселых вечеринках. Вы должны приступить к осуществлению вашей новой морали у себя дома, и не только по праздникам, но и в будни. Ваше отношение к делу приобретет вескость неопровержимого доказательства, коль скоро ваше поведение в Малигате станет для вас ежедневной рутинной. А пока вы остаетесь конформистом, примирившимся с условностями, пока вы превращаетесь в неистового любовника только после захода солнца, что же я могу думать об этом? Я только тогда стану вашим последователем, когда вы скажете, например, что вы привели Жана к Маре. Или когда вы расскажете своему супругу, что после обеда отдались его друзьям. Не по секрету, а на виду у всех. Не только этой ночью, но и во всякую ночь.

Он замолчал. Эммануэль встала, не боясь показаться невежливой. Интересно, можно ли отыскать снова Мерви? Вдруг она наткнулась на металлический орнамент двери. Она не думала уходить, но дверь была открыта, и Эммануэль воспользовалась ею. Она прошла пустынную галерею. Была жаркая ночь. Она заглядывала в разные комнаты, все были полны народу. И вдруг она увидела Марио! Она вскрикнула от радости, но он не услышал ее, не заметил: он слишком был занят любовью с каким-то юным Ганимедом...

Она подошла на цыпочках, стараясь сдержать смех, и заглянула через плечо Марио на бьющееся под ним обнаженное тело. Это была Би.

Эммануэль чуть не потеряла сознание. Ее чистая маленькая Би! Марио, который никогда не интересовался женщинами, яростно совокупляется с той, к кому Эммануэль напрасно стремится уже столько дней. Она еще раз взглянула, но глаза ее уже ничего не могли различить. Слезы обиды застилали ее взор. Она пошла, сама не зная куда, пока в одной из комнат не увидела Ариану, сидящую в группе гостей. Эммануэль кинулась к ней, упала на колени, положила голову на бедра графини.

– Возьми меня отсюда, – взмолилась она, – Я не хочу здесь больше оставаться. Пойдем отсюда!

– Но в чем дело дорогая, – спросила Ариана с притворным участием, кто-нибудь обидел тебя?

– Нет. Никто. Но я хочу домой.

– Домой? Но там никого нет. Что ты будешь там делать?

– Тогда возьми меня к себе.

– Ты в самом деле хочешь ко мне?

– Да.

– И останешься у меня?

– Да, да!

– И будешь моей?

– Да, обещаю. Буду. Я хочу этого.

– Ты не обманываешь?

– Разве ты не видишь, у меня нет никого, кроме тебя!

Ариана наклонилась и поцеловала ее.

– Поехали!

Эммануэль провела рукой по волосам Арианы.

– Я буду делать все, что ты захочешь. Подруга взяла ее за руку и повела по залитым лунным светом мраморным ступеням вниз, в сад.

– Но я же совсем голая, – пожаловалась капризным голосом избалованного ребенка Эммануэль, – А, какая разница!

Они ехали в автомобиле Арианы, не нарушая молчания. Голова Эммануэль лежала на плече Арианы. Начинаясь рассвет, один за другим гасли уличные фонари. Мимо них проплывали автобусы, торговцы устанавливали свои тележки. На перекрестке, где машины и люди ждали зеленого света, уличные мальчишки таращили глаза на открытый «родстер», в котором сидела совершенно обнаженная женщина.

Лакей открыл тяжелые двери посольства. Обе женщины поднялись в комнаты Арианы. Эммануэль тут же кинулась в постель, свернулась калачиком. Голос Арианы долетал до нее уже сквозь сон.

Графиня сняла кимоно, свидетеля ее подвигов в Малигате. Открыла маленькую дверь в соседнюю комнату.

– Иди-ка сюда, посмотри, – произнесла она, прижав палец к губам. Ее муж подошел к краю кровати.

– Смотри на нее, – прошептала Ариана. – Она моя, но я буду ее одалживать тебе.

Потом, сделав ему знак, чтобы он ушел, она упала на постель рядом со спящей Эммануэль. Обхватила ее обеими руками и провалилась в сон.

Счастье Арианы

Жизнь у Арианы стерла и дни, и ночи. Долго ли оставалась у нее Эммануэль? Вернулся ли уже ее муж? Она не имела об этом ни малейшего представления.

– Всякий раз, когда я застаю тебя бездельничающей, я буду тебя наказывать, – так предупредила Ариана Эммануэль. И она держала свое слово, ведя точный учет часам, которые Эммануэль проводила, наслаждаясь своим телом самостоятельно. Если же Эммануэль слишком долго спала по утрам или же проводила много времени за туалетом, ее подвергали немедленному наказанию. Она обязана проводить время в постели, подвергаясь обучению интенсивному и в строгом ритме, таком, какого она не знала до сих пор.

– Будь ненасытной, – увещевала ее наставница, и, к своему великому изумлению, Эммануэль такой и становилась.

«Аутоэрастия» – так называла этот вид занятий Ариана, и хвалебная песнь этой страсти постоянно звучала из ее уст.

– Это необходимо так же, как нужна меткость в бейсболе или крокете... Любить – без этого человек не может обойтись так же, как без еды и дыхания. И если кто-то считает мастурбацию потерянным временем, тогда потерянное время и писание портретов на холсте, и сочинение концерта для флейты... Если хочешь знать, мастурбация – это поэзия!

И еще она говорила:

– Я могла бы перенести, если бы ты сказала, что больше не хочешь заниматься любовью, но я бы тебя убила, услышав, что ты отказываешься от мастурбации.

И еще:

– Когда ты познакомишься с новой девицей, спроси ее, сколько раз в день она забавляется сама с собой. И если она делает это не так часто, как ты, она не стоит твоего внимания.

Или же:

– Знаешь ли, что многие мужчины женятся, даже не пытаясь узнать, мастурбировали ли когда-нибудь их невесты? Что за любовь может быть у них? И снабжала это таким примечанием:

– Есть мужчины, которые предпочитают жениться на женщинах, совершенно равнодушных к своему полу... Я думаю, что это извращение!

Ариана заставляет свою узницу ласкать самое себя до изнеможения. Потом она вытягивается на ее неподвижном теле и трется о ее ноги, ее живот, грудь, лицо, пока сама не оказывается в сладком обмороке.

Порой она ложится на спину, закинув руки за голову, и Эммануэль прикидается к ней. Бутоны плоти Арианы, выпуклый и твердый, вырастает от прикосновения языка Эммануэль, и та иногда подолгу держит его во рту.

Когда Ариана утомляется, она зовет Жильбера и указывает на Эммануэль:

– Теперь ты!

И он сливается с Эммануэль по два, по три, по четыре раза в день. Теперь он занимается любовью только с нею. И когда он изливается в Эммануэль, Ариана наклоняется к ней и пьет этот коктейль.

– Ты не думаешь, – сказала она однажды своему супругу, – что Эммануэль была бы для тебя идеальной женой? И твоим друзьям она очень подойдет – они имели бы ее, когда захотят.

Когда они снова оставались одни, Ариана продолжала наставлять Эммануэль:

– Одного супруга тебе никак не должно хватать.

– Но... А как же ты?

– Я люблю раздаривать своих мужей.

– Мужей? Разве их у тебя несколько?

Прекрасная графиня засмеялась:

– Я имею в виду будущих.

Эммануэль подозрительно посмотрела на подругу:

– Ты больше не любишь Жильбера?

– Почему ты так думаешь?

– Но ты же отдаешь его мне.

– Если бы я его не любила, я бы его тебе никогда не дала.

– Значит, ты решила делить его с другими?

– Не совсем так... Ты знаешь, я никогда ничего не решаю заранее. Я прихожу в ужас от всяких планов и проектов. Я жив и живу. И что бы ни происходило, все идет к лучшему.

– Так. Если ты останешься с мужем – это хорошо. А если ты его потеряешь это тоже хорошо?

– Конечно.

– Значит, ты его не любишь.

– В самом деле? – Ариана посмотрела на Эммануэль так, что та смутилась, но все же спросила:

– Ариана, а ты пробуешь все просто потому, что тебе нравится все испытать?

– Конечно.

– И ничто не кажется тебе отвратительным?

– О, почему же... Мне многое кажется отвратительным: все ограничения и все запреты. Все те, кто не хочет ничему научиться. Все люди, живущие, как слизни, в своей молочнокислой добродетели, удовлетворенные собственным окружением, упоенные своим нежеланием узнать что-либо. У них единственный резон – не хочу этого знать, потому что мне это не нравится. А ты спроси их, в чем причина их неприятия этого, почему им это не нравится, и они – к твоему удивлению – даже не смогут ответить. Вот в чем сущность зла, отвратительного, как ты выразилась, – в наслаждении собственным незнанием, в отсутствии любознательности, в отказе от жажды открытий.

– Но разве, возможно заняться чем-то, что тебе не нравится?

– Наслаждение можно найти во всем, если не мешает какой-то врожденный порок.

– Но ведь и то, что доставляет наслаждение, может тоже надоест.

– Никогда, если ты умеешь обновлять себя. Вот мы говорим: «Ох, этот мальчик, как он был хорош в постели!». Но в постели все хороши, лишь бы это делать с кем-нибудь впервые.

– Но зачем тогда выходить замуж?

– А ты думаешь, брак – это какая-то наглухо запертая башня? Замуж выходят чтобы быть свободнее. Умная девушка докажет, что после свадьбы у нее будет больше любовников, чем прежде: разве это не стоящий сам по себе резон?

– Это было бы прекрасно, если бы с этим соглашался муж. Но если женщина идет замуж, чтобы спать со многими мужчинами, мужчина-то женится на ней для того, чтобы она спала только с ним.

– Так вот жена и должна его перевоспитать, а не хныкать и жаловаться.

– Даже рискуя расстаться с ним?

– А как же! Это все равно лучше, чем повернуть назад.

– Твой муж думает точно так же. Почему же ты хочешь расстаться с ним?

– Кто тебе сказал, что я этого хочу?

– Но ты говоришь, что он должен жениться на мне.

– А разве это означает, что он непременно должен разводиться со мною? Жильбер может иметь другую женщину, он может вообще находиться в другом полушарии, но я все равно всегда буду существовать здесь для него.

– Даже если снова выйдешь замуж?

– Могу ли я перестать быть Арианой? Я просто буду любить на одного мужчину больше.

– Но... Если у Жильбера другая женщина, а у тебя другой мужчина, что же общего останется между вами?

– Наша любовь, разумеется.

И, видя недоумевающий взгляд Эммануэль, Ариана продолжала:

– Жильбер и я, мы любим друг друга, но это не та любовь, когда, вцепившись в руку другого, не могут отвести от него зачарованного взгляда. Самая большая радость для нас – видеть, что другой не упускает своего шанса.

– Но ведь хорошо жить с тем, кого любишь.

– Конечно, разве я это отрицаю?

– Как будто...

– Нет, моя радость, я вовсе этого не отрицаю. Я знаю только то, что жизнь состоит из перемен – вот это-то и прекрасно в ней. Не страшно, что перемены сопряжены с какой-то неизвестностью, приводят к непостоянству – жизнь за это обязательно вознаградит нас. И лучше броситься в этот поток, жить жизнью. Как только ты подумаешь о том, что ты знаешь, чем это закончится, что ты нашла свою конечную форму и всеми силами своей души будешь стремиться эту форму сохранить, у тебя появится право на постоянство, приличествующее твоему возрасту, и ты получишь свое законное место среди прочих черепов и костей в фамильной усыпальнице, полной тех, кто успокоился раньше тебя.

Ариана де Сайн улыбнулась портретам своих высоко-добродетельных предков.

– Конечно, я рада, что у меня такой муж, как Жильбер. Но каждый из нас будет рад за другого, если тот отправится в какое-то новое плавание. Перемена – не потеря, и сопротивляться этому – просто малодушно.

Ариана посмотрела задумчиво на свою гостью:

– Если Жильбер умрет, я покончу с собой. Ты не представляешь, что означает это слово: любовь.

– Может быть, – согласилась Эммануэль, – может быть, ты права: я еще не знаю, что это такое. Но я учусь.

В другой раз Эммануэль стала размышлять о мистериях Малигата.

– Кто эта девица с дикой львиной гривой?

– Командорша нашего Ордена.

– Она, должно быть, вступила в него в очень нежном возрасте?

– Нет, просто ее достоинства были оценены с самого начала.

– Мне хочется поближе узнать ее.

– Я могу тебя с ней познакомить.

– Не беспокойся, мы уже познакомились. Правда, не очень близко.

– А зачем тебе это знакомство!

– Глупый вопрос!

– Смотри, не обожги крылышки на этом огне!

– Слышала от тебя такие предостережения! Ты же всегда звала меня к новым приключениям и трудным испытаниям.

– Видишь ли, я не знаю, как далеко ты собралась зайти.

– Скажи мне лучше, какие опасности мне грозят?

- Ну, знаешь ли, есть наслаждения и смертельные...
- От чего это зависит? Какие-нибудь сильные наркотики?
- Не совсем то, что тебе кажется... Не спрашивай меня больше!
- Но... А у тебя уже были подобные опыты?
- Я тебе сказала – не спрашивай больше!
- Все-таки мне ужасно хочется узнать Мерви поближе.
- Позволь тогда тебя спросить: а что ты сделаешь, чтобы она тебя захотела?
- А разве недостаточно, чтобы хотела я?

Ариана смотрела на Эммануэль оценивающим взглядом.

– Скажи-ка, – спросила она, – все-таки ты в самом деле больше любишь женщин, чем мужчин?

Эммануэль нахмурилась, задумалась. Она и сама не могла решить для себя этот вопрос.

– Я сама не знаю точно. Они мне нравятся. Я люблю это: притрагиваться к грудям, играть языком в их рту, прижиматься к ним и чтобы они ложились на меня. Я люблю их бедра между моими бедрами. Я люблю ощущать их сок на своих губах...

В ее глазах появилось мечтательное выражение, потом она призналась:

- Но я люблю и сок Сатира. И еще люблю, когда в меня что-то вонзается.
- Что касается этого, то тут я могу тебе помочь.
- Нет, это совсем не то же самое.
- У меня может быть кое-что и получше.
- Это зависит от того, кто берется за дело, – усмехается Эммануэль.
- Решайся же! Хочешь, чтобы я привела сюда какого-нибудь мужчину или положишься на меня?

– Да лучше ты! – воскликнула Эммануэль. Ариана наклонилась и поцеловала ее: «В награду я позволю тебе опорожнить Жильбера».

Она вышла и тут же вернулась, неся в руках сундучок из флорентийской кожи с позолоченными застежками по углам. Он был величиной со шляпную картонку и так тяжел, что Ариана несла его с видимым усилием.

Она поставила ношу на край кровати.

– Ну-ка, открой.

Эммануэль поискала хоть какую-нибудь щель в плотной обшивке. Тщетно.

– Эта штука, видно, с секретом, – констатировала она.

Ариана торжествующе взглянула на нее и кончиком ногтя поддела невидимую пружинку. Крышка откинулась, и Эммануэль всплеснула руками:

– Вот это коллекция! – Она засмеялась и спрыгнула с кровати под жалобный стон пружинного матраца.

Беспорядочно разбросанные, различной длины, в причудливом разнообразии окрасок и форм – фаллосы! Целая плантация этих растений!

Одни были змееобразные, другие напоминали грибы. Были прямолинейные, с отверстиями, уставившимися в небо; были и изогнутые, восточного типа, окрашенные в медный цвет; одни длинные, другие короткие, стройные тонконожки и коренастые крепыши, гладкие и шершавые... Основания стволов были скрыты в чем-то мягком.

Владелица, гордясь, вынимала фаллосы из сундука один за другим. Некоторые из них были сделаны из пористой резины, на ощупь напоминающей человеческую плоть, другие – из фарфора или фаянса и могли извергать из себя жидкость. Они выстроились теперь по порядку – от гигантских шишек до сущих крысиных хвостиков. Часть была снабжена грушеобразной приставкой – нажмешь на нее, и размер увеличивается вдвое, а то и больше. Некоторые,

сделанные из дерева, раскрашенные и полированные, воскресили в памяти Эммануэль храм, куда пришла она с Марио и где пережила свое первое бангкокское потрясающее приключение. Далеко же она ушла от того места!

Эммануэль выбирает вещь из эбенового дерева, взвешивает ее в руке. Черные узловатые жилы выступают на поверхности, напоминая корни баньяна. Другие не привлекают Эммануэль. Нет, она предпочитает это изделие из редкого материала. Вот он, «олисбос», плавно изогнутый, такой приятный на ощупь – она так хорошо отдастся ему!

Но у Арианы на уме другое.

– Да брось ты эти натюрморты! А вот что ты скажешь об этом произведении?

И она показывает своей ученице предмет из слоновой кости. Он совершенно необычайной формы. Вовсе не заботясь о правдоподобию, смело и бесстыдно импровизируя, мастер создал что-то вроде короткого вздутого банана, закругленного с обоих концов. Эммануэль не может понять, как удержать эту штуку после того, как введешь ее. Чего доброго, она выскользнет из пальцев и совсем исчезнет в гроте Венеры.

– Вот как надо им пользоваться, – приступила к объяснению Ариана. – Видишь: он внутри полый и наполнен ртутью. Тебе совсем не надо использовать его как любовника, по методу «ввести-вывести». Ты просто вводишь его и оставляешь там. А теперь можешь походить или усесться в кресло-качалку.

– В кресло-качалку?

– Я же тебе сказала: полость наполнена ртутью. А ртуть все время в движении, разбухает там, сжигается, переливается, ударяет в бока, ни на секунду не останавливаясь. Разве тебе непонятно, как это можно использовать?

– Я хочу прямо сейчас попробовать!

– Подожди. Взгляни сначала и на это...

С первого взгляда в новом экспонате не было ничего замечательного. Сделанный из какого-то блестящего металла, средних размеров, традиционной формы, он ничем не мог заинтересовать. Правда, поражал его вес. И еще Эммануэль заметила длинный шнур, отходящий от его основания.

– Это, кажется электролюбовник? – догадалась она.

– Это вибромассажер. Он доставит тебе те же ощущения, которые ты испытала, когда я тебя водила в одно купальное заведение. Но он заставит тебя ощутить это в самом твоём нутре, а не на периферии, как было там.

– Так это должно быть забавным?

– Да неплохо, но есть кое-что и получше. Вот здесь. И Ариана вытащила из сундучка новый предмет. Он выглядел столь убедительно, что сердце Эммануэль забилося: так это именно то, что есть у каждого настоящего мужчины! Крепость, подвижность этого инструмента, линии и складки его кожи и даже теплота, как будто исходящая от него, – поразительно! Эммануэль схватила его, и он тотчас же напрягся и вспух, словно она прикоснулась к живому существу. Эммануэль пронзительно вскрикнула и уронила игрушку.

«Слава Богу, – подумала она неожиданно, – он упал на постель, ему не больно».

– О, это уж слишком, – протестует она. – Это, наверное, подарок самого дьявола.

Ариана усмехнулась:

– Я никак не думала, что ты из секты манихейцев.

Она поднимает этот плод своего договора с Князем Тьмы, поглаживает его. Мгновенно он словно переполняется, делается пурпурного, цвета, пульсирует в ее руке. Железы набухают, натягивается кожа – он готов к работе.

– Видишь, он уже как будто в тебе, а ты ведь ничего еще с ним не делала. Ты можешь

спокойно лечь и лежать совсем неподвижно, а все остальное – это уже его забота. Он будет двигаться туда-сюда, становиться тоньше, короче, потом снова расти и делаться твердым, как палка. Будет меняться его температура, ритм, он сможет даже посылать волны, от которых ты будешь извиваться и кричать. И, наконец, когда он убедится, что ты уже не один раз испытала оргазм, он прольется в тебя.

– Послушай, ты что, принимаешь меня за идиотку?

– Ну, если ты мне не веришь, попробуй его прямо тут же.

Но Эммануэль не соблазняется. Дивный прибор, по правде говоря, даже пугает ее.

– У него внутри ведь что-то есть?

– Сплошная электроника: батарейки, транзисторы, всякая всячина. Он великолепно оборудован, если ты понимаешь что-нибудь в таких вещах. Знаешь, честно говори, он для меня слишком кибернетичен.

– Ну, не знаю. Иногда хочется попробовать что-то экстравагантное.

Ариана размышляет некоторое время:

– Вообще советую тебе быть в этих делах поэкстравагантней.

Обиженный вид Эммануэль снова вызывает улыбку Арианы:

– Мне хотелось бы посмотреть на тебя в доме одного моего знакомого. Там ты могла бы поиграть с более искусными механизмами, а не с такой игрушкой, как эта. Но ты, кажется, противница прогресса.

Ее гостья не реагирует на это провокационное заявление, и Ариана продолжает:

– Я вижу, тебе неинтересны вещи, о которых я могу рассказать?

Любопытство Эммануэль оказывается явно сильнее ее осторожности, и, уяснив себе это, Ариана становится хозяйкой положения:

– Что ты мне обещаешь в обмен на мою историю?

– Я отброшу последний стыд.

– Хорошо, тогда вот что. Сегодня вечером, на теннисе, ты надень свою плиссированную юбочку и чтобы под ней ничего не было. И не обращай на это внимания, прыгай, как горная коза.

– И для кого же этот бенефис?

– Для Каминада. Он еще не встречался с тобой и очень этого хочет.

– Ты никогда мне о нем не говорила.

– А мне нечего о нем сказать. Он для меня сплошной вопросительный знак.

– Он молодой или старый?

– Твоих лет.

– Бедняга, ему не повезло!

– А разве ты вышла замуж не за молодого? И, кажется, ты не отказываешься от совсем невинных.

– Чтобы учиться чему-то, мне нужны люди постарше, поопытней. Или ты думаешь, что я уже настолько продвинулась в своем обучении, что могу сама давать полезные уроки?

– Уроки мальчишкам, которые выстраиваются в очередь, чтобы увидеть твои ноги и умереть от желания?

– Ну, пусть так. Но я думаю, что ты поможешь мне обучать их чему-то лучшему в жизни. Мы могли бы вести наши занятия вместе.

– Вот для начала ты и можешь попробовать моего приятеля Каминада.

– В чем он наиболее слаб?

– Ему пока не хватает удовлетворения. Но вот, представь себе, что ты ведешь урок в своем классе. Что ты будешь делать, чтобы твой ученик не занемог от неудовлетворенного желания?

– Я постараюсь претворить его мечты в действительность.

– Но тогда ты ни в чем не должна будешь отказывать! Это будет совсем новый мир.

– Ты мне сказала, что первую фазу уже втайне изучила.

– Только не думай, пожалуйста, что роботы заменяют мужчин оттого, что они, так сказать, сверхчеловечны.

– А что же в них тогда хорошего?

– Они помогают нам ждать.

– Ну так, значит, люди стоят не меньше, чем их изобретения.

– Перестань спрашивать. Я сейчас тебе кое-что расскажу.

Ариана устроилась поудобнее, положив голову на живот Эммануэль, медленно лаская ее соски одной рукой, другой она занималась своей грудью.

– Прежде всего, представь себе стальную стену, холодную, как ледяная скала, всю испещренную циферблатами, ручками, микрофонами и выключателями. Три другие стены покрыты шелком лилового, коричневого или еще какого-нибудь пастельного мягкого тона, у каждой стены – кабины. Кабины эти невелики: шесть футов длины, пять ширины, а высота такая, что вполне можно стоять во весь рост. Окон нет... да, разумеется, нет. Свет струится из какого-то скрытого источника. Кондиционеры. И все время слышится музыка, скорее беспокоящая, чем успокаивающая. Такое впечатление, что ты в какой-то лаборатории или современной клинике, безликой, равнодушной. Ничего, что напоминало бы будуар. Ты стоишь там и не имеешь ни малейшего представления, что же надо делать. Нет ни кровати, ни кресла.

Ариана замолкла на мгновение, наслаждаясь прикосновением своих пальцев к двум мягким полушариям, слегка вздохнула и продолжала:

– Но вскоре ты понимаешь, что тебе придется лечь на пол, и убедиться в этом тебе помогает покрытие пола. Это шелк, но более роскошный и мягкий, чем настенный, напоминающий о комфорте старины. И в самом деле – там большое стеганое пуховое одеяло и подушка из мягкой пористой резины. Так... Опытный ты человек или нет, но дверь, тоже покрытая шелком, за тобой закрывается, и ты остаешься одна или вдвоем с ассистентом, мужчиной или женщиной, это уж как ты пожелаешь. И он начинает тебя вводить в курс всей этой машинерии. Объясняет значение всех этих кнопок, ручек и циферблатов. Ты, конечно, ни черта не можешь понять, и вы оба весело смеетесь над этим. Если бы в этой кабине была ты, Эммануэль, я боюсь, что ты плюнула бы на всякую механизацию и всласть понатешилась с ассистентом... Но ладно, предположим, что это был кто-то менее импульсивный...

– Как ты, например!

– Да, вроде меня. Ну так вот, опускаю все эти технические подробности и стараюсь запомнить только самое главное. Отпускаю ассистента и начинаю действовать по инструкции. Ложусь на спину, ногами к металлической стене, конечно, раскинув их пошире. В тот же миг я замечаю, что потолок, казавшийся мне совершенно голым, начинает оживать! Появляются силуэты самой разной формы и расцветки, и передо мной разворачиваются самые разные эпатажные сцены. Чего там только нет! Бородатый старик с маленькой девочкой; еле созревшие мальчишки друг с другом; пятеро дикарей забавляются с прекрасной пленницей, все одновременно, используя все возможные части ее тела, не пренебрегая никаким отверстием; дриады спариваются с кентаврами и лебедями; современные юные твари, дико сосущие друг друга или отдающиеся ослам и собакам. Эти соблазнительные картины сами по себе способны оживить мертвеца, но тут еще подошвами ног я нащупываю под покровом две большие педали. Чуть-чуть нажимаю на них, и из стены начинают одновременно выдвигаться (в зависимости от того, как хорошо я запомнила инструкцию) металлические щупальца, напоминающие душевые шланги. Они появляются очень медленно, плавно, и вдруг на конце одного из них я вижу

великолепный мужской орган! И тут же убеждаюсь, что и другие снабжены не хуже. Все они на вид мягкие, как кожа ребенка, нежные, как звук гобоя, и все они готовы превратиться в нечто еще более богатое и причудливое. Вот и вообрази себе, что при этом должна испытывать женщина. Но она должна сделать выбор... И вот тут-то гений изобретателя этой кабины становится очевиден. Какой бы неопытной ты ни была, как бы ни был слаб импульс, посланный тобой через педали, к тебе направится тот, о котором ты подумал. Вот они пускаются в медленный, волшебный танец, извиваясь, переплетаясь друг с другом, приближаясь к тебе, но не прикасаясь. И когда ты в отчаянии, разгоряченная, уже готова приступить к мастурбации, в тот же миг одна из этих очаровательных рептилий приникает к тебе и не промахивается! Точно попадает куда надо! Ощущение абсолютно потрясающее, и ты не можешь удержаться от крика: «О да! Как раз сюда! Задайте мне!». Ты ошеломлена, потрясена, а почему бы и нет: такова мощь искусства и науки. Там, где ты ждала встречи с презренным металлом мягкое и нежное дыхание любовника. Ты ждала глубокого пронизывания, всяческих увечий, но ласки и проникновение так сладки, что ты чуть ли не плачешь от счастья. И это делается все крепче, это вырастает и поворачивается, и вдруг становится страшно: ты же не знаешь, когда это прекратится, и тебя будут накачивать, пока ты не умрешь от наслаждения. Но чудесным образом это творение знает лучше тебя, твои возможности и исследует тебя, как никто до этого. Твое тело теперь лежит широко раскрытое, как на уроке анатомии. И очень скоро ты перестаешь о чем-нибудь думать, ты смеешься, плачешь, содрогаешься, изнемогаешь, умираешь, живешь незнакомой жизнью, улетаешь в другой мир. Ты думаешь, что это все, но гениальные педали снова расшевеливают гнездо нежных змей. Другая голова заменяет ту, что так сладко истерзала тебя только что.

Новые ощущения. На этот раз это напоминает могучий и регулярный поршень, который продолжает действовать все решительней с каждым движением, и ты вопишь от наслаждения. Пока ты лежишь, задыхаясь, положение меняется, и снова новая частота движений и их сила. Теперь ты лежишь, растянутая гигантскими аппаратами, и длинные, тонкие, гибкие прутья трепещут внутри тебя...

– И так без конца?

– Нет. Могучие, как роботы, они все же остаются мужчинами. Они кончают тогда, когда все эти искусственные символы мужской силы достигают своего максимума и закачивают в тебя свои соки, если им удалось проникнуть в тебя, или извергаются на твои груди, на твой живот, лицо. Или же они порхают в воздухе над тобой. Их сперма удивительно жирна и пахнет мускусом. Если хочешь, ты можешь вволю наглотаться ею и утолить жажду. Один за другим громадные стержни проникают в твой рот, они более сочны на вкус, чем человеческая плоть, и извергают длинными струями свой сок. Потом, по сигналу машины, появляются ассистенты и переносят тебя из кабины в другую комнату, где ожидающие клиенты, – а они уплатили целое состояние за эту привилегию, – приступают к тебе, прежде чем ты успеешь ощутить их присутствие. Так вот ловкие хозяева этого заведения извлекают многостороннюю выгоду: получают круглую сумму с тебя за пользование автоматами и с других – за пользование твоим телом, причем о второй продаже ты можешь даже и не знать.

Из своей сокровищницы Ариана извлекает два длинных каучуковых фаллоса, абсолютно одинаковых, с огромными головками. Она соединяет их основания, создавая двойной «дидлос», перевязанный посередине кожаным поясом. Из всех сил она сгибает этот агрегат, как стальную пружину. Две головки соединяются, а потом отскакивают друг от друга, возвращая сооружению первоначальную форму.

И этот «иттифаллос» Ариана погружает как можно глубже в лоно Эммануэль. Затем, раздвинув ноги подруги, приближает к ней холм Венеры. Насаживает себя на другой стержень и опускается все ниже и ниже. Ложится на Эммануэль, как сделал бы это мужчина-любовник, и

ласково и осторожно начинает раскачиваться. При каждом толчке она чувствует отдачу упругого копья и начинает постанывать, склоняется еще ниже и страстно целует Эммануэль, кусая ее губы. Она шепчет нежные слова, соски ее трутся о соски Эммануэль. Крепкие ягодицы Арианы прыгают вверх и вниз во все убыстряющемся темпе, и ощущения ее так похожи на мужские, что ей кажется, что у нее происходит эякуляция. С той лишь разницей, что она не обессиливает Ариану, а только придает ей силы. И она продолжает работать над своей подругой, а та бьется в оргазме, плачет слезами наслаждения и чуть ли не до крови царапает скульптурную спину своей любовницы. И так они продолжают, забыв обо всем на свете, до наступления ночи. Жильбер выходит из своей комнаты, смотрит на них и на цыпочках возвращается обратно.

– Жильбер, скажи мне, у Арианы было много любовников?

– Много.

– А как это началось?

– Еще до знакомства со мной ей просто нравилось хорошо проводить время. А я научил ее любить хорошо проводить время с другими.

– Выходит, она обязана тебе своим умением?

– Ну, не только мне, у нее было много и других учителей. Вообще-то самоучкой многому не научишься.

– Да, но сколько девушек, и умных девушек, так и остались без учителей до самой смерти!

– Да. Ты же не перестала быть девственницей даже после седьмого любовника.

– Ариана, расскажи мне, как ты потеряла свою невинность.

– Когда нас помолвили, я была безумно влюблена в Жильбера и нравилась всем его друзьям. Однако их достоинство не позволяло им показывать это. Жильбер часто поручал меня их попечению, причем делал это так, что мне иногда становилось не по себе. Он мог, например, после какой-нибудь вечеринки спокойно пожелать мне доброй ночи и попросить кого-то из приятелей проводить меня домой. Сначала я злилась: может быть, я ему надоела? Он сыт мной по горло? Я мешаю ему в чем-то? Но потом я поняла, что он все это делает не потому, что хочет сохранить какую-то дистанцию между нами, а для того, чтобы предоставить меня другим, а после пофантазировать о том, чем мы там с ними занимались. Ведь еще раньше, когда мы бывали с его друзьями, он просто наслаждался, видя, как у них, стоит им посмотреть на меня, чуть ли не рвутся молнии на брюках. Именно поэтому он так часто и приглашал друзей. А уж совсем было для него наслаждением, если бы он мог сидеть и любоваться, как я отдаюсь этим людям.

Я научилась, и довольно быстро, разделять это ощущение: я трепетала, как струна. Сначала, правда, было немного страшновато, но вскоре мое воображение разыгралось: аппетит приходит во время еды. Как было здорово, сидя в автомобиле, мчавшемся сквозь ночь, между двумя самыми близкими друзьями своего жениха, сжимать под вечерним платьем свои ноги! Я никогда не делилась с ним и не просила его об этом. Но в один прекрасный день это новое, незнакомое прежде чувство свободы переполнило меня и дало совсем неожиданное удовольствие. И вот я ехала в этой машине, все время думала о Жильбере, у меня просто все раскалилось между ногами при мыслях о нем. Но в то время я украдкой старалась все больше искушать моих спутников, – а то, что я для них великий соблазн, это я понимала. То как бы случайно коснусь грудью руки, то прижмусь плечом к плечу... А если мы ехали издалека, я обязательно засыпала и клала голову кому-нибудь из них на плечо, и мои волосы щекотали его шею. И если рука одного из них оказывалась, совершенно случайно, разумеется, на моей развилке, то я уж позволяла ей там как следует отдохнуть и отогреться... Я уже совсем была готова лечь в постель с одним из них, но у них не хватало решимости. Когда мы прощались у

ворот моего дома в полной темноте и безмолвии, я позволяла им целовать меня в щеку и так крепко прижимать меня к себе, что они должны были понять, какие желания меня обуревают.

На следующий день я рассказывала Жильберу, как мне нравятся его друзья и как намокают мои трусики, когда я сижу между ними, сжатая с обеих сторон, как ветчина в сэндвиче; после таких рассказов он еще больше влюблялся в меня, и всякие чудесные мысли рождались в моей голове...

Все так и продолжалось, его друзья часто провожали меня, и с каждым таким провожанием мое желание все увеличивалось. И вот однажды ночью один из провожатых прикоснулся ладонью к моей груди; я не стала ему противиться, и тогда он начал расстегивать мое платье, путаясь в крючках, а я почти бессознательно стала помогать ему. И вот он ласкает меня, проводит рукою по моей коже и замирает, нащупав сосок и сжав его пальцами, словно понимая, что на первых порах этого для меня достаточно – я уже была готова. Не помню, как долго продолжалось это состояние. Автомобиль медленно двигался дальше, водитель смотрел на дорогу, но я чувствовала, как он напряжен, и обмирала от предвкушения. Машина резко остановилась. «Боже, – подумала я, – я не скажу ни слова, ведь они знают, что им надо делать. Но если они испугаются, я возненавижу их». Потом я подумала, что неплохо было бы повстречать Жильбера сразу же после того, что приключится, но тут же устыдилась: это уж – зайти слишком далеко.

Они не очень торопились, ну и пусть! Первый все играл моими сосками, а второй, водитель, сидел и смотрел на нас. Я хотела отдаться им совсем голой я знала, как их мучает представление о моей наготы. Раньше я наслаждалась этими пытками, дразня их своими обнаженными ногами, вдруг появлявшимися из-под вечернего платья. Но теперь я хотела, чтобы они видели не только мою грудь, но и всю меня, чтобы они ощупывали меня и спереди и сзади, я хотела чувствовать их руки на себе, горячие руки не Жильбера, не того, кому я «вручена» и кому я изменяю еще до того, как стала его женой. Только вы, неверные жены, можете понять, что я тогда испытывала! Да нет, даже вы не можете. Отдаться друзьям своего жениха, который притворяется, что доверяет тебе так, как можно доверять только невесте: конечно, неслыханно, что такой надежный эскорт, такая молодая женщина могут уничтожить целый миф несколькими удачными движениями – да вы не имеете ни малейшего представления о том, какая восхитительная мечта вот-вот осуществится! Я посмотрела на свои ноги. Человек за рулем смотрел на них же. Как возбуждающе они выглядели! Извиваясь под ласками, я плавно подняла платье. Я хотела, чтобы они увидели мою бородку, все еще упакованную в кружевные трусики. Я подалась вперед, и тотчас же рука отпустила мою грудь и рванулась вниз, к моему гроту любви. Потом они открыли дверцу автомобиля, вынесли меня оттуда и в тени деревьев уложили на ложе, сотворенное ими из сброшенной тут же своей одежды. И принялись за меня. Они пропустили меня через весь свой секс-репертуар, и все это молча, не обменявшись ни словом друг с другом, не говоря уж обо мне. И так мы лежали там, замерзшие, покрытые грязью, потом и семенем, совершенно измученные, спина моя болела. Но как мы смеялись потом! Как смеялись! А я смотрела на себя с восхищением: вот она я в чем мать родила, с отпечатками веток и листьев на всем теле, ночное чудо, хорошенькая пай-девочка, раздвинувшая ноги на влажной пряной земле перед двумя мужиками, пьяная от счастья и собственной отваги.

Эммануэль не прерывала Ариану. Она слушала, лежа на животе, опираясь на локти, похожая на сфинкса, готового заниматься любовью.

– Ну, после этого Жильбер и я вполне созрели для брака. Я не стала ему ничего рассказывать и его друзья, разумеется тоже. Зачем? Быть его женой – как я хотела этого – оказалось праздником! Сначала мы вели себя как все молодожены: не могли оторвать глаз друг от друга, и дни и ночи наши сердца бились рядом. Но потом мы вспомнили об оставшейся части

человечества и вскоре убедились, что среди них, друзей и посторонних, много тех, кто заслуживает нашей любви. И поиски их – это и есть история нашего брака. Мы хорошо помним слова Создателя нашего: «Человек не может быть один». Мы это хорошо понимаем. Вот и весь наш секрет, наша маленькая сладкая тайна. И всем этим я обязана своему мужу. Он научил меня... дружбе.

Эммануэль поражалась спокойному – будто только что удовлетворено желание лицу Арианы.

– И я уяснила себе, что друзья, которые не испытывают к нам никакого желания – не настоящие друзья. А тем, кто томится по нашему телу, мучается страстью, но не дает себе воли, предстоит еще долгий путь, прежде чем они станут достойными нашей дружбы.

– И как же нам поступать с ними тогда?

– Так же, как поступаю я, когда отдаюсь им. Чего я хочу для друзей? Причинять им страдания? Искать их лишь для того, чтобы лишить их моих ценностей? Ведь это они сделали эту землю приемлемой для меня: значит, они имеют право на все, что у меня есть. А у меня нет ничего лучшего, чем мое тело.

И Ариана так закончила свою исповедь:

– Жильбер был моим первым и самым лучшим другом. Лучшим даже после всех, кого я знала потом. И когда я вижу его нагим в моих объятиях, это решает проблему, вызванную двойственностью моего прежнего воспитания, ибо голого любовника не отличишь от голого друга. Скажи-ка мне, Эммануэль, повернешься ли ты ко мне спиной сегодня ночью, если я признаюсь тебе, что ты для меня одна и та же женщина, зову ли я тебя своей любовью или своим другом?

Возраст мудрости

– А мы уже все решили, что вы пропали, – говорит Анна-Мария, выходя из машины и вытаскивая мольберт и ящик с красками.

– Может быть, – отвечает вялым голосом Эммануэль.

– Куда идти?

Эммануэль взмахивает рукой:

– Вот сюда, на террасу.

На этом месте, вспоминает она, передо мной открылись прелести Мари-Анж. Но Анна-Мария не ведает об этом.

Мимоходом Эммануэль берет шоколад и кока-колу, распорядится, чтобы Эа приготовила свежий лимонный сок.

– С тех пор, как я стала к вам присматриваться, – сказала Анна-Мария, взяв Эммануэль за плечи и усаживая ее посреди раскиданных подушек, – я знаю, что вы не можете обойтись без различных эскапад.

Эммануэль упрямо покачала головой.

– Смотрите на меня, – гостыя твердыми пальцами взяла Эммануэль за подбородок и подняла ее лицо. Потом она пристально посмотрела в глаза своей модели. Эммануэль услышала биение собственного сердца. Анна-Мария села, скрестив ноги, прямо на мозаичный пол террасы напротив дивана, на который она усадила Эммануэль. Появился мольберт с небольшим куском холста.

– Вы хотите, чтобы я уместилась на таком кусочке? – спросила модель.

Художница улыбнулась, когда Эммануэль закончила свой вопрос.

– Может быть, лучше, чтобы я разделась?

– Это мне не важно. Я стараюсь поймать ваши глаза.

Эммануэль недовольно протянула:

– Но я не люблю позировать.

– А вы и не позируйте. Начните просто рассказывать мне о тех ужасных вещах, которые вы испытали у Арианы.

– Вас это интересует?

– А почему бы и нет? Это, может быть, поможет мне лучше понять вас.

– Чтобы «поймать глаза»?

– Да кто знает...

Во вздохе Эммануэль слышалось все, что угодно, но только не смирение. Она мучительно раздумывала, что ей сказать, чтобы вывести Анну-Марию из равновесия. Ага!

– Это самое худшее время моей жизни. Я так хорошо могу изобразить...

Анна-Мария смотрела на Эммануэль, как бы спрашивая, что же в происшедшем такого плохого. И Эммануэль объяснила, не дожидаясь прямого вопроса:

– Представьте себе, позавчера я выяснила, что после всего этого не забеременела. Целых четыре дня мне казалось, что мне надо готовиться стать матерью. Но, наверное, это была перемена климата или еще что-нибудь.

Она, казалось, забыла обо всем, погрузившись в какие-то сложные вычисления, загибала пальцы, что-то шептала про себя. Анна-Мария явно решила не следовать за нею по дороге, вымощенной дурными намерениями. Не говоря ни слова, она занялась работой: провела на холсте несколько линий черной и серой краской, образовавших какой-то странный пейзаж. Эммануэль, разочарованная тем, что предмет ее рассуждений не вызвал никакого интереса,

потянулась к холсту.

– Можно взглянуть?

– Нет, там еще ничего нет! И, если можно, давайте не говорить о том, что я делаю, пока я все не закончу.

– А когда вы думаете закончить?

– Но ведь спешки никакой нет. Вы же сами сказали, что вы мечтали об этом, об этих четырех-пяти днях.

– Есть множество хороших вещей, которыми можно заняться в это время, должна я вам сказать.

О, Анна-Мария не сомневалась, что это за хорошие вещи, – конечно же, разнообразные формы любви! Но она решила не углубляться в детали.

– И Несмотря на все, – сказала она, – вы вернулись к мужу. Ариане, наверное, это не очень-то понравилось?

Эммануэль раздраженно пожала плечами:

– Вы ничего не понимаете. Я очень хотела найти Жана, но как-то прозевала его.

– Так вам хотелось пригласить его на чашку чая с вашими новыми товарищами по играм?

– Я именно так и поступила.

– И как же он реагировал на это?

– С очень большим чувством юмора. Мы потом сидели все вместе, объедались пирожными и хохотали вовсю.

– И это все?

– А потом мы с Жаном улетели, как два влюбленных голубка.

– Бедная Ариана!

– Почему? Я увижу ее еще не раз.

– А граф де Сайн?

– Он будет иметь меня в любое время, когда захочет.

На этот раз молчание Анны-Марии было почти угрожающим. Потом она спросила:

– И Жан вам так ничего и не сказал по поводу ваших приключений?

– Он был рад, что мне было хорошо. Вот именно это он и сказал.

– А вы? Как вы могли развлекаться, зная, что он одинок?

– Он не был одинок, я думала о нем постоянно. С ним были мои мысли о нем.

Лицо Эммануэль вспыхнуло:

– И потом, не надо преувеличивать. Не на такое уж долгое время я «предала» его. Он провел без меня всего две ночи.

– А что бы вы сказали, если бы он их провел с какой-нибудь вашей приятельницей?

Эммануэль посмотрела на нее широко раскрытыми глазами – что за дурацкий вопрос!

– Но это было бы прекрасно! Ничего лучшего и представить нельзя! Если бы я только лучше знала Мерви...

– Мерви?!

– А что такого? Разве она не прелестна?

– Прелестна?.. Не знаю. Но Жан и... она!

– Почему вы так удивляетесь? Разве они не могли бы поладить?

– Эммануэль, милая, вы в самом деле немножечко ненормальны или, возможно, более невинны, чем я могу себе представить. Вы сказали, что вам понравилось бы, если бы этой девице представился случай увести Жана?

– Увести его? Что это такое? Разве женщина не может спать с моим мужем, никуда его не уводя?

Видя изумление собеседницы, Эммануэль громко расхохоталась:

– О, Анна-Мария, послушайте: я занимаюсь любовью с мужчинами, которые делают это лучше, чем мой муж. И несмотря на это, у меня и в мыслях нет уйти от него и остаться с ними. Наоборот, после них я его люблю еще больше! Как вы это объясните?

– Я не собираюсь в этом разбираться...

– Но это же так просто! Это показывает только две вещи: первое – я люблю Жана, второе – чем больше я занимаюсь любовью, тем больше я узнаю, как надо любить его.

Анна-Мария сделала гримаску. Эммануэль продолжала:

– Если любовь чувствует, что не в силах перенести того, что другие умеют заниматься любовью лучше – так зачем же тогда любви жить? Ей же нечем тогда и похвалиться. Не так ли?

– Так это один из резонов, по которым вы предпочитаете женщину, все-таки остающуюся с мужем, – объяснила Анна-Мария, стараясь придать голосу спокойную убедительность.

– Кто «предпочитает» это, – в тон ей ответила Эммануэль, – так это только перепуганные люди. Это все тот же добрый старый страх, на котором построена вся наша добродетель.

– Но если Жан мучается от вашего распутства и только старается не высказывать этого?

– Жан не боится этого и не мучается, вот потому-то я его и люблю.

– Может быть он вас сам подталкивает к другим мужчинам?

Эммануэль вздохнула – если бы!

– Нет, он этого не делает. Он только дает мне разрешение.

И добавила с типичной для нее откровенностью:

– По правде говоря, было бы куда лучше, если бы Жан в этом смысле поступал, как Жильбер. Вот это сделало бы меня одной из самых счастливых женщин в мире!

– Жильбер? А что же он делает?

– Он одалживает Ариану своим друзьям. Вот как ей повезло!

– Какой ужас!

– Опять вы за свое! Совсем потеряли голову от страха.

– Но, Эммануэль, неужели вы окончательно перепутали понятия о том, что хорошо и что плохо? Как вы можете одобрять мужа, торгующего телом своей жены, словно это какой-то предмет потребления?!

– Торгует – это не то слово, он ведь ничего не просит взамен. А вот потребление – это вы хорошо сказали. И я люблю, когда меня потребляют.

Она была явно довольна меткостью своего последнего выстрела.

– Конечно, такой дележ, такой «лэнд-лиз» только усиливает чувство собственности. Мужревивец, который не выпускает жену из своих лап – скупец, зарывший талант в землю.

– А в таком случае, почему вы не предложите Жану стать вашим сводником?

Эммануэль подняла бровь: похоже, что ей подарили неплохую идею! Некоторое время обе молчали. Анна-Мария снова погрузилась в работу. Но вот она оставила кисть, оперлась локтем о диван. Эммануэль рада была услышать, что художница вернулась к предмету беседы:

– Значит, Ариана отдается только тем мужчинам, которых ей предлагает муж?

– О нет!

– Тогда она, согласно вашей теории, совершает не правомочный акт. Она лишает Жильбера его права предоставлять жену мужчинам по его выбору. Она просто нарушает сто супружеские права. Она ведет себя не как жена, а как свободная женщина.

Воодушевленная своими успехами в логике, Анна-Мария отважилась продвинуться дальше:

– А вы поступаете еще хуже: вы отдаетесь тем, о ком Жан вообще ничего не знает.

– Есть много способов быть хорошей женой, – задумчиво произнесла Эммануэль. – Главное, конечно, в том, чтобы запрячь всю эротическую энергию в супружескую коляску. А

после этого все, что мы хотим, – это установить счастливые любовные отношения.

– Я очень сомневаюсь в ваших методах.

– И зря. Я уже сказала вам, что чем больше я занималась любовью, тем больше я училась любить.

– Выходит, дело просто в технике?

– Нет, мой прогресс был не только в технике. Здесь была не только физиология, но и психология. Я научилась не страдать от того, что не должно причинять страдания. Ведь любовники больше мучают друг друга вместо того, чтобы просто любить. Я вылечилась от этих ужасных привычек. Я не хотела, чтобы любовь мучила, я хотела, чтобы она успокаивала. Не экзаменационной, так сказать, неделей, а вечными каникулами. Да, я поняла это в самое время. И всякий, прежде чем захочет научиться жить в браке, должен научиться просто жить.

– Но право на нетронутость – это же неотъемлемое право будущего супруга.

– Так все еще утверждают. Но есть и другой путь: вместо невинности, фаты, букетика флерд'оранжа и прочих предрассудков невеста приносит мужу любовь к любви, знание науки и искусства любви! Или, если уж она не решилась пройти все это перед свадьбой, она должна немедленно научиться этому после. Сразу же приступить к этому. И мужья будут гордиться и восхищаться теми женщинами, которые будут рыскать вокруг и возвращаться из своих набегов свежими, как цветы, вместо того чтобы вянуть в сумерках супружеской верности.

– Что за поэтическая речь! Стало быть, каждая порядочная пара приговорена к вымиранию.

– Просто так устроена жизнь. Брак можно обновлять только стимулированием, только бесконечными, как вы выражаетесь, эскападами – такова природа, соль, превращающая нашу еду в пищу богов.

– Но если эта приправа отравит ваши кушанья? Если ваш брачный союз умрет от таких приправ?

– Тогда туда ему и дорога! Значит, это был никуда не годный союз. Что жалеть о пролитом молоке! Развал такого союза никому не повредит.

– Значит, имеет значение только послушание Эросу, как вы говорите? Ну, а ревность тех женщин, у которых вы отбираете мужей? Они-то имеют на что-нибудь право?

– А я разве обязана быть хранительницей их очага? Защитницей этого дикого пережитка? Я слышала, среди некоторых племен существует обрезание для девочек. Им ампутируют клитор, чтобы они не очень-то рвались к наслаждениям. Там даже не надо прибегать к помощи медиков: их матери сами соглашаются провести такую операцию. Так вот: я ненавижу тех, кто смотрит на мир глазами этих женщин из африканского племени.

– Ну, а будет ли ваш муж в восторге, когда в один прекрасный день вы подарите ему ребенка от чужого отца? А потом еще и еще?

– Эти дети не будут от «чужого отца». Они будут детьми человека. А происхождение человеческого существа никого не должно интересовать. Если у меня будут дети, я не буду заботиться о том, сколько ошибок сделают они в школьных сочинениях, я буду заботиться о том, чтобы они жили в прекрасном мире. И если это не будет терпимый и свободный мир, тогда мой ребенок окажется в самом деле просто гибридом.

Анна-Мария оторвалась от своих кистей и подняла голову:

– Скажите, Эммануэль, а вы все позволите вашим детям?

– О нет, я запрещаю им вернуться в XI век.

– А о какой любви вы расскажете им?

– Существует только одна любовь, и она неделима.

– Но разве вы их будете любить той же любовью, какой любите Жана?

– Я же говорю вам, у любви только один путь.

– Но с Жаном вы спите, хотя и не считаете это его исключительным правом.

– И что?

– Что же, вы с детьми будете идти тем же путем?

– Ничего не могу сказать вам сейчас. Но вы узнаете это, когда я познакомлюсь со своими детьми.

– А вы позволите им любить друг друга?

– Позволю? Ну конечно! Чудовищно запрещать им это.

– Да, я вижу, что хуже ничего не придумаешь...

– Так и есть! Вы в ужасе! Это же самое страшное табу, да?

– Но ведь это же законы от Бога! И разве вы не понимаете, что это законы самой природы?

Вы что же, считаете, что их не существует?

– Я принимаю их все: у меня нет другого выбора. Мои электроны вертятся вокруг ядра, как им заблагорассудится, сила тяжести тянет меня книзу, и в один прекрасный день я умру, ибо все смертны. Пока наука не в силах помочь мне опровергнуть эти законы, – а она вряд ли сможет это сделать, – мне ничего не остается, как соглашаться с ними. Но я не вижу в них ничего, что запрещало бы брату любить сестру. А если по правде, то мне кажется, что иногда природа не то чтобы запрещает, а даже поощряет такую любовь.

– Вы имеете в виду любовь без физического контакта? Но это же, в вашем понимании, невозможно.

– Это вы так говорите, это вы придумываете ограничения. Я говорю только то, что ничего невозможного нет.

Эммануэль потянулась, как кошка, зевнула, совсем не стремясь скрыть, что дискуссия начала ей надоедать. И вдруг вспыхнула:

– Любовь без объятий, объятия без любви – вот уже две тысячи лет ханжи кружат вокруг этого вопроса, как мошки вокруг лампы. Ничего страшного, если они повредятся чуть-чуть в уме, но они ведь хотят, чтобы тронулась вся планета! Они нацепляют фиговые листки, придумывают для таитянок ситцевые платья. Они хотят заставить нас бояться собственного тела. Это все равно, что обривать кого-нибудь в наказание.

– Но есть и другие ценности, кроме телесных.

– Опять за свое! Телесных! Да моя душа воспарит гораздо выше, чем у каких-нибудь вечно молящихся святош.

– Ох, Эммануэль, вы вещаете просто пророчески. Ей-богу, я начинаю колебаться. Если бы вы разъяснили мне более убедительно свою истину, может быть, у меня и родилось бы желание идти по вашим стопам.

– Ну что ж, посмотрите, пожалуйста, на меня. Выгляжу ли я, как дьявольское создание? Похоже ли мое лицо на лик демонов? И посмотрите на мое тело найдете ли вы там знак проклятия?

Она быстро рванула с себя свитер, как две чаши, взяла в руки свои груди и поднесла их прямо к лицу Анны-Марии. Анна-Мария улыбнулась.

– Говорят, что дьявол красив, – вздохнула она, – но я в это не верю. Красота исходит от Бога.

– И опять ошибка, – сказала Эммануэль. – Красота исходит от человека.

Анна-Мария любовалась Эммануэль, не произнося ни слова. Потом вздохнула, и в этом вздохе слышалось какое-то сожаление. И она начала собирать свои художнические принадлежности.

В воскресенье днем Жан повел жену и Кристофера на скачки. Эммануэль всматривалась в толпу, но знакомых лиц не видела. На нее, как обычно, бросали восхищенные взоры, но в них не

было ничего, что говорило бы о том, что таланты Эммануэль известны любопытствующим. Так, подумала Эммануэль, элита на скачки не ходит.

Еще большим было ее удивление, когда она наткнулась на Ариану в сопровождении двух не очень примечательных иностранцев.

– Показываю знакомым дипломатам город, – сообщила графиня. – А ты что здесь делаешь?

– Жан учит меня ставить на лошадей и выигрывать.

– И ты выигрываешь?

– Все время.

– Еще бы, ты ведь самородок!

Они рассмеялись. По радио проблеяли что-то непонятное, и Эммануэль изящно повернулась на каблуках, чтобы увидеть, что происходит; юбка взлетела кверху, ослепив на мгновение мир зрелищем двух выпуклых ягод, и потом снова опала.

– Неплохо, – одобрила Ариана. – Вот бы показать это Кристоферу. Что ты так вытаращилась?

– Он влюблен в меня.

– А ты?

– По-моему, он милый.

– А в постели хорош?

– Это я тебе расскажу позже.

Она переменяла тему:

– Я получила письмо от Мари-Анж.

– Господи! И что же она пишет?

– Пишет о море, о ветре, о песке, о волнах, о языках пены на берегу... Чрезвычайно поэтично.

– Видно, она что-то скрывает.

– А подписалась так: «Преподобная мать Мария из Святого Оргазма, приоресса нашей приснодевы Мастурбации».

– Это звучит лучше.

– И еще она написала, что виделась с Би.

– Ах, вот как!

– Слушай, как ее настоящее имя?

– Чье?

– Би. Перестань притворяться.

– Ах, Би! Абигайль. Абигайль Арно.

– Слушай, этого не может быть.

Смущенный вид Эммануэль удивил Ариану.

– Что с тобой?

– Но ведь это же моя фамилия. Я – урожденная Арно...

– Ну и что здесь необычного? Я уверена, что какой-нибудь твой двоюродный дед эмигрировал в Америку.

– Не говори глупостей.

– Конечно. Но вообще-то я хочу тебе сказать: я думаю, что Би не существует, ты ее выдумала.

Эммануэль потерла лоб.

– Знаешь, мне иногда самой так кажется... Но, а как же ее брат? Он тоже плод моего воображения?

– Для меня нет, – сказала Ариана многозначительно. – По крайней мере после Малигата.

- Он любил тебя в ту ночь?
- О-о, и делал это божественно!
- И со мной то же самое.
- Правда? Bravo, крошка. Нам обеим выпала большая удача.
- Что здесь неожиданного?
- Потому что, должна тебе сказать, он ни на кого не смотрит, кроме сестры.
- Своей сестры? Он ее так сильно любит?
- До умопомрачения!

Эммануэль задумалась:

- Значит... Он... Ты думаешь, что она его любовница?
- Что за вопрос! А ты этого не знала? Они и не делают никакого секрета из этого. Майкл и Абигайль, Абигайль и Майкл – это звучит, как Дафнис и Хлоя. Она разве тебе не рассказывала?

Эммануэль, совершенно потрясенная, ничего не ответила. Она только прошептала, как в полусне: «Они любовники...».

– И тебя это возмущает?

– Нет, нет...

– Вспомни, что говорят эксперты: «Кровосмешение укрепляет семейные узы и, следовательно, содействует преданности родине». – Ариана подмигнула, – Те, кто лежат рядом и встают рядом.

И Эммануэль неожиданно широко улыбнулась.

– Они торчат там уже два часа и смотрят на своих четвероногих друзей, заметила Ариана чуть позже, – Тебе интересны все эти рысаки?

– Честно говоря, нет.

– Прекрасно! Почему бы вместо них не посмотреть на мужчин? Кто знает – там ведь тоже есть чистопородные особи.

– Потрясающая мысль. Увидимся попозже.

Она отыскала мужа:

– Ничего, если я пойду прогуляюсь немного? Я перед последней скачкой вернусь.

– Отлично. Не найдешь нас здесь, ищи в баре.

Она шла по зданию, отделявшему ипподром от теннисных кортов и бассейнов. Может быть, ее готовность к риску отражалась на ее лице: взгляды мужчин делались все определеннее. А может быть, это объяснялось тем, что свет сентябрьского солнца, бивший ей в спину, когда она шла длинным коридором, превращал ее чесучевое платье в совершенно прозрачное, и она двигалась под мужскими взглядами совсем нагишом.

Этот костюм Эммануэль считала достаточно скромным. Платье носилось застегнутым спереди на все пуговицы. Но, как всегда, Эммануэль верхние пуговицы расстегнула, и грудь ее выглядывала из выреза платья. К тому же, чтобы не мешать шагу, она как бы случайно приподняла подол платья. Встречные останавливались и никак не могли уверить себя, что им не померещился черный треугольник ничем не прикрытого холма Венеры, мелькнувший перед ними сию минуту... Эммануэль спокойно расстегнула еще несколько пуговиц от низа до пояса: теперь каждый шаг открывал взорам ее обнаженные ноги. «Мои ноги прекрасны, – пела она себе. – Моя грудь прекрасна. Все мое тело прекрасно. Я хочу полюбить кого-нибудь».

Она шла, обжигаемая взглядами встречных мужчин. Но прежде, чем они могли сообразить что-либо, она уже уходила дальше, и никто не мог ее догнать, никто не решался следовать за этим чудесным видением. Эммануэль хотелось петь. И она пела. Люди останавливались и смотрели на нее улыбаясь. Она двигалась подобно танцовщице и пела. Она пела:

– Я счастлива.

Я больше не буду страдать.

Возраст незнания кончился.

Я знаю теперь, что значит любить.

Я умею любить.

Она добралась до огромного паркинга, сплошь заставленного машинами всех цветов, форм, размеров. Неторопливо двигалась она мимо зеленовато-желтых и голубых американских марок, мимо мощных красных итальянцев, мимо малолитражек, «белых карликов» (ностальгическая память подсказала ей: последняя книга, которую она читала на факультете, называлась «Изучение спектра белых карликов», – она мечтала стать великим астрономом, пока Марио не объяснил ей, что ее талант совершенно в другом). Со вздохом погладила она короткую мордочку маленького белого автомобильчика; конечно же, это англичанин, думала она, щурясь от нестерпимого блеска лакированных крыльев.

– Вам понравился Гэсси? – весело спросили ее по-английски.

Она вздрогнула, потом посмотрела на того, кому принадлежал этот голос. Молодой человек с приятным ироничным лицом сидел за рулем автомобиля. Он был коротко подстрижен и смотрел так чисто и ясно, что глаза у него, конечно же, должны были быть голубыми. Взгляд, брошенный на Эммануэль, был одобряющим.

– Как насчет маленькой прогулки? – молодой человек продолжал говорить по-английски.

Он похлопал ладонью по бокам своей металлической лошадки, от которой исходил приятный запах кожи. Он хорош, подумала Эммануэль, и он понимает, что меня можно пригласить. Она согнула ногу в колене и прикоснулась к дверце машины: молодой человек успел оценить увиденное. Он прищелкнул языком и сказал:

– Вы славная девочка!

И тут же показал на свободное место рядом с собой:

– Поехали, малыш!

Эммануэль вскарабкалась на задний багажник и по нему съехала на сиденье. Юбка задралась до пояса, продемонстрировав полное отсутствие под нею чего бы то ни было из предметов дамского белья. Эммануэль вопросительно посмотрела на юношу. Он расцеловал ее в обе щеки, коснулся губ, что-то сказал. Она прижалась к нему, не понимая, что же мешает ему прикоснуться и к ее холмику.

Наконец мотор включен, машина трогается с раскаленной стоянки, и они едут через город, потом мимо затопленных мутных рисовых полей. Буйволы поднимают свои медленные головы и мычат, провожая их взглядом. Горланят утки и гуси. Голова Эммануэль по-прежнему лежит на плече ее спутника, обе ноги тесно прижаты к нему. Пока они набирают скорость, он поглаживает ее свободной рукой, все еще не осмеливаясь пуститься в путешествие по буйному черному кустарнику или пройти по раскрытой навстречу ветру груди. Иногда Эммануэль кажется, что она видит оазис из тамариндовых или капоковых деревьев, и она взмахивает рукой: «Туда!», но они уже промчались мимо, и оба смеются своей глупости. Но вот небо начинает заволакивать тучами, и это не нравится молодому человеку. На одном из перекрестков он, не снижая скорости, закладывает крутой вираж, бросающий Эммануэль на него, и они мчатся назад, в город. Эммануэль решает, что на этот пейзаж она уже достаточно нагляделась по дороге туда, и меняет позицию: теперь ее голова лежит на коленях молодого человека. Отделанный металлом и деревом руль так грозно нависает над ней, что она все крепче и крепче прижимается к животу своего спутника. Наконец она чувствует, что под ее головой начинается некое долгожданное отвердевание. Легким нажатием затылка она помогает этому процессу и так успешно, что сама больше не может удержаться: опускает руку между своими раздвинутыми ногами и... время исчезает... Страшный тропический ливень не мог помешать ее экстазу.

Но вот машина остановилась, молодой человек схватил Эммануэль в охапку и понес к маленькому коттеджу. С волос Эммануэль текло, платье прилипло к коже. Он положил ее на плетеный диванчик и высушил губами дождевые капли на ее лице. Следом за этим стянул с нее платье и, не вспомнив ни о каких предварительных ласках, сразу же вошел в нее. И почти сразу же пришел в исступление: он бил в нее длинной струей, скрежеща зубами, закрыв глаза, а она крепко обнимала его, не думая о собственном наслаждении, вся отдавшись его эгоистической мужской похоти.

Наконец он вышел из нее, поднялся. Он изумительно хорош, подумала Эммануэль, мы очень подходящая пара.

– Мне хочется принять душ, – негромко произнесла Эммануэль. Он показал ей, где находится душ, и она насладилась там в полной мере. Вместе с потоками воды ее черные волосы заструились по спине и груди. Молодой человек не выдержал и снова крепко обнял ее. Прижимаясь к ее телу, он укусил ее, и она вскрикнула.

– Моему мужу не понравятся эти следы, – упрекнула она его суровым голосом, но глаза поддразнивали и обещали.

Казалось, охваченный раскаянием, он принялся разглаживать неуклюжим массажем следы своей порывистости. Эммануэль осторожно высвободилась из его объятий, опустилась перед ним на колени, открыла рот и... молодой англичанин замер по стойке «смирно». Щеки Эммануэль надувались и опадали, язык порхал, как мотылек над цветком, и это продолжалось до тех пор, пока она не почувствовала приближение взрыва. Тогда Эммануэль оторвалась и откинувшись назад, стала любоваться плодами своего искусного труда. Его тело было красным, словно ему грозил апоплексический удар. Не откликаясь на немой призыв, Эммануэль принялась натирать все тело своего партнера густой ароматной мыльной пеной.

– Не мешай мне, все будет хорошо, – попросила она с очаровательной улыбкой.

Обеими руками она описывала плавные круги по всему телу своего неожиданного любовника, массируя его мускулы, стягивая кожу и дуя на пузырьки пены. Она натирала его ноги, спину, грудь, а он стоял, не мешая ей ни единым движением, пока, наконец, она не добралась до двух ягодич, а затем и до его копья. Она усердно работала ладонями и кончиками пальцев, переходя от мягких долгих поглаживаний к быстрым резким рывкам, пока белопенная мачта не начала содрогаться. Ее владелец стоял, и хлопья пены не позволяли ему даже увидеть, что происходит. Воля была подавлена, он ни о чем не мог думать, всецело отдавшись во власть этих ласк: они могли убить его, – он даже не пошевелился бы. Бедрa его были напряжены, колени болели, он тихо постанывал. Эммануэль, похожая на центральную скульптуру какого-нибудь фонтана, не отрывала взгляда от своего подопечного и видела даже сквозь густую пену, как то, что привлекало ее больше всего в мужчинах, обретает пурпурный цвет. Она то прикасалась к его ядрам, глядя их и царапая ногтями, то продвигалась со своими ласками дальше, добираясь до ануса. Под конец она крепко ухватила древко копья и стала оттягивать его мантию так далеко, насколько было возможно, пока яростная струя не хлынула из наверхия прямо в жадно раскрытые губы Эммануэль. Вкус мыла придал этому напитку изысканную горечь.

Она пожалела, что не успела захватить все, и подумала, как было бы великолепно, если бы в ее распоряжении находилось два подобных источника. На следующий год в день своего двадцатилетия ей надо бы устроиться так, чтобы двадцать – по числу ее лет – мужчин смогли бы дать ей испить свой сок двадцать раз подряд. Вот это будет настоящий праздник! Эта мысль так восхитила ее, что она подпрыгнула от радости, влюбленная сразу и в своего настоящего любовника, и в будущих.

– Дай-ка я тебя ополосну, – сказала она, выводя его из состояния шока. Она смыла с него

мыло, вытерла его, вытерлась сама и объявила:

– Мне пора ехать, уже поздно. И дождь, слава Богу, кончился.

Вышла из душевой комнаты, подошла к лежащему на полу платью, подняла его платье словно только что вынули из воды.

– Да, – проговорила она, – это я на себя не могу натянуть.

Было понятно, что в распоряжении молодого человека нет никакой подходящей для нее одежды.

– Боюсь, что мне придется остаться здесь, пока это не высохнет.

Такая проблема, видимо, поставила в тупик хозяина коттеджа.

– А если я попрошу служанку прогладить, и все высохнет? – сказал он на безупречном французском языке. Эммануэль улыбнулась его наивности.

– Может быть, вы попросите ее одолжить мне саронг?

– А у меня есть здесь рубашка и брюки...

– Брюки – благодарю покорно, но вот шорты мнегодились бы. Я их как-нибудь прилажу.

Она стянула слишком широкий пояс и в этом наряде выглядела вполне привлекательной. Молодой человек двинулся было к ней, но «отвезите теперь меня домой и побыстрее» остановило его.

И снова белый спортивный автомобиль двинулся по улицам Бангкока.

– Где вы живете?

– Подбросьте меня к спортклубу. Муж меня там и ждет.

Стоянка уже опустела, когда они снова оказались на ней. Только две машины, и одна из них как раз ее. Шофер, как обычно, стоял возле. Он сказал с забавным вьетнамским акцентом:

– Месье поехали домой. Месье прислал машина за мадам.

– Видите, как мне надо спешить, – обратилась Эммануэль к своему спутнику и выскочила из его «родстера», держа платье в руках.

– Да, понимаю... Но как мне вас опять увидеть?

– Не знаю. Я должна бежать, – и она с улыбкой, сложив кончики пальцев, послала ему воздушный поцелуй.

Он покорно откинулся на спинку сиденья. Они проезжали плавательный бассейн, отделенный от дороги невысокой живой оградой из кактусов. Кто-то позвал Эммануэль. Или ей послышалось? Она дала знак шоферу остановиться. Огляделась. На тропинке, выложенной мозаичными плитами, виднелась чья-то фигура, делавшая в направлении Эммануэль широкие приглашающие жесты. Кто бы это мог быть? На прежних знакомцев Эммануэль не похоже. Но тут приглашающий приблизился, и Эммануэль смогла его разглядеть. Это была женщина, немолодая, по представлению Эммануэль, то есть ближе к тридцати, чем к двадцати. Она была тоненькая, великолепно сложена от элегантной шеи и плеч до бедер; живот был мускулист и даже казался впалым, ноги были длинны, изящны. Она была одета так, что при каждом ее движении становилась видна грудь, напоминая о статуях в храмах Индии. И плотная, и необычайно легкая одновременно. Совершенно ошеломленная, Эммануэль любовалась ею, а потом перевела взгляд на лицо женщины. Темные большие глаза с каким-то огоньком в глубине. Короткий точеный нос, свежий рот, чуть тронутый белой помадой.

– Пойдемте поплаваем, – сказала женщина, и ее глубокий странный голос тронул Эммануэль не меньше, чем ее внешность.

– Но я уже и так опаздываю, – пробовала она отказаться, вполне готовая, однако, откликнуться на приглашение. И другая мысль пришла ей в голову:

– И у меня нет купального костюма.

– Это неважно, там никого нет, кроме нас.

Это «нас» пахивало тайной, и Эммануэль снова остановилась в нерешительности. Женщина открыла дверцу машины и протянула руку.

– Прошу вас.

Ее голос решил все.

– Подождите меня на стоянке, – сказала Эммануэль шоферу. – Я на минутку.

Она протянула незнакомке руку и быстрыми шагами последовала за ней. Через несколько секунд они уже были по другую сторону ограды. И вдруг Эммануэль чуть не наткнулась на свою проводницу – так неожиданно та остановилась. Эммануэль не успела промолвить и слова, как незнакомка быстро освободила ее от рубашки и шортов. Впервые Эммануэль оказалась голой в месте, которое можно было бы назвать публичным. И хотя уже наступали сумерки, до ночи было еще далеко, тем более, что свет огромных, подвешенных на высоких столбах ламп и не позволил бы ночи покрыть все своим покрывалом.

Двое мужчин стояли в бассейне, который был совсем неглубоким – вода доходила им до пояса. Женщина повела Эммануэль к ним, пришлось спуститься по ступеням. Один был представлен ей как муж незнакомки. Он был высок и костист, лицо в глубоких морщинах, черные пронзительные глаза; он так пристально вглядывался в Эммануэль, словно хотел прочитать ее самые сокровенные мысли. Может быть, он был кем-то вроде факира, ясновидящего? Другой, как будто бы одних лет с Эммануэль, выглядел более ординарно, он показался ей симпатичным.

«А теперь, – спросила она себя, – что же мы будем делать?». Ясно, что это трио пригласило ее для каких-то любовных забав, вероятней всего, для чего-то извращенного. Ладно, она подождет, пока они не объяснят ей ее роли в их планах.

– Кто она? – спросил старший мужчина. Его жена пожала плечами, показав, что ей самой это неизвестно.

– Как! Вы не знаете меня? – удивилась Эммануэль. – Но я слышала, как вы называли меня по имени! Как же это?

– Я вас видела сегодня утром на скачках. У вас под платьем ничего не было.

– Это было видно?

– Но мне кажется, вы старались изо всех сил, чтобы это можно было увидеть.

Эммануэль улыбнулась. Такая непринужденность и откровенность были ей по нраву. Женщина продолжала:

– Вы нимфоманка, да?

Эммануэль посмотрела на нее с недоумением. Почему не шизофреничка? Или клептоманка? Или эпилептичка? Да мало ли чего можно вспомнить! Ее улыбка на этот раз была более принужденной:

– У вас какие-то странные представления обо мне!

Но тут решительно вмешался муж:

– Но это же прекрасно – быть нимфоманкой! Если вы не нимфоманка, надо постараться стать ею!

Эммануэль не знала, что и думать. Может быть, в конце концов, она не знает точного смысла этого слова? Она была уверена, что в ее природе нет ничего болезненного... Но что значит здоровье?.. И что значит болезнь?.. И тут в разговор вмешался молодой мужчина:

– Да я ее знаю! Это лесбияночка, жена директора строительства плотины.

Определение позабавило Эммануэль.

– Неплохо для начала, – одобрила она. На лице молодого человека появилось выражение разочарования. – И ее вовсе не интересуют мужчины, – объявил он. Старший посмотрел на него

совершенно невозмутимо.

– Что ж, так даже лучше, – сказал он.

Эммануэль еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться. И она постаралась выглядеть совершенно спокойной, когда смуглый мужчина начал ощупывать ее груди, зад, лобок. И она так успешно симулировала свою фригидность, что тот решил обратиться к своей жене:

– Иди сюда. Она уже готова для тебя.

Верная избранной ею роли, Эммануэль почти упала на руки партнерши, которая легкими кончиками пальцев начала разведку ее, глубин. Прикосновение великолепной груди этой женщины к ее собственной было таким удивительно возбуждающим, что Эммануэль не выдержала:

– Почему вы не снимете лифчик? – взмолилась она. Та не удостоила ее ответом и продолжала мастурбировать Эммануэль, строго глядя ей в глаза. И больше Эммануэль не могла сдерживаться. Свет ламп заколебался в ее глазах, волосы коснулись поверхности воды.

– Так, а теперь поспеши, – сказала женщина, предлагая супругу трепещущее тело жертвы.

Он спустил наполовину трусы, взял в руки свое тяжелое орудие, раздвинул ноги Эммануэль и одним ударом вошел в нее. Жена продолжала поддерживать ее за плечи, и к ней присоединился теперь и третий участник: поддержка осуществлялась в четыре руки. Они двигали Эммануэль взад и вперед, как большую резиновую куклу, купленную в секс-шопе. Когда это сравнение пришло на ум Эммануэль, она даже обрадовалась: я не что иное, как вагина, огромная анонимная вагина, утварь на службе у Бога...

Два помощника не сводили глаз со своего лидера, следя за нарастанием его восторга: они то убыстряли, то замедляли темп движения. Эммануэль легко двигалась в их крепких руках, и так же легко и ритмично двигалось в ней мужское тело. И она начинала чувствовать, что ей не хватает больше сил, что вот-вот ее охватит неистовое пламя наслаждения.

Чтобы тесней соединиться с партнером, она подняла колени и обхватила бедрами его ноги, а руки закинула вокруг его шеи. Теперь ассистенты покинули ее, и она работала самостоятельно. Она была готова для своего победителя на все: пусть он даже продаст ее сейчас на аукционе (только бы ее купил его молодой товарищ, если только он любит женщин!) Она быстро оглянулась на него, чтобы хоть мельком увидеть, что он собой представляет, чем снабдила его природа. Зрелище, представшее пред ней, заставило ее вскрикнуть: держа обеими руками свое оружие, он яростно онанировал, не сводя глаз с совокупляющейся перед ним пары. Но не это занятие смутило Эммануэль, а размеры ядер и копья они воистину были нечеловеческими! Если это, подумала она, войдет в меня, я не на что больше не пригожусь: меня разорвет на мелкие кусочки. Умоляющий взгляд ее обратился к двум другим – они не ответили ей.

И тут она увидела то, что вернуло ей силы: великолепное зрелище извергающегося вулкана – словно пузырящаяся лава текла из молодого человека. Она закричала от восторга, и ее партнер отозвался на этот крик – лицо его выразило глубочайшее удовлетворение. Но он выскочил из нее, так и не пролив ни капли. Все трое подняли Эммануэль и положили ее на кромку бассейна, у самой воды. Минуту они молча любовались ею.

– Ты думаешь сделать это прямо сейчас? – спросила дама.

Ее супруг, казалось, пребывал в нерешительности. Наконец он сказал:

– Это ведь, в конце концов, твоя находка. Тебе и решать.

– Завтра у нас будет больше времени, – заметила женщина, и они обменялись долгим понимающим взглядом.

Когда Эммануэль пришла в себя, ее недавний любовник сказал ей вежливо, но твердо:

– Завтра в три часа я жду вас у себя дома. Надеюсь, вы будете пунктуальны.

Этот тон приказа не показался Эммануэль оскорбительным. Разве мужчина, помогавший женщине провести время таким упоительным способом, не имеет права на этот тон? Но она хотела уточнить:

– А как мне вас найти?

– О, это очень просто. Вы знаете небоскреб? Я живу на самом верху. На двери вы увидите мое имя: «Доктор Марас».

Она подобрала шорты и рубашку. Задумалась на секунду: а не пойти ли домой нагишом? Но выбрала компромисс: по парку пройти так, как есть, и одеться лишь перед тем, как сесть в машину. Ожидавший ее шофер даже бровью не повел.

Вознаграждение за пустяк

Мари-Анж словно сгустилась из влажного воздуха и возникла перед глазами Эммануэль, как самая важная часть пейзажа. В ожидании Анны-Марии Эммануэль сидела на пороге своего дома, опустив подбородок на колени. Прошло уже больше недели со времени последней встречи с художницей.

– Это ты! Ты! – вскочила Эммануэль.

– Откуда ты? Как ты здесь очутилась?

Обеими руками она крепко схватила свою подружку за косички и засмеялась от удовольствия, прижавшись губами к ее пахнущим солнцем и морем щекам.

– Я здесь с папой. Мама послала его повидать наших друзей, прилетевших из Парижа. Мы будем здесь целую неделю.

– Только неделю, – разочарованно вздохнула Эммануэль.

– А что ж ты не приходила к нам на побережье? – спросила Мари-Анж, – я ведь тебя звала.

И затрясла головой:

– Ой, не надо тянуть меня за волосы. Больно!

Легкими движениями Эммануэль затянула косы девочки в узел вокруг шеи, словно собиралась удавить ее.

– Я тебя не узнала бы. Ты так похорошела!

– Значит, ты забыла меня?

– Нет, правда, ты стала еще красивее!

– Но это же нормально.

С гримасой беспокойства Эммануэль спросила:

– А как я? Ты меня еще любишь?

– Конечно, разве я это не доказала? А чем ты занималась все это время?

– Ох, ужасными вещами! Просто ужасными.

– Правда, ужасными? А какими?

– Давай на этот раз поменяемся местами. Ты будешь рассказывать, а я буду слушать о твоих злодеяниях. Я же говорю: роли переменялись.

– Как это? Объясни мне, почему?

– Потому что за это время я стала менее девственной.

Огонек недоверчивости блеснул в зеленых глазах Мари-Анж. Потом роковое создание произнесло с деланным равнодушием:

– Кажется, в эти дни ты плохо относишься к Марио. Давно ты его видела?

– О, в эти дни у меня было столько потрясающих успехов! Он должен ждать своей очереди наравне со всеми.

И сразу же, чтобы показать, кто теперь хозяин положения, Эммануэль перешла в наступление:

– Ладно, не пытайся сбить меня с верного пути. Скажи-ка лучше: а у тебя было много приключений?

– О, тысяча и одна ночь!

– Ну, давай послушаем хотя бы об одной для начала.

Но в ту же минуту появившийся на дороге низкий спортивный автомобиль отвлек их внимание.

– Что это за машина, – поинтересовалась Мари-Анж, – и кто сидит за рулем?

– Это Анна-Мария Серджини. Ты ее знаешь?

– Ах, это она! Она пишет твой портрет. Хотелось бы взглянуть на нее.

– Ого, да ты все знаешь! Откуда такая точная информация?

Мари-Анж прикрыла веки и потом, быстро взглянув на подругу, ответила в своей обычной манере вопросом на вопрос:

– Надеюсь, он получился прекрасно, этот портрет?

– Да, я в этом уверена. Но изображено только мое лицо. К сожалению.

– Тебе надо найти мужчину-художника, чтобы он дорисовал все остальное.

– Занимались любовью? – весело прощепетала Анна-Мария. Эммануэль была поражена этим тоном.

– Вы задаете такой вопрос?

– Ну да. Если не заниматься любовью с таким очаровательным существом, как-то деловито констатировала Анна-Мария, – то с кем тогда заниматься любовью?

– Вы смеетесь надо мной.

– Отнюдь. Просто стараюсь думать по-вашему.

Мари-Анж произнесла несколько высокомерно:

– Никогда не следует верить Эммануэль, когда она говорит, что она лесбиянка. Это она рассказывает всем мужчинам.

– Ты соображаешь, о чем говоришь? – внезапно ошетибилась Эммануэль.

– Анна-Мария права: сейчас самое время заняться тобою.

И она подняла голос до тона приказа.

– Что ты тут делаешь со своими этими одежками?

Ну-ка, живо раздевайся!

– Но зачем же шокировать нашу гостью...

– Ничего подобного, – молодая итальянка окончательно привела Эммануэль в изумление, – совсем наоборот.

– Ах, вот как! – и Мари-Анж сделала подчеркнуто изысканный реверанс.

В мгновение ока оказавшись совершенно голой, она стала вертеться в разные стороны перед старшими.

– Итак, я вам нравлюсь?

– О, еще бы! – сказала Анна-Мария. – Мне хочется, чтобы вы мне позировали. Вот закончила бы портрет Эммануэль и взялась бы за вашу скульптуру.

– Из какого же материала?

– Пока еще не знаю. Что-нибудь мягкое на ощупь.

– Вот каким образом Анна-Мария хочет узнать нравы острова Сафо, засмеялась Эммануэль, – с помощью медиума из мрамора.

– Мне это нравится, – протянула Мари-Анж. – Я люблю людей, ласкающих мою статую.

– Иди сюда, – сказала Эммануэль, – дай мне попробовать твои сосочки.

Мари-Анж немедленно послушалась, и Эммануэль стала обеими руками растирать ее груди, искоса поглядывая на Анну-Марию. Итальянка при виде этого зрелища и бровью не повела.

– Я вам, наверное, кажусь отвратительной? – спросила Эммануэль. Анна-Мария изобразила полнейшую невинность:

– Разве я могла бы лепить портрет этого чуда, если бы мне нельзя было делать то, что сейчас делаете вы.

– Все зависит от намерений, – сердито буркнула Эммануэль. Анна-Мария рассмеялась:

– Что за мир, в котором считается преступлением прикосновение к груди этой ожившей Танагры?

– А почему же вы не прикасаетесь к моей? А?

Анна-Мария ничего не ответила. Эммануэль решила двинуться дальше:

– А что вы теперь скажете?

Она запустила палец между бедер Мари-Анж, прямо к нежному, цвета полярной рыси, пушку. Анна-Мария осталась неподвижной, она не произнесла ни слова, но Мари-Анж пискнула:

– Щекотно! Хватит, ты не знаешь, как это делается.

Огорчение, сильное, как боль, охватило душу Эммануэль. Из всех сил пыталась она подавить в себе это чувство. «Дура я, – сказала она себе, – это все моя суета, торопливость. Нет... Это еще хуже». И она вспомнила свое страстное влечение к Би. Почему, почему, спрашивала себя Эммануэль почти в бешенстве. И вдруг этого горького чувства как не бывало – вместо него пришло совсем другое. Нет, просто Мари-Анж еще не готова к этому, как и я в свое время. Но час настанет, и она поймет, для чего мы с ней созданы.

Она улыбнулась своей подружке, словно только что получила самый нежный поцелуй.

– Ты права. Мы будем любить друг друга, когда нам этого захочется. Не сейчас. Сейчас не та атмосфера.

Она обернулась и поймала на лице Анны-Марии выражение, столь быстро промелькнувшее, что Эммануэль подумала, не показалось ли ей: словно юная художница была разочарована, словно она ожидала другого развития событий. Эммануэль несколько ободрилась.

Мари-Анж сделала движение, чтобы поднять с пола свою одежду.

– Нет, останься так, – попросила Эммануэль. Если она согласится, подумала Эммануэль, значит, она меня любит... Мари-Анж снова отбросила одежду.

О, жизнь прекрасна!

– Пройдемте на террасу, – предложила Анна-Мария.

– Послушай, будь так добра, – обратилась Эммануэль к Мари-Анж, – попроси, чтобы нам принесли чаю.

Мари-Анж улыбнулась и отправилась на кухню.

– Ничего плохого, если Мари-Анж обнажена в нашем обществе, но посылать девицу в голом виде к слугам – это уже извращение, – неодобрительно сказала Анна-Мария.

– Вы ничего не понимаете, – возразила Эммануэль, – голая девушка в ванной – это безделица, не имеющая никакой ценности, но голая девушка на кухне – это уже совсем другое дело.

– Вы имеете в виду ценность эротическую? Но эротика не критерий добра и зла. Тело Мари-Анж имеет общечеловеческую ценность, тело прелестной тринадцатилетней девушки. И для эстетики безразлично, вызывает ли это тело сексуальные эмоции.

– Но это как раз и говорит о том, что художники вероломны. Если они пишут и лепят обнаженную натуру охотнее, чем натюрморты, это ведь не потому, что искусство не сексуально. Это как раз потому, что и они сами, и те, кто будет потом любоваться их творениями, выбрали именно эту, сексуальную дорогу. Их намерения совершенно очевидны. Когда же они снова успокаиваются, вот тогда они изображают груду яблок на столе. Каких еще доказательств вы хотите?

И, не давая времени прервать свое диалектическое рассуждение, тут же продолжила:

– И не пытайтесь вы, маленькая лицемерка, стыдливо прикрываться вуалью. Я вижу, как возбуждает вас тело Мари-Анж!

– Да это абсурд! Мари-Анж совсем на меня не действует таким образом. Хотя бы потому...

Анна-Мария осеклась на полуслове, словно досадуя на себя за что-то. Эммануэль буквально прыгнула к ней, обхватила ее за шею и, глядя ей в глаза, засмеялась:

– Хотя бы потому, что есть я? Вы не можете писать меня обнаженной, потому что боитесь за себя, боитесь, что все ваши принципы полетят в тартарары. Разве не так?

– Нет, нет, уверяю вас. Скорее наоборот.

– Наоборот? Что это значит? Ну-ка, объясните, пожалуйста.

Анна-Мария была в столь явном затруднении, что, глядя на нее, Эммануэль подумала: а не поцеловать эти прелестные надутые губки, чтобы они улыбнулись? Но как раз именно в этот момент вернулась Мари-Анж.

– Вы просто не хотите понять, Эммануэль, – собралась с духом Анна-Мария, это не вопрос добродетели или порока. Вы любите женщин, и вам кажется, что все должны быть такими же. Но вы ошибаетесь: большинство из нас выбрало другой путь.

– Тогда почему же вы не хотите попробовать это на вкус! – воскликнула Эммануэль. – За всю жизнь вы без всяких затруднений научились разным вещам, а от этого почему-то убегаете. С тех пор, как я себя помню, я видела много девушек, очень неплохо забавлявшихся друг с дружкой.

– Потому что ты научила их этому? – спросила Мари-Анж, удобно расположившись во всей своей наготе на широких подушках дивана и разглядывая иллюстрированный журнал.

– Нет, просто случай научил их этому. Неважно, какой случай, но почему бы в один прекрасный день женщине не захотеть испытать любовь другой женщины? Хотя бы из любопытства, раз нет другой причины.

– Или из лени, – учительским тоном произнесла Мари-Анж, – скорее потому, что нет под рукой мужика и им лень идти и искать где-то. Или потому, что они уже занимались любовью сами с собой. Почему бы не попробовать сыграть этот мотив в четыре руки вместо двух?

Эммануэль рассмеялась:

– Вот типичная школьная философия. А истина заключается в том, что женское тело прекрасно и желанно само по себе для всех человеческих существ, не только для мужчин. Любой здоровый человек знает это почти инстинктивно. А те женщины, которые стараются не обращать внимания на чары женщин, или попросту фригидны, или боятся признаться себе, что на них действует иго социальных условностей и табу. Так или иначе – они инвалиды. У них ампутирована огромная часть их существа.

– Вообще пол ампутирован, – прибавила Мари-Анж.

– Правильно, и они никогда не узнают, что такое любовь. Если вы не любите себя, не любите свой собственный пол, то кто же может полюбить вас?

Появление чая на некоторое время прервало этот занимательный разговор, но вскоре предмет беседы снова выплыл на поверхность.

Одна реплика Мари-Анж о вкусе дала Эммануэль удобный повод развить эту мысль:

– Вот как обстоит дело с лесбийской любовью. Прежде всего это вопрос эстетики. Если вам не нравятся красивые женщины, у вас просто нет вкуса. Анна-Мария должна бы понять, что с тех пор, как она ушла из Школы искусств, она все время проваливается на экзаменах.

– А я очень люблю красивых девушек! Но только по-нормальному. Почему вы все время утверждаете, что гомосексуальность естественна?

– Более естественна, как мне кажется, чем любовь к Святой Деве.

Не обращая внимания на оскорбленный вид молодой католички, Эммануэль двинулась дальше:

– Разве вы не говорили мне, что ваш художнический взгляд никак не должен ограничиваться рамками «нормального»? Я-то всегда считала, что цель искусства – открывать новые перспективы.

– Но должна же я отличить божественное от дьявольского!

– О, не надо мне говорить, что вы и в самом деле верите в дьявола: Бога вполне достаточно. Во всяком случае, почему вы верите или в одного, или в другого, а не в обоих одновременно? Я, например, никому не могу отдать предпочтения.

Аргументы Анны-Марии иссякли. А Эммануэль продолжала развивать тему, перескакивая с лесбоса на теологию и обратно, и возражать ей было невозможно. Вдруг она остановилась: «Минуточку, я сейчас вернусь!».

Она вернулась с большой толстой книгой, на обложке которой были изображены многочисленные геометрические узоры разного цвета.

– Вот здесь то, что вы, я уверена, поймете...

– Мондриан?

– Он самый. Вот здесь: «Чистая красота – это то же самое, что порыв к божественному в прошлом».

Анна-Мария ничего не ответила. Эммануэль положила книгу. И тут раздался тоненький голосок Мари-Анж:

– Скажите мне, не потому ли вы стали такой красивой, что влюблены в Эммануэль?

Анна-Мария и Мари-Анж остались обедать. За столом Жан рассказывал:

– В старые времена кхмеры приводили в храм Ангкора своих дочерей, и монахи главного святилища лишали их невинности. Девочкам было не больше десяти лет. Только в бедных семьях случались девственницы постарше, потому что этот ритуал дорого стоил, и бедняки могли совсем разориться. Монахи использовали либо собственное копьё любви, либо палец. Кровь дефлорации они смешивали с вином, и вся семья смачивала этой священной жидкостью губы и подбородок. Каждому монаху полагалось не больше одной девочки в год. А потом, когда девочки вырастали и достигали брачного возраста, женихи выбирали их тоже в Ангкоре: девицы купались в священном озере, и женихи видели их наготу и могли как следует оценить физические достоинства будущих жен.

– Ничего не изменилось, – сказала Мари-Анж на следующее утро, когда они с Эммануэль нежились возле плавательного бассейна, – Бонзы по-прежнему любят маленьких девственниц.

– Откуда ты знаешь? Ты разве бывала в их храмах?

– А разве я не могу этого знать и так, без личного опыта?

– Но говорят, что буддийские монахи никогда не прикасаются к женщинам.

– Девственница – не женщина.

– Вот те на! Что за странное утверждение!

– Конечно, они же отличаются от нас.

– И где же монахи находят этих весталок?

– Вот это теперь стало трудно. Нынешние сиамцы не похожи на древних кхмеров. Сегодня бонзы должны платить за свои удовольствия.

– Как платить? Ведь религия запрещает им иметь деньги?

– Они расплачиваются золотом.

– Ладно, Мари-Анж, перестань выдумывать! Ты просто хвастаешь разнузданным воображением!

– Если ты не веришь мне, можешь спросить у Мерви.

Эммануэль не кинулась тотчас же искать Львенка.

Она вскоре забыла об этом совете своей маленькой подруги. Но однажды жарким солнечным утром, покупая орхидеи на огромном Цветочном рынке, раскинувшимся возле Пагоды Изумрудного Будды, она встретила львиноголовую сиамочку. Прическа Мерви была так же причудлива, как извивы сиамских каналов и сиамской архитектуры.

– Вы схожи с буддийской архитектурой, – заметила Эммануэль. – Вы гомотопны. – И,

добавив этот термин, она улыбнулась своему математическому прошлому.

– А вы интересуетесь буддизмом?

– В сущности, не очень.

Она посмотрела на двух проходивших мимо монахов. В своих шафрановых тогах, босые, с обнаженным правым плечом, с гладко выбритыми головами, они шествовали, казалось, ничего не видя перед собой, всецело погруженные в свои мысли.

Две девочки в коротких белых блузках с вышитыми на них инициалами школы пересекли дорогу монахам. Их выпуклости аппетитно вырисовывались под короткими красными штанишками. Святые люди, казалось, не обратили никакого внимания на эти крепенькие задочки.

– Кто-то говорил мне, что они как-то связаны с нимфетками...

– Это не их возраст, – возразила Мерви, – им нужны девушки.

– Так, значит, это правда? – Эммануэль вспомнила о словах Мари-Анж, – я как раз хотела вас расспросить об этом.

Львенок посмотрела на вопрошавшую таким испытующим взглядом, что та почувствовала себя, словно под рентгеновскими лучами.

– Вы это спрашиваете из простого любопытства или интересуетесь этим всерьез?

В словах сиамки была такая же значительность, как и во взгляде. На какой-то момент у Эммануэль закружилась голова...

– Чего эти монахи боятся больше всего, – с расстановкой проговорила Мерви, – так это осквернения. А лечь с девственницей – это не запятнает их чистоты.

– Я полагаю, что они не слишком часто этим занимаются, а? – спросила Эммануэль игривым тоном.

– Не обязательно, чтобы это были девственницы в полном смысле. Мудрейший сказал: «Все в этом мире призрачно...».

Беседа становилась все более увлекательной. У Львенка, оказывается, есть не только шкурка, но и коготки.

– Вот вы, например, – сказала Мерви, – они вас очень высоко оценят. Очень.

– Кто? Монахи? Ох, ты! Они что же, надеются, что я еще девственница?

Мерви не отвлекалась от дела.

– Я обо всем этом позабочусь сама, – она плутовски улыбнулась, – Вы совершенно подходящий для них человек.

– Но... Я не вижу ничего соблазнительного в том, чтобы заниматься любовью с монахом, даже если этот монах – буддийский. Я совсем не ощущаю в себе избытка святости...

– Дело не в этом. Вы как-то сказали, что позволите мне продать вас. Вот этим мы и наймемся...

Эммануэль вспомнила, что Мерви делала такое предложение, но не смогла вспомнить, соглашалась ли она на него. Она улыбнулась этой восточной хитрости.

– Разве я не права? – спросила та, глядя на Эммануэль своими холодными глазами.

«Наверное, я схожу с ума, – подумала Эммануэль, – но мне хочется знать, как чувствует себя женщина, которой торгуют».

– Вы это сделаете за деньги?

– Угу. Вы могли бы завтра?

– Да. Когда мы встретимся?

Ценный ли я товар, спросила себя Эммануэль, много ли они за меня дадут?

Она уже забыла, что в стоимость входит и ее девственность.

Подталкиваемая шестом туземца, лодка бесшумно скользила по охряно-розовой поверхности воды. Река после дождей была полноводной, они плыли недалеко от берега, и Эммануэль могла касаться руками кокосовых орехов, зеленых и пурпурных плодов, свисавших с ветвей склонившихся к воде деревьев... Вода была густой, как сперма, она была почти вровень с бортами их узкой, сделанной из тикового дерева пироги. Эммануэль думала, что она обязательно свалится в воду, прежде чем они достигнут цели своего путешествия. Может быть, так будет лучше? В реке было полно купальщиков, Эммануэль присоединилась бы к их веселым забавам. Вон какие совсем голые молодцы цепляются за нос пироги, не обращая внимания на крики лодочника: может быть, им хочется перевернуть лодку? Один из них приблизился к ней, глаза его сияли, как два маленьких солнышка, и Эммануэль улыбнулась ему. Он наполовину высунулся из воды, лег грудью на борт лодки, протянул руки. Пока Эммануэль думала, чего же он от нее хочет, ответ последовал сразу же: жадные юношеские руки скользнули под ее юбку, раздвинули ноги, пощекотали в зарослях сада любви и даже глубже, и вот это юное существо уже снова в воде и плывет, оглашая воздух радостными криками.

Эммануэль начинает вычерпывать воду.

– Держу пари, что пока мы доедем, мы не один раз перевернемся.

Мерви спокойно отвечает, что ничего страшного не произойдет: лодка достаточно тяжела, чтобы не перевернуться. Да, правда, вспоминает Эммануэль: Мерви везет с собой большой сундук, там одежды для Эммануэль, она должна переодеться для совершения ритуала, который теперь больше забавляет ее, чем страшит. – ведь эти святые люди хотят просто развлечь себя телом молодой женщины. Для чего же все эти маскарады и обряды, когда дело такое ясное? Ладно, если ее снаряжение намокнет, она предстанет перед монахами в чем мать родила – ничего страшного не случится... После ночи в Малигате и намеков Арианы она хорошо знает, что ее ожидает. Что ж, она решилась на все, отдалась на волю Львиной Гриве и сделает все, что ей прикажут. Просто она узнает еще кое-что и прибавит еще одну жемчужину к своему ожерелью.

...Молодой монах повел Мерви и Эммануэль за собой к небольшому прямоугольному павильону с покрытой мхом крышей. Только одно отверстие виднелось в его выкрашенных белых стенах – дверь, хрипло застонавшая, когда они вошли. Сладко пахнущие свечи в оловянных подсвечниках освещали помещение. Несколько шкафчиков в виде усеченных пирамид с позолоченными дверцами, тростниковые циновки и два низких столика с металлической посудой на них составляли все убранство комнаты.

Но в углу виднелась фигура птицы, сделанная из красного дерева. В глаза были вставлены драгоценные камни, ноги походили на журавлиные. У птицы была женская грудь. Что-то женское было и в изгибе не то клюва, не то рта, сделанного из стеклообразной массы. Эммануэль посмотрела на птицу почти с благоговейным страхом.

Монах сел, обмахиваясь веером. Маленький мальчик вошел с чайным подносом в руках. Он налил чай в невероятно крошечные чашки: их надо было выпить одну за другой, чтобы почувствовать вкус. Но как только чай был разлит, аромат жасмина наполнил комнату. Эммануэль смаковала аромат и спрашивала себя, не в этом ли возмещение аскетизма.

И вот, держа чашечку в руках, монах обращается к ним. Говорит он так быстро и неразборчиво, что Эммануэль ничего не может понять. Но Мерви отвечает. И она говорит долго. По-сиамски. Она торгуется, соображает Эммануэль, она устанавливает на меня цену. Монах по-прежнему выглядит равнодушным, он даже не смотрит на предмет сделки. Но Эммануэль знает:

это старый трюк лошадиных барышников – не проявлять заинтересованности. Но как жалко, что она не принимает участия в обсуждении условий! Потрать она больше усилий на изучение местного языка – какое удовольствие она сейчас бы получила!

Внезапно монах прервал разговор, поднялся и вышел. Дверь за ним закрылась, они остались одни. Аромат курящихся свечей довел Эммануэль почти до тошноты. Надо уйти из этой комнаты. Но Мерви, всезнающая Мерви, держала на уме другое.

– Переодевайтесь, я помогу вам, – сказала она.

Она расстегнула школьное платье Эммануэль и быстро стянула его через голову жертвы... Затем, вытащив из сундука одеяние из белого тончайшего шелка, отделанного кружевами, быстро и ловко обмотала его вокруг стана Эммануэль. Это было что-то вроде тоги, и Эммануэль подумала, что вся эта красота свалится с нее при первом же движении. Но, может быть, так и было задумано. Она посмотрела на себя в зеркало. Великолепно!

– Теперь пошли, – сказала Мерви.

Они оказались в длинном коридоре. Мерви шла впереди, почти шепотом считая двери, мимо которых они проходили. Возле восьмой по счету они остановились.

– Вы войдете туда одна, – проговорила она. Эммануэль вошла. Там был тот же молодой монах.

Он указал на одну из циновок, покрытую квадратной формы подушками.

– Присядьте здесь и подождите, – сказал он, старательно выговаривая французские слова. И снова вышел.

Эммануэль поступила, как приказано – села на циновку, подогнув под себя ноги: она видела, что так сидят сиамские женщины в пагодах или на королевских приемах в традиционном стиле.

Комната была без окон, и в ней было довольно прохладно. Слабый смолистый запах ощущался в воздухе – может быть, так пахли деревянные стены? Стен она, правда, не видела – единственный источник света, масляная лампа, напоминала ночник и ничего, кроме себя, не освещала. Но Эммануэль догадалась, что комната невелика, почти келья. Ничего из убранства она не могла разглядеть. Через несколько минут она привыкла к полумраку и уже могла различить стену, возле которой стоит лампа, а потом вид на дверь, более низкую и узкую, чем та, через которую она сюда вошла. И она видит, как эта дверь открывается. Очень тихо, почти бесшумно.

Сердце Эммануэль бьется сильнее. Она привстает на циновке. Но за раскрытой дверью ничего не видно, кроме мрака, царящего там. И в ту же секунду кто-то или что-то гасит свет. Наступает полная темнота.

Какой-то звук срывается невольно с губ Эммануэль. Кричать здесь нельзя, это она понимает, но как страшно все это...

Она чувствует, что в келье кто-то есть... Это не тот молодой монах, он не дышал так тяжело. Но что же будет с ней делать этот фантом, пожелавший остаться неизвестным?

Она так напряжена, так стянуты ее мышцы, так напряжены ее нервы, что она вскрикивает, почувствовав прикосновение чьей-то руки. Эта ребяческая пугливость (именно так она тотчас же в мыслях назвала свою реакцию) помогает ей успокоиться и избавиться от внезапно возникшего страха. Обычное хладнокровие вернулось к ней, и она даже позволила себе улыбнуться в темноте. Но невидимый гость отпрянул – он, очевидно, испугался больше. «Что ж я наделала, – упрекнула себя Эммануэль, – хороша же я буду, если он сейчас попросту бросит меня, убежденный, что ему подбросили совсем не то, что он ожидал. Как я посмотрю в глаза Мерви, совершившей такое путешествие зря?».

Но, с другой стороны, возразила она первой мысли, мой девичий испуг совершенно

согласуется с моей ролью. Нет, не надо в нем раскаиваться. Мало того: мрак и таинственность атмосферы, надо думать, предназначались не столько для того, чтобы поразить ее, сколько для того, чтобы не оскорбить монашеского чувства стыда. Это он чувствовал себя грешником и должен был прятаться! Совесть же Эммануэль могла быть спокойной, она на высоте положения и не сомневается, что сможет извлечь из этого какие-то блага. Теперь, когда она уже больше не боится, она предвкушает, что неплохо проведет время. Итак, святой человек думает, что она невинна. Как он будет поражен! Святотатство! Святотатство! Все эти мысли пробежали в мозгу Эммануэль, и ее губы снова растянулись в улыбке.

Она вытягивает вперед руки, ощупывая пространство вокруг себя. Вскоре ее пальцы касаются чего-то мягкого – это была материя, оранжевый шелк, разумеется. Значит, чуть выше и левей должно быть голое плечо. Так, вот оно... Тело было мускулисто, монах оказался крепок, хотя и далеко не юного возраста.

Властная рука вдруг схватила руку исследовательницы, разжала ее пальцы и крепко стиснула ее ладонь в своей, чтобы предотвратить дальнейшие поиски. О, разумеется: никакая женщина не должна прикасаться к священному телу святого человека. Но тогда зачем она здесь? Нет, Эммануэль не собирается играть в лицемерном спектакле. Она пытается освободить свои пальцы от цепкой хватки. И когда в этой попытке она оказалась еще ближе к своему невидимому хозяину, потрясающая мысль приходит ей в голову: она его разденет.

Ей пришлось преодолеть такое сопротивление, что белое шелковое одеяние распустилось и упало на пол, прежде чем Эммануэль распутала узлы шафрановой тоги. Но буддийский мудрец менее искусный ратоборец, чем Эммануэль: она так умело пускает в ход свои ногти и зубы, что у соперника тоже вырываются крики, и это не крики восторга. Однако Эммануэль беспощадна.

И, наконец, запыхавшаяся, она вытягивается во весь рост на обнаженном мужском теле, она может испытать торжество полной победы: крепкий, как стальной прут, фаллос и дыхание, обжегшее ее лицо, – достойная цена ее усилий. Она заслужила минуту отдыха.

Костлявые пальцы монаха ощупывают ее волосы, крепко сдавливают шею. Больно, но это та боль, от которой приятно. Потом пальцы бродят по спине, пробегают по всем позвонкам и неспешно поглаживают зад. В то же самое время тело мужчины выгибается, и его копье становится еще больше: навершие упирается в пупок Эммануэль, и она делает почти незаметное движение бедрами, чтобы усилить наслаждение. Невидимые руки снова приходят в движение, проводя борозды по спине Эммануэль, и вдруг с силой нажимают на ее плечи, заставляя соскользнуть с мужского тела. Она покоряется, ее лицо на мгновение прижимается к пахнущей сандалом груди, а потом в ее рот вонзается горячий кусок плоти.

Она начинает фелляцию покорно, исполненная сознанием долга, особенно не усердствуя, не желая демонстрировать свой талант.

Это, казалось, разочаровало монаха. Внезапно он оттолкнул ее голову и, прежде чем она догадалась о цели его движений, крепко прижал ее подбородок к ее же груди, а потом резко поднял ее ноги, согнул их в коленях и прижал к голове так, что Эммануэль оказалась в позе человеческого эмбриона в утробе матери. И тут же твердокаменный стержень принялся за работу, прокладывая себе путь в заднюю расщелину Эммануэль.

Он был скользким от слюны, и эта смазка помогла ей на первых порах удержаться от крика. Боже, прошептала она, как же узко у меня там и как это больно!

Когда же мужчина вошел в нее окончательно, она пришла в еще большее смятение. Какой же он длинный! Она не чувствовала его величину, когда он был у нее во рту, а сейчас он проникал так далеко, что мог вот-вот разорвать ее. Она думала, что больше всего первые моменты проникновения, но теперь, когда он двинулся дальше, глаза Эммануэль наполнились слезами.

Она не могла бы точно определить, когда к боли стало примешиваться наслаждение, но оргазм пришел позже и был длительнее обычного. После исступления монах не прекратил ее содомировать, он работал все с той же силой и напором, и она билась в сладких судорогах несколько раз подряд. Теперь она кричала еще громче, чем при болезненном начале процедуры. И она не могла сказать, сколько прошло минут, часов, дней, когда ее невидимый любовник пролил в нее первую струю.

И вот теперь, снова одна, она лежала в темной келье. Удовлетворенная усталость царствовала в ее теле. Она ждала, сама не зная чего ждет, не решаясь шевельнуться. Может быть, она понадобится еще кому-нибудь? Другим монахам? Ей хочется, чтобы расступился этот непроглядный мрак, он начинает давить на нее.

Наконец, кто-то открывает наружную дверь. Она видит солнце, небо. Уже далеко за полдень. Входит тот молодой монах, который привел ее сюда. Он стоит у двери и смотрит на нее. Долго. Внимательно. Она тоже смотрит на него, размышляя, нельзя ли попробовать и с ним. Но он вряд ли окажется прекраснее того, кого она принимала под покровом темноты. Хотя тот был гораздо старше. Невероятно... такой возраст – и такая сила, такая страсть! А может быть, это был сам Главный Настоятель! Его Святейшество Высокий Патриарх Малой Оболочки!.. Невольно она улыбнулась своему проводнику, но тот словно и не заметил улыбки. Он просто проговорил ровным бесстрастным тоном:

– Мадемуазель может идти.

Мадемуазель? Ах да, конечно, я совсем забыла, что я девственница, И эта мысль развеселила ее, она громко рассмеялась. Понимая, чего хотел от нее старый монах, она, как ей показалось, могла его одурачить. Но он взял ее сзади, оставив ее парадный подъезд столь же «девственным», каким он был до его появления. В самом деле, она могла спокойно удалиться. Или же – возникла у нее еще одна мысль – эти монахи имеют в виду другой тип девственности, так сказать, задний? Но в таком случае, как они могли убедиться, что именно они первыми входят через эту дверь? Очень уж они должны быть доверчивыми, подумала Эммануэль. Или очень мудрыми.

Она, правда, не с тщательностью Мерви, обернула вокруг себя белый шелк и последовала за молодым монахом по галерее, переступив порог своего недавнего пристанища. Через несколько шагов он открыл какую-то дверь, и они оказались в просторной, с широкими окнами комнате. Монах направился к большому четырехугольному ларцу, стоявшему на пьедестале в одном из углов комнаты, открыл его и только теперь повернулся к Эммануэль.

– Наше братство хотело бы предложить вам этот подарок, – и он протянул Эммануэль изящную инкрустированную шкатулку.

Она была в затруднении. Принимать ли этот подарок? Входил ли он в условия, о которых договаривалась Мерви? Но во всей этой обстановке, в тоне, которым говорил монах, она не чувствовала ничего подозрительного и решилась взять маленький ящичек.

– Откройте, – сказал монах.

Она снова заколебалась. Шкатулка была сделана из дерева, какой-то неведомый тонкий аромат исходил от нее... Эммануэль все-таки открыла шкатулку и, увидев то, что там хранилось, не могла сдержать крик удивления и восторга.

Это был золотой, в натуральную величину, фаллос: казалось, он только что выплавлен; вряд ли был он полым внутри, слишком тяжел был его вес. Он был длинный, толстый, изогнутый кверху, вены, тянущиеся вдоль него, были словно переполнены спермой. Ничто в коллекции Арианы не могло сравниться с этим произведением искусства.

Такая великолепная игрушка предназначалась для нее? Ей никак не хотелось передавать ее Мерви. Разве она сама не сможет воспользоваться им, когда придет желание?

Монах поклонился и направился к выходу. Эммануэль следовала за ним. Они вышли из павильона к ожидающей Мерви.

Провожатый повернулся и ушел, не сказав Эммануэль ни слова, даже не попрощавшись. Она хотела было кинуться за ним, сказать ему... Но что она могла ему сказать? Она остановилась, крепко прижимая к груди шкатулку.

– Я не понимаю, – пробормотала она, – такое вознаграждение за такой пустяк.

Мерви, увидев шкатулку, не произнесла ни слова. Над рекой уже опускались сумерки. Лодка со скучающим лодочником дожидалась их.

– Не хочу возвращаться в город в этом наряде, – сказала Эммануэль, освобождаясь от белого шелка. «Как хорошо быть голышом», – подумала она про себя. Вода соблазнительно поблескивала у бортов лодки.

– Поплаваем?

Мерви покачала головой:

– Поздно уже. Мне еще нужно сегодня повидать кое-кого.

Вздохнув, Эммануэль надела на себя свою обычную одежду.

– Мне тоже очень хочется заняться любовью, – сказала она, ступая в лодку.

– Со мной? – спросила Мерви.

– Нет. С каким-нибудь симпатичным молодым человеком.

– Так я найду его для вас, – оживилась Мерви.

– Лучше я сама его найду. Или заставлю его найти меня.

Лодка скользила по течению мимо иллюминированных берегов.

– Это верно, – согласилась Мерви, – у вас лучше получается, когда вы берете инициативу на себя.

– Но это же так восхитительно эротично быть схваченной и пронзенной, произнесла Эммануэль мечтательно, – Ведь мы все-таки женщины.

– Да дело не в эротизме, – нетерпеливо бросила Мерви. – Дело в том, кто владетель, победитель. Пассивность вообще ни к чему.

– Ну, я-то на это не могу пожаловаться, – добродушно сказала Эммануэль.

– Что вы имеете в виду?

– Я говорю о тех, кто хочет меня взять. Им достаточно посмотреть на мои ноги, на мою грудь, чтобы понять, что я стою усилий.

– А если они не поверят своим глазам?

– Ничто не мешает им узнать это на ощупь.

– А для этого им может не хватить смелости.

– Даже если я задеру юбку?

– Они решат, что это им кажется, что это от их самоуверенности. Они испугаются собственных желаний, не поверят в их осуществимость. Ведь больше всего мужчины боятся нарваться на отказ.

– А если я подмигну им?

– О, это их смутит еще больше.

– Тогда я подойду и прижмусь к ним.

– Это станет только дальнейшим доказательством вашей чистоты и невинности. И они будут думать, что, решишь они воспользоваться вашей доверчивостью, вы сейчас же позовете на помощь полицию.

– Тогда я раздвину коленкой их ноги.

– Молоденькие девочки часто делают такие бессознательные провокационные жесты. Джентльмены понимают это достаточно хорошо.

– Ладно, сдаюсь! А я всегда считала, что у них в мыслях только одно: как бы переспать со мной.

– В мыслях-то да, но у них не хватает мужества.

– Значит, самое большее, они могут поцеловать меня?

– Только герои отваживаются штурмовать цитадель. А какая крепость более неприступна, чем жена соседа, этакий монумент добродетели?

– Так что же мне прикажете делать?

– Не ждать, пока они кинутся на вас.

– Поднять белый флаг?

– Единственная вещь, которую мужчина хочет знать, прежде чем что-то предпринять, это какой-нибудь признак, что успех ему обеспечен. А еще лучше, если другой человек идет ему навстречу. Намеков недостаточно: ситуация должна быть ясной, точной, недвусмысленной. Намеки, символы, умолчания, паузы, как бы они ни были многозначительны, только раздражают их. И оживляются они лишь тогда, когда встречаются шлюху. И не потому, что проститутки особенно красивы или талантливы, но потому, что они берутся за дело прямо и в очень понятных выражениях.

– Так вот почему вы решили сделать из меня проститутку!

– Я торговала вами не для того, чтобы оказать услугу мужчине. Я не на их стороне.

– Странно, что вы делите мир на мужчин и женщин. Я-то считала, что все они в одном лагере, на стороне любви: пол не имеет никакого значения. Вот мы, например, разве мы не наслаждаемся полностью, когда любим женщин?

– Я не солдатская подстилка, не пятиминутный стоячий матрац. Это они могут быть рабами и хозяевами, победителями и побежденными, а я из рода королев. Мужчины существуют для меня!

Эммануэль удовлетворенно улыбалась. Лодка неслышно двигалась по реке. Вечерний воздух благоухал. Все было прекрасно. Мерви снова заговорила, понизив на этот раз голос:

– Наступило время переделки мира Слишком долго мужчины гонялись за женщинами, теперь наш черед броситься за ними в погоню, хватать их, вязать, бросать через седло, продавать и обменивать, как монеты разного достоинства. И, конечно, должны перемениться наши вкусы и наше поведение. У них были свои бордели, где они могли выбирать, оценивать наше свежее мясо. А я говорю, что теперь мы должны завести свои собственные клубы, где мы выбирали бы мальчиков по вкусу. Я бы заперла там всех мужчин, которых я соблазнила, и наслаждалась бы их «девственностью», высасывая из них соки. Эммануэль рассмеялась.

– Вы будете так жестоки с ними?

– Жестока и добра. Мужчин легко насиловать, потому что они думают, что это они насилуют нас.

– А может, они и не так уж ошибаются? Не все ли равно, кто кого – они нас или мы их, – наслаждение одинаково.

– Вовсе нет. Вспомни Тирезия.

– Кто это?

– Это старая история. За то, что он вмешивался в их шашни, боги превратили его в женщину. Эта операция не повредила ему, не послужила ему наказанием, как надеялись на это боги: они ведь всегда плохо информированы о том, что делается на земле. Так вот, когда Тирезий снова стал мужчиной, он рассказал Зевсу (к большому удивлению всех богов), что наслаждение женщины в девять раз сильнее того, что испытывают мужчины.

– В девять раз?

– Да, ни больше ни меньше.

– Какие же мы счастливые! – воскликнула Эммануэль. – Бедные, бедные мужчины. Мы должны быть с ними очень добрыми. В следующий раз я уж постараюсь передать хоть часть моего удовольствия этим беднягам.

Мерви приснула. Эммануэль удивилась:

– Разве вы не считаете, что королева должна быть милостивой и бескорыстной со своими подданными?

Мерви ответила вопросом на вопрос:

– Так, значит, вам стыдно делать это за деньги?

– Разумеется. Но, правда, в этом стыде есть что-то возбуждающее.

Задумавшись на мгновение, Эммануэль добавила:

– Несколько раз меня спрашивали в эти дни, нимфоманка ли я, или проститутка, или Бог знает что еще. Я не думаю, что я на них похожа. Ведь что-то меня от них отличает?

– Только намерения.

На этот раз Эммануэль утвердительно кивнула. Мерви подалась вперед, расстегнула несколько пуговиц на ее платье и объявила:

– Не пойду я на это свидание. Я возьму вас с собой.

– Сколько вам лет? – спросила Эммануэль, как будто ее решение зависело от возраста Мерви.

– Мы с вами родились в один день, только я на год позже.

– Невероятно, – восхищенно проговорила Эммануэль.

На несколько минут наступило молчание.

– А у вас мужчин было так же много, как у Арианы?

– Я не подсчитывала ее любовников. У меня каждый день новый.

– Но вы говорили, что у вас есть близкий друг?

– Я с ним не сплю. Я никогда не делаю этого дважды с одним мужчиной. По-моему, это скучно.

– А вы уверены, что наслаждаетесь вдвое больше, чем они?

– Вы думаете, что я фригидна?

– Нет, не думаю... Не фригидна, но мы в самом деле очень разные. Вас по-настоящему не интересует ни один мужчина, ни одна – я боюсь – женщина. А я – совсем наоборот. Все они восхищают меня, все они меня возбуждают, я люблю их всех. Я была бы совершенно счастлива, если бы нашла себе любовника, единственного на всю жизнь. И если я себя так расточаю, то это не из необходимости.

– Для меня это игра.

– А для меня это дело красоты. Я ваяю любовь, как скульптор статую. А можно ли изваять только одну? Я должна постараться, чтобы после меня во Вселенной было больше красоты, чем до меня. Я занимаюсь любовью, потому что призвана к этому. Была бы я поэтом, я бы выражала себя в песнях. Была бы живописцем, преображала бы реальность краской и формами. Но я Эммануэль, и мне остается только выгравировать черты своей плоти на этой Земле. Я хочу этого, чтобы остаться теплой и живой через тысячи лет после того, как исчезну, и для этого я отдаю тело тысячам и тысячам других существ, и они все – моя любовь. Она увидела отсутствующий взгляд Мерви. – Возможно, вы часто спите с кем-нибудь так же, как и я, Мара, – она бессознательно употребила одно из многих имен Львенка, – но я не уверена, делаете ли вы это с таким же самоотречением. Но я знаю, и притом лучше, чем кто-либо в этом городе, а, пожалуй, и лучше, чем кто-либо в этом мире, зачем я это делаю. И как вы недавно очень верно сказали, в этом вся разница.

Райские птицы

Мари-Анж вернулась на побережье. Кристофер просто сбежал в свою Малайзию, так и не найдя в себе смелости хотя бы прикоснуться к жене друга. Подходил к концу сентябрь.

Анна-Мария закончила писать глаза Эммануэль, и теперь та позировала ей обнаженной – Анна-Мария вместо скульптурного портрета Мари-Анж делала портрет Эммануэль. Эммануэль ничего не предпринимала для совращения своей подруги. Во время сеансов она избегала разговоров о любви, так же как и тем «наслаждение» и «мораль нового времени».

Прекрасная итальянка была влюблена в Эммануэль, и та это знала. Однако она не хотела чтобы Анна-Мария могла ее впоследствии упрекнуть в том, что ее соблазнили. А Эммануэль получала свое от Арианы и от сиамки, чья матовая кожа не переставала восхищать ее.

Марио покинул ее. Она так и не видела его у себя после ночи в Малигате. Он путешествовал по Греции и присылал ей оттуда нежные письма.

Между тем приближался день рождения Арианы. Надо было заняться подготовкой этого празднования. В Сиаме, где возраст, в отличие от всего остального мира, рассчитывается по циклам, окончание каждого цикла отмечается особо торжественно. Друзья Арианы и она сама решили ни в чем не отступать от местных обычаев. А начать праздник с фантастического костюмированного бала для всего круга знакомых.

Приглашенные должны были сами приготовить себе маски под руководством Мерви, посвященной во все тайны этого деликатного и тонкого ремесла.

Эта работа уже сама по себе была праздником. Долгие часы проводили молодые женщины у Арианы. Пол был усыпан перьями лебедей и цапель, перышками канареек, хвостами попугаев, пухом голубиных перьев; здесь были перья чайки и радужной птицы-лиры, и райской птицы – чего здесь только не было!

Работа продвигалась медленно – больше обсуждали, чем работали. Планы рассматривались, принимались и снова поступали на обсуждение – слишком велико было удовольствие говорить об этом. Наконец, условились, что маски должны плотно прилегать, закрывать все лицо, волосы и даже шею, глаза будут спрятаны под шелковыми ресницами и веками. В продолжение всего бала никому не позволялось снимать маску. Таким образом, никто не будет узан и смело сможет делать все то, на что было бы трудно решиться с незамаскированным лицом.

Костюмы из тончайшего материала будут плотно обтягивающими и абсолютно прозрачными. Мерви (опять эта Мерви!) знала, какими должны быть эти одеяния. Она отобрала десять черных и десять красных – оттенка, который зовется «палачески-красный», – костюмов. Это определило число женщин-птиц – их должно было быть не больше двадцати. Разумеется, эти одежды годились не для всех. Только определенных размеров грудь могла выглядеть привлекательной в таком тесном наряде. Предварительное освидетельствование сверх достоинств вынудило потому многих кандидаток согласиться, хотя и неохотно, на роль зрительниц, чтобы не отказаться от участия в празднике.

У костюмов были длинные, достигающие запястий рукава, и возник вопрос: надо ли прибавить к костюму еще и перчатки? Проконсультировались с руководительницей церемонии, и она, подумав, объявила, что прикосновение тончайшего нежного шелка действует более возбуждающе, чем прикосновение голой кожи. Таким образом были выбраны тонкие шелковые перчатки: черные – для черных трико и пурпуровые – для красных. И, по правилам, перчатки не должны были сниматься ни при каких обстоятельствах.

Ариана и Эммануэль думали сначала, что Мерви сделает костюмы, подобные тем, в каких выступают танцоры: они закрывают только верхнюю половину тела, с трудом достигая талии.

Мерви предложила продлить их получулками-полуштанами в виде крупноячеистой рыболовной сети; если носить это без трусиков или чего-то подобного, как возбуждающе будет выглядеть такое зрелище! Но на этот раз соучастницы не согласились: человеческое терпение не беспредельно, и этим штанам не остаться целыми на всю ночь именно благодаря их привлекательности! А уж коли гости обязаны не снимать масок и перчаток в течение всего праздника, с какой же стати делать исключение для штанов, или как их там хочет назвать Мерви. Таким образом, законопроект Львенка был забаллотирован.

В порядке разъяснения Эммануэль предложила, что уж лучше им быть с самого начала вечера совсем обнаженными ниже пояса. Мару, к примеру, если она поднимет чуть-чуть кончики перьев, будет вполне украшать ее естественный пушок.

Дело не в костюмах, заметил кто-то. Дело в том, кто их будет надевать: вот в чем трудность! Легко можно отыскать и больше, чем двадцать прекрасных женских статуэток. Но ведь мысль состоит в том, чтобы устроить парад красоты. Это должен быть парад интеллектов без предрассудков, и связанных друг с другом взаимной симпатией. Ведь это был не чей-нибудь день рождения, а день рождения Арианы, и готовить надо не просто спектакль, а пиршество любви!

Организационный комитет просматривал списки участниц, ревизуя их ежедневно, сначала из эстетических соображений, потом из практических надобностей, заполняя бреши, образовавшиеся вследствие отъезда, нездоровья или просто малодушия приглашенных женщин. Наконец, все было утрясено, и когда подсчитали число масок, стало ясно, что успех обеспечен.

Затем на обсуждение был поставлен вопрос о гостях мужского пола. Должны ли они также быть в масках? Нет, это должно быть привилегией женщин. Только им предназначалось быть загадкой на этом празднике, – птицам со спрятанными лицами и открытыми телами. Мужчинам в эту ночь отводилась роль скромных прислужников богинь. И только богини будут полуобнаженными. Мужчины обязаны явиться в вечерних костюмах!

А сколько их будет? Столько же, сколько и женщин? Ну уж нет, это было бы слишком легко для них. Пусть они соперничают друг с другом, пусть выстраиваются в очередь. Пусть их будет больше, неважно на сколько, но больше.

Обсуждалось также, следует ли приглашать мужей. Ни одного, сказала Мерви. Ариана придерживалась противоположного мнения: среди них есть вполне заслуживающие приглашения, например, Жан. И обе они смутились, когда в спор вмешалась Эммануэль.

– Нет, Жана не надо, – отрезала она. – Без Жана. Ведь Анна-Мария не сможет прийти, вы ведь знаете.

При чем здесь Анна-Мария, удивились обе спорщицы. Но Эммануэль не стала вдаваться в объяснения, и они ее больше ни о чем не спрашивали.

Накануне большого праздника приятельницы Арианы собрались в последний раз для примерки своих костюмов.

Великолепные в своих тяжелых бархатных плащах, подметающих пол, – они сбросят их позже, только после того, как зрители как следует истомятся, – они долго молча наслаждаются зрелищем своих масок, в которых много из царства птиц, но еще больше из царства грез; масок, под которыми трудно узнать смертных женщин.

Маска Эммануэль – маска молодой коринфской совы с ржаво-красным хохолком над ушами – выглядела торжественно и серьезно: глаза были обрамлены бриллиантовыми слезками. Но Эммануэль казалась себе в этой маске не только совой, она выбрала себе другое имя – «Нимфа Ночи».

Оранжевый, высокий и плотный гребень, высокомерное выражение глаз и голубоватый клюв придавали внешности Арианы почти мистическое очарование. Какое женское, сердце

могло устоять перед подобным волшебством?

Мерви предстала райской птицей с ярко окрашенной грудью и высоким султаном на шлеме – может быть, это была корона древних инков, за которой так охотились когда-то конквистадоры?

Одна африканка соорудила на голове подобие трибуны с флагами – именно так выглядели длинные перья, спускавшиеся со лба и металлически шумевшие, как знамена на ветру. Только звук был резкий, неприятный, такой, что бил по нервам.

Это таинственное шествие пораженных своими собственными произведениями художниц расцветило паркет пустого зала в красное и черное, а перья и хохолки исполняли в полумраке притушенных ламп феерический танец. И появляющиеся, наконец, обнаженные ягодички так ошеломляюще соблазнительно контрастировали с причудливыми масками на лицах! А как различны по цвету эти длинные, волшебные ноги – загорелые у блондинок и тускло поблескивающие у сиямок!

Таинственный взгляд и красно-оранжевое петушиное оперение с великолепным султаном, отороченным темно-пурпурной каймой, епископская мантия и непомерно длинный шлейф райской птицы – все это больше, чем маскарад: это сюрреалистические фигуры спутниц, явленные из мужских снов, из их попыток разгадать тайну Вечно Женственного. Воплощаясь ярким оперением, превращаясь в буйство красок, не были ли они более могущественны и привлекательны, чем тело возлюбленной?

Птицы пообещали друг другу, что чудо будет длиться как можно дольше. Ни страсти, ни насмешки не позволят им скинуть чары, и они будут сиять своим сказочным оперением, своими неразоблаченными тайнами, скорее пробуждая отчаяние, чем успокаивая его.

Метаморфозы были такими совершенными, что даже посвященные с трудом могли распознать под красноперой манишкой какаду или мягкими плечиками гиацинтового ара, под празднично окрашенной или смешно заостренной куколью бразильского колибри кудри шестнадцатилетней алжирки, совершенно неузнаваемые даже теми, кто столько раз гладил и целовал их.

Разумеется, просто из мужчин мог вполне простительно пошутить и внести в ход праздника нарочитую сумятицу. Они сделали бы это не без задней мысли спутать Лауру и Мерви, опознать в Джамиле Мали, предположить, что под Марией скрывается Эммануэль, а под перьями Мариам – Дафна. И если, не в силах отказаться от своих желаний, они все-таки им отдадутся, в мужских объятиях близкие существа обернутся недоступной красотой, виденной, казалось, уже где-то и когда-то. Как удивятся они потом, очастливленные незнакомыми и в то же время такими знакомыми подругами!

Весь день дамы наслаждались предвкушением этой игры. Они заранее предоставили своим поклонникам возможность всяческих злоупотреблений. Для них это удобный случай познать бессмертное, сверхчеловеческое, неведомое дотолле: что может быть лучше в этих обстоятельствах, чем тянуться к женщине и овладеть... гением. Зал был разделен на две половины спускающимся с потолка занавесом из белого шелка. Лампы были погашены, и только в глубине, за занавесом, горел яркий прожектор. Гостям, расположившимся в мягких глубоких креслах, предлагались напитки на любой вкус. В темной половине зала были только мужчины и женщины, не участвовавшие в маскараде.

На белом полотнище экрана возникают смутные видения, почти галлюцинации: осторожно взятые тонкими пальцами, словно нежные цветы, фаллосы разных размеров и форм; их два, четыре, восемь... В медленном ритме паваны кружат они вокруг фантома, вокруг призрака женщины, чье реальное тело живет там, в запретном пространстве между прожектором и шелком...

Силуэт ее изгибается в сладкой истоме и, словно надломившись, опускается вниз; ее едва можно различить теперь. Видна только грудь. О, если бы эта нераспознаваемая фея сняла со своей головы волшебное оперенье!

Чья-то прозрачная рука возникает из ничего, описывает в воздухе параболу, одна ладонь ложится на невидимый живот, становится различим палец,двигающийся взад-вперед там, где скрыт признак пола. Этот фаллический призрак все убыстряет ритм танца, наконец, он танцует бесшабашную джигу, а женское тело выгибается, опираясь о землю только пятками и затылком, превращается в натянутую струну. Внезапно палец исчезает, Приап успокаивается, силуэт бледнеет, экран погружается в темноту...

Как только он вспыхивает, становится виден новый профиль с остро торчащей грудью, длинными стройными ногами, голову украшает воздушная прическа, высокая, как корона. С левой стороны возникает еще одна фигура; танцую под аккомпанемент глухо звучащих колокольчиков, она приближается к первой, и признак мужественности выдается вперед решительно и строго, как на этрусских фресках.

И вот два образа соединяются. Легко, как пушинку, поднимает мужская тень женскую. Выгнув спину, крепко стоя на невидимых ногах, мужчина с силой проникает в балерину, а та заключает его в крепкие объятия. Все это ясно видно под искусственным лунным светом. И снова ночь покрывает слившиеся силуэты своим покровом.

Но начинает светать, и в этих искусственных утренних сумерках вновь стала видна женская фигура, неясно только, та ли, что была прежде, или другая: легче отличить друг от друга летающих райских птиц. Она садится, подогнув под себя одну ногу и вытянув другую. Мужчина, а может быть, фавн, приближается к ней, опускается на колени. Женский силуэт кладет ногу на его плечо и делает движение навстречу жаждущему рту. Тень мужской головы зарывается в тень женских бедер, и женщина откидывается назад, подставив грудь небесам. И свет медленно меркнет...

На переднем плане четвертой картины предстает сидящий мужчина. Тень женщины – нет, музы! – возникает перед ним из мрака. Ее волосы подобны облаку, и походка ее воздушна; танцую, она приближается к нему, склоняется все ниже. Фаллос героя медленно вырастает ей навстречу и, наконец, сливается с этим туманным неразличимым ликом. Но потом снова появляется и вновь исчезает, окунаясь вглубь торжественно, священнодействуя, творя какой-то ритуальный обряд. Женщина исчезает. Полубог остается один.

Но ненадолго – из черной пелены вырисовывается еще одна фигура. Мужчина простирает к ней руки, привлекает ее к себе, поднимает – и с силой вонзает в нее свой член. Мягкие женские округлости сливаются с лепной мускулатурой любовника. Руки обвивают его шею, губы прижимаются к губам. И тело женщины изгибается с океанической гибкостью, вытягивается к воображаемому потолку, опускается и снова парит в воздухе. И при каждом движении жезл плодородия появляется и снова погружается в глубокую тень.

Зрители вне себя: каждая жилка, каждый нерв напряжен, неукротимая сила пульсирует в их потаенных членах. Но представление продолжается. Женщина подпрыгивает, взмахивая руками в воздухе, волосы распущены и касаются земли, живот мужчины сотрясают судороги. Кажется, животворный сок так и хлещет из него.

Следующая сцена являет зрителям покоящуюся на высоком ложе женщину. Ее плечи и лицо совершенно исчезают под густой копной волос. Широко раскинув ноги, она словно ждет кого-то. И он появляется. При его появлении женщина поворачивается спиной, выгнув поясницу, становится на колени. Исполнитель мужской роли вонзается в нее сзади так глубоко, что дальнейшее движение становится, по-видимому, невозможным. Поэтому он внезапно застывает. И женщина каменеет.

Сразу же от левой кулисы отделяется другая женская фигура. Плавными шагами подходит она к замершей паре. Выступающий наружу бугор Венеры прикасается к женскому изваянию: женщина сразу же оживает, поднимает голову, становится виден ее профиль, жадными губами она впивается в приманку.

Это возвращает к жизни и мужчину. С внезапной яростью он начинает терзать бедра пленницы, и та, разорвав привычную тишину театра теней долгими дикими криками, исчезает в ночи. Какое-то время экран пуст. Потом на нем появляются двое стоящих друг против друга мужчин. Они сближаются так тесно, что два их ясно различимых, торчащих вперед стержня сливаются в один огромный, толщиной в руку, фаллос. За спиной каждого нечто вроде стола или алтаря. Слева и справа два женских существа, напоминающие барельефы на нубийских вазах. Груды выступают над плоскими животами. Обе фигуры медленно приближаются к центральной группе. Но правая останавливается на полпути, а левая опускается между двумя мужчинами на землю и образует с ними одно целое. Нужно быть особенно внимательным или обладать ярким воображением, чтобы увидеть, как она берет в рот этот двойной лингам. Потом она поднимается и вытягивается на одном из стволов. Голова ее на уровне мужских бедер, и мужчины немного придвигаются к ней так, что могут губами прикоснуться к женскому телу.

Вторая женщина повторяет в точности весь ритуал и устраивается на втором столе, образуя с первой полную симметрию. Теперь обе средние фигуры прерывают свой несколько гомосексуальный тет-а-тет, делают полуоборот и приближаются к алтарям: губы женщин раскрываются им навстречу, и каждая из лежащих завладевает фаллосом своего любовника.

Затем показываются две женские тени, несущие между своими грудями мужские символы. Грациозными обольстительными движениями снимают они с шеи искусственные приапы и прививают их к жаждущим телам. Потом опускаются на колени между бедер этих новых гермафродитов и приникают губами к тем нежным росткам, которые они только что постарались облагородить.

Еще двое мужчин: они появляются справа и слева и приближаются к коленопреклоненным женщинам. А те в тот же миг отворачиваются от искусственных приапов, которые они только что всадили своим возлюбленным, и стремятся отведать вновь прибывших. Их сноровка привлекает внимание двух других мужчин, от которых они оторвались, и те снова поворачиваются и подступают к этим женщинам сзади, приподняв их за бедра: по движениям мужчин видно, что они проникли достаточно глубоко.

Двух стоящих мужчин, чьи стержни были во рту превратившихся в андрогинов женщин, разделяло небольшое расстояние, и это пространство требовало заполнения. Показались еще две мужские персоны. Они встретились в центре экрана, задвигались, закружились в пустом пространстве и наконец приняли точно такую же позицию, которую сначала занимала первая мужская пара. Все четверо касались друг друга ягодицами.

Едва утвердились они в таком положении, как с обеих сторон экрана на сцену выпрыгнули две новые женщины, потом еще две.

Первые расположились вдоль алтарных столов и принялись целовать груди лежавших там, ласкать следы, оставленные искусственными фаллосами. Две другие, присев на корточки возле приникших к приапам женщин, потянулись к низу их животов – ведь их любовники избрали другой путь. Свободной рукой каждая женщина ласкала грудь партнерши.

Шесть групп образовались на сцене: в каждой группе один мужчина и две женщины. Мужчина, обняв одну из них за талию, укладывал ее на спину так, что ее голова упиралась в пятки другого представителя сильного пола, того самого, кого в это время содомировала поклонница искусственного приапа. Другую ученицу располагали так, чтобы ее удобно было вылизывать той, что лежала на спине. А руки «верхней» женщины должны были быть

достаточно длинны, чтобы дотянуться до мужских плеч и суметь потрогать мужскую стать третьего из четверки, вонзившегося в зад ее подруги.

Эти сцены разворачиваются на обеих сторонах дипти-хона. Мужчины, приведенные четверьмя последними исполнительницами, занимают окончательное место на телах своих возлюбленных; но если раньше работали только губы и языки, то теперь соитие совершается по всем правилам. И в то же время каждый из них ласкает грудь той, которую лижет его подруга и соединяет на ее бутоне мужской и женский языки.

Их движения в постоянной гармонии с поведением других: с жестами женщин, в которых они вонзаются, с теми, кого они ласкают языком и руками, в то время как их ласкают другие мужчины и женщины. Вся прелесть картины именно в этой координации межчеловеческих отношений.

Между тем свет мало-помалу меркнет, и нужно приложить немало усилий, чтобы различить отдельные силуэты. Сгущающаяся тень стирает изображения с экрана, заполняет последние пустоты между фигурами и все-таки не заканчивает игры. Тонкой игры черных и серых тонов, которые движутся, вздрагивают, пробуждая в тех, кто наблюдает за ними, какие-то могучие желания...

День радости

Улица бежала к морю вдоль поросшего лотосами канала, по которому сновали моторки и парусные лодочки. Тяжелое колесо с деревянными спицами поднимало тинистую воду, чтобы оросить ею фруктовые сады и жаждущие влаги рисовые поля. Сети на длинных деревянных шестах кое-где перегораживали канал, и при приближении суденышка мальчишки, оберегавшие эти сети, с громкими криками оттягивали их к берегу.

Машина обгоняет монахов, степенно бредущих гуськом среди этой жужжащей, как рой насекомых, толпы. У каждого монаха, кроме медной маски, куда набожные женщины складывают им ежедневное подаяние, в руках еще и тяжелый солнечный зонт.

– Чего это они так навьючены? – удивляется Эммануэль. – Они же не открывают зонтов, хотя солнце уже жарит во всю.

– Это не совсем обычные зонты, – объясняет Жан, – это скорее палатки. Когда наступает ночь, монах останавливается на ночлег там, где она его застала, снимает шелк с палки и укладывается в него. Так и ночует, никому не платя за пристанище.

– А если идет дождь?

– Тогда он вымокает.

– А не лучше ли монахам для богомолья, для путешествия пилигримов подождать сухого времени года?

– А сухое время года как раз и начинается. Сегодня вечером мы увидим тысячи корабликов из кокосовой скорлупы, из кожуры бананов. На них будут гореть свечи, и кораблики, приносящие счастье, будут плыть по каналам и речкам, а Матери Вод будут приносить жертвы цветами и плодами. Это «Лой Кратонг» – День Радости и Счастья. В этот день влюбленные обручаются, а обрученные женятся.

– Оказывается, существует мир, где не каждый день посвящается любви? – с деланным возмущением воскликнула Анна-Мария. – Бедная Эммануэль, ей придется ждать конца сезона дождей!

– Я укорочу все сезоны!

Накануне они сидели все втроем, Анна-Мария – между Эммануэль и ее мужем. Жан сообщил им, что ему предстоит поехать к границе. Дорога будет идти через Патайю. Эммануэль радостно воскликнула:

– Навестим Мари-Анж!

– По дороге туда у меня не будет времени. Но я тебя там оставлю, а на обратном пути заеду за тобой и побуду там подольше.

– А ты долго пробудешь в Шатобуне?

– Всю неделю, вернусь в воскресенье.

– А если я возьму с собой Анну-Марию?

– Прекрасно! Я сниму тебе тогда бунгало, чтобы вы ничуть не стесняли Мари-Анж и ее матушку.

Анна-Мария погрузила в машину мольберт и кисти, Эммануэль захватила с собой в этот крестовый поход кинокамеру, журналы, книги, пластинки. Жан расхохотался при виде этого снаряжения. К тому же блузка, которую надела Эммануэль, была столь крупной вязки, что оба ее соска торчали наружу и выглядели даже более вызывающе, чем обычно. Что же касается юбки, то на этот раз она была из прозрачного джута и так коротка, что когда Эммануэль садилась, она выглядела обнаженной чуть ли не до пупка. И, конечно, это не могло остаться незамеченным. Пассажиры и механики обступили в восторженном изумлении машину, едва

Жан притормозил около первой же бензоколонки на выезде из города. Эммануэль была в таком беспредельном восторге, что Анна-Мария не решилась ни на какой упрек. Но все-таки она сказала с усмешкой:

– Эти славные люди теперь будут все измерять в вашем масштабе. Они этого зрелища не забудут никогда.

В разговор вмешался Жан:

– Этой стране не хватает мыслящей субстанции. И всякий, кто помогает ей избавляться от этого недостатка, совершает акт человеколюбия. Вы знаете, что моя жена всегда готова к этому.

– Фу, – фыркнула Эммануэль, – да я прокатилась нагишом через весь Бангкок, и никто этого вроде бы и не заметил.

– Нет, – возразил Жан, – весь город до сих пор говорит об этом.

– Секрет искренности Эммануэль в том, – стала рассуждать Анна-Мария, – что она любит как раз то, что показывает. И принимая это во внимание, на нее можно не обижаться.

Машина рванулась с места, и Эммануэль откинуло на спилку сиденья так, что взгляду открылся ее нежно-коричневый живот и матово поблескивающие завитки волос.

– Может быть, это вам не нравится? – спросила она молодую итальянку.

И так как она не ответила, Эммануэль взяла ее руку и приложила прямо к своему руну.

В первый раз дотронулась Анна-Мария до столь интимной части тела Эммануэль. Сердце ее учащенно забилося. Это была и боязнь ранить свою подругу, и боязнь показаться ханжой, если бы она слишком поспешно отдернула руку после почти двух месяцев довольно близких отношений. Но ей не хотелось показать, что она придает чересчур большое значение этому жесту. Эммануэль постаралась хотя бы частично облегчить совесть Анны-Марии, удерживая руку итальянки. И все же Анна-Мария оказалась в затруднительном положении, поскольку ситуация затягивалась, и она разрывалась между тем, что ей предписывала мораль, и соблазном отклониться от морали. А еще больше усиливало ее смущение присутствие Жана.

Зато Эммануэль блаженствовала, и ее, казалось, ничуть не трогало зрелище мучений своей подруги. Она крепко сжала ногами эту вожденную руку и почти незаметными движениями бедер доставляла себе радость самых утонченных ласк... Растущее наслаждение и расслабляющая нежность трепетали на губах Эммануэль, и смущение Анны-Марии мало-помалу уступало ощущению удовлетворенности и некоей гордости. Никто никогда не доставлял ей такого сладострастного чувства, как эта плоть, вздрагивающая под ее рукой, как живая птица, и отдающая поглаживающей ласковой руке свое тепло.

У Анны-Марии дрожали пальцы, а прекрасное, сияющее тело все плотней и плотней прижималось к ней. «Она счастлива, – сказала себе Анна-Мария, – и разве можно злиться на нее. Да кроме того, я же люблю ее, надо быть логичной».

Эммануэль обняла Анну-Марию и прижалась щекой к ее щеке.

– Ты возлюбленная моя, – прошептала она, обмирая от счастья. – Любовь моя, ты моя возлюбленная!

Анна-Мария не знала, что отвечать. С каждым движением пальцев ее все больше пьянила открывающаяся ей радость плоти. Она вздрагивала всем телом. Желание, оказавшееся сильнее всех опасений, всех защитных механизмов юной девушки, раскрывало в ее душе доселе скрытые надежды и силы. Она дала Эммануэль свои губы, позволила рукам Эммануэль сжать ее груди, а потом скользнуть вниз по животу.

«О нет, – подумала она, – Нет».

Но не сделала ни единой попытки сопротивления, и пока Эммануэль по-хозяйски распорядилась ее телом, путанные мысли кружились в ее опустевшем сознании, и она не могла уяснить себе, наслаждение ли она испытывает или нечто другое.

Но то, что она любит, она поняла. И все, что было, кроме этого понимания, в этой неразберихе чувств, картин, мыслей, которая могла взорвать ее разум, выразилось в крике, банальном, пошлом крике, ясно и просто вместившем в себя ту истину, которую так мучительно ищут все живые создания и которая помогает им освободиться от их изолгавшегося здравого смысла:

– Вот! Вот оно!

Эммануэль не скоро прервала молчание.

– Завтра придет Марио, – сказала она. – Мы должны считать себя осчастливленными, потому что он решил: я должна броситься к его ногам.

– А где он разместится? – поинтересовался Жан.

– У нас. У Мари-Анж мало места.

Анна-Мария забеспокоилась:

– А у нас хватит кроватей?

– Нет, – сказала Эммануэль, – но он ведь твой кузен.

– Благодарю покорно, – запротестовала итальянка. – В нашем роду еще не было кровосмешения.

– Тогда он будет спать в моей постели, – отрезала ее подруга.

– Вот это гораздо лучше, – одобрил Жан. Автомобиль несется на полной скорости, и Анну-Марию прижимает к Эммануэль. Она поспешно отодвигается и, нахмурия брови, задает Жану вопрос:

– Жан, а вам безразлично, если другой мужчина спит с вашей женой?

– Мне?

– Вам.

– Меня это радует.

«Не скажу больше ни единого слова», – мысленно клянется Анна-Мария. Впрочем, она все же осмеливается сказать, едва только Жан поворачивается к ней. Любопытство пересиливает. Неужели возможно, чтобы Жан всерьез одобрял эротические спектакли Эммануэль? Нет, она заставит его высказаться ясно и недвусмысленно.

– Значит, вы ее не любите.

Как и следовало ожидать, Жан отнесся с полным равнодушием к подобному обвинению. Он лишь спросил:

– Как же можно говорить, что я не люблю, если я радуюсь, видя ее счастливой?

– Не рассказывайте мне, что равнодушие и жертвенность супруга заходят так далеко, – усмехнулась Анна-Мария.

– Помилуйте, да я бы со стыда сгорела, если бы меня считали жертвенной натурой!

– Что за высокомерие! Или, вернее, что за нелепость!

– Нисколько! Подумайте хорошенько, и вы убедитесь, что то, что в глазах общества может выглядеть как жертва, в общем-то не что иное, как отвратительная смесь самомнения и трусости: добродетель кланяется пороку. Это не мой жанр.

– А что ваш жанр?

– Или мне поступок Эммануэль кажется плохим, и тогда я против него, или я оставляю ее в покое, потому что согласен с ним. Это всего-навсего здоровый эгоизм безо всякой ложной стыдливости: все, что я нахожу подходящим для нее, подходит и мне.

– Вы хотите мне внушить, что Эммануэль становится лучше после того, как побывает с первым встречным, или что вы ей благодарны, когда она торгует собой, чтобы улучшить семейный бюджет?

– Моя точка зрения гораздо проще: Эммануэль для меня Эммануэль – и ничто другое.

– Что это значит?

– Ее нельзя отделить от меня, а меня отделить от нее. Она – это я.

– Нельзя же ревновать самого себя, – пояснила Эммануэль.

– Два партнера могут ссориться, у них могут быть разные интересы, – продолжал Жан, – или же один может подавлять другого. Но мы не партнеры. Невозможно, чтобы ее радость была моей горечью, чтобы то, что доставляет ей удовольствие, внушало мне отвращение, чтобы ее любовь была моей ненавистью. И здесь нет моей заслуги. Я хочу для нее добра, потому что это добро и для меня.

– То, что делает один, побуждает и другого поступать так же. Нам и не нужно физически существовать обязательно вместе. Все равно: там, где Жан, там и я.

– Мы одно существо, – опередил Жан.

– Вот-вот, – обрадовалась Эммануэль, – мы двуполая клетка, и, вернее всего, нам предстоит размножиться делением!

– Ее тело становится моим: она несет женский принцип, а я – мужской инстинкт. Ее грудь, когда ее ласкают, – это моя грудь, ее живот – мой живот. Она раздвигает для меня пределы возможного и открывает ворота мира, в которые никто из мужчин не входил до этого.

– А вы не чувствуете себя при этом, раз уж вы так отождествляете себя с нею, – а она ведь бывает любима другими мужчинами, – немного гомосексуалистом?

– Когда я – это она, я – женщина. И если она любит женщин, я предаюсь лесбийской любви.

Анна-Мария залилась краской. Жан рассмеялся. Но молодая женщина быстро пришла в себя и продолжила расспросы:

– Вы это в самом деле чувствуете или только миритесь с неверностью Эммануэль, чтобы не потерять ее?

– Меня потерять? – удивилась Эммануэль. – Да это невозможно, чтобы мы с Жаном потеряли друг друга. Разве я ему изменяла когда-нибудь?

– Эммануэль мне верна: разве может часть изменить целому? И мы никогда не испытывали страха расставания.

– Как вы уверены в себе, – с некоторой горечью сказала Анна-Мария, – Между вами существует, наверное, какой-то род телепатии, позволяющий не сомневаться?

– Этой телепатии столько же лет, сколько и человеку. Она носит несколько высокопарное, но точное имя: взаимная любовь. Тот, кто может сострадать другому, не может не обрадоваться его радости.

– Анна-Мария, душа моя, Жан ответил тебе на самый главный вопрос, который ты ему все время задавала.

– Какой?

– Подумай, и ты догадаешься.

Однако Жан больше не открывал рта, и Анна-Мария смотрела рассеянно на бесконечные мангровые заросли по обеим сторонам дороги. На какое-то мгновение все трое словно погрузились в дремоту. И чтобы стряхнуть с себя оцепенение, замороженность прошедшей беседы, юная итальянка решила отчаянно протестовать против этой логики, на что, впрочем, ее спутник не обратил внимания.

– Но тот, кто так живет, отчаянно рискует! Разве вы не боитесь, что другой мужчина увидит вашу жену обнаженной, что ее трогают, ложатся на нее. Неужели вам хочется...

Перекресток. Никаких указателей.

– Я думаю, мы должны повернуть вправо, – говорит Жан. Он резко поворачивает, шины взвизгивают, и Анну-Марию со всей силой прижимает к нему. А он, будто не замечая смущения спутницы, продолжает прерванный разговор:

– Бдительность была бы лучше? Но когда ревнивый любовник упрятывает красоту под замок, у нее в руках оказывается отмычка. И потом, я думаю, будь я трусом, я не мог бы понравиться Эммануэль. Малодушие, моя дорогая, большая глупость. А кого я накажу, если из боязни, что кто-то увидит ее обнаженной, стану постоянно прикрывать ее? Прежде всего – себя, лишившись этой красоты. Можно ли прятать то, что любишь? Вы сами, Анна-Мария, точно заметили недавно, что Эммануэль любит свое тело, гордится им и потому так охотно демонстрирует его. Для меня нет ничего хуже, чем представить, как какой-нибудь узник сует своим товарищам по тюрьме фотографии и объясняет с сияющим видом: «Вы только посмотрите, какая она уродина. Страшная, как старая ведьма. Я на ней только потому и женился, что с такой рожей она никогда не сможет мне изменять».

– В ревности, конечно, есть что-то безумное. Но ее нельзя отделить от любви. Разве возможно не мучиться от того, что другой берет вашу любимую женщину. Так какой же вы мужчина после этого!

– «О девы гнев, услада из услад, склоняюсь пред тобой», – насмешливо продекламировала Эммануэль.

– «Берет ее», – задумчиво сказал Жан, – язык любви так зыбок. Что берет мужчина, даря женщине самую большую радость? Он берет ее? В крайнем случае, он берет что-то из ее радости. А что он берет у меня?

– Он берет то, что она могла бы отдать вам.

– Есть какая-то мера, соотношение? И как установить норму этого, как распределить рацион? Я этого не знаю... Но она не дает другим ничего из того, что принадлежит мне.

– Разве не унижительно делить ее тело с первым встречным? Не достойнее ли все отдавать вам, чем впускать к себе чужих?

– Думаю, вы сами уже ответили на этот вопрос. Вы все время говорите о гордости, о ценности вещей, о радости обладания, о праве исключительного владения. Я же говорю о любви.

– Но ведь эта любовь должна быть чем-то святым. Вы оба насмежаетесь над моим религиозным чувством. Но религия плоти внушает еще меньше доверия.

– Разве вы можете себе вообразить меня отдельно от ее тела? Спросите себя самое. Но моя любовь вовсе не ограничена пределами плоти. Они обозначают не конец нашего путешествия, а только начало его. Я не знаю, мог ли я вообще любить до того, как встретил Эммануэль. Я только знаю, что беспредельность любви открылась для меня лишь после встречи с Эммануэль. Но не думайте, что путь к этому пониманию был безболезненным. Несмотря на то, что мы не знали ревности. Если я иногда боялся (потому что я отнюдь не совершенство, и страх овладевает мною, как и всяким смертным), то это не из опасения, что ее не будет для меня, а как раз наоборот: что ее не будет для себя. Что осталось бы мне, если бы я лишился необходимости заботиться о ней, если бы ночью, когда она раскроется во сне и начнет мерзнуть, я не мог бы укрыть ее? Кому я должен был бы подносить лекарство, когда грипп превращает ее в беспомощного ребенка? Как бы я выглядел перед друзьями, если бы сказал им: я ничего не сделал, чтобы сберечь женщину, которая доверилась мне? Ведь все они не мои соперники, а мои союзники.

Анна-Мария не ответила. Дорога сузилась настолько, что лежала перед ними, как железнодорожная колея, уходящая в ничто. Жан сбросил скорость. От пыли першило в горле.

– У Жана нет никакого основания ревновать меня к моим любовникам, – сказала Эммануэль. – Скорее они могут ревновать к нему. Никто из них не может дать мне того, что дает он. Не подумай, что я имею в виду только свободу. Он сделал из меня женщину, превосходящую всех других женщин. И это счастье я полностью оценила. Он ждет от меня

одного – быть личностью. И чтобы я смелостью отвечала на его доверие. Анна-Мария, тебе хотелось бы, чтобы я его разочаровала?

– Единственно нужная свобода, – сказал Жан, – это та, что освобождает от страха. И если человек не боится правды, этого достаточно, чтобы чувствовать себя могучим. Я – это она, никто этого не может отрицать, но я и ее попечитель, я отвечаю за нее. И никто другой не может сказать о себе этого. И я ее люблю, потому что хочу и от нее помощи.

– Моя задача – показать, что ничего, что происходит от любви, не может быть дурным, – сказала Эммануэль. – Или ты, о хладная дева, станешь утверждать, что плотская любовь – не любовь?

– Плоть, – ответила Анна-Мария, – это источник добра или зла.

– Если бы я не любил ее тела, – сказал Жан, – я бы вообще не мог сказать, что люблю ее.

– Жан, – спросила Анна-Мария, – были бы вы обижены, если бы Эммануэль была женщиной только для вас?

– Она не заслужила бы моей любви, если бы могла отказаться от самой себя. Единственное, что имеет цену, это верность себе.

– Значит супружеская верность – пустой звук?

– Ну, в этом случае ее еще можно было простить.

– Значит, слова больше не имеют никакого смысла?

– Те, под которыми прячутся фарисейство, ограниченность, конформизм, так называемое чувство приличия – да. И та «верность», под которой скрываются все эти чудовища, не содержит в себе ничего прекрасного, благородного, сердечного.

– Довольствоваться одним мужчиной, – вмешалась снова в разговор Эммануэль, – когда у тебя есть силы для многих, – это все равно что подрезать крылья птице и отобрать у нее природный дар полета.

– А разве не достаточно любви вдвоем? Отдаться тому единственному, кого любишь? Зачем нужны тогда другие? – спросила Анна-Мария чуть ли не со слезами на глазах.

– А зачем запирать свои двери? – спокойно возразила Эммануэль. – Земля полна твоими друзьями...

Гребни тянувшихся вдоль моря крутых скал с угрюмой красотой вырисовывались на фоне неба. Вдруг, приблизившись, они оказались прозрачной коралловой стеной, внутри которой словно поблескивали чьи-то внимательные глаза.

– Давайте-ка остановимся здесь и перекусим птичьими гнездами, – предложил Жан.

У отверстия в скале стоял вооруженный часовой. При виде трех иностранцев он приветливо улыбнулся. Они подошли к расселине; оттуда внезапно дохнуло таким холодом, что они было остановились. Но расселина расширилась, и они оказались в колоссальной пещере, куда свет проникал сверху через глубокую шахту. Множество птиц сновало под ее сводами, здесь стояло несколько столов доски, брошенные на грубоотесанные камни, да хлопотал возле передвижной кухни веселый китаец. Несколько туземцев подцепляли из мисок палочками какую-то желеобразную массу. Вновь прибывшие подсели к их столу.

– А для чего стоит у входа солдат? – удивилась Анна-Мария.

– Эта пещера – настоящая сокровищница, – объяснил Жан. – Гнезда государственная собственность. К тому же и птицы защищены законом. Даже кобру нельзя убить – на вас наложат огромный штраф.

– Это ласточки?

– Нет, они принадлежат к подсемейству стрижей, очень бойкому и, как вы слышите, довольно громкому подсемейству. Их называют стрижи-саланганы, а по-здешнему – «йаны». Кормятся они насекомыми, водорослями и планктоном.

– И из этих водорослей строят свои гнезда?

– Отнюдь. Рискую вызвать ваше отвращение, скажу вам, что они делают гнезда из своей слюны, – это нечто среднее между желатином и яичным белком. И вот из, этой субстанции, богатой протеином, йодом и витаминами, получается кулинарное чудо для знатоков, к каковым принадлежите и вы.

Улыбающийся повар поставил перед ними огромное блюдо.

– Так как коготки йаны не годятся для ветвей и сучьев, – продолжал лекцию Жан, – то они устраивают свои гнезда не на деревьях, а на скалах и утесах необитаемых островов или в таких пещерах. Некоторым жителям этих мест дарована привилегия собирать такой урожай. Их называют чао-хо – люди пещер. И вот они, когда приходит пора, карабкаются по длинным канатам из бамбуковых волокон вверх, рискуя жизнью и нередко теряя ее, укрепляя своей кровью птичьих гнезда.

– Нет, – вздрогнула Анна-Мария, – я расхотела есть.

Изящный, с благородной осанкой мужчина в сопровождении четырех молодых и очень хороших женщин, каждая из которых несла на голове большую корзину, прошествовал мимо них.

– Вот один из чао-хо, – сказал Жан, – со своими женами.

– Четыре! Я думала, что законы Сиама не разрешают многоженства.

– На законы ему плевать. Тот, кто живет рискуя, учится любить жизнь. Охотник за гнездами бросил заинтересованный взгляд на обнаженную грудь Эммануэль. Женщины хихикнули.

– Гляди-ка, – сказала Эммануэль, – они не ревнивы.

– Может быть, им хочется быть пятером, – сказала Анна-Мария.

– Поехали, – сказал Жан. – Пора, через полчаса мы будем на месте.

Жаркое сияющее солнце заставило их онеметь, когда они вышли наружу, и пролетело немало километров, прежде чем Анна-Мария снова взялась за свое.

– Должны ли женщины племени жить вчетвером с одним мужчиной, потому что большинство других гибнет во время своей охоты в скалах?

– «Должны»! – возмутилась Эммануэль. – Кто сказал тебе, что они должны?

– Они свободны в выборе, – объяснил Жан, – но вообще-то они неохотно соглашаются на моногамию.

– Почему?

– Они стыдятся этого.

– Брак вдвоем, если он не расширяется, ведет обычно к крушению, авторитетно подтвердила Эммануэль.

– Супружеской неверности уже недостаточно, – ужаснулась Анна-Мария, переходим к полигамии!

– Давайте оставим этот старый обман, – вмешался довольно добродушным тоном Жан, – быть полигамным – значит делиться. Мы ищем постоянно растущего единства. Того, что обогатит парный брак возможно большим количеством людей.

– Вот, к примеру, брак втроем, – воскликнула Эммануэль, – это же противоположность полигамии.

– Ах, вот как? Еще одна химера! Удивительно, что она еще не осуществляется.

– Полигамия в прошлом, дуэт – наше настоящее, а трио, гармоническое трио, – это новизна, пока будущее не предложит нам новых рецептов, – улыбнулся Жан, – ведь мы до сих пор только начинали, эволюция пойдет дальше.

– Откровенности, доверчивости и в браке вдвоем приходится тяжело, вздохнула Анна-

Мария, – подумайте: ведь брак втроем превратит жизнь в ад.

– Лучше думать о том, что он будет раем.

– По всей вероятности, – продолжала Анна-Мария, – один из партнеров рано или поздно будет отодвинут, заклеен как захватчик, и сердцевина вашей триады превратится в уютный, привычный двусторонний союз. Не такой, безусловно, каким он был вначале, но он станет чем-то новым.

– Хороший брак может состоять из трех пар, – категорически заявила Эммануэль.

– Как это? Шесть человек?

– Нет, три человека. Один мужчина, живущий с двумя женщинами, образует пару с каждой из них, как я и Жан; две женщины соединяются в третьей паре.

– Значит, без гомосексуальности никакое трио не может быть полным?

– Очевидно, нет.

– А если двое мужчин любят одну женщину, они тоже вступают друг с другом в связь?

– Разумеется.

– А двое мужчин и две женщины не лучше?

– Я считаю, что да, но Марио предпочитает нечетное число.

– Ах, значит, – сказала Анна-Мария, – вы будете ставить эксперимент с Марио?

– Нет, – сказала Эммануэль, – с тобой.

Эммануэль и Анна-Мария лежат на мягком теплом песке у самой кромки моря. Полночь уже миновала. Море молчит, мерцая во мраке.

Они, поздно вернулись от Мари-Анж, и когда добрались до террасы своего бунгало, их сторож, старик с черными пиратскими усами, уже спал на пороге их жилища сном праведника, сжимая в руке толстую палку. Но они хорошо знали, что бояться им некого. Присутствие этого телохранителя было лишь символом их достойного положения. Эммануэль тут же предложила искупаться еще раз. Анна-Мария, не дожидаясь просьбы подруги, стянула с себя купальный костюм и бросила его возле спящего сторожа. Она ступила на песок и двинулась по лунному пляжу. Впервые видела ее наготу Эммануэль.

И вот теперь, бок о бок с этим покоящимся телом, странная, незнакомая сдержанность парализовала руки и губы Эммануэль. Ей не хотелось, чтобы Анна-Мария говорила о любви, о мужчинах, о них обеих, а только о простых и прекрасных вещах: о пене прибоя, о бормотании моря, об острых краях раковин, царапающих кожу, о черных призраках вдали, тянущих из глубин моря тяжелые сети, наполненные живым серебром рыб.

– О чем ты думаешь? – спрашивает, наконец, Эммануэль.

– Ни о чем. Я счастлива.

– Почему ты счастлива?

– Из-за тебя.

«Если б я не полюбила ее с первого взгляда, – думает Эммануэль, – я бы никогда не полюбила ее. Только поэтому могла я ждать».

– Я еще не видела тебя, – говорит Эммануэль.

– Смотри же.

– Господи, я могу тебя любить, тебя, которая настолько прекрасней меня!

– Мне уже поздно запрещать тебе это.

– Ты все еще думаешь, что я дьявол?

– А ты все еще думаешь, что я ангел?

– Ты моя любимая, ты женушка моя.

– Я буду жить с тобой и Жаном. Я буду принадлежать вам.

– И я буду тебя обучать. Всему, что я люблю.

- Только не торопись: я, ты видишь, еще не освободилась от страха.
- Больше храбрости, моя мещаночка! Я не буду тобой командовать. Я буду обладать тобой.
- Ты не станешь меня удерживать?
- Растрачивать тебя не значит тебя потерять. Ты же не думаешь, что я буду терзать тебя, как хищная птица, и пить твою кровь?
- А меня хватит, чтобы тебя насытить?
- Нет, я ненасытна. Я всегда ищу нового. Увидеть небо...
- Ты же хочешь, чтобы я о нем забыла.
- Это небо ты можешь видеть. И ты увидишь, как прекрасна и счастлива наша Земля. Это наш путь, он принадлежит нам.
- Что еще мы можем найти?
- Все, все! Подумай о том, что нас ждет еще! О, это невозможно: этот мир никогда не будет закончен!
- Будь уверена, – сказала Анна-Мария с неожиданной страстностью, – Жан и мы, все, кто походит на нас, все, кого мы любим, достигнут совершенства.
- Мы – нет. Никогда. Только те, кто придет за нами.
- А кто придет за нами, за мной и тобой?
- Наша дочь.
- Кто же ее родит? Я, ты? И кто подарит нам ее? Жан?
- Или ты мне, или я тебе. Это ничего не значит. Мы будем этому учиться, рожать. Мы переделаемся. Мы изменимся.
- А другие?
- Остальные научатся у нас. Или их дочери и внуки их дочерей.
- Но нас тогда уже не будет, – у Анны-Марии перехватило горло, – как бы я хотела оказаться в далеком, далеком времени! Когда люди станут великанами!
- Молчи! Ты помнишь фавна, что говорил он еще? «Эти нимфы...» Суженая моя, сестра моя, я породила тебя, но этого мало. Любовь к тебе делает мои мечты исполненными. Я ощущаю такую жажду вечности!
- Чего же ты хочешь?
- Увековечить нас. Я хочу тебя. Я люблю тебя! Слиться с тобой! Взгляни сюда: здесь вода, здесь камешки, водоросли и песок. А теперь посмотри на мое тело...
- О, как оно прекрасно, когда его трогают мои руки и мои губы.
- Делай с ними что хочешь.

В эту ночь Эммануэль покончила с девственностью юной итальянки.

Над крытым камышом домиком начинало сереть утро. Сквозь широко открытые окна первые лучи солнца окрасили темным золотом два сплетенных тела.

Спала ли Эммануэль? Она не знала этого. Она смотрела на солнце, встающее над предгорьями. Она смотрела на море. Ей так хотелось погрузиться в него сейчас, чтобы в его волнах почерпнуть растраченные силы.

Анна-Мария еще дремала и во сне улыбалась. Эммануэль осторожно высвободилась из ее объятий и крадучись вышла из комнаты. Она никого не увидела на террасе: только белые огромные кораллы тянули к ней свои причудливые щупальца. Сторожа уже не было: он ушел вместе с ночным мраком. Видел ли он обнаженные тела, прежде чем уйти? Не помешали ли его сну их страстные стоны?

На пляже Эммануэль потянулась, чтобы размять уставшее тело. Ее появление испугнуло бакланов и альбатросов, устроившихся здесь на ночлег. Мягкий песок ласкал ее подошвы. Она присела на корточки, мириады песчинок потекли между ее пальцами. Она снова выпрямилась,

глотнула воздух, повернулась лицом к волнам и, наконец, вошла в воду. Она стала черной точкой, то и дело появляющейся и исчезающей среди белогривых волн.

Три фигуры идут вдоль моря. Они идут неспешным прогулочным шагом, проходят мимо домика под камышовой крышей. Бросают взгляд на него: на террасе никого нет, а спящую Анну-Марию они видеть не могут. Это молодые, красивые, загорелые люди. Все трое – блондины с интеллигентными, энергичными лицами.

Это, несомненно, братья.

Они останавливаются, смотрят на море, о чем-то говорят между собой. Один из них пробует ступней воду, и все трое прыгают в море и плывут, пока не скрываются из глаз.

Но вот пловцы возвращаются. Теперь их четверо: трое мужчин и Эммануэль. Они догнали ее в море и обрадовались этой неожиданной встрече с незнакомкой. Они окружили ее, улыбались ей, спрашивали, кто она, откуда, давно ли здесь или она постоянная жительница этих мест, – словом, говорили все, что говорят молодые люди, когда хотят познакомиться с молодой женщиной. Эммануэль отвечала, и вскоре они знали о ней все, кроме одного: только тогда, когда все четверо оказались на мелководье, они увидели, что их новая знакомая купается нагишом. Они оживились еще больше, подошли к ней вплотную. Сначала один из них, потом все вместе. Они стали трогать ее грудь, бедра. Они говорили, что никогда еще не встречали такой прелестной девушки. И у нее нет любовника? И она не любит целоваться? И вот чья-то рука уже устраивается у нее между ногами, пальцы ощупывают ее, стараются раскрыть. Она бежит к берегу и почти возле самой террасы падает на песок. Преследователи догоняют ее, и она уже ощущает тяжелое тело одного из них возле себя, его губы ищут и находят ее губы. Она чувствует, как твердый, подобно окружающим бухту скалам жезл раздвигает ее бедра. Ей понятно его нетерпение, и она распаивается навстречу ему, покорно отдаваясь мощи его натиска. Она счастлива, она радуется тому, что ее победитель так настойчив, что он не интересуется, казалось бы, ее желаниями, без всякой подготовки, без предварительной игры, он попросту наваливается на нее. А другие ждут своей очереди.

Но нет! После первого неистового штурма он успокаивается, и в его движениях проступает что-то рафинированное: он ласкает ее умело и нежно.

И вдруг он сползает с нее, поворачивается на спину и привлекает ее на себя. Она понимает его намерения в то самое мгновение, когда руки второго начинают раздвигать ее ягодицы, и этот юноша неудержимо проникает в нее с другой стороны, в то время как первый по-прежнему остается в ней. И, несмотря на мгновенную боль, она, чувствуя на своих губах соль моря и жаркое дыхание мужчины, спрашивает себя: можно ли быть счастливее? Ах, как прекрасны эти двойные удары! Как ощущают ее живот и поясница вес этих двух мужчин. Кажется, вот-вот они прорвут тонкую перегородку и встретятся там, внутри, подобно двум счастливым друзьям!

Но этого мало: остается еще один вдох, еще одна гавань этого безбрежного тела свободна. Она поднимает голову, и третий мужчина становится обладателем ее широко раскрытых губ.

Схватчено! Все трое – туда, глубже, глубже, сильнее! Она празднует мистерию страсти, улыбается, поет, ликует. Ах, как хороши три ее героя! Их трое? Нет, это один ее любовник, один с тремя орудиями наслаждения, с тремя головами, с тремя парами рук, ласкающих ее тело.

И вот все четверо содрогаются в невероятных судорогах и замирают. Эммануэль освобождается и в один прыжок достигает террасы. Она откидывает бамбуковую занавеску и входит в комнату, где спит Анна-Мария.

Эммануэль опускается на колени, раздвигает обеими руками ноги своей возлюбленной. Она прижимает губы к вздрогнувшему лону и вдвухает туда весь жизненный сок, которым наполнен ее рот.